

ШПИОНСКИЙ ДЕТЕКТИВ: ЛУЧШЕЕ

Эрик Эмблер

ПУТЕШЕСТВИЕ
ВНУТРЬ СТРАХА
ГНЕВ

Эрик Эмблер

ПУТЕШЕСТВИЕ ВНУТРЬ СТРАХА

Глава I

Пароход «Сестри-Леванте» возвышался над пристанью. На маленькую навесную палубу сыпал мокрым снегом ветер, дующий от Черного моря; турецкие докеры, набросив на плечи пустые мешки, все еще продолжали погрузку.

Грэхем проводил глазами стюарда, унесшего его чемодан в дверь с надписью «PASSEGGERI»,^[1] и обернулся посмотреть на людей, с которыми простился у сходней. На борт эти двое подниматься не стали: один из них был в полицейской форме и не хотел привлекать к Грэхему лишнего внимания. Сейчас они шли прочь — мимо подъемных кранов, к складам и воротам дока. Дойдя до первой постройки, оба разом оглянулись. Грэхем поднял левую руку; они помахали ему в ответ, затем двинулись дальше и вскоре скрылись из виду.

Несколько мгновений Грэхем стоял, дрожа и вглядываясь в туман, окутавший купола и шпили Стамбула. Сквозь грохот и скрежет лебедек долетал голос турецкого бригадира, который на ломаном итальянском что-то горестно кричал корабельному офицеру. Грэхем вспомнил, что ему велено сразу идти в каюту и оставаться там до отплытия, поэтому шагнул в дверь следом за стюардом.

Тот ждал на верхней ступеньке короткого трапа. Из девяти других пассажиров никого видно не было.

— Cinque, signore?^[2]

— Да.

— Da queste parte.^[3]

Грэхем спустился за ним.

Номер пять оказался небольшой одноместной каютой: койка, шкафчик для одежды, объединенный с умывальником, едва достаточно места для человека с чемоданом. Медную раму иллюминатора покрывал зеленый налет; сильно пахло краской.

1...Пассажиры (ит.). — Здесь и далее примеч. пер.

2...Номер пять, синьор? (ит.)

3...Сюда, пожалуйста (ит.).

Стюард задвинул чемодан под койку и протиснулся в коридор.

— Favorisca di darmi il suo biglietto ed il suo passaporto, signore. Li porterò al Commissario.^[4]

Грэхем передал ему билет и паспорт, затем жестами показал, что хочет открыть иллюминатор.

— Subito, signore,^[5] — ответил стюард и ушел.

Грэхем устало опустился на койку. Впервые за почти полные сутки он остался один и мог спокойно подумать. Осторожно вынув правую руку из кармана пальто, осмотрел бинты. Ныло нестерпимо; если так болит простое скользящее ранение, то спасибо судьбе, что пуля не попала по-настоящему.

Он окинул взглядом каюту, привыкая, что находится в ней, — как успел уже свыкнуться со многими странностями после того, как прошлой ночью возвратился в гостиницу в районе Пера. Он принимал все безоговорочно — и только чувствовал себя так, будто утратил нечто важное. Хотя на самом деле не потерял ничего, кроме полоски кожи и хряща с тыльной стороны правой ладони.

Он начал бояться смерти — в этом состояла главная и единственная перемена.

Про Грэхема говорили, что ему повезло в жизни. Хорошо оплачиваемая работа в крупной оружейной компании, уютный загородный дом в часе езды от офиса, милая и приятная жена. Не то чтобы он этого не заслуживал: он был — хоть с виду совсем и не скажешь — блестящим инженером, ценным работником, его часто посылали за границу. Тихий, славный малый, всегда готовый угостить вас виски. Конечно, близко с ним не сойдешься (трудно сказать, во что Грэхем играл хуже — в гольф или в бридж), но держался он со всеми дружелюбно. Не навязчиво: просто дружелюбно — как дорогой зубной врач, старающийся вас отвлечь. Если подумать, он и выглядел как дорогой зубной врач. Худощав, немного сутул; отличный костюм, приятная улыбка, волосы, тронутые сединой. И хотя трудно представить, что такую женщину, как Стефани, привлекло в нем что-то помимо высокого оклада, приходилось признать: ладили они прекрасно.

Грэхем и сам считал, что ему в жизни повезло. Отец, страдавший диабетом школьный учитель, умер, когда ему было семнадцать, оставив сыну в наследство легкий нрав, пять сотен фунтов страховки и ясный математический склад ума. Первое помогло ему терпеливо выносить опекуна, человека вздорного и строптивого, в торое — поступить в

4...Будьте добры, синьор, ваш билет и ваш паспорт. Я отнесу их комиссару (ит.).

5...Сейчас, синьор (ит.).

университет, третье — получить докторскую степень. Его диссертацию, касавшуюся проблем баллистики, опубликовал в сокращенном виде технический журнал, и к тридцати годам Грэхем уже заведовал экспериментальным отделом в солидной компании, слегка удивляясь, что ему платят так много за то, чем ему нравится заниматься. В тот же год он женился на Стефани.

Ему никогда не приходило в голову, что в отношениях с женой он чем-то отличается от любого мужчины, прожившего в браке десять лет. Он женился потому, что устал от меблированных комнат, и справедливо полагал, что Стефани вышла за него замуж в надежде сбежать от отца — нищего врача со скверным характером. Ему нравились ее красота, чувство юмора, умение управляться с прислугой и заводить друзей, а если порой ее друзья и утомляли Грэхема — он винил тут скорее себя. Она, в свою очередь, вполне мирилась с тем, что муж целиком поглощен работой, и не хотела ничего менять. Они жили в атмосфере добродушия, взаимной терпимости и полагали свой брак счастливым — настолько, насколько вообще разумно требовать от брака.

Война, грянувшая в сентябре 1939-го, не нарушила покоя их семьи. Предыдущие два года Грэхем точно знал, что война неизбежна, как закат солнца, — и, когда она началась, не испытал ни испуга, ни удивления. Он тщательно рассчитал, как перемены отразятся на его жизни, и уже к октябрю мог заключить, что расчет оказался верен: с войной ему только прибавилось работы — вот и все. Ни материальному, ни физическому благополучию ничто не грозило. Его ни при каких обстоятельствах не могли призвать на фронт. Вероятность того, что немецкий самолет сбросит бомбу рядом с его домом или офисом, была ничтожно мала. Когда спустя всего три недели после подписания англо-турецкого союза Грэхема отправили по делам компании в Турцию, он огорчился лишь, что придется провести Рождество вдали от дома.

Первую заграничную командировку Грэхем совершил в тридцать два года. Успех был полным. Начальство открыло, что вдобавок к техническим знаниям он обладает редким для своей профессии даром располагать к себе иностранных чиновников. В следующие годы регулярные поездки за границу стали привычной частью жизни. Грэхему это нравилось. Нравилось посещать чужие города и открывать для себя их своеобразие. Нравилось знакомиться с людьми разных национальностей и с начатками их языков. У него выработалось здоровое отвращение к слову «типичный».

К середине ноября он добрался на поезде из Парижа в Стамбул, из Стамбула сразу отправился в Измир, затем — в Галлиполи. К концу декабря закончил там работу, а первого января сел на поезд до Стамбула, чтобы оттуда ехать домой.

Последние шесть недель выдались напряженными. Работа оказалась трудной, к тому же приходилось обсуждать сложные технические вопросы через переводчика. Трагедия в Анатолии — ужасное землетрясение — опечалила Грэхема почти так же сильно, как и турок. Железнодорожное сообщение между Галлиполи и Стамбулом прерывалось из-за наводнений. Когда Грэхем наконец добрался до столицы, он чувствовал себя подавленным и утомленным.

На станции его встретил Копейкин, представитель компании в Турции.

Копейкин очутился в Стамбуле в 1924-м, вместе с шестьюдесятью пятью тысячами других русских беженцев. С тех пор он успел побывать карточным шулером, совладельцем борделя, поставщиком армейской одежды, прежде чем (лишь управляющему директору известно как) получил нынешнее доходное место. Грэхему он был по душе: толстенький живчик с оттопыренными ушами и неисчерпаемым запасом хитрости.

— Поездка та еще выдалась, да? — спросил Копейкин, увлеченно тряся руку Грэхема. — Жаль, жаль. Ну, рад вас видеть снова. Как поладили с Фетхи?^[6]

— По-моему, отлично. По вашему описанию я думал, что будет куда труднее.

— Любезный, вы недооцениваете свое обаяние. С Фетхи обычно нелегко. Но он нам важен. А теперь все пойдет как по маслу. Впрочем, о делах давайте поговорим за рюмкой. Я снял вам номер — номер с ванной, в «Адлер палас», как раньше. Сегодня вечером для вас прощальный ужин за мой счет.

— Благодарю.

— Полно, любезный. А потом сходим немного развеяться. Есть одно модное местечко — кабаре «Ле Жоке». Думаю, вам понравится. Там очень мило, и публика что надо — без всякого сброда. Это ваш багаж?

Грэхем приуныл. Он ожидал, что придется ужинать с Копейкиным, но пообещал себе уже в десять часов принять горячую ванну и улечься в постель с детективным романом. Меньше всего ему хотелось «развеиваться» в «Ле Жоке» или любом другом ночном заведении. Пока они шли за носильщиком к машине Копейкина, Грэхем произнес:

— Пожалуй, мне лучше сегодня лечь пораньше. Впереди четыре ночи в поезде.

— Наоборот, любезный, лучше припоздниться. Поезд отходит только в одиннадцать утра. Я взял вам билет в первый класс. Если устанете — можете спать всю дорогу до Парижа.

6...Фетхи, Али Окьяр (1880–1943) — турецкий дипломат, премьер-министр Турции в 1923 г., министр обороны в 1924–1925 гг.

За ужином в гостинице «Пера палас» Копейкин делился военными известиями. Коммунисты для него все еще оставались «грязными убийцами» Николая II, и Грэхем порядочно наслушался о победах финнов и поражениях русских. Немцы потопили еще несколько британских кораблей и потеряли еще несколько подводных лодок. Голландцы, датчане, шведы и норвежцы укрепляли оборону. Весна обещала быть кровавой. Затем разговор перешел на землетрясение.

В половине одиннадцатого Копейкин объявил, что пора отправляться в «Ле Жоке». Кабаре располагалось в районе Бейоглу, возле Гран-Рю-де-Пера, на улочке с домами французской архитектуры двадцатых годов. Взяв Грэхема за руку, Копейкин увлек его внутрь.

— Тут мило. Владелец, Сергей, мой друг и не станет пытаться нас надуть. Я вас познакомлю.

Для человека своих занятий Грэхем имел весьма обширные познания в ночной жизни городов. По каким-то неведомым причинам иностранные хозяева считали, что единственный подходящий способ развлечь английского инженера — водить его по злачным местам. Ему показывали подобные заведения в Мадриде и Буэнос-Айресе, в Бухаресте и Вальпараисо, в Риме и Мехико — и все они оказывались на одно лицо. Грэхем мог вспомнить людей — деловых партнеров, с которыми просиживал до утра, распивая чересчур дорогие напитки, но сами места сливались в единую картину. Подвальная комната, полная табачного дыма, в одном конце возвышение для музыкантов, в другом — стойка бара, где выпивка якобы стоила дешевле, столики, место для танцев.

Ничего другого от «Ле Жоке» он не ждал. Ничего другого и не увидел.

Росписи на стенах, казалось, прониклись духом улицы снаружи: огромные футуристические рисунки изображали небоскребы в невероятных ракурсах, чернокожих саксофонистов, зеленые всевидящие глаза, телефоны, маски с острова Пасхи и бледноволосых существ неопределенного пола, курящих сигареты в длинных мундштуках. Было шумно и людно. Сергей — русский с жесткими седыми волосами и острыми чертами лица — приветствовал их и усадил за столик возле площадки для танцев. Копейкин заказал бутылку бренди.

Оркестр кончил натужно выводить американский танцевальный мотив и заиграл румбу — с несколько бóльшим успехом.

— Здесь весело, — сказал Копейкин. — Не хотите потанцевать? Девушек сколько угодно. Выбирайте, какая приглянется, — и я поговорю с Сергеем.

— Не надо. Полагаю, мне все же не стоит здесь задерживаться.

— Да бросьте вы думать о поездке. Глотните еще бренди — сразу полегчает. — Он встал. — Я сейчас пойду танцевать и подыщу вам кого-нибудь.

Грэхему стало стыдно. Надо было проявить больше энтузиазма: в конце концов, Копейкин вел себя необыкновенно гостеприимно. Вряд ли так уж приятно развлекать усталого с дороги англичанина, только и думающего, как бы отправиться спать.

Грэхем решительно выпил еще бренди. В кабаре заходили новые посетители; Сергей радушно встречал каждого, а едва тот отворачивался, незаметно делал знаки официанту — неприятное мелкое напоминание, что кабаре «Ле Жоке» существует не для удовольствия гостей, а для извлечения денег.

Повернув голову, Грэхем увидел, что Копейкин танцует со стройной смуглокожей девушкой. Она постоянно улыбалась, показывая большие зубы; вечернее платье из красного атласа болталось на ней, будто сшитое на фигуру покрупнее. Копейкин не давал ей прижиматься к себе и все время что-то говорил; несмотря на полноту, он — единственный из танцующих — держался естественно и непринужденно. Бывший владелец борделя, он чувствовал себя сейчас в своей тарелке.

Когда музыка стихла, Копейкин подвел девушку к столику.

— Это Мария, — представил он ее. — Арабка. А ведь не скажешь по ней, верно?

— Верно.

— Она немного болтает по-французски.

— Enchanté, Mademoiselle.^[7]

— Месье. — Голос прозвучал неожиданно хрипло, но улыбалась она открыто и приветливо.

— Бедное дитя! — промолвил Копейкин тоном гувернантки, которая надеялась, что ее подопечный не осрамится перед гостями. — Только что оправилась от болезни горла. Но она очень милая и воспитанная. Assieds-toi,^[8] Мария.

Она уселась рядом с Грэхемом:

— Je prends du champagne.^[9]

— Oui, oui, mon enfant. Plus tard,^[10] — неопределенно отвечал Копейкин. — Она получит добавочную плату, если мы закажем шампанское, — заметил он Грэхему и налил Марии немного бренди.

7...Рад познакомиться, мадемуазель (фр.).

8...Сядь (фр.).

9...Я буду пить шампанское (фр.).

10...Да-да дитя мое. Потом (фр.).

Та без возражений подняла бокал к губам и сказала:

— Skal.^[11]

— Думает, вы швед, — объяснил Копейкин.

— Почему?

— Она любит шведов, вот я и представил вас как шведа. — Копейкин усмехнулся. — Так что не говорите, будто турецкий представитель ничего не делает для компании.

Снова заиграла музыка. Мария, слушавшая их с непонимающей улыбкой, спросила у Грэхема, не хочет ли он потанцевать.

Танцевала она недурно — он даже почувствовал, что и сам хорошо танцует, поэтому слегка повеселел и пригласил ее второй раз. Теперь она крепко прижималась к Грэхему. Из-под красного атласа на плече выбилась грязная лямка; аромат духов не заглушал запаха разгоряченного тела. Мария начинала надоедать.

Она завязала разговор. Знаком ли Грэхем со Стамбулом? Бывал ли здесь раньше? А в Париже? А в Лондоне? Ему повезло. Она там никогда не бывала. Но хотела бы. И в Стокгольме тоже. Много ли у него друзей в Стамбуле? Она спрашивает, потому что господин, который зашел следом за ним и его другом, кажется, знает Грэхема. Все время на него смотрит.

Размышляя, скоро ли удастся уйти, Грэхем вдруг понял, что она ждет ответа.

— Кто все время смотрит? — отозвался он, зацепившись за последнюю реплику.

— Отсюда не видно. Господин за стойкой бара.

— Он, конечно, глядит на вас. — Ничего другого на ум не пришло.

Но Мария казалась серьезной:

— Нет, месье. На вас. Тот, у которого в руке платок.

Танцуя, они достигли места, откуда был виден бар. Человек сидел на стуле; перед ним стоял стакан вермута.

Это был низкорослый тощий человек с глупым лицом — костлявым, скуластым, с большими ноздрями и толстыми губами, сжатыми так плотно, будто у него болели десны или он изо всех сил старался побороть гнев. Из-за бледности кожи маленькие, глубоко посаженные глаза и жидкие курчавые волосы выглядели особенно темными. На нем были мятый коричневый костюм с подложенными плечами, мягкая сорочка почти без воротника и новый серый галстук.

Пока Грэхем смотрел на незнакомца, тот провел носовым платком над верхней губой, словно стирая проступивший пот.

11...Ваше здоровье (*швед.*).

— По-моему, сейчас он на меня не смотрит. К тому же, боюсь, я его не знаю.

— Я так и думала, месье, просто хотела проверить. — Мария локтем прижала руку Грэхема к себе. — Я тоже его не знаю. Зато я знаю таких, как он. Вы иностранец, месье, и у вас, наверно, есть деньги в кармане. Стамбул — не Стокгольм: когда такие, как этот, поглядят на тебя больше одного раза — лучше остеречься. Вы сильный, но против ножа в спину сила не поможет.

Ее серьезность производила комическое впечатление. Грэхем рассмеялся, однако снова бросил взгляд на человека за стойкой. Тот потягивал вермут. Совершенно безобидный тип. Очевидно, Мария пыталась таким довольно неуклюжим способом показать свои добрые намерения.

— Думаю, мне не стоит о нем беспокоиться.

— Может, и нет, месье. — Она отпустила его руку, очевидно, потеряв интерес к теме. Музыка смолкла, и они вернулись за столик.

— Здорово танцует, а? — спросил Копейкин.

— Здорово.

Мария улыбнулась им, села и быстро допила свой бренди — точно мучилась жаждой.

— Нас трое. — Она для ясности показала на каждого пальцем. — Хотите, я приведу подругу, чтобы выпила с нами? Она симпатичная. Она моя лучшая подруга.

— Может, потом, — ответил Копейкин и налил ей еще.

Раздался звучный аккорд, и свет в зале погас. На полу перед помостом для музыкантов задрожал луч прожектора.

— Сейчас будут номера, — шепнула Мария. — Очень интересные.

В круге света появился Сергей и произнес по-турецки длинную речь, затем махнул рукой в сторону двери у помоста. Оттуда немедленно выскочили двое смуглых юношей в голубых пиджаках и принялись отбивать энергичную чечетку. Вскоре они уже тяжело дышали от натуги, волосы растрепались; хлопали им вяло. Потом они нацепили фальшивые бороды и, изображая стариков, выполнили несколько акробатических трюков. Зрители снова не выразили особого восторга. Истекая потом, юноши удалились — как показалось Грэхему, с досадой.

Следом появилась длинноногая темнокожая красавица — «женщина-змея». Позы, которые она принимала, отличались откровенной непристойностью и вызвали взрывы хохота. Закончив, она в ответ на одобрительные крики зала исполнила еще и танец с живой змеей — с

меньшим успехом, потому что змея, извлеченная из позолоченного плетеного ящика с такой осторожностью, словно была гигантской анакондой, оказалась на поверку маленьким и довольно старым питоном, то и дело засыпавшим на руках у хозяйки. Уложив его обратно в ящик, она приняла еще несколько гимнастических поз и скрылась.

Владелец кабаре вышел опять и сделал объявление, которое встретили аплодисментами.

— Теперь выйдет Жозетта со своим партнером Хозе, — прошептала Мария на ухо Грэхему. — Танцовщики из Парижа, очень популярные. Сегодня выступают здесь в последний раз.

Круг света, сделавшись розовым, переместился ко входной двери. Прогремела барабанная дробь, оркестр заиграл «Голубой Дунай», и танцоры заскользили по полу.

Уставшему Грэхему их танец виделся такой же частью привычной рутины, как и барная стойка, и помост с музыкантами: нечто призванное оправдать завышенную цену напитков, демонстрация того, как при помощи законов механики маленький, болезненного вида мужчина с повязанным вокруг талии широким кушаком способен управляться со стодесятифунтовой женщиной, точно с ребенком. Жозетта и ее партнер выделялись лишь тем, что, хотя танцевали хуже обычного, умели произвести эффект.

Она была худой и высокой; великолепные руки и плечи, каскад блестящих светлых волос. Тяжелые веки и пухлые губы, застывшие в театральной полуулыбке, странно контрастировали с быстротой и четкостью движений. Грэхем чувствовал, что перед ним не прирожденная танцовщица, но просто женщина, научившаяся танцевать — танцевать томно и чувственно, гордясь своим молодым телом, длинными ногами и мускулами, скрытыми за плавными линиями бедер и живота. И хотя сам танец не представлял ничего выдающегося, зрелище все же получалось яркое, несмотря на ее партнера.

Это был смуглый мужчина с гладким землистым озабоченным лицом и неприятной привычкой при напряжении упирать язык в щеку. Танцевал он неуклюже; делая поддержку, неуверенно двигал пальцами, ища, где ухватиться, чтобы не потерять равновесие.

Но зрители на него не глядели и по окончании танца шумно вызвали пару на бис. Те сплясали снова. Грянул финальный аккорд, мадемуазель Жозетта поклонилась и приняла от Сергея букет цветов. Она выходила еще несколько раз, кланяясь и посылая воздушные поцелуи.

— Прелесть, правда? — сказал Копейкин по-английски, когда в зале зажегся свет. — Я же обещал, что вам здесь понравится.

— Да, хороша. А вот милый ее — молью траченный.

— Хозе? У него дела неплохи. Хотите, приглашу ее выпить с нами?

— Очень. Но это же, наверно, будет дорого?

— Боже мой! Нет. Ей за такое не платят.

— А она придет?

— Обязательно. Я ее знаю — хозяин нас знакомил. Думаю, она вам придется по вкусу. Арабка глуповата. Жозетта, конечно, тоже не блещет умом, но по-своему обворожительна. Если бы не горький опыт молодости — я бы и сам за ней приударил.

Копейкин отошел. Мария поглядела ему вслед и, помолчав, произнесла:

— Ваш друг, он такой добрый.

— Добрый, — кивнул Грэхем, не совсем понимая, что это было — утверждение, вопрос или слабая попытка поддержать беседу.

Мария улыбнулась:

— Он близко знает хозяина. Если захотите, попросит, чтобы Сергей отпустил меня сегодня пораньше.

— Боюсь, мне надо еще уложить вещи и поспеть на утренний поезд. — Грэхем постарался изобразить сожаление.

— Ладно, не важно. — Она снова улыбнулась. — Просто шведы мне особенно нравятся. Можно еще бренди, месье?

— Конечно.

Он опять наполнил ее бокал. Она отпила половину и спросила:

— Вам нравится мадемуазель Жозетта?

— Она замечательно танцует.

— Она очень симпатичная. Это потому, что популярная. Когда кто-то популярный — сразу кажется симпатичным. Вот Хозе никому не нравится. Он испанец из Марокко. Страшно ревнивый — они все такие. Не понимаю, как она его терпит.

— Вы же говорили, они — парижане.

— Выступали в Париже. А вообще-то она из Венгрии. Знает разные языки. Немецкий, испанский, английский. Но шведский, по-моему, нет. У нее было много богатых мужчин. — Мария помолчала еще. — Вы коммерсант, месье?

— Инженер. — Он с удивлением осознал, что Мария вовсе не так глупа, как казалось, и что она прекрасно понимает, почему Копейкин их оставил. Грэхему явно намекнули, что мадемуазель Жозетта потребует больших расходов, что с ней будет непросто и что придется иметь дело с ревнивым испанцем.

Мария допила бренди и задумчиво поглядела в сторону бара.

— Кажется, моя подруга там скучает. — Она повернула голову и посмотрела прямо на Грэхема. — Дадите мне сто пиастров, месье?

— Зачем?

— На чай, месье. — Она улыбнулась, но уже не столь искренне и открыто.

Он протянул ей банкноту. Мария положила деньги в сумочку и встала.

— Извините, пожалуйста. Я пойду к подруге. Если захотите — вернусь.

Красное платье исчезло в толпе возле барной стойки. Почти сразу возвратился Копейкин.

— А где арабка?

— Ушла к лучшей подруге. Я дал ей сто пиастров.

— Сотню? Пятьдесят хватило бы за глаза. Впрочем, не важно. Жозетта приглашает нас выпить в ее примерной. Завтра она уезжает из Стамбула и не хочет показываться в зале — придется здесь со всеми разговаривать, а она еще не упаковала вещи.

— Мы не помешаем?

— Любезный, она горит желанием с вами познакомиться. Заметила вас, когда танцевала; я сказал, что вы англичанин, и ее это очень обрадовало. Выпивку можно оставить здесь.

Примерная мадемуазель Жозетты оказалась закутком восемь на восемь футов, отделенным от кабинета владельца коричневой портьерой. Три другие стены покрывали выцветшие розовые в синюю полоску обои с жирными пятнами там, где к ним часто прислонялись. Из мебели имелись два деревянных стула и два шатких туалетных столика, уставленных баночками крема вперемежку с грязными косметическими салфетками. В затхлом воздухе мешались запахи сигаретного дыма, пудры и влажной обивки.

— Entrez,^[12] — буркнул Хозе, и они вошли. Тот встал из-за столика и, стирая с лица грим, вышел, не удостоив их взглядом. Копейкин отчего-то подмигнул Грэхему.

Жозетта сидела на стуле, наклонившись вперед и сосредоточенно водя по брови мокрым ватным тампоном. Она уже сняла сценический костюм и накинула вместо него розовый халат. Волосы свободно струились вокруг головы; они и вправду были великолепны.

Жозетта заговорила по-английски — медленно, старательно произнося слова и разделяя их движениями тампона:

— Простите, пожалуйста. Эта паршивая тушь, она... Merde!^[13]

12...Входите (*фр.*).

13...Дерьмо! (*фр.*)

Она в нетерпении отбросила тампон, резко встала и повернулась к гостям.

В жестком свете лампочки над головой Жозетта казалась немного ниже, чем во время танца, и слегка осунувшейся. Грэхем, припомнив пышущую здоровьем Стефани, подумал, что лет через десять Жозетта будет довольно невзрачной. Он имел привычку сравнивать других женщин с женой — это помогало скрыть от себя, что другие женщины его все еще интересуют. Но Жозетта была особенной. Что с ней станет через десять лет, его не слишком занимало; сейчас перед ним стояла, наполняя комнату спокойной жизненной энергией, привлекательная, превосходно владеющая собой женщина с мягкой улыбкой и большими голубыми глазами.

— Дорогая Жозетта, это Грэхем, — представил его Копейкин.

— Ваш танец мне очень понравился, мадемуазель.

— Копейкин мне уже передал. — Она пожала плечами. — Думаю, танцевать можно и получше, но все-таки спасибо, что хвалите. Зря говорят, что англичане невежливы. — Она обвела комнатку рукой. — Хоть и не слишком приятно приглашать вас сесть в такой грязи — пожалуйста, устраивайтесь поудобнее. Копейкин пусть сядет на второй стул, а вы отодвиньте вещи Хозе и садитесь на угол стола. Жаль, что мы не можем посидеть снаружи — там слишком много тех, кто готов поднять бучу, если не позволишь им угостить себя шампанским. А шампанское тут паршивое. Не хочется покидать Стамбул с головной болью. Вы здесь надолго, мистер Грэхем?

— Тоже уезжаю завтра.

Жозетта забавляла его своим позерством. В течение минуты она успела побывать великой актрисой, принимающей богатых посетителей, обходительной светской дамой, разочарованным гением танца. Каждый жест, каждая интонация точно рассчитаны — будто она до сих пор танцевала.

Теперь Жозетта перевоплотилась в знатока текущих событий:

— Кошмар с этими путешествиями. А вы к тому же едете обратно к вашей войне. Ужасно. Эти паршивые нацисты... Жаль, что люди постоянно воюют. А не войны — так землетрясения. Все равно люди гибнут. Это так плохо для бизнеса... Меня не привлекает смерть. Вот Копейкина, кажется, привлекает — должно быть потому, что он русский.

— Мне нет дела до смерти, — возразил Копейкин. — Все, что меня заботит, — принесет ли официант напитки, которые я заказал. Не желаете сигарету?

— Да, благодарю. Официанты тут паршивые. В Лондоне наверняка есть места получше.

— Там официанты тоже не ахти. Полагаю, они везде такие. Но разве вы не бывали в Лондоне? Ваш английский...

Улыбка Жозетты сгладила бестактность Грэхема, о размерах которой он и не подозревал; с тем же успехом можно было спросить, кто оплачивал ее счета.

— Научилась от одного американца в Италии. Мне очень нравятся американцы. С такой деловой хваткой — и притом щедрые и искренние. По-моему, это самое главное: быть искренним. Как вам маленькая Мария, мистер Грэхем?

— Она неплохо танцует. И похоже, восхищается вами. Говорит, что вы пользуетесь популярностью. Так оно, конечно, и есть.

— Популярностью? Здесь? — Жозетта вскинула брови; перед Грэхемом снова предстал разочарованный гений танца. — Надеюсь, вы дали ей хорошие чаевые.

— Переплатил вдвое, — вставил Копейкин. — А, вот и выпивка!

Они немного поговорили о людях, которых Грэхем не знал, и о войне. Он заметил, что за позерством Жозетты скрывался острый и гибкий ум. Интересно, не пожалел ли потом американец из Италии о своей «искренности».

Вскоре Копейкин поднял стакан.

— Я пью за два ваших путешествия! — провозгласил он и тут же внезапно опустил стакан. — Нет, это нелепо. Не лежит у меня душа к такому тосту. Ведь так жаль, что путешествий будет два. Вы же оба направляетесь в Париж. И оба — мои друзья, так что у вас, — он похлопал себя по животу, — много общего.

Грэхем улыбнулся, стараясь скрыть удивление. Жозетта, безусловно, выглядела привлекательно, и сидеть рядом с ней, как сейчас, было приятно, но мысль о продолжении знакомства до сих пор не приходила ему в голову. Он смутился. Жозетта весело глядела на Грэхема, и у него появилось неловкое чувство, будто она знает, о чем он думает.

— Я и сам собирался это предложить, — сказал он, постаравшись сделать хорошую мину при плохой игре. — Зря вы меня опередили, Копейкин. Теперь мадемуазель станет думать, что я не столь искренен, как американец. — Он улыбнулся ей. — Я уезжаю поездом в одиннадцать утра.

— Первым классом?

— Да.

Она потушила сигарету.

— Тогда есть целых две причины, почему нам не удастся ехать вместе. Во-первых, я не еду этим поездом и, во-вторых, путешествую всегда вторым классом. Наверное, оно и к лучшему. Хозе захотел бы всю дорогу играть с вами в карты, и вы бы разорились.

Она, без сомнений, ждала, что они допьют напитки и уйдут. Грэхем почему-то ощутил разочарование. Ему не хотелось уходить. Кроме того, он знал, что вел себя неловко.

— Возможно, мы встретимся в Париже.

— Возможно. — Она встала и сердечно улыбнулась ему. — Я остановлюсь в «Отель де Бельж» возле Святой Троицы — если он все еще открыт. Надеюсь увидеться с вами снова. Копейкин рассказывал, что вы весьма известный инженер.

— Копейкин преувеличивает — как он преувеличивал, когда говорил, что нам стоит приходить сюда и отвлекать вас с партнером от сборов в дорогу. Приятного путешествия.

— Рада была познакомиться. Спасибо, Копейкин, что привели мистера Грэхема.

— Он сам это предложил, — ответил Копейкин. — До свидания, дорогая Жозетта, и bon voyage.^[14] Мы бы и счастливы задержаться, но уже поздно, а мистеру Грэхему непременно надо выспаться. Если б я позволил — он остался бы здесь и говорил, пока не опоздал на поезд.

Жозетта засмеялась:

— Вы очень милы, Копейкин. Когда в следующий раз приеду в Стамбул, непременно вам сообщу. Au'voir, мистер Грэхем, и bon voyage. — Она протянула руку.

— «Отель де Бельж» возле Троицы, — отозвался Грэхем. — Я буду помнить. — Он говорил почти правду: в те десять минут, когда такси повезет его от Восточного вокзала к вокзалу Сен-Лазар, он скорее всего вспомнит.

Она мягко сжала его пальцы.

— Не сомневаюсь. Au'voir, Копейкин.

— Знаете, любезный, — заметил Копейкин, пока они ждали счет, — я в вас слегка разочарован. Вы произвели прекрасное впечатление. Она была ваша. Вам оставалось только спросить, когда отходит ее поезд.

— А я уверен, что не произвел никакого впечатления. Честно говоря, она меня смутила. Не понимаю женщин такого сорта.

— Женщинам такого сорта, как вы их зовете, как раз и нравятся мужчины, которые смущаются. Робели вы очаровательно.

14...Счастливого пути (фр.).

— Боже! Но я ведь сказал, что навещу ее в Париже.

— Любезный, она отлично понимает, что вы не собираетесь навещать ее в Париже. Жаль, жаль. Такую, как она, не часто встретишь. Вам повезло — а вы упустили удачу.

— Господи, Копейкин, вы забываете, что я женат.

Копейкин всплеснул руками:

— Ох уж эти английские предрассудки! Спорить бесполезно — остается только изумляться. — Он глубоко вздохнул. — А вот и счет.

На пути к выходу им улыбнулась Мария, сидевшая у бара со своей лучшей подругой — угрюмой турчанкой. Человек в мятом коричневом костюме исчез.

На улице было холодно. В телефонных проводах выл ветер. В три часа ночи город Сулеймана Великого напоминал железнодорожную станцию после того, как отошел последний поезд.

— Будет снег, — произнес Копейкин. — Ваша гостиница неподалеку. Если не возражаете, пройдемся пешком. Лучше бы вам разминуться со снегопадом. В прошлом году Восточный экспресс задержался из-за снега на три дня.

— Я захвачу бутылку бренди.

Копейкин хмыкнул:

— Не завидую я вам. Старею, наверное. К тому же путешествовать в такое время...

— Я хороший путешественник. Не так-то легко впадаю в скуку.

— Я не о скуке. В военное время столько всего может случиться.

— Пожалуй, так.

Копейкин застегнул воротник пальто.

— Вот вам всего один пример. В предыдущую войну мой друг, австриец, возвращался в Берлин из Цюриха, куда ездил по делам. Рядом с ним в поезде сидел человек, назвавшийся швейцарцем из Лугано. Они разговорились. Швейцарец рассказал моему другу про свою жену и детей, дом и бизнес. Очень приятный был человек. Но когда они пересекали границу, поезд остановился на маленькой станции, зашли солдаты и полицейские и арестовали швейцарца. Моему другу тоже пришлось сойти — раз он беседовал со швейцарцем. Мой друг не беспокоился; он был добропорядочным австрийцем, все бумаги имел в полном порядке. Но человек из Лугано перепугался, побледнел и плакал как ребенок. Потом моему другу сказали, что никакой это был не швейцарец, а итальянский шпион и что его приговорили к расстрелу. И мой друг сильно расстроился. Видите ли, всегда чувствуется, когда кто-

нибудь говорит о чем-то любимом; все, что тот человек рассказывал о жене и детях, было правдой, кроме одного: они жили не в Швейцарии, а в Италии. Война, — мрачно прибавил Копейкин, — гадкая штука.

— Действительно. — Они остановились подле гостиницы «Адлер палас». — Не зайдете пропустить рюмку?

Копейкин покачал головой:

— Спасибо, что приглашаете, но вам надо поспать. Я и так виню себя, что задержал вас допоздна. Хотя вечер с вами мне понравился.

— Мне тоже. Благодарю вас.

— Полно. Сейчас не прощаемся: с утра я отвезу вас на вокзал. К десяти будете готовы?

— Легко.

— Тогда спокойной ночи, любезный.

— Спокойной ночи, Копейкин.

Грэхем вошел в гостиницу, остановился в вестибюле у столика ночного портье, взял ключ и попросил разбудить себя в восемь часов. Потом, поскольку лифт ночью не работал, устало взобрался по ступенькам на третий этаж.

Его комната была в конце коридора. Грэхем вставил ключ в замок, повернул, открыл дверь и начал шарить правой рукой по стене, отыскивая выключатель.

В следующую секунду в темноте полыхнуло, оглушительно грохнуло. Кусок штукатурки, отскочив от стены, ударил в щеку. Прежде чем Грэхем успел опомниться, снова вспыхнуло пламя и раздался грохот; к ладони вдруг словно прижали добела раскаленный брусок железа. Грэхем закричал от боли и ввалился из освещенного коридора в темную комнату. Еще один выстрел раздробил штукатурку за спиной.

Тишина. Грэхем, скорчившись, опирался на стену возле кровати. В ушах звенело. Он смутно осознавал, что окно открыто и там кто-то двигается. Рука онемела, но чувствовалось, как между пальцами стекает струйка крови.

Грэхем замер. В висках стучало. Пахло пороховым дымом. Когда глаза привыкли к темноте, стало видно, что грабитель — или кто это там был — ушел через окно.

Грэхем помнил, что рядом с кроватью есть еще один выключатель. Ощупывая стену левой рукой, наткнулся на телефон; плохо соображая, что делает, снял трубку и услышал щелчок — ночной портье подключился к линии.

— Комната тридцать шесть. — Грэхем сам удивился, что кричит. — Случилось несчастье. Нужна помощь.

Он бросил трубку, ощупью доковылял до ванной и зажег там свет. Из раны на тыльной стороне ладони лилась кровь. Сквозь волны дурноты, поднимавшиеся из живота, Грэхем слышал хлопанье дверей и взволнованные голоса в коридоре. Кто-то заколотил в дверь.

Глава II

Докеры окончили погрузку и теперь задраивали отсеки. Одна лебедка продолжала работать, задвигая на место стальные бимсы, — когда они гулко входили в гнезда, переборка, к которой прислонился Грэхем, дрожала.

На судно поднялся второй пассажир; стюард проводил его в каюту дальше по коридору. Пришедший говорил по-итальянски с запинкой, голос его звучал низко и раскатисто.

Грэхем встал, незабинтованной рукой выудил из кармана сигарету. Каюты начинала угнетать. Он посмотрел на часы — до отплытия оставалось не меньше часа. Жаль, что он не попросил Копейкина подняться с ним на борт. Грэхем попытался думать о жене, представить, как она пьет чай с подругами, но перед внутренним взором будто установили стереоскоп, который одну за одной показывал другие картины, безвозвратно отделявшие Грэхема от прежней жизни. Копейкин, «Ле Жоке», Мария, человек в мятом костюме, Жозетта и ее партнер, вспышки пламени во мраке, бледные, испуганные лица в коридоре гостиницы. Тогда Грэхем еще не знал того, о чем услышал потом, во время морозного рассвета. Тогда все выглядело по-иному: неприятно, конечно, но сносно. Теперь он чувствовал себя так, будто узнал, что болен ужасной, смертельной болезнью; он словно стал частью другого мира — пугающего и непонятного.

Грэхем поднес спичку к сигарете; руки тряслись. Надо поспать.

Когда там, в гостинице, волны дурноты улеглись, он стоял в ванной, дрожа и прислушиваясь; через пелену, ватным одеялом окутавшую мозг, начали пробиваться звуки. Откуда-то издалека доносился глухой неравномерный стук. Грэхем понял, что в дверь до сих пор колотят.

Обернув руку полотенцем, он вышел из ванной и включил свет. Стук прекратился, звякнул металл: кто-то доставал ключ. Дверь распахнулась.

Первым в номер, моргая и неуверенно озираясь, вошел ночной портье. За ним в коридоре теснились постояльцы из соседних номеров;

сейчас они подались назад — боясь увидеть то, что надеялись увидеть. Мимо портье прошмыгнул невысокий смуглокожий мужчина в красном халате поверх синей полосатой пижамы; Грэхем узнал человека, который показывал ему вчера комнату.

— Мы слышали выстрелы, — начал по-французски мужчина в халате, увидел руку Грэхема и побелел. — Я... Вы ранены?... Вас...

Грэхем уселся на кровать.

— Не всерьез. Пошлите за врачом, чтобы забинтовал мне руку, и я расскажу, что случилось. Но сперва... Тот, кто стрелял, вышел через окно. Можно попробовать его схватить. Что под окном?

— Но... — Мужчина осекся, взял себя в руки и, обернувшись к портье, произнес что-то по-турецки. Портье вышел и захлопнул дверь. Снаружи слышались возбужденные голоса.

— Затем, — сказал Грэхем, — надо позвать управляющего.

— Уже позвали, месье. Я его помощник. Что произошло? Ваша рука, месье... Доктор явится с минуты на минуту.

— Отлично. Случилось вот что. Я провел вечер с приятелем. Возвратился несколько минут назад. Когда открыл дверь — кто-то, стоявший в окне, трижды в меня выстрелил. Вторая пуля задела руку, остальные две попали в стену. Я слышал его движения, но не видел лица. Скорее всего это был вор, а я, неожиданно вернувшись, его вспугнул.

— Безобразие! — воскликнул помощник управляющего. Выражение его лица изменилось. — Вор! Что-нибудь пропало, месье?

— Не проверял. Мой чемодан вон там. Я его запираю.

Помощник управляющего торопливо пересек комнату и опустился на колени перед чемоданом.

— Все еще заперт, — вздохнул он с облегчением.

Грэхем порылся в кармане:

— Вот ключи. Откройте.

Мужчина повиновался. Грэхем оглядел содержимое чемодана.

— Все в целости.

— Какое счастье! — Помощник управляющего на миг задумался, что-то поспешно соображая. — Вы говорите, месье, рана не серьезная?

— Похоже, нет.

— Это очень утешает. Когда раздались выстрелы, месье, мы перепугались — не знали, что и думать. Можете себе представить... Впрочем, и так вышла довольно скверная история. — Он подошел к окну и выглянул. — Мерзавец! Должно быть, сбежал через сад. Искать бесполезно. — Он горестно пожал плечами. — Ничего не поделаешь: грабитель исчез. Полагаю, месье, не нужно объяснять, как глубоко мы

сожалею, что с вами в «Адлер палас» стряслось подобное происшествие. Такого у нас еще не водилось. — Он снова поразмыслил и быстро продолжал: — Разумеется, мы всеми силами постараемся загладить ущерб. Я велел портье после того, как позвонит доктору, принести вам виски. Английского виски, из нашего особого запаса. По счастью, ничего не украдено. Мы, естественно, не могли предвидеть данного инцидента, но проследим, чтобы вы получили надлежащую медицинскую помощь. И конечно, не может быть и речи о плате за постой. Однако...

— Однако обращаться в полицию и впутывать гостиницу вы не хотите. Так?

Помощник управляющего нервно улыбнулся.

— Не будет никакого толку, месье. Полиция только станет задавать вопросы и причинит всем неудобства. — Тут его осенило. — Всем, месье, — настойчиво повторил он. — Вы же деловой человек. Вы собирались покинуть Стамбул утром. А если позвать полицию — непременно выйдет задержка. И ради чего?

— Они могут поймать того, кто в меня стрелял.

— Но как, месье? Вы же не видели его лица. Не сможете его опознать. У вас не украдено ни одной вещи, по которой его можно выследить.

Грэхем неуверенно спросил:

— А как насчет доктора? Что, если он сообщит в полицию о пулевом ранении?

— Доктор, месье, получит за услуги щедрое вознаграждение от администрации.

В дверь постучали; вошел портье, поставил на стол виски, содовую, стаканы и что-то сказал помощнику управляющего. Тот кивнул и жестом велел портье удалиться.

— Месье, доктор уже в пути.

— Прекрасно. Нет, виски я не буду. Выпейте сами — вам, по-моему, не помешает. Я бы хотел сделать звонок. Передайте, пожалуйста, портье, чтобы соединил с «Кристал апартментс» на Рю-д'Итали. Номер, если не ошибаюсь, сорок четыре девятьсот семь. Я хочу поговорить с месье Копейкиным.

— Конечно, месье. Все, что пожелаете.

Он вышел за дверь и позвал портье; последовал еще один непонятный обмен репликами. Вернувшись, помощник управляющего обильно угостился виски.

— Думаю, месье, — проговорил он, возвращаясь к своим обязанностям, — вы правильно сделали, что не стали звать полицию. Ничего не пропало, рана у вас легкая. Нет повода беспокоиться. Сами видите, полиция тут ни к чему.

— Я пока не решил, как поступлю, — отрезал Грэхем. Голова раскалывалась, рука начинала распухать. Помощник управляющего уже успел надоесть.

Раздался телефонный звонок. Грэхем подвинулся на кровати и снял трубку:

— Это вы, Копейкин?

Послышалось удивленное хмыканье.

— Грэхем? Что такое? Я только пришел. Где вы?

— На кровати в своем номере. Случилась глупая вещь: когда я вернулся, застал в комнате вора. Он стрелял по мне наугад — и сбежал через окно. Одна из пуль попала в руку.

— Господи Боже! Вы сильно ранены?

— Нет. Только срезало кусок мяса с тыльной стороны правой ладони. Но чувствую себя не очень. Испытал сильный шок.

— Любезный... пожалуйста, опишите мне в точности, что произошло. Грэхем описал.

— Чемодан был заперт, — закончил он, — и ничего не пропало; приди я на минуту позже — наверное, вышло бы по-другому. Но возникли осложнения. Шум поднял на ноги полгостиницы — вплоть до помощника управляющего, который сейчас стоит рядом и пьет виски. Они послали за доктором, чтобы наложил бинты, однако больше ничего делать не стали и поймать грабителя не пытались. Вероятно, у них бы и не получилось, но они могли бы по крайней мере разглядеть его; мне это не удалось. Говорят, он сбежал через сад. В общем, они не намерены вызывать полицию, если я не начну скандалить и не потребую. Им, ясное дело, не хочется портить репутацию гостиницы. Мне дали понять, что если подам заявление в полицию — опоздаю на одиннадцатичасовой поезд. Скорее всего они правы. Но я не знаю местных законов и не хочу попасть в неприятности, не сделав заявления. Доктору они намерены дать взятку. Что мне предпринять?

Помолчав, Копейкин медленно сказал:

— Думаю, пока — ничего. Предоставьте все мне. Я поговорю с одним другом. Он имеет связи в полиции и пользуется большим влиянием. Как только побеседую с ним — приду к вам в гостиницу.

— Нет нужды так беспокоиться, я...

— Извините, любезный, нужда есть. Пусть доктор перевяжет рану, а вы оставайтесь в номере, пока я не появлюсь.

— Я и не думал выходить, — кисло ответил Грэхем, но Копейкин уже отсоединился.

Едва Грэхем положил трубку, прибыл доктор — худощавый, желтолицый, неразговорчивый. Пальто с каракулевым воротником было надето прямо поверх пижамы. Вслед за доктором в комнату вошел управляющий — хмурый тучный мужчина, который, видимо, подозревал, что все подстроено с единственной целью его позлить. Он бросил на Грэхема неприязненный взгляд, но не успел и рта раскрыть, как помощник пустился в объяснения, отчаянно жестикулируя и поминутно закатывая глаза к потолку. Когда он закончил рассказ, управляющий что-то коротко ответил и поглядел на Грэхема немного дружелюбнее.

— Месье уезжает из Стамбула поездом в одиннадцать, — прибавил помощник по-французски, — и не хочет создавать себе лишние хлопоты, сообщая о происшествии в полицию. Думаю, Monsieur le Directeur,^[15] вы согласитесь, что он поступает разумно.

— Весьма разумно и осмотрительно, — важно подтвердил управляющий, расправив плечи. — Месье, мы бесконечно сожалеем, что вам пришлось испытать такую боль и унижение. Даже самая роскошная гостиница не способна полностью защититься от воров, влезających в окна. «Адлер палас», однако, чувствует себя в ответе за своих постояльцев. Мы сделаем все, что в человеческих силах, дабы уладить дело.

— Если в человеческих силах сказать доктору, чтобы он занялся моей рукой, буду крайне признателен.

— Ах да. Доктор. Тысяча извинений.

Доктор, угрюмо стоявший позади, подошел и начал отдавать короткие распоряжения по-турецки. Окна закрыли, отопление включили на полную мощность, помощника управляющего отослали с каким-то поручением. Он почти сразу возвратился с эмалированной миской горячей воды. Доктор снял с руки Грэхема полотенце, стер губкой кровь и оглядел рану. Потом посмотрел на управляющего и что-то ему сказал.

— Он говорит, месье, — услужливо перевел управляющий, — что рана пустячная: царапина, не больше.

— Я и так знаю. Если хотите лечь спать — идите, пожалуйста. Только дайте мне горячего кофе. Я продрог.

— Сию минуту, месье. — Управляющий щелкнул пальцами, и его помощник поспешно удалился. — Что-нибудь еще, месье?

— Нет, спасибо. Больше ничего. Спокойной ночи.

— К вашим услугам, месье. Все это весьма прискорбно. Спокойной ночи.

15...Господин управляющий (фр.).

Он ушел. Доктор тщательно промыл рану и стал ее перевязывать. Грэхем уже жалел, что позвонил Копейкину: все и так завершилось благополучно. Было почти четыре; если бы не Копейкин, обещавший зайти, удалось бы поспать несколько часов. Грэхем часто зевал. Доктор кончил перевязку, успокаивающе похлопал по бинтам, поднял глаза и с заметным трудом произнес:

— Maintenant, il faut dormir.^[16]

Грэхем кивнул. Доктор встал и уложил свои вещи в сумку с видом человека, который сделал для трудного пациента все, что мог. Затем взглянул на часы и вздохнул:

— Très tard. Gideceö-im. Adıyo, efendi.^[17]

Грэхем постарался припомнить, что знает из турецкого:

— Adıyo, hekim efendi. Çok teşekkür ederim.^[18]

— Birşey dşil. Adıyo.^[19] — Доктор поклонился и вышел.

Тут же вбежал помощник управляющего с чашкой кофе, поставил ее деловитым движением, явно намекавшим, что он тоже не прочь уйти спать, и взялся за бутылку с виски.

— Оставьте ее, — сказал Грэхем. — Сюда едет мой друг. Сообщите портье...

Тут зазвонил телефон, и портье передал, что Копейкин уже прибыл. Помощник управляющего скрылся.

Копейкин, насупившийся и сосредоточенный, вошел в комнату, приветствовал Грэхема и, оглядевшись, спросил:

— А где доктор?

— Только что ушел. Простая царапина — ничего серьезного. Я только напугался, вот и все. Очень мило, что вы приехали. Администрация угостила меня бутылкой виски — садитесь и наливайте себе. Я пью кофе.

Копейкин опустил в кресло.

— Расскажите в точности, как все произошло.

Грэхем рассказал. Копейкин встал и подошел к окну. Внезапно он наклонился, поднял что-то и показал Грэхему; это была небольшая латунная гильза.

— Девятимиллиметровый самозарядный пистолет, — определил Копейкин. — Неприятная штукавина! — Он бросил гильзу на пол, открыл окно и выглянул наружу.

16...Теперь надо поспать (фр.).

17...Очень поздно. Я пойду. До свидания, господин (фр., тур.).

18...До свидания, господин врач. Большое вам спасибо (тур.).

19...Не за что. До свидания (тур.).

Грэхем вздохнул:

— Копейкин, незачем играть в сыщиков. Человек был в комнате; я его испугнул, и он в меня выпалил. Закройте окно, сядьте и глотните виски.

— Охотно, любезный, охотно. Прошу простить меня за любопытство.

Грэхем осознал, что ведет себя не слишком вежливо.

— Копейкин, вы очень добры, что так обо мне беспокоитесь. Кажется, я поднял много шума из-за ерунды.

— И правильно сделали. — Копейкин нахмурился. — К несчастью, нам придется поднять еще больше шума.

— Думаете, стоит вызвать полицию? Не вижу смысла. Да и поезд отходит в одиннадцать — не хотелось бы на него опоздать.

Копейкин отпил немного виски и со звоном поставил стакан на место.

— Боюсь, любезный, вам нельзя ехать поездом в одиннадцать.

— С какой стати? Конечно, можно. Я цел и невредим.

Копейкин странно на него посмотрел:

— Верно. Вам повезло. Но фактов это не меняет.

— Фактов?

— Вы не заметили, что и ваши окна, и ставни снаружи взломаны?

— Нет. Я не смотрел. И что с того?

— Если выглянете, увидите под окном террасу, выходящую в сад. Над ней — стальной каркас, достигающий почти до балконов третьего этажа. Летом его покрывают соломенными циновками, чтобы на террасе люди могли есть и пить в тени. Тот человек, очевидно, вскарабкался по каркасу; это легко — я бы и сам, пожалуй, сумел. Оттуда можно забраться на балкон любой комнаты вашего этажа — так почему же грабитель решил вломиться в одну из немногих, где и ставни, и окна были заперты?

— Понятия не имею. Я всегда слышал, что преступники умом не отличаются.

— У вас ничего не пропало. Чемодан остался заперт. Какое совпадение: вы вернулись как раз вовремя, чтобы помешать вору.

— Совпадение и правда удачное. Господи, Копейкин, давайте поговорим о чем-нибудь другом. Тот человек сбежал — и дело с концом.

Копейкин покачал головой:

— Боюсь, что нет, любезный. Вам не кажется, что интересный у нас получается грабитель? Ни один другой так себя еще не вел. Вламывается к вам в комнату через запертое окно. Если бы вы спали — непременно проснулись бы; выходит, он заранее знал, что вас не будет в гостинице, и знал, в каком номере вы остановились. Есть ли у вас что-нибудь, стоящее подобных приготовлений? Нет. Любопытный вор! Кроме того, он

носит пистолет весом не меньше килограмма — и трижды по вам из него стреляет.

— И что?

Копейкин сердито выпрыгнул из кресла:

— Любезный, неужели вам не ясно: тот человек стрелял, чтобы убить вас, и именно за этим сюда явился?

Грэхем расхохотался.

— Тогда, значит, никудышный он стрелок. А теперь послушайте меня, Копейкин. Вы разве не знаете миф об англичанах и американцах? Во всякой стране, где не говорят по-английски, живет вера, будто американцы и англичане — сплошь миллионеры и у них можно найти огромные суммы наличными. Если вы не против, я лягу посплю. Спасибо, что заглянули, — очень вам благодарен, но сейчас...

— А вы когда-нибудь, — оборвал его Копейкин, — пробовали стрелять из тяжелого пистолета в темной комнате по человеку, который только что вошел в дверь? Прямого света из коридора нет — один слабый отсвет. Пробовали? Не пробовали. Человека видно, но вот попасть по нему — совсем другое дело. В такой ситуации даже хороший стрелок может сперва дать промах — как промахнулся и тот человек. Это вывело его из равновесия. Он скорее всего не знал, что англичане обычно не носят при себе оружия. Вы тоже можете открыть огонь. Он быстро стреляет снова — задевает вам руку. Вы, полагаю, кричите от боли. Он, вероятно, думает, что сильно вас ранил; палит еще раз, наудачу, — и исчезает.

— Чушь! Вы спятили. Да зачем кому-то желать моей смерти? Я самый безобидный человек на земле.

Копейкин смерил Грэхема ледяным взглядом:

— Неужели?

— Вы о чем?

Копейкин не ответил. Допив виски, он произнес:

— Я говорил вам, что собираюсь позвонить другу. Так я и поступил. — Он неторопливо застегнул пальто. — Как мне ни жаль, любезный, но нам нужно срочно ехать к нему. Я пытался сообщить вам новость деликатно, однако приходится говорить напрямик. Сегодня ночью вас пытались убить. И с этим надо что-то делать. Немедленно.

Грэхем вскочил на ноги:

— Вы рехнулись?

— Ничуть, любезный. Вы спрашиваете: зачем кому-то вас убивать? На то есть превосходная причина. К сожалению, подробнее объяснить не могу — я получил официальные инструкции.

Грэхем сел.

— Копейкин, я сойду с ума. О чем вы толкуете? Друг? Убийство? Инструкции? Что за бред?

Копейкин смутился.

— Простите, любезный. Я понимаю ваши чувства. Давайте скажу вам вот что. Этот друг — он, строго говоря, вовсе мне не друг. Если честно, я его недолюбливаю. Его зовут полковник Хаки, он глава турецкой тайной полиции. Его кабинет в районе Галата, и он ждет нас там, чтобы обсудить наше положение. Я предполагал, что вы не захотите ехать, и сказал ему об этом. Он ответил — извините, — что в таком случае вас доставят туда силой. Обижаться, любезный, глупо. Обстоятельства сложились чрезвычайные. Если б я не знал, что звонить ему необходимо и в моих интересах, и в ваших, я бы не позвонил. А теперь, любезный, нам пора. На улице ждет такси.

Грэхем снова медленно встал.

— Ладно. Признаться, Копейкин, вы меня удивили. Дружеская забота — это я ценю и понимаю. Но вот истерики от вас никак не ожидал. Вытащить из кровати главу тайной полиции в такой час... просто невероятно. Надеюсь, он не рассердится, что мы выставим его дураком.

Копейкин покраснел.

— Я не спятил и не впал в истерику. Я всего лишь выполняю свою работу — пусть и без особого удовольствия. Прошу простить, но...

— Я готов простить что угодно, кроме тупости, — огрызнулся Грэхем. — Не поможете надеть пальто?

До Галаты ехали в мрачном молчании. Копейкин дулся. Грэхем вжался в угол и уныло глазел на темные стылые улицы, жалея, что позвонил Копейкину. Глупо, конечно, когда в тебя стреляет забравшийся в гостиницу вор, но когда тебя ни свет ни заря тащат рассказать о случившемся главе тайной полиции — это уж совсем нелепо. Еще Грэхем беспокоился о Копейкине. Может, тот и осел, но все-таки досадно, что он поставит себя в неловкое положение перед человеком, который запросто может повредить ему в бизнесе. Кроме того, Грэхем знал, что вел себя грубо.

— А какой он, полковник Хаки?

Копейкин хмыкнул.

— Изысканный и элегантный. Любимец дам. По слухам, способен выпить две бутылки виски и не опьянеть — может, и правда. Служил у Ататюрка, был заместителем во временном правительстве девятнадцатого года. Еще рассказывают, как он казнил пленников: связывал их парами и бросал в реку, чтобы сберечь еду и патроны. Я не ханжа и не верю всему, что говорят, а все-таки он мне не нравится. Он,

однако, очень умен. Впрочем, сами увидите. С ним можно говорить по-французски.

— Я все-таки не понимаю...

— Поймете.

Вскоре такси свернуло на узкую улочку и остановилось позади большой американской машины, почти загородившей дорогу. Грэхем и Копейкин вышли и очутились перед двойными дверями, похожими на вход в дешевый отель. Копейкин нажал кнопку звонка.

Одна створка дверей немедленно отворилась, и появился заспанный дежурный — его, видимо, только что подняли с постели.

— *Haki efendi evde midir?*^[20] — задал вопрос Копейкин.

— *Efendi vardir. Yukari.*^[21] — Дежурный показал на лестницу.

Они поднялись.

Кабинет полковника Хаки располагался в конце коридора на последнем этаже. Полковник сам вышел им навстречу.

Это был высокий мужчина со впалыми щеками, тонкими губами и седыми волосами, остриженными на русский манер в кружок. Узкий лоб и похожий на клюв нос придавали ему сходство с хищной птицей. На полковнике были отлично сшитый офицерский мундир, широкие бриджи и узкие, начищенные до блеска кавалерийские сапоги. Походка слегка вразвалку выдавала привычку к верховой езде. Не считая бледности небритого лица, ничто не указывало, что он недавно спал. Внимательные серые глаза с интересом изучали Грэхема.

— *A! Nas-Isiniz. Fransizca konu abilirmisin.*^[22] Так? Рад встрече, мистер Грэхем. Вы ранены... — Грэхем почувствовал, как незабинтованную руку с большой силой сжали длинные гибкие пальцы. — Надеюсь, вам не очень больно. Нужно что-то делать с негодяем, который хотел вас убить.

— Боюсь, полковник, — отозвался Грэхем, — мы зря вас потревожили. Тот человек ничего не успел украсть.

Полковник Хаки бросил быстрый взгляд на Копейкина.

— Я ничего ему не объяснял, — проговорил Копейкин. — Как, если помните, вы мне и велели. Вынужден заметить, что он считает меня теперь то ли полоумным, то ли истериком.

Полковник Хаки усмехнулся:

— Такая у вас, русских, судьба: вас вечно неправильно понимают. Давайте зайдем в мой кабинет и там все обсудим.

20...Господин Хаки у себя? (тур.).

21...Господин у себя. Наверх (тур.).

22...Здравствуйте. Вы говорите по-французски (тур.).

Они проследовали за полковником. В Грэхеме росла уверенность, что все происходящее ему снится и он вот-вот очнется в приемной своего дантиста. Коридор и в самом деле походил на те, что бывают во сне, — голый и пустынный. Только здесь еще чувствовался застарелый запах табачного дыма.

В просторном кабинете было прохладно. Грэхем и Копейкин сели за стол напротив полковника; тот подвинул им пачку сигарет, развалился на стуле и скрестил ноги.

— Вы, разумеется, понимаете, — сказал он вдруг Грэхему, — что сегодня ночью на вас совершили покушение.

— Почему? — раздраженно спросил Грэхем. — Извините, но я не понимаю. Я вернулся в номер и обнаружил человека, который залез через окно. Очевидно, это был вор. Я его спугнул, он принялся палить и убежал. Вот и все.

— Насколько я знаю, вы не заявили о происшествии в полицию.

— Думал, в этом нет смысла. Я не разглядел его лица. К тому же в одиннадцать часов я отправляюсь поездом в Англию — мне не хотелось задерживаться. Если нарушил какой-то закон — сожалею.

— Zarar yok!^[23] Не в том дело. — Полковник закурил и пустил к потолку струйку дыма. — Мистер Грэхем, у меня есть обязанность. Я обязан вас защитить. Поэтому простите, но на одиннадцатичасовой поезд вы не сядете.

— Да от чего меня защищать?

— Давайте, мистер Грэхем, вопросы задавать стану я. Так будет проще. Вы работаете на Кейтора и Блисса, английских оружейных промышленников?

— Да. Копейкин — представитель компании в Турции.

— Именно. А вы, как я понимаю, эксперт по морской артиллерии.

Грэхем помедлил с ответом. Слово «эксперт» ему, инженеру, не нравилось. Начальство порой называло его так в письмах к иностранным морским чиновникам; Грэхем утешался мыслью, что его выдали бы хоть за чистокровного зулуса, лишь бы впечатлить заказчика. Но в других случаях слово резало слух.

— Ну, мистер Грэхем?

— Я инженер. Моя специальность — морская артиллерия.

— Как пожелаете. Суть в том, что господа Кейтор и Блисс подрядились выполнить для моего правительства определенную работу. Я не знаю точно какую, — он помахал сигаретой, — это дело Морского министерства. Но кое-что мне сообщили. Мне известно, что некоторые

наши суда должны перевооружить новыми пушками и торпедными аппаратами и что вас прислали обсудить это с нашими экспертами по судостроению. Мне также известно, что наше правительство потребовало доставить новое оснащение к весне — и ваша компания согласилась. Вы в курсе?

— Только про это и слышал последние два месяца.

— İyi dir!^[24] Еще я скажу вам, мистер Грэхем, что такое требование — отнюдь не каприз Морского министерства. Международное положение таково, что нам совершенно необходимо иметь новые орудия к сроку.

— Об этом я тоже знаю.

— Чудесно. Тогда вы поймете, к чему я клоню. Немецкие, итальянские и русские морские власти прекрасно осведомлены о перевооружении. Можно не сомневаться: когда работа будет закончена — или даже раньше, — их агенты уже разведают детали, известные пока всего нескольким людям, в том числе вам. Это не важно. Ни один флот не смог бы сохранить такой секрет; никто и не ждет, что его удастся сохранить. Мы даже можем счесть выгодным, по ряду причин, самим опубликовать эти детали. Но, — полковник поднял длинный, безупречно наманикюренный палец, — в настоящее время вы, мистер Грэхем, находитесь в любопытном положении.

— Это-то я и сам заметил.

Узкие серые глаза полковника холодно остановились на собеседнике.

— Я не шучу, мистер Грэхем.

— Извините.

— Ничего. Возьмите еще сигарету. Так вот, положение у вас любопытное. Вам никогда не приходило в голову, мистер Грэхем, что вы можете оказаться незаменимым?

Грэхем рассмеялся:

— Конечно, нет. Я могу назвать вам десятки людей с квалификацией не ниже моей.

— Тогда, — сказал полковник Хаки, — позвольте сообщить вам, что однажды в жизни вы оказались незаменимы. Представим на миг, что ваш вор стрелял чуть точнее и что в эту минуту вы не сидите у меня, а лежите на операционном столе с пулей в легких. Как бы такой оборот отразился на деле, которым вы сейчас занимаетесь?

— Компания, естественно, сразу выслала бы кого-нибудь на замену.

24...Это хорошо! (тур.).

Полковник Хаки изобразил восторг:

— Правда? Великолепно! Так по-британски! Так благородно! Один пал — и сразу другой неустрашимо занимает его место. Но погодите! — Он поднял руку. — Так ли это необходимо? Ведь Копейкин мог бы отправить в Англию ваши записи, наброски, чертежи, из которых ваши коллеги узнают до мелочей все, что требуется, — хотя корабли, о которых идет речь, строила другая компания. Разве нет?

Грэхем покраснел.

— Судя по вашему тону, вы прекрасно понимаете, что все не столь просто. Некоторые вещи я ни при каких обстоятельствах не имел права доверять бумаге.

Полковник Хаки покачался на стуле.

— Да, мистер Грэхем, — весело улыбнулся он, — это мне известно. Компания пришлет другого эксперта, чтобы он выполнил часть вашей работы заново. — Он резко опустил стул вперед и процедил сквозь зубы: — Тем временем наступит весна, а корабли все будут стоять на верфях Измира и Галлиполи, дожидаясь новых пушек и торпедных аппаратов. Послушайте, мистер Грэхем. Турция и Великобритания — союзники. Враги вашей страны хотят, чтобы, когда растает снег и пройдут дожди, морская мощь Турции осталась ровно такой, как сейчас. Ради этого они готовы на что угодно. Понимаете? На что угодно!

Грэхем почувствовал, как в груди что-то сжалось. Он с трудом выдавил улыбку.

— Вижу, вы любите театральные эффекты. Но у вас нет никаких доказательств. Да и, в конце концов, это жизнь, а не...

— Что, мистер Грэхем? — Полковник не сводил с него глаз, как кошка с мыши.

— Не кино, сказал бы я, если бы не опасался проявить невежливость.

Полковник вскочил со стула.

— «Доказательства»! «Эффекты»! «Жизнь»! «Кино»! «Невежливость»! — Его губы кривились, словно он повторял грязную ругань. — Мистер Грэхем, мне плевать, о чем вы тут болтаете. Мне нужно одно — чтобы вы остались в живых. Живой вы чего-то стоите для Турецкой Республики, и я, насколько могу, постараюсь сохранить вас живым подольше. В Европе война. Это хоть вы понимаете?

Грэхем молчал. Полковник пронзил его взглядом и уже спокойно продолжал:

— Неделию назад, когда вы еще были в Галлиполи, мы — мои люди — раскрыли заговор. Вас там собирались убить. Спланировано было неуклюже, любительски; вас хотели выкрасть и зарезать. К счастью, мы не дураки. Мы не списываем на «театральные эффекты» то, что нам не

нравится. Мы допросили арестованного. Тот сознался, что ему заплатил немецкий агент в Софии, некто Мёллер — лицо нам хорошо известное. Раньше этот Мёллер выдавал себя за американца — пока не воспротивилась американская миссия. Тогда его звали Филдинг. Если будет нужно, он примет любое имя и национальность. Я пригласил к себе господина Копейкина, рассказал ему о заговоре, но посоветовал ничего вам не говорить. Чем меньше о подобных вещах распространяться, тем лучше, да и незачем тревожить вас, когда вы так заняты. Кажется, я ошибся. У меня были причины считать, что дальнейшие усилия Мёллер направит на другое. Когда господин Копейкин позвонил мне и сообщил о новой попытке, я понял, что недооценил упорство джентльмена из Софии. Уверен, он и в третий раз попробует вас убить — если дать ему шанс. — Полковник откинулся на стуле. — Теперь вам ясно, мистер Грэхем? Вникли вы своим замечательным умом в мои слова? Все чрезвычайно просто. Кто-то старается вас убить.

Глава III

В те редкие минуты, когда Грэхем думал о смерти — обычно в связи со страховкой, — он только укреплялся в убеждении, что умрет в постели, от естественных причин. Конечно, бывают и несчастные случаи. Но машину Грэхем водил аккуратно, дорогу переходил внимательно, плавал отлично; он не ездил на лошади, не лазал по горам, не страдал приступами головокружения, не охотился на крупную дичь, у него ни разу не возникало желания перебежать через рельсы перед движущимся поездом — и потому убеждение имело основания. Мысль, что кому-то желательна его смерть, никогда не приходила ему в голову; если бы пришла, он, пожалуй, обратился бы к неврологу. Сейчас, столкнувшись с утверждением, что ему не просто желали смерти, но и активно стремились убить, Грэхем был глубоко потрясен — как если бы получил неопровержимые доказательства, что сумма квадратов катетов больше не равна квадрату гипотенузы или что жена завела любовника.

Грэхем привык хорошо думать о ближних — поэтому первой невольной мыслью было, что он, видимо, совершил нечто скверное. Невозможно ведь, чтобы его хотели убить лишь за то, что он выполнял свою работу. Он никому не причинил зла. Вдобавок у него жена, которую надо обеспечивать. Как может кто-то хотеть его смерти? Здесь какая-то чудовищная ошибка.

— Да. Я понял, — услышал он свой голос, хотя на самом деле, разумеется, еще не понял. Это было абсурдно.

Полковник Хаки глядел на него со слабой улыбкой на тонких губах.

— Поражены, мистер Грэхем? Не по вкусу пришлось? Война есть война. Но одно дело — быть солдатом в окопе: враг не пытается убить именно вас, ему сгодится и ваш сосед; ничего личного. Когда вы помеченная жертва, сохранить отвагу труднее. Однако у вас есть и преимущества перед солдатом. Вам нужно только защищаться. Не надо выходить на открытую позицию и атаковать, не надо удерживать крепость или траншею. Никто не назовет вас трусом, если вы сбежите. Вы должны невредимым добраться до Лондона. Путь туда неблизкий; вам следует, как солдату, подготовиться к неожиданностям. Вы должны знать противника. Вам ясно, о чем я?

— Да. Ясно.

В голове воцарилось ледяное спокойствие, а вот тело слушалось плохо. Грэхем старался сделать вид, будто принимает все философски, но рот наполнялся слюной, приходилось часто сглатывать, руки и ноги дрожали. Он подумал, что ведет себя как мальчишка. Какая разница, кто в него стрелял — вор или наемный убийца? Главное, что стрелял. И все же разница отчего-то была...

— Тогда, — сказал полковник Хаки, — давайте начнем с событий этой ночи. — Разговор явно доставлял ему удовольствие. — Господин Копейкин передал, что вы не видели стрелявшего.

— Нет. В комнате было темно.

— Там осталась гильза, — вмешался Копейкин. — Калибр девять миллиметров, от самозарядного пистолета.

— Это не очень помогает. Вы ничего не можете сообщить о том человеке, мистер Грэхем?

— К сожалению, ничего. Все произошло так быстро... Я не успел опомниться, как он исчез.

— Но он, наверно, какое-то время ждал вас в номере. Вы не почувствовали в комнате никакого аромата?

— Только запах пороха.

— Когда вы приехали в Стамбул?

— Примерно в шесть вечера.

— И не возвращались в гостиницу до трех часов утра. Расскажите, пожалуйста, как вы провели это время.

— Конечно. Я был с Копейкиным. Мы встретились на вокзале и взяли такси до «Адлер палас». Там я оставил чемодан и умылся. Потом мы выпили и поужинали. Копейкин, как назывался бар, где мы пили?

— «Рюмка».

— Да-да. А ужинали в «Пера палас». Незадолго до одиннадцати вышли оттуда и отправились в кабаре «Ле Жоке».

— «Ле Жоке»? Вы меня удивляете! И что вы там делали?

— Танцевали с арабской девушкой Марией. Смотрели номера.

— Оба? То есть у вас на двоих была одна девушка?

— Я устал и не особенно хотел танцевать. Потом мы выпили с эстрадной танцовщицей Жозеттой в ее гримерной. — Звучало как показания детективов на бракоразводном процессе.

— И как она, Жозетта? Милая?

— Очень привлекательная.

Полковник рассмеялся — как врач, старающийся подбодрить пациента.

— Блондинка или брюнетка?

— Блондинка.

— О! Надо будет сходить в «Ле Жоке». Я много пропустил. А что потом?

— Мы вышли из кабаре и вместе прогулялись пешком до «Адлер палас». Там Копейкин меня оставил и ушел к себе.

Полковник разыграл изумление.

— И покинули вашу танцующую блондинку? — Он прищелкнул пальцами. — Вот так просто? Никаких амуров?

— Никаких амуров.

— Ах да: вы же устали. — Он резко повернулся на стуле к Копейкину: — Эти женщины — арабка и Жозетта, — вы их знаете?

Копейкин почесал подбородок.

— Я знаю Сергея, владельца «Ле Жоке». Он меня когда-то представил Жозетте. Она, кажется, из Венгрии. Ничего дурного о ней не слышал. Арабка — из публичного дома в Александрии.

— Хорошо. К ним мы вернемся позже. А теперь, мистер Грэхем, давайте посмотрим, что мы можем от вас узнать про врага. Говорите, вы были утомлены?

— Да.

— Но не зевали и глядели в оба, так?

— Наверно, так.

— Будем надеяться. Вы сознаете, что за вами следили с тех пор, как вы выехали из Галлиполи?

— Еще не думал об этом.

— Скорее всего так и есть. Они знали вашу гостиницу и номер. Ждали, когда вы вернетесь. Полагаю, им было известно каждое ваше движение с той минуты, когда вы появились в городе.

Полковник Хаки вдруг встал, подошел к шкафу с документами, достал из него желтую картонную папку и бросил на стол перед Грэхемом.

— В этой папке, мистер Грэхем, фотографии пятнадцати человек. Некоторые четкие, большинство — размытые и неразборчивые. Вам придется потрудиться. Мысленно вернитесь во вчерашний день, когда вы садились на поезд в Галлиполи. Попробуйте припомнить все лица, которые вам попадались на глаза — даже мельком — с того времени и до трех часов нынешнего утра. Переберите фотографии, посмотрите, не узнаете ли кого-нибудь. Потом их может проглядеть господин Копейкин, но я хочу, чтобы сперва это сделали вы.

Грэхем раскрыл папку. В ней лежали тонкие белые карточки, каждая размером с папку, с наклеенными фотографиями. Все фотографии имели один формат — очевидно, скопированные с оригиналов разного размера. Одна была сильно увеличенной частью снимка, изображавшего группу людей на фоне деревьев. Каждую сопровождал машинописный турецкий текст — судя по всему, описание человека.

Как и предупредил полковник, снимки по большей части оказались нерезкими; одно-два лица выглядели просто серыми овалами с темными пятнами на месте глаз и рта. Те, что почетче, походили на тюремные фотографии: арестованные угрюмо смотрели на своих мучителей. Вот негр в феске широко раскрыл рот — словно кричал на кого-то справа от камеры. Грэхем медленно и безнадежно перекладывал карточки. Если он и видел кого-нибудь из этих людей, вспомнить не удавалось.

В следующую секунду сердце Грэхема подпрыгнуло. С фотографии, обернувшись через плечо, на него смотрел мужчина в твердой соломенной шляпе, стоящий на ярком солнце перед чем-то вроде магазина. Правая рука и все, что ниже пояса, в кадр не попали, остальное было не в фокусе, к тому же снимок, вероятно, сделали не меньше десяти лет назад. Но рыхлые, невыразительные черты, сжатые многострадальные губы, маленькие, глубоко посаженные глаза не позволяли ошибиться. Это был тот самый человек в мятом костюме.

— Ну, мистер Грэхем?

— Вот этот. Был в «Ле Жоке». На него мне показала арабка, когда мы танцевали. Говорила, что он зашел сразу после нас с Копейкиным и все время смотрит на меня. Она меня предостерегала. Кажется, считала, что он может воткнуть мне в спину нож и забрать мой кошелек.

— Она его знала?

— Нет. Сказала, что знает таких, как он.

Полковник Хаки взял карточку и откинулся назад.

— Умная девушка. А вы его видели, Копейкин?

Копейкин взглянул на фотографию и покачал головой.

— Очень хорошо. — Полковник Хаки положил карточку на стол. — На остальные снимки, джентльмены, можете не глядеть. Я узнал то, что хотел. Из всех пятнадцати нас интересует только этот. Остальных я добавил, чтобы убедиться, что вы сами его опознаете.

— Кто он?

— Родом румын. Известен как Петре Банат. Поскольку Банат — название румынской провинции, я думаю, у него нет настоящей фамилии. У нас мало сведений о нем, но и того, что знаем, достаточно. Он профессиональный стрелок. Десять лет назад в Яссах попал в тюрьму за то, что помогал забить человека ногами до смерти. Его осудили на два года. Выйдя из заключения, присоединился к «Железной гвардии» Кодряну.^[25] В тридцать третьем обвинялся в убийстве полицейского чиновника из Букова. Как я понимаю, Банат вошел воскресным днем в дом к чиновнику, застрелил его, ранил жену и спокойно вышел. Банат осторожен; он знал, что ему нечего бояться. Судебное разбирательство обернулось фарсом. В зале заседания собрались вооруженные молодчики из «Железной гвардии», грозившие пристрелить судью и всех, кто связан с делом, если Баната не оправдают. Его оправдали. В то время в Румынии было много таких процессов. После этого Банат совершил в Румынии еще по меньшей мере четыре убийства. Когда «Железную гвардию» объявили вне закона, он бежал из страны и больше туда не возвращался. Некоторое время провел во Франции, пока французская полиция его не депортировала. Тогда он отправился в Белград, там тоже угодил в неприятности — и с тех пор скитается по Восточной Европе.

Бывают на свете прирожденные убийцы. Банат — один из них. Он заядлый игрок и вечно без денег; говорят, одно время он брал за убийство всего пять тысяч франков, не считая издержек. Впрочем, подобные сведения вас интересовать не должны. Главное, что Банат тут, в Стамбуле. Мы получаем из Софии регулярные донесения о Мёллере; неделю назад сообщили, что он вошел в контакт с Банатом и что Банат затем покинул Софию. Признаюсь, я не придавал этому должного внимания. Если честно, меня тогда больше занимали другие аспекты деятельности Мёллера. Только после звонка господина Копейкина я вспомнил про Баната и задался вопросом, не приехал ли тот, случайно, в Стамбул. Теперь мы знаем, что он здесь. Нам также известно, что Мёллер виделся с ним после того, как сорвалась первая попытка вашего убийства. Думаю, можно не сомневаться, что в «Адлер палас» вас поджидал именно Банат.

25...Кодряну, Корнелиу Зея (1899–1938) — крайне правый румынский политический деятель, создатель националистической организации «Легион Михаила Архангела», известной также как «Железная гвардия». Организация осуществляла убийства неугодных политиков.

Грэхем постарался сохранить невозмутимый вид.

— Мне он показался довольно безобидным.

— Это потому, — мудро заметил полковник Хаки, — что у вас мало опыта. Настоящие убийцы не похожи на грубых скотов. Они порой натуры довольно тонкие. Вы не изучали психопатологию?

— Не приходилось.

— Увлекательная наука. Мое любимое чтение, помимо детективов, — Крафт-Эбинг и Штекель.^[26] У меня есть собственная теория насчет таких, как Банат. Я полагаю, они — извращенцы, одержимые навязчивой идеей об отце, которого ассоциируют не с мужским божеством, — он многозначительно поднял палец, — но с собственным половым бессилием. И когда убивают — будто расправляются со своей слабостью. По-моему, здесь сомнений быть не может.

— Чрезвычайно увлекательно. Но разве нельзя его арестовать?

Полковник Хаки, согнув ногу, положил один блестящий сапог на ручку стула и поджал губы.

— Тут, мистер Грэхем, возникают некоторые трудности. Во-первых, нужно его найти. Он, безусловно, путешествует под вымышленным именем и с фальшивым паспортом. Я, конечно, разошлю его описания по пограничным постам, чтобы мы знали, когда он покинет Турцию, но вот арестовать... Видите ли, мистер Грэхем, так называемые демократические формы правления имеют для человека на моей должности серьезные недостатки. Невозможно просто взять человека под стражу безо всяких вздорных юридических формальностей. — Полковник развел руками — патриот, скорбящий об упадке родной страны. — Какое обвинение мы ему предъявим? У нас нет против него улики. Разумеется, мы можем выдумать обвинение, а потом извиниться — но разве будет польза? Нет! К несчастью, с Банатом мы ничего поделать не в состоянии. Хотя это, пожалуй, не важно. Мы сейчас должны позаботиться о будущем. Надо подумать, как безопасно доставить вас домой.

— Я уже говорил, что у меня билет на спальное место в одиннадцатичасовом поезде. Не вижу причин, почему им не воспользоваться. Мне кажется, чем скорей я уеду, тем лучше.

26...Крафт-Эбинг, Рихард фон (1840–1902) — австрийский психиатр, исследователь человеческой сексуальности, автор терминов «садизм» и «мазохизм».

Штекель, Вильгельм (1868–1940) — австрийский психиатр, один из первых последователей Фрейда.

Полковник Хаки нахмурился:

— Мистер Грэхем, если вы сядете на этот поезд — или на любой другой, — то не доедете живым до Белграда. Не воображайте, что их остановит присутствие других пассажиров. Опасно недооценивать противника. В поезде вы будете как мышь в мышеловке. Сами подумайте: между Турцией и Францией — бессчетное число остановок. Убийца может войти в поезд на любой. Представьте, как вы сидите час за часом, силясь не задремать, чтобы вас не прирезали во сне; не осмеливаетесь выйти из купе, чтобы вас не застрелили в коридоре; опасаетесь каждого — от человека, сидящего напротив в вагоне-ресторане, до таможенного офицера. Межконтинентальный поезд, мистер Грэхем, — идеальное место для убийства! Эти люди не хотят, чтобы вы добрались до Англии, поэтому они, очень разумно и логично, решили вас убить. В нашей стране они совершили уже две попытки — больше не предпримут. Они поглядят, что вы станете делать. Они знают, что мы теперь будем хорошо вас защищать, поэтому дождутся, когда вы покинете убежище. Нет! Боюсь, на поезде вам ехать нельзя.

— Тогда я не вижу, как...

— Если бы, — продолжал полковник, — воздушное сообщение не прервалось, мы бы вас отправили самолетом в Бриндизи. К сожалению, оно прервано — сейчас все в беспорядке из-за землетрясения, самолеты заняты на общественных работах. Мы обойдемся без них. Лучше всего вам плыть морем.

— Но ведь...

— Есть итальянская судоходная компания; небольшие корабли еженедельно курсируют между Генуей и Стамбулом. Иногда, когда есть груз, они доплывают до Констанцы, но чаще останавливаются здесь, заходя по пути в Пирей. Помимо груза, они возят пассажиров: десятка полтора, не больше, — и мы, прежде чем разрешим отплытие, сможем удостовериться, что каждый из них безвреден. Когда прибудете в Геную, останется только короткое путешествие на поезде до французской границы — и вы окажетесь вне досягаемости немецких агентов.

— Но вы же сами сказали, что задержки недопустимы. Сегодня — второе число; вернуться я должен к восьмому. Если придется ждать судно, я опоздаю на несколько дней. А само плавание займет не меньше недели.

— Ждать, мистер Грэхем, не придется. — Полковник вздохнул. — Я не так глуп. Перед вашим приездом я связался по телефону с портовой полицией. Через два дня отходит корабль на Марсель; лучше бы вам, конечно, плыть на нем, хоть он обычно и не берет пассажиров. Но итальянское судно отчаливает сегодня днем, в четыре тридцать. Завтра

в полдень вы сможете размять ноги в Афинах. Рано утром в субботу пристанете в Генуе. Если ваши визы в порядке, в понедельник утром прибудете в Лондон. Как я уже говорил, у помеченной жертвы есть преимущества перед врагами. Она может сбежать, испариться. Посреди Средиземного моря вы будете в такой же безопасности, как в моем кабинете.

Грэхем колебался. Он поглядел на Копейкина, но русский уставился на кончики своих пальцев.

— Не знаю, полковник. Вы очень добры, но я не могу отделаться от мысли, что в свете изложенного вами мне надо первым делом обратиться к здешнему британскому консулу или в британское посольство, а потом уже что-то решать.

Полковник Хаки зажег сигарету.

— И что же, вы полагаете, консул или посольство сделают? Отправят вас домой на крейсере? — Он неприятно рассмеялся. — Дорогой мистер Грэхем, я не прошу вас ничего решать. Я рассказываю, как вам необходимо поступить. Как я уже упоминал, моей стране вы нужны живым; позвольте мне защищать интересы страны так, как считаю нужным. Сейчас вы, наверно, вымотаны и обескуражены. И мне не хочется на вас давить, но разрешите пояснить: если вы откажетесь следовать моим указаниям, мне останется только выписать бумагу о депортации и посадить вас на борт «Сестри-Леванте» под стражей. Я понятно выражаюсь?

Грэхем ощутил, что краснеет.

— Вполне понятно. А не хотите ли еще...

— Мне кажется, любезный, — поспешно вставил Копейкин, — что лучше будет согласиться с предложением полковника.

— Я сам как-нибудь соображу, Копейкин. — Грэхем сердито перевел взгляд с одного собеседника на другого. Он был напуган и сбит с толку. События развивались чересчур быстро. К полковнику он чувствовал неприязнь; Копейкин, по-видимому, утратил способность мыслить самостоятельно. Грэхему казалось, что они принимают решения с беспечностью детишек, собравшихся поиграть в индейцев, а хуже всего, что решения выглядели при этом неумолимо логичными. Ему грозила опасность; все, что от него просили, — отправиться домой другим, менее рискованным, путем. Просьба разумная, и все-таки...

Он пожал плечами;

— Ладно. Похоже, выбора у меня нет.

— Совершенно верно, мистер Грэхем. — Полковник разгладил складку мундира с видом человека, которому удалось убедить капризного ребенка. — Теперь можно заняться приготовлениями. Как только

откроется офис судоходной компании, господин Копейкин договорится с ними и сдаст обратно ваш железнодорожный билет. Я прослежу, чтобы мне представили на рассмотрение имена и личные данные всех, кто поплывет с вами. Вам не нужно будет опасаться других пассажиров, хотя, боюсь, общество там окажется не самым отборным, а судно — не самым комфортабельным. Этот рейс — самый дешевый между Стамбулом и Западной Европой. Но вы, уверен, согласитесь мириться с некоторыми неудобствами, получив взамен душевный покой.

— Мне все равно, как путешествовать, лишь бы добраться до Англии к восьмому числу.

— Правильный настрой. Предлагаю вам до отъезда оставаться в этом здании. Мы постараемся создать вам все условия. Господин Копейкин заберет из гостиницы ваш чемодан. Я пришлю доктора осмотреть вашу руку и убедиться, что все в порядке. — Полковник взглянул на часы. — Дежурный может сейчас сварить вам кофе, а позже принесет еду из ресторана за углом. — Он встал. — Я пойду и распоряжусь. Мы не для того спасаем вас от пуль, чтобы уморить голодом.

— Благодарю, — ответил Грэхем. Потом, когда полковник скрылся в коридоре, произнес: — Прошу меня простить, Копейкин. Я вел себя глупо.

Копейкин как будто даже расстроился.

— Любезный, вам не за что себя винить! Я рад, что все так быстро разрешилось.

— Да уж, быстро. — Грэхем поразмыслил. — А этому Хаки можно верить?

— Вам он тоже не понравился? — Копейкин усмехнулся. — Если речь идет о женщине, я бы держал с ним ухо остро. Но насчет вас — я ему доверяю.

— И одобряете это морское плавание?

— Да. Кстати, любезный, — мягко промолвил он, — у вас в чемодане есть оружие?

— Боже мой! Нет.

— Тогда возьмите мой. — Копейкин достал из кармана пальто небольшой револьвер. — Я захватил его после вашего звонка. Он полностью заряжен.

— Но мне не нужен пистолет.

— Не нужен. А все-таки с ним будет спокойней.

— Сомневаюсь. Хотя... — Грэхем взял револьвер и оглядел его с отвращением. — Знаете, я никогда из них не стрелял.

— Это легко. Снимаете защелку предохранителя, нажимаете на спусковой крючок — и полагаетесь на удачу.

— Но все же...

— Положите его в карман. Можете потом сдать французским таможенникам в Модане.

Возвратился полковник Хаки:

— Кофе готовят. Теперь давайте придумаем, чем вас занять до отъезда. — Он заметил револьвер в руке Грэхема и ухмыльнулся. — Ага! Вооружаетесь, мистер Грэхем? Выходит, порой не обойтись и без театральных эффектов, а?

Шум на палубах смолк, и стали слышны звуки внутри корабля: разговоры, хлопанье дверей, быстрые деловитые шаги по коридору. Ждать оставалось недолго. Снаружи темнело; оглядываясь на день, тянувшийся, казалось, вечно, Грэхем удивлялся, как мало у него сохранилось в памяти.

Большую часть дня он провел в кабинете полковника Хаки, с трудом удерживаясь на грани бодрствования. Выкурил уйму сигарет, прочитал несколько французских газет двухнедельной давности; в одной из них была статья о французском мандате на Камерун. Приходил доктор, обследовал рану, остался доволен ее состоянием и заново наложил повязку. Копейкин занес чемодан, и Грэхем кое-как побрился левой рукой. В отсутствие полковника Хаки они подкрепились остывшей и безвкусной едой из ресторана. В два часа вернулся полковник и сообщил, что на пароходе, помимо Грэхема, едут девять пассажиров, среди которых четыре женщины; никто не заказал билет позднее чем три дня назад, и никого можно не опасаться.

Сходни убрали: последние из девяти, супруги средних лет, говорившие между собой по-французски, уже поднялись на борт и заняли соседнюю каюту. Их голоса проникали через деревянную переборку с пугающей легкостью — Грэхем слышал каждое слово. Пара беспрерывно ссорилась; сперва шепотом, словно в церкви, но вскоре новизна обстановки прошла, и они заспорили громче.

— Простыни влажные.

— Ничуть. Просто холодные. В любом случае это не важно.

— Не важно? Не важно? Спи как хочешь, только не жалуйся мне потом на почки.

— От холодных простыней почкам вреда не будет, *chéri*.^[27]

— Мы заплатили за билеты. Мы имеем право на удобства.

— Если никогда не придется спать в постели хуже — считай, что тебе повезло. Мы не в Нормандии.

27...Дорогая (*фр.*).

— Сама знаю. — Щелкнула дверца шкафчика. — Ох! Ты только посмотри. Посмотри! Хочешь, чтобы я тут умывалась?

— Немного пыли. Надо всего лишь пустить воду.

— Пыли? Тут грязь, жуткая грязь. Я не притронусь — пусть отмывает стюард. Сходи и приведи его, а я распакую вещи. Мои платья все помнутся. Где здесь уборная?

— В конце коридора.

— Тогда иди за стюардом. Пока я распаковываюсь, двоим тут места нет. Надо было нам ехать поездом.

— Ну конечно. Плачу за все я. Давать стюарду на чай должен снова я.

— И чересчур много болтаешь тоже ты. Живо.

Мужчина вышел; женщина шумно вздохнула. Интересно, ночью они тоже будут пререкаться? А если кто-нибудь из них храпит? Хорошо, если не оба. Придется громко кашлянуть раз-другой, чтобы они поняли, какая тонкая здесь перегородка. Но было отчего-то успокоительно слушать, как двое обсуждают влажные простыни, грязные раковины и уборные — будто вопросы жизни и смерти.

Жизни и смерти... Грэхем поднялся на ноги и уставился на инструкцию в рамке, объяснявшую, как пользоваться спасательными шлюпками:

«CINTURE DI SALVATAGGIO», «CEINTURES DE SAUVETAGE», «RETTUNGSGURTEL», «СПАСАТЕЛЬНЫЕ ПОЯСА»... «В случае опасности будет дан сигнал: шесть коротких свистков, один долгий — и зазвонят звонки. Пассажирам следует надеть спасательные пояса и собраться у лодочного пункта № 4».

Грэхем видел подобные инструкции десятки раз, но эту прочел внимательно. Бумага, на которой ее напечатали, пожелтела от времени. Спасательный пояс на верхней крышке шкафчика, похоже, не трогали годами — забавное утешение.

«В случае опасности...» В случае! От опасности не спрячешься — она всегда рядом. Можно годами жить, не подозревая о ней; можно состариться, веря, что некоторые вещи с тобой никогда не случатся, что смерть может прийти только от болезни или стихийного бедствия. Но опасность всюду с тобой, готовая в любую минуту опрокинуть все твои уютные представления о вероятном, напомнить, что «цивилизация» — всего лишь слово и мы по-прежнему обитаем в джунглях.

Пароход плавно качался. Раздалось тихое позвякивание машинного телеграфа. Пол задрожал; свет за грязным стеклом иллюминатора сдвинулся. На пару секунд дрожание ослабло, потом корабельные двигатели дали задний ход. В стенной полочке задребезжал стакан. Опять пауза, и двигатели заработали снова, медленно и равномерно.

Пароход отчалил. Облегченно вздохнув, Грэхем открыл дверь каюты и вышел на палубу.

Было холодно, но корабль уже повернулся, и ветер дул в левый борт. Судно казалось неподвижным на маслянистых водах гавани — только огни на берегу проплывали мимо и исчезали вдали. Грэхем вдохнул полной грудью морозный воздух. Покинуть каюту было приятно. В голове больше не роились докучные мысли: Стамбул, «Ле Жоке», человек в мятом костюме, гостиница «Адлер палас» и ее управляющий, полковник Хаки — все осталось в прошлом. Теперь о них можно забыть.

Грэхем принялся неторопливо расхаживать по палубе, думая, что скоро сам будет смеяться над этой историей. Она уже начала выветриваться из памяти, в ней уже чудилось что-то фантастическое; может, все просто приснилось. Он снова вернулся в привычный мир. Он ехал домой.

Грэхем миновал одного из пассажиров, пожилого мужчину, который, опершись на поручни, смотрел, как из-за мола появляются огни Стамбула. Дойдя до конца палубы, повернул — и увидел женщину в меховом манто. Она только что вышла из дверей салона и шагала навстречу.

Палуба освещалась тускло; женщина успела подойти на расстояние в несколько ярдов, прежде чем Грэхем ее узнал.

Это была Жозетта.

Глава IV

Несколько мгновений они пристально глядели друг на друга. Потом она рассмеялась:

— Боже правый! Вы же тот англичанин. Просто невероятно.

— В самом деле.

— А как же ваше купе первого класса в Восточном экспрессе?

Грэхем улыбнулся:

— Копейкин решил, что немного морского воздуха будет полезно для моего здоровья.

— А вам нужно поправлять здоровье? — Соломенного цвета волосы покрывал шерстяной шарф, завязанный под подбородком, но Жозетта, чтобы посмотреть на Грэхема, вскинула голову так, словно носила затеняющую глаза шляпу. В целом она смотрелась далеко не столь привлекательно, как у себя в примерной. Шарф Жозетте не шел, манто делало фигуру бесформенной.

— Видимо, да. Раз уж мы завели речь о поездах, — добавил Грэхем, — то как же ваше купе второго класса?

Она нахмурилась, улыбаясь уголками рта.

— Так гораздо дешевле. А разве я сказала, что отправлюсь поездом? Грэхем смутился.

— Нет, конечно. — Он понял, что ведет себя не слишком учтиво. — Как бы там ни было — рад снова встретиться так скоро. Я уже обдумывал, что стану делать, если обнаружу «Отель де Бельж» закрытым.

Она бросила на Грэхема лукавый взгляд:

— А! Так вы и правда собирались мне позвонить?

— Разумеется. Мы же договорились.

Жозетта скорчила недовольную гримасу:

— По-моему, вы все-таки не искренни. Признавайтесь честно, почему вы здесь, на корабле.

Она зашагала вдоль палубы; Грэхему оставалось только пойти рядом.

— Вы мне не верите?

Она деланно пожала плечами:

— Не хотите сказать — не надо. Я не лезу в чужие дела.

Грэхем подумал, что понимает любопытство Жозетты. С ее точки зрения, существовало только два объяснения его присутствию на пароходе. Либо он лгал, что едет Восточным экспрессом, стараясь пустить пыль в глаза, — значит, денег имел мало. Либо он как-то проведал, что она плывет на корабле, и отказался ради нее от роскоши Восточного экспресса, а в этом случае скорее всего был богат. Внезапно Грэхем ощутил странное желание выложить правду.

— Ладно. Я здесь, чтобы скрыться от одного человека, который пытается меня застрелить.

Жозетта остановилась как вкопанная.

— Здесь холодно, — невозмутимо промолвила она. — Я пойду внутрь.

Грэхем так удивился, что даже рассмеялся. Жозетта тут же набросилась на него:

— Дурацкие у вас шутки.

Никаких сомнений: она искренне сердилась. Грэхем поднял забинтованную руку:

— Вот. Ее оцарапала пуля.

Жозетта нахмурила брови:

— Вы плохо делаете. Если поранили руку — сочувствую, но так остричь не стоит. Это небезопасно.

— Небезопасно?

— Вам не к добру, да и мне тоже. Шутить так — дурная примета.

— Понимаю. — Он улыбнулся. — Я не суеверен.

— Вы просто не знаете. А я скорее на ворона стану глядеть, чем слушать шутки про убийства. Никогда больше такое не говорите, а то разонравится мне.

— Прошу извинить, — примирительно отозвался Грэхем. — Вообще-то я порезал руку бритвой.

— А! Опасная вещь. Хозе видел в Алжире человека, у которого глотка была разрезана бритвой от уха до уха.

— Самоубийство?

— Нет-нет! Его зарезала подружка. Крови вылилось море. Хозе вам расскажет, если попросите. Грустная история.

— Представляю. Так, значит, Хозе путешествует с вами?

— Естественно. — Она скосила на Грэхема глаза. — Он ведь мой муж.

Муж! Это объясняло, почему она терпит Хозе. Объясняло, почему полковник Хаки не предупредил, что «танцующая блондинка» тоже будет на корабле.

Грэхем вспомнил, с какой поспешностью Хозе удалился из примерной. Просто часть бизнеса. Артистки в заведениях вроде «Ле Жоке» заметно утратят привлекательность, если станет известно, что поблизости ошиваются их мужья.

— Копейкин не говорил, что вы замужем.

— Копейкин очень мил, но всего на свете не знает. Я признаюсь вам по секрету, что отношения между мной и Хозе чисто деловые. Мы партнеры — не больше. Он ревнует, только когда я забываю о делах ради удовольствия.

Голос ее звучал бесстрастно, словно она обсуждала пункт контракта.

— Вы будете танцевать в Париже?

— Не знаю. Надеюсь, да, но из-за войны сейчас почти все закрыто.

— И что же вы станете делать, если вас никуда не пригласят?

— А как вы думаете? Голодать. Мне не впервой. — Она храбро улыбнулась. — Да и для фигуры полезно. — Уперев руки в бедра, Жозетта посмотрела на Грэхема, приглашая его высказать авторитетное мнение. — Как считаете, стоит мне немного поголодать? В Стамбуле быстро толстеешь. — Она приняла эффектную позу. — Видите?

Грэхем едва не засмеялся. Картина, предлагавшаяся его взору, обладала незамысловатой прелестью полностраничной иллюстрации из мужского журнала. Воплощенная мечта делового человека: очаровательная светловолосая артистка в браке без любви, нуждавшаяся

в покровителе, — дорогой товар, продающийся сегодня по сниженной цене.

— Танцовщицам, должно быть, нелегко приходится, — сухо заметил он.

— О да. Многие считают, что у нас не жизнь, а сплошное веселье. Если б только они знали!

— Вы правы. Подмораживает. Может, зайдём внутрь и выпьем?

— Было бы здорово. — Она прибавила с подчеркнутой сердечностью: — Я так счастлива, что мы путешествуем вместе. Боялась, что стану скучать, а с вами мне будет весело.

Грэхем улыбнулся в ответ; улыбка получилась несколько натянутой. Он начинал подозревать, что выставляет себя в глупом свете.

— Кажется, нам сюда.

Они вошли в салон — узкую комнату футов тридцати в длину с двумя дверями: одна выходила на навесную палубу, другая — на верхнюю площадку ведущего к каютам трапа. Вдоль стен располагались обитые серой тканью сиденья, в одном конце были привинчены к полу три круглых обеденных стола — как видно, отдельной столовой здесь не имелось. Несколько стульев, карточный столик, шаткий письменный стол, радиоприемник, пианино и потертый ковер довершали обстановку. В дальнем углу виднелась дверь из двух половинок с прибитым к нижней деревянным прилавком — бар. За дверью стюард распечатывал блоки сигарет. Если не считать его, салон пустовал.

Они сели.

— Что будете пить, миссис... — неуверенно начал Грэхем.

Она усмехнулась:

— У Хозе фамилия Галлиндо, но я ее терпеть не могу. Зовите меня Жозеттой. Мне, пожалуйста, виски и сигарету.

— Два виски, — заказал Грэхем.

Стюард высунул голову и неодобрительно на них взглянул:

— Виски? E molto caro,^[28] — предупредил он. — Très cher. Cinq lire.^[29] По пять лир. Очень дорого.

— Дорого. Но мы все равно возьмем.

Стюард скрылся в баре и загремел бутылками.

— Мы его разозлили, — сказала Жозетта. — Видно, не привык к пассажирам, которые заказывают виски. — Она явно получила удовольствие от заказа и от замешательства стюарда. В электрическом

28...Это очень дорого (ит.).

29...Очень дорого (фр.). Пять лир (ит.).

свете салона мантио смотрелось дешевым и поношенным, но она расстегнула его и расправила на плечах так, словно это были соболя. Грэхем вопреки своим убеждениям почувствовал к ней жалость.

— Давно вы танцуете?

— С тех пор как мне исполнилось десять. А это случилось двадцать лет назад. Видите, я не хочу врать про свой возраст, — гордо заметила она. — Родилась я в Сербии, но называюсь венгеркой — лучше звучит. Родители у меня были очень бедные.

— Но честные, само собой.

Жозетта казалась слегка озадаченной.

— Нет, отец честностью не отличался. Он был танцором, украл деньги у кого-то из труппы и попал в тюрьму. Потом началась война, и мать забрала меня в Париж, где о нас одно время заботился весьма состоятельный человек и мы жили в отличной квартире. — Она вздохнула: великосветская дама, тоскующая о днях минувшей славы. — Потом он разорился, и матери опять пришлось танцевать. Она умерла в Мадриде; меня оттуда привезли в Париж и отдали в женский монастырь. В монастыре было ужасно. Что случилось с отцом — не знаю. Наверно, его убили на войне.

— А Хозе?

— Встретила его, когда выступала в Берлине. Он не ладил со своей тогдашней партнершей. Страшная сука была, — просто добавила она.

— И давно вы познакомились?

— Три года назад. Где только с тех пор не побывали. — Жозетта поглядела на Грэхема с нежной заботой. — Но вы устали. Выглядите утомленным. И лицо порезали.

— Попытался бриться левой рукой.

— Какой у вас дом в Англии? Милый?

— Жене нравится.

— Ух ты. А жена-то вам нравится?

— Очень.

— Вряд ли мне понравилось бы в Англии, — задумчиво произнесла она. — Там вечно дожди, туман. Я люблю Париж. Нет лучше места, где поселиться, чем парижская квартира. И стоит недорого.

— Правда?

— За тысячу двести франков в месяц можно найти совсем неплохую квартиру. В Риме не так дешево; я снимала там квартиру — хорошая, но обходилась в полторы тысячи лир. У меня тогда был богатый жених. Торговал автомобилями.

— Это еще до Хозе?

— Конечно. Мы собирались пожениться, только ему никак не удавалось развестись со своей женой в Америке. Он обещал, что все устроит, но в конце концов выяснилось, что ничего не получится. Жаль было. В той квартире я прожила целый год.

— От него вы и научились английскому?

— Да. Хотя немного выучила еще в том ужасном монастыре. — Она нахмурилась. — Но я все рассказываю о себе. А о вас ничего не знаю — только что вы инженер, у вас милый дом и жена. Вы задаете вопросы, а сами ничего мне не говорите. Я до сих пор не представляю, зачем вы здесь. Это не очень красиво.

Отвечать Грэхему не пришлось: еще один пассажир зашел в салон и приблизился к ним с явным намерением познакомиться.

Он был коренастым, широкоплечим и неопрятным, имел тяжелый подбородок и бахрому седых, с перхотью, волос вокруг лысины. Улыбка застыла на лице, как у куклы, — словно он вечно оправдывался за то, что существует.

Пароход слегка качнуло на волне, но по тому, как пришедший, пересекая комнату, хватался за спинки стульев, можно было подумать, что разразилась буря.

— Много качает, да? — сказал он по-английски и опустил на стул. — А! Так вот лучше. — Он с любопытством посмотрел на Жозетту и повернулся к Грэхему: — Я слышу — говорят на английский, и мне сразу интересно. Вы англичанин, сэр?

— Да. А вы?

— Турок. Тоже ехать в Лондон. Торговля очень хороший. Буду продавать табак. Мое имя — мистер Куветли, сэр.

— Я Грэхем. А это сеньора Галлиндо.

— Сильно рад. — Не вставая со стула, мистер Куветли согнулся в поклоне. — На английский говорю не очень хорошо, — добавил он без всякой необходимости.

— Это трудный язык, — холодно ответила Жозетта, явно недовольная вторжением.

— Моя жена, — продолжал мистер Куветли, — не знает на английский ничего. Потому ее не беру. Она в Англии не бывал.

— А вы?

— Бывал, сэр. Три раза — продавал табак. Раньше не много продавал, а теперь много. Теперь война. Американские корабли больше не ходят в Англию. Английские корабли возят из Америки пушки и самолеты, для табака места нет. Потому Англия много покупает табак у Турции. У моего босса торговля очень хороший. Фирма «Пазар и К°».

— Понятно.

— Он бы сам ехал в Англию, но не говорит на английский совсем. И писать не умеет. Сильно неграмотный. Всем заграничным — англичанам, другим — отвечаю на письма я. Но про табак он много знает. Сильно хороший табак делаем. — Мистер Куветли сунул руку в карман и извлек кожаный портсигар. — Прошу, попробуйте сигарету из табака «Пазар и К°». — Он протянул портсигар Жозетте.

Та покачала головой:

— Tefekkür ederim.^[30]

Турецкая фраза покорила Грэхема; она словно бы принижала старания турка говорить по-английски.

— А, — обрадовался мистер Куветли, — вы говорите на моем языке. Это сильно хорошо. Вы долго бывали в Турции?

— Dört ay.^[31] — Жозетта обернулась к Грэхему: — Дайте, пожалуйста, одну из ваших сигарет.

Это было умышленное оскорбление, но мистер Куветли лишь улыбнулся — чуть шире, чем обычно. Грэхем взял у него сигарету.

— Благодарю. Вы очень добры. Выпьете, мистер Куветли?

— Ах, спасибо, нет. Мне надо, пока не ужин, пойти заправить каюту.

— Тогда, может, позже?

— Да, пожалуйста. — С широкой улыбкой мистер Куветли поклонился им обоим, встал и направился к двери.

Грэхем закурил.

— Зачем вы его прогнали? Разве обязательно было грубить?

Жозетта сдвинула брови:

— Турки! Не выношу их. Они же... обезьяны чертовы. Видели, какой толстокожий — не прошибешь. Все улыбается.

— Да, держался он очень дружелюбно.

— Не понимаю вас, англичан, — вспыхнула она. — В прошлую войну вы сражались вместе с французами против турок. В монастыре нам много об этом рассказывали. Турки — животные. У них на совести зверства в Армении, зверства в Сирии, зверства в Смирне. Они протыкали детей штыками. А теперь все по-другому. Теперь вы любите турок. Они вам союзники, и вы покупаете у них табак. Лицемерие какое-то. Я — сербка, и у меня память подлиннее.

30...Спасибо (тур.).

31...Четыре месяца (тур.).

— Британская армия, полагаю, тоже?

— Спросите об этом у индийца или африканера. В каждой стране есть свои бесноватые; где-то больше, где-то меньше. Если дать таким право убивать — они не всегда разборчивы в том, кого убивают и как. Но остальные их соотечественники — люди, а не животные. Лично мне турки нравятся.

Жозетта злилась. Видимо, обращаясь грубо с мистером Куветли, она рассчитывала заслужить одобрение Грэхема, а теперь сердилась, что тот отреагировал не так, как она предполагала.

— Здесь душно, — сказала она. — И пахнет готовкой. Пойду опять прогуляюсь. Если захотите — присоединяйтесь.

Когда они шли к двери, Грэхем воспользовался удобным случаем и произнес:

— Мне нужно еще распаковать чемодан. Надеюсь увидеть вас за ужином.

Выражение ее лица мгновенно сменилось. Перед Грэхемом предстала всемирно известная красавица, со снисходительной улыбкой потакающая чудачествам томящегося от любви поклонника.

— Как пожелаете. Потом со мной будет Хозе. Я вас познакомлю. Он захочет сыграть в карты.

— Да, вы говорили. Постараюсь вспомнить игру, в которую играю хорошо.

Жозетта пожала плечами:

— Он все равно выиграет. Но я вас предупредила.

— Буду помнить, когда проиграю.

Грэхем вернулся в каюту и оставался там до тех пор, пока вдоль коридора не прошел стюард с гонгом, объявляя о начале ужина.

Когда Грэхем поднялся по ступенькам, он чувствовал себя лучше и был готов проявлять интерес к попутчикам. Он переоделся, сумел-таки до конца побриться; у него появился аппетит. Войдя в салон, он увидел, что большинство пассажиров уже там.

Команда корабля, очевидно, ужинала отдельно. Были накрыты только два стола. За одним сидели мистер Куветли, мужчина и женщина — очевидно, супруги-французы из соседней каюты, Жозетта и прилизанный Хозе. Грэхем вежливо всем улыбнулся; мистер Куветли громко пожелал ему доброго вечера, Жозетта вскинула брови, Хозе равнодушно кивнул. Французы молча уставились на Грэхема. Ощущалось какое-то напряжение — нечто большее, чем обычная скованность пассажиров, собравшихся вместе в первый раз.

Стюард усадил Грэхема за другой стол. Здесь одно из мест уже занял пожилой мужчина, который раньше стоял на палубе, — грузный, сутулый человек с бледным одутловатым лицом, серебристыми волосами и длинной верхней губой. Грэхем сел рядом; мужчина поднял на него большие бледно-голубые глаза:

— Мистер Грэхем?

— Да. Добрый вечер.

— Меня зовут Халлер. Доктор Фриц Халлер. Должен сразу уведомить вас, что я немец, добропорядочный немец, и сейчас возвращаюсь в свою страну. — Он говорил по-английски превосходно; голос звучал низко и размеренно.

Грэхем заметил, что сидевшие за другим столом, затаив дыхание, следят на ними. Теперь он понимал, почему атмосфера была напряженной.

— Я англичанин, — спокойно ответил он. — Хотя, думаю, вы и так знаете.

— Да, знаю. — Халлер отвернулся к тарелке. — Союзные силы здесь, как видите, в превосходящем числе. А стюард, к несчастью, тупица. Французскую пару сперва разместили за этим столом; они отказались преломить хлеб с врагом, оскорбили меня и пересели. Если вы тоже планируете так поступить — мне кажется, сейчас самое время. Все ждут, что вы устроите сцену.

— Вижу. — Грэхем мысленно обругал стюарда.

— С другой стороны, — продолжил Халлер, приступая к еде, — вы можете найти ситуацию забавной — как нахожу я. Возможно, у меня недостает патриотизма; мне, вероятно, следовало бы оскорбить вас прежде, чем вы оскорбите меня. Но даже если отбросить досадную разницу в возрасте, я не могу придумать для вас действенного оскорбления. Чтобы по-настоящему оскорбить человека, его сперва надо тщательно изучить. Французская леди, к примеру, назвала меня грязной тварью. Меня это несколько не задело. Я чистоплотен и принимал сегодня утром ванну.

— Понимаю вас. Но...

— Но существуют еще вопросы этикета. Согласен. Предоставляю их вам. Хотите — отсаживайтесь, хотите — оставайтесь. Ваше соседство меня ничуть не смутит. А если мы договоримся не касаться вопросов международной политики, можем даже провести следующие полчаса в цивилизованной беседе. Вы — новоприбывший, и решать вам.

Грэхем взял меню.

— На нейтральной территории, насколько я знаю, у враждебных сторон принято не замечать друг друга — или, во всяком случае, не

ставить хозяев в неловкое положение. Не замечать друг друга у нас благодаря стюарду не выйдет, однако я не вижу причин делать трудную ситуацию еще более неприятной. К завтрашнему обеду, без сомнения, можно будет поменять места.

Халлер кивнул:

— Разумно. Должен признаться, я рад вашей компании. Моя жена страдает от морской болезни и осталась на вечер в каюте. А без застольного разговора итальянская кухня, на мой вкус, довольно пресная.

— Соглашусь. — Грэхем нарочно улыбнулся; за соседним столиком произошло какое-то движение, послышалось негодующее восклицание француженки. Грэхем с неудовольствием почувствовал, что стыдится.

— Кажется, вы заслужили неодобрение, — заметил Халлер. — Отчасти тут моя вина. Сожалею. Возможно, дело в том, что я стар, — только мне очень трудно отождествлять людей с их идеями. Идея может мне не нравиться, я могу ее даже ненавидеть, но человек, ее высказывающий, остается для меня человеком.

— Вы долго были в Турции?

— Несколько недель. Я приехал туда из Персии.

— Нефть?

— Нет, мистер Грэхем. Археология. Я изучал ранние доисламские культуры. Выяснить удалось не так много. Находки указывают, что некоторые племена, переселившиеся четыре тысячи лет назад на иранские равнины с востока, усвоили шумерскую культуру и берегли ее почти неизменной долгое время после падения Вавилона. Один только сохраненный ими вариант мифа об Адонисе уже многое говорит. Оплакивание Таммуза — узловая точка доисторических религий: культ умирающего и воскресающего бога. Таммуз, Осирис, Адонис — все это одно и то же шумерское божество, известное у разных народов под разными именами. Сами шумеры называли его Думузи. И так же он звался у некоторых доисламских племен Ирана! А еще у них имелась чрезвычайно любопытная форма шумерского эпоса о Гильгамеше и Энкиду, про которую я раньше не слышал. Но прошу меня простить — я, должно быть, уже надоел вам.

— Совсем нет, — вежливо откликнулся Грэхем. — А в Персии вы долго пробыли?

— Всего два года. Если бы не война, задержался бы еще на год.

— Война так сильно повлияла на вашу работу?

Халлер поджал губы.

— Были и финансовые трудности. Но и без них я бы, наверно, не остался. Копить знания можно, только если впереди мирная жизнь, а

Европа сейчас слишком занята смертью и разрушением, чтобы заботиться о подобных вещах. Приговоренного к казни интересуют только он сам, ход часов да то обещание бессмертия, которое он может вызвать из потаенных глубин своей души.

— Я бы подумал, что, когда увлекаешься прошлым...

— Ну да, ну да: ученый в своем кабинете способен пропускать мимо ушей шум рыночной площади. Богослов, биолог или собиратель древностей, может, и способен, но я к ним не отношусь. Я старался понять логику истории. Из прошлого надо соорудить зеркало, чтобы с его помощью заглянуть в будущее, ждущее нас за поворотом. К несчастью, уже не важно, что там можно было разглядеть. Мы возвращаемся вспять, в темные века.

— Вы ведь, кажется, назвали себя добропорядочным немцем.

Халлер усмехнулся:

— Я стар. И могу позволить себе роскошь пессимизма.

— Все-таки на вашем месте я бы остался в Персии и предавался этой роскоши издалека.

— К сожалению, климат там неподходящий — то слишком жарко, то слишком холодно. Моей жене приходилось особенно тяжело. Вы военный, мистер Грэхем?

— Нет. Инженер.

— Это почти то же самое. У меня сын — военный. Давно служит в армии. Никогда не понимал, отчего у меня такой сын. В четырнадцать лет он презирал меня за то, что у меня нет боевых шрамов. Англичан он, боюсь, тоже презирал; мы одно время жили в Оксфорде — я выполнял там кое-какую работу. Красивый город! Вы из Лондона?

— Нет, с севера.

— Я ездил в Лидс и Манчестер. Но Оксфорд мне больше по душе. Сам я живу в Берлине — город ничуть не хуже Лондона. — Он посмотрел на руку Грэхема: — Вы недавно поранились?

— Да. По счастью, равиоли удобно есть и левой рукой.

— Этого у них не отнимешь. Не хотите ли вина?

— Спасибо, не надо.

— Мудро. Лучшие итальянские вина из Италии не вывозят. — Он понизил голос: — А вот и последние пассажиры.

В салон вошли двое — по-видимому, мать и сын. Женщина — без сомнения, итальянка, — лет пятидесяти, с бледным, исхудалым лицом, держалась так, словно страдала тяжелой болезнью. Симпатичный юноша лет восемнадцати заботливо подвел ее к столу и глянул исподлобья на

Грэхема, которому пришлось встать, чтобы выдвинуть женщине ее стул. Оба были одеты в черное.

Халлер приветствовал их по-итальянски; юноша коротко ответил, женщина молча кивнула. Мать и сын принялись шепотом обсуждать меню; они, как видно, не хотели, чтобы их тревожили разговором.

За соседним столом раздавался голос Хозе.

— Война! — рассуждал Хозе по-французски с густым акцентом. — При ней людям трудно зарабатывать деньги. Да пускай Германия возьмет себе всю территорию, какую пожелает. Пускай подавится. А мы поедem в Берлин и погуляем там в свое удовольствие. Глупо сражаться. Не по-деловому.

— Ха! — воскликнула француженка. — И это говорите вы — испанец! Ха! Очень мило. Великолепно!

— Я в Гражданской войне не примкнул ни к одной из сторон, — парировал Хозе. — У меня есть дело, я им зарабатываю на жизнь. А они там с ума посходили. Мне в Испании делать было нечего.

— Война — это ужасно, — вставил мистер Куветли.

— Но если бы победили красные... — начал француз.

— Ну да! Если бы победили красные... — перебила его жена. — Они же безбожники. Сжигали церкви, ломали святые образы и утварь, насиловали монахинь, убивали священников!

— Очень трудно зарабатывать деньги, — упрямо повторил Хозе. — Я знал одного человека в Бильбао. У него был крупный бизнес; пришла война — и ничего не осталось. Идиотская штука — война.

— Устами болвана глаголет истина, — пробормотал Халлер. — Я, пожалуй, пойду проведать жену. Прошу меня извинить.

Остаток ужина Грэхем провел, по существу, в одиночестве. Халлер не возвратился, мать и сын на другом краю стола ели, склонив головы над тарелками. Казалось, они погружены в общую скорбь; Грэхем чувствовал себя так, словно вторгся во что-то личное. Покончив с едой, он вышел из салона, надел пальто и отправился на палубу подышать перед сном свежим воздухом.

Огни берега теперь горели далеко; корабль тихо плыл по ветру. Грэхем обнаружил трап, ведущий на шлюпочную палубу, поднялся и постоял немного, укрывшись от ветра за вентиляционной трубой. Внизу матрос с фонарем подбивал клинья, закреплявшие брезент над люками. Вскоре он закончил работу и ушел, оставив Грэхема размышлять, чем заняться во время плавания. Надо будет завтра достать в Афинах книг. Копейкин говорил, что пароход пристанет в Пирее примерно в два часа дня, а отчалит в пять — достаточно времени, чтобы съездить на трамвае

в Афины, купить английских сигарет и книг, отправить телеграмму Стефани и снова вернуться в порт.

Он зажег сигарету, решив, что выкурит ее и уйдет спать, но едва отбросил спичку, как увидел на палубе Хозе и Жозетту. Отступить было поздно: они уже заметили Грэхема и шли к нему.

— Вот вы где, — с укором сказала Жозетта. — Это Хозе.

Хозе, одетый в плотно облегающее черное пальто и мягкую серую шляпу с загнутыми полями, неохотно кивнул.

— Enchant, Monsieur, [\[32\]](#) — вымолвил он с видом занятого человека, у которого отнимают время.

— Хозе не говорит по-английски, — объяснила Жозетта.

— Ему совсем и не обязательно. — Грэхем перешел на испанский: — Рад познакомиться, сеньор Галлиндо. Я получил большое удовольствие от вашего с женой танца.

Хозе резко рассмеялся:

— Ерунда. Место там гнусное.

— Хозе все сердится, что Коко — негритянка со змеей, помните? — получила от Сергея больше денег, чем мы, хотя мы были главной приманкой для зрителей.

Хозе произнес по-испански нечто непечатное.

— Она любовница Сергея, — продолжила Жозетта. — Вы улыбаетесь, но так оно и есть. Хозе может подтвердить.

Хозе издал губами громкий звук.

— Хозе дурно воспитан. Но насчет Сергея и Коко — это правда. История ужасно смешная. Вышла потеха с Фиджи, питоном, — Коко его очень любит и всегда брала с собой в постель. А Сергей не знал; Коко рассказывала, что он грохнулся в обморок, когда обнаружил Фиджи в кровати. Коко заставила Сергея удвоить ей плату, прежде чем согласилась, чтобы змея спала одна у себя в корзинке. Сергей не дурак — даже Хозе признает, что не дурак. Но Коко из него веревки вьет. У нее сильный характер.

— Сергею надо ей хорошенько врезать, — сказал Хозе.

— Фу, как пошло! — Жозетта повернулась к Грэхему: — А вы — неужели с ним согласны?

— У меня мало опыта общения с женщинами-змеями.

— Вот! Вы не хотите отвечать. Все вы, мужчины, такие.

Похоже, Жозетта забавлялась над Грэхемом; он начал чувствовать себя глупо.

32...Рад познакомиться, месье (*фр.*).

— Вы раньше плавали этим рейсом? — спросил Грэхем у Хозе.

Тот подозрительно глянул и ответил:

— Нет. А что? Вы плавали?

— Нет-нет.

Хозе закурил.

— У меня этот корабль уже в печенках сидит, — объявил он. — Скучный, грязный и страшно трясется. И каюты слишком близко к сортиру. В покер играете?

— Играл, но не очень хорошо.

— Я же вам говорила! — воскликнула Жозетта.

— Она думает, раз я выигрываю — значит, жульничаю, — кисло произнес Хозе. — А мне плевать, что она думает. Никто не заставляет людей со мной играть; так чего же они орут как резанные, когда проигрывают?

— В самом деле, — признал Грэхем, — нелогично.

— Хотите — сыграем сейчас. — В голосе Хозе звучал вызов.

— Если вы не против, отложим до завтра. Я сегодня утомился; мне уже пора в постель.

— Так быстро! — Жозетта недовольно сморщила нос и перешла на английский: — На всем корабле один-единственный интересный пассажир, и тот уходит спать. Плохо это. Да, вы дурно себя ведете. Зачем за ужином сидели с немцем?

— Он не возражал — да и с чего ему возражать? Очень умный и приятный старик.

— Он же немец. Для вас ни один немец не должен быть умным и приятным. Французы правильно сказали: вам, англичанам, это все — пустяки.

Хозе вдруг повернулся на каблуках.

— Английскую речь слушать скучно. К тому же я промерз. Пойду глотну бренди.

Грэхем начал было извиняться, но Жозетта его оборвала:

— Он сегодня не в духе. Думал, на корабле будут молоденькие девушки, на которых можно поглазеть. Он всегда имеет успех у молоденьких — и у старух.

Она сказала это громко, по-французски; Хозе, успевший дойти до ступенек трапа, обернулся и рыгнул. Потом он спустился.

— Я рада, что он ушел. Манеры у него скверные. — Жозетта глубоко вздохнула, подняла голову и поглядела на облака. — Такая чудесная ночь. Не понимаю, почему вы хотите уйти в каюту.

— Я очень устал.

— Но не настолько же, что не можете пройти со мной по палубе.

— Нет, конечно.

В одном углу палубы, под мостиком, было совсем темно; Жозетта остановилась там, неожиданно повернулась лицом к Грэхему и прислонилась к поручням.

— Вы, наверно, сердитесь на меня?

— Господи! Нет. С чего бы?

— Из-за того, что я нагрубила вашему маленькому турку.

— Он не мой маленький турок.

— Но вы все-таки сердитесь?

— Конечно, нет.

Она вздохнула:

— Загадочный вы человек. Я до сих не знаю, почему вы плывете с нами, а хотела бы знать. Не потому ведь, что дешево: костюм на вас дорогой.

Грэхем не различал лица Жозетты — лишь смутные очертания, — но чувствовал аромат ее духов и запах старого мехового манто.

— Не пойму, отчего вас это интересует.

— Но ведь сами видите: интересует.

Жозетта придвинулась на пару дюймов. Он знал, что если захочет, может поцеловать ее и она ответит на поцелуй. Еще он знал, что одним поцелуем дело не кончится — это будет знак, что между ними завязались некие отношения. Грэхем сам удивился, что не отбросил с ходу такие мысли; мягкие, пухлые губы Жозетты манили его. Усталый и замерзший, он ощущал рядом тепло ее тела. Не будет никакого вреда, если...

— Вы едете через Модан? — спросил Грэхем.

— Да. Почему вы спрашиваете? Это обычная дорога в Париж.

— Когда доберемся до Модана, я расскажу, почему сел на пароход — если вам еще будет интересно.

Она отвернулась, и они пошли дальше.

— Может, это и не так важно. Не думайте, что я чересчур любопытна. — Они дошли до трапа. Поведение Жозетты заметно изменилось: теперь она смотрела на Грэхема с дружеской заботой. — Да, мой дорогой, вы утомились. Зря я вас тут задержала. Теперь погуляю одна. Доброй ночи.

— Доброй ночи, сеньора.

Она улыбнулась:

— «Сеньора». Все-таки вы жестокий. Доброй ночи.

Грэхем, сразу и раздраженный, и повеселевший, спустился по трапу и столкнулся у дверей салона с мистером Куветли.

Мистер Куветли расплылся в улыбке:

— Помощник капитана говорит — погода нам будет хороший.

— Замечательно. — Грэхем с огорчением вспомнил, что приглашал турка выпить. — Выпьете со мной?

— Ах нет, спасибо. Не теперь. — Мистер Куветли положил руку на грудь. — Признаюсь сказать, у меня боль от вина на ужине. Очень кислый вещь!

— Понимаю. Ну, тогда до завтра.

— Да, мистер Грэхем. Вы сильно обрадуетесь вернуться домой, да? — Он, кажется, хотел поговорить.

— Сильно.

— Когда завтра останавливаемся, вы идете в Афины?

— Собирался.

— Наверно, хорошо Афины вы знаете?

— Бывал там раньше.

Мистер Куветли помедлил. Улыбка стала совсем елеинной.

— Вы в положении сделать мне услугу, мистер Грэхем.

— Какую же?

— Я не хорошо Афины знаю. Никогда не бывал. Разрешите идти с вами?

— Да, разумеется. Буду рад компании. Но я просто собирался купить английских книг и сигарет.

— Сильно благодарю.

— Не за что. Мы ведь причалим вскоре после обеда?

— Да-да. Это правильно. Но я узнаю для вас точное время. Это оставьте мне.

— Договорились. А сейчас я, пожалуй, пойду спать. Спокойной ночи, мистер Куветли.

— Спокойной ночи, сэр. И спасибо за вашу услугу.

— Не стоит. Спокойной ночи.

Грэхем зашел в каюту, позвонил и сказал стюарду, чтобы утренний кофе принесли в девять тридцать. Потом разделся и лег на койку.

Несколько минут он лежал, с наслаждением ощущая, как постепенно расслабляются мышцы. Наконец-то можно выкинуть из головы Хаки, Копейкина, Баната и все прочее. Он вернулся к нормальной жизни; он мог поспать. В голове пронеслась фраза: «...и заснул, едва голова

коснулась подушки». Так сейчас будет и с ним. Видит Бог, он порядком устал.

Грэхем перевернулся со спины на бок; сон пока не шел. Мозг продолжал работать, словно заевшая пластинка. Глупо он себя вел с этой проклятой Жозеттой. Глупо... Он обратился мыслями к будущему. Да, ему же еще предстоят целых три часа в обществе мистера Куветли. Но это завтра. Сейчас — спать.

Рука снова заняла. Вокруг раздавались всякие звуки. Грубиян Хозе был прав: корабль действительно чересчур трясся, каюты действительно располагались слишком близко к туалету. Над головой слышались шаги — по навесной палубе кто-то ходил кругами. Все ходил и ходил. И почему это людям все время надо где-нибудь ходить?

Грэхем лежал без сна уже полчаса, когда в соседнюю каюту возвратилась французская пара.

Минуту-другую они держались тихо — до Грэхема доносились только отдельные звуки и короткие ворчливые реплики. Потом женщина начала:

— Ну вот, первый вечер позади. А еще три! Я не выдержу.

— Пройдут и они. — Мужчина зевнул. — А что такое с итальянкой и ее сыном?

— Ты разве не слышал? Ее муж погиб в Эрзруме во время землетрясения. Мне сказал первый помощник; он очень приятный, но я надеялась, что здесь будет хоть один француз, с кем можно побеседовать.

— Тут многие знают французский. Маленький турок говорит совсем неплохо. И другие есть.

— Они не французы. Та женщина и испанец... Рассказывают, что они танцовщики, но мне что-то не верится.

— Она хорошенькая.

— Хорошенькая, не спорю. Только зря хвост не распускай — она увлеклась англичанином. А мне он не нравится. Не похож на англичанина.

— Ты думаешь, англичане — сплошь милорды в охотничьих костюмах и с моноклями. Ха! Я видал томми в пятнадцатом году. Они все маленькие, безобразные, разговаривают очень громко и быстро. Тот тип больше похож на офицеров — они худые, неторопливые и вечно смотрят так, словно вокруг дурно пахнет.

— Он не английский офицер. Ему нравятся немцы.

— Не преувеличивай. Такой почтенный старик — я бы и сам с ним сел.

— Брось! Не верю. Ты только говоришь так.

— Не веришь? Когда ты солдат, ты не обзываешь немцев «грязными тварями». Это для женщин, для гражданских.

— Ты с ума сошел. Они ведь правда твари. Животные. Как и те, в Испании, которые насильовали монахинь и убивали священников.

— Малышка, ты забываешь, что многие из гитлеровских «тварей» воевали в Испании против красных. Как-то не сходятся у тебя концы с концами.

— То были немцы-католики. Совсем не те, что нападали на Францию.

— Чушь. Разве я в семнадцатом не получил пулю в живот от баварского католика? Помолчи. Устал уже от твоей чепухи.

— Нет, это ты...

Они продолжали пререкаться; Грэхем больше не слушал. Прежде чем он решился громко кашлянуть, его уже сморил сон.

Просыпался ночью он всего один раз. Тряска прекратилась; Грэхем взглянул на часы — половина третьего. Должно быть, они остановились в Чанаке, чтобы сдать лоцмана. Через несколько минут двигатели заработали снова, и Грэхем опять уснул.

Семь часов спустя, когда стюард принес в каюту кофе, Грэхем узнал, что лоцманский катер доставил для него из Чанака телеграмму.

Адрес был написан по-турецки:

«GRAHAM, VAPUR SESTRI LEVANTE, CANAKKALE».^[33]

Грэхем прочел:

«Х. ВЕЛЕЛ СООБЩИТЬ ВАМ Б. ВЫЕХАЛ СОФИЮ ЧАС НАЗАД. ВСЕ ХОРОШО. УДАЧИ. КОПЕЙКИН».

Телеграмму отправили из Бейоглу в семь часов прошлого вечера.

Глава V

Над Эгейским морем сиял ослепительный день. В ярко-синем небе плыли розовые облачка, дул сильный бриз. Аметистовая поверхность моря покрылась белыми полосами пены; «Сестри-Леванте» разрезал их, поднимая тучи брызг, которые ветер градом бросал на колодезную палубу. Стюард сообщил, что корабль проходит вблизи острова Макрониси; выйдя на палубу, Грэхем его увидел — тонкую, золотящуюся на солнце линию, растянувшуюся вдаль, словно песчаная полоска при входе в лагуну.

33...«Грэхем, пароход „Сестри-Леванте“, Чанакале» (тур.).

На этом краю палубы стояли еще двое: Халлер и опиравшаяся на его руку сухонькая седая женщина — очевидно, жена. Они держались за поручни. Халлер снял шляпу и поднял голову, словно набираясь от ветра сил; налетающий бриз свободно трепал серебристые волосы. Грэхема супруги, видимо, не замечали.

Он поднялся на шлюпочную палубу. Здесь ветер был крепче. Мистеру Куветли и французской паре, которые смотрели на летевших за кораблем чаек, приходилось придерживать шляпы. Мистер Куветли сразу увидел Грэхема и помахал ему; тот подошел.

— Доброе утро, мадам, месье.

Французы сдержанно поздоровались. Мистер Куветли, напротив, весьма воодушевился.

— Прекрасное утро, правда? Хорошо поспали? Я так жду нашу сегодняшнюю экскурсию. Разрешите представить месье и мадам Матис. А это месье Грэхем.

Месье Матис пожал Грэхему руку. Это был мужчина лет пятидесяти с резкими чертами лица, узкой челюстью и вечно сдвинутыми бровями. Глаза, впрочем, глядели живо, а когда он улыбнулся, улыбка вышла приятной; хмурился он, по-видимому, из-за нелегкого труда все время удерживать главенство над женой. У той на лице читалась решимость во что бы то ни стало хранить самообладание. Грэхем ее по голосу такой и представлял.

— Месье Матис едет из Эскишехира, — объяснил мистер Куветли, говоривший по-французски гораздо лучше, чем по-английски. — Он работал там на французскую железнодорожную компанию.

— Климат в тех местах вреден для легких, — сказал Матис. — Вы знакомы с Эскишехиром, месье Грэхем?

— Был проездом всего несколько минут.

— Мне бы этого хватило за глаза, — вмешалась мадам Матис. — Мы там провели целых три года. И все три года было плохо, как в первый день.

— Турки — замечательный народ, — проговорил ее муж. — Терпеливые и выносливые. И все же здорово будет возвратиться во Францию. Вы из Лондона, месье?

— Нет, с севера Англии. Ездил в Турцию на несколько недель по делам.

— Нам после стольких лет, наверно, все покажется другим из-за войны. Рассказывают, города во Франции теперь куда темнее.

— В городах темным-темно что во Франции, что в Англии. Если нет срочного дела — по ночам сейчас лучше сидеть дома.

— Война, — задумчиво изрек Матис.

— Грязные немцы, — вставила его жена.

— Война — это ужасно, — вымолвил мистер Куветли, поглаживая небритый подбородок. — Тут уж никаких сомнений. Но союзники, конечно, победят.

— Немцы сильны, — заметил Матис. — Легко сказать: «союзники победят», но сперва надо еще сразиться. А известно ли, где придется сражаться и с кем? Есть Западный фронт, есть Восточный... И правды мы не знаем. Когда узнаем, война уже закончится.

— Не нам задавать такие вопросы, — одернула его жена.

Губы Матиса сложились в улыбку; в карих глазах стояла горечь прожитых лет.

— Ты права. Не нам задавать такие вопросы. Почему? Потому что ответить могут только банкиры и политики — те ребята, кто наверху, кто владеет паями в фабриках, выпускающих военную продукцию. Но они не ответят. Они отлично понимают, что, если французские и английские солдаты получат эти ответы, никто не станет биться с врагом.

— Ты спятил! — вспыхнула мадам Матис. — Конечно, французская армия будет биться и защитит нас от грязных немцев. — Она посмотрела на Грэхема. — стыдно такое говорить — что Франция не станет сражаться. Мы не трусы.

— Нет. Но и не дураки. — Матис быстро повернулся к Грэхему: — Вы не слыхали про Брие? Там добывают девяносто процентов французской железной руды. В 1914-м шахты захватили немцы — и стали разрабатывать. Разрабатывали старательно. Они потом признались, что, если бы не железо из Брие, им пришел бы конец еще в семнадцатом году. Да, трудились на совесть — могу засвидетельствовать. Я тогда был в Вердене, и ночь за ночью мы видели на небе зарево от доменных печей, работавших в Брие в нескольких километрах от нас. Печей, питавших немецкую артиллерию. Наши орудия и бомбардировщики могли бы разнести эти печи вдребезги за неделю. Но орудия молчали, а летчик, который однажды сбросил в том районе бомбу, угодил под трибунал. Почему же? — Он возвысил голос. — Я вам скажу, месье, почему. Потому что был приказ: Брие — не трогать. Чей? Никто не знал. Кого-то с верхушки. Военное министерство говорило, что приказ отдал какой-то генерал, генералы валили на министерство. Правда вскрылась только после войны. За приказом стоял месье де Вендель из Комитета металлургической промышленности; шахты и доменные печи Брие принадлежали ему. Мы бились, не щадя жизни, но наша жизнь стоила дешево. Куда важнее — сохранить собственность месье де Венделя, чтобы тот смог получить жирную прибыль. Нет, нельзя тем, кто сражается, слишком много знать; правда не для них. Пламенные речи — да! Правда — нет.

Его жена хохотнула:

— Вечно одно и то же. Стоит только завести речь о войне — он сразу принимается рассказывать про Брие. А ведь это было двадцать четыре года назад.

— И что? — возразил Матис. — С тех пор не так уж много изменилось. Если мы пока не знаем о подобных вещах, это не значит, что они не происходят. Когда я размышляю о войне, я вспоминаю Брие, зарево доменных печей и говорю себе: я простой человек, не стоит верить всему, что слышу. Я вижу французские газеты: на страницах пропуски в тех местах, где поработал цензор. Они мне что-то рассказывают, эти газеты. Рассказывают, что Франция вместе с Англией сражается против Гитлера и нацистов за свободу и демократию.

— А разве вы не верите? — спросил Грэхем.

— Я верю, что за это сражаются люди — французы и англичане. Тут есть разница. Я вспоминаю Брие и думаю. Те же газеты когда-то заявляли, что немцы не добывают руду в Брие и все идет как надо. Я инвалид, ранен на прошлой войне; в нынешней биться не обязан. Но думать я могу.

Мадам Матис снова рассмеялась:

— Когда он вернется во Францию, посмотрит на все иначе. Мой муж болтает глупости, месье, но вы не обращайте внимания. Он добропорядочный француз. Награжден военным крестом.

Матис подмигнул:

— Кусочек серебра на груди за кусочек стали внутри. Мне кажется, воевать должны женщины: у них больше ярого патриотизма, чем у мужчин.

— А вы что думаете, мистер Куветли? — осведомился Грэхем.

— Я? Ах, что вы! — Мистер Куветли виновато развел руками. — Я, знаете, храню нейтралитет. Ничего не знаю, мнения не имею. Я продаю табак. Занимаюсь экспортом. С меня довольно.

Француз поднял брови:

— Табак? Правда? Я устраивал много грузовых перевозок для табачных компаний. На кого вы работаете?

— На Пазара из Стамбула.

— Пазар? — Матис казался слегка озадаченным. — Что-то я...

Но мистер Куветли перебил его:

— Ах! Смотрите! Вот и Греция!

Они поглядели. На горизонте в самом деле показалась Греция, похожая на низкую облачную гряду. Золотистая линия Макрониси рядом

с ней медленно сокращалась, пока корабль прокладывал путь через пролив Зеа.

— Чудесный день! — восторгался мистер Куветли. — Восхитительный! — Он шумно вздохнул. — С нетерпением предвкушаю поездку в Афины. В Пирей мы прибудем в два часа.

— Вы с мадам сойдете на берег? — спросил Грэхем у Матиса.

— Пожалуй, нет. Слишком мало времени. — Матис поднял воротник пальто и поежился. — Не спорю, день чудесный, но холодный.

— Если бы не стоял и не разговаривал так долго — не замерз бы. И шарф ты не взял, — упрекнула его жена.

— Ладно-ладно! — сердито откликнулся Матис. — Пойдем вниз. Извините нас, пожалуйста.

— Я, наверно, тоже пойду, — сказал мистер Куветли. — А вы спуститесь, мистер Грэхем?

— Побуду тут еще немного.

Мистера Куветли и так скоро будет предостаточно.

— Значит, до двух часов.

— Да.

Когда они ушли, Грэхем поглядел на часы: полдвенадцатого. Он решил обойти шлюпочную палубу десять раз, а потом спуститься выпить. Ночной сон повлиял на него благотворно. Во-первых, рука перестала ныть; удавалось даже немного согнуть пальцы, не испытывая боли. А главное — исчезло чувство, будто он попал в кошмар. Грэхем был бодр и весел. Казалось, от вчерашнего дня его отделяли годы. Конечно, о случившемся напоминала забинтованная рука, но рана больше не обладала никаким особым значением. Вчера она составляла часть чего-то пугающего; сегодня это была царапина на тыльной стороне ладони — царапина, которая заживет через несколько дней. А тем временем Грэхем ехал домой, к своей работе. Что же касается мадемуазель Жозетты — по счастью, он сохранил достаточно здравого смысла и ничего настоящего опрометчивого не сделал. В то, что он вчера, пусть даже всего на секунду, хотел ее поцеловать, сегодня даже верилось с трудом. Впрочем, имелись смягчающие обстоятельства: он тогда устал и был сбит с толку, а Жозетте, хоть ее цели и выглядели весьма прозрачными, в очаровании не откажешь.

Грэхем закончил четвертый круг, когда на палубе появился предмет его размышлений. Вместо мехов она надела пальто из верблюжьей шерсти, вместо шерстяного шарфа повязала вокруг головы зеленый хлопковый, обулась в спортивные туфли на пробковой платформе — и сейчас ждала, когда Грэхем подойдет поближе.

Он улыбнулся и кивнул:

— Доброе утро.

Жозетта подняла брови:

— Доброе утро? И это все, что вы хотите сказать?

— А что нужно еще? — удивился Грэхем.

— Вы меня разочаровали. Я полагала, что англичане встают ни свет ни заря и съедают знаменитый английский завтрак. Я поднялась в десять, а вас нигде нет, и стюарды говорят, что вы до сих пор в каюте.

— Увы, здесь на корабле английских завтраков не подают. Пришлось обойтись кофе. Я выпил его в кровати.

Жозетта нахмурилась с показной строгостью:

— И вы даже не спросите, почему я хотела вас увидеть сразу, как выбралась из постели?

— Извините, я не принял ваши слова всерьез. Так почему вы хотели со мной увидеться?

— Так-то лучше. Не совсем хорошо, но лучше. Вы днем отправитесь в Афины?

— Да.

— Я собиралась попросить, чтобы вы взяли меня с собой.

— Понятно. Я...

— Но уже слишком поздно.

— Мне очень жаль, — ответил обрадованный Грэхем. — Я был бы счастлив вас взять.

Она пожала плечами:

— Слишком поздно. Маленький турок, мистер Куветли, уже пригласил меня, и я — *faut de mieux*^[34] — согласилась. Он мне не очень нравится, но хорошо знает Афины. С ним будет интересно.

— Полагаю, да.

— Он интересный человек.

— Безусловно.

— Конечно, я могла бы попробовать убедить его...

— К несчастью, тут есть одна трудность. Вчера вечером мистер Куветли попросился сопровождать меня, потому что никогда раньше не бывал в Афинах.

Произнося эти слова, Грэхем получил большое удовольствие. Но Жозетта смешалась всего на мгновение, после чего расхохоталась:

34...За неимением лучшего (*фр.*).

— А вы, оказывается, ничуть и не вежливы. Не прервали меня, хотя знали, что говорю неправду. Вы злой. — Она снова засмеялась. — Но вышло забавно.

— Мне правда жаль.

— Вы так добры. Я только пыталась держаться по-приятельски. Вообще-то мне все равно, ехать в Афины или нет.

— Уверен, мистер Куветли будет счастлив, если вы к нам присоединитесь. И я, конечно, тоже. Вы наверняка знаете Афины намного лучше, чем я.

Ее глаза внезапно сузились.

— Что вы имеете в виду?

Грэхем не имел в виду ничего особенного. Он миролюбиво улыбнулся и произнес:

— Я подумал, что вы, вероятно, танцевали здесь.

Жозетта мрачно уставилась на него; улыбка на губах Грэхема поблекла.

— По-моему, вы не такой уж хороший, каким казались, — медленно проронила Жозетта. — По-моему, вы совсем меня не понимаете.

— Возможно. Мы ведь познакомились недавно.

— Если женщина — артистка, вы сразу считаете ее черт знает чем. — В голосе Жозетты слышалась обида.

— Вовсе нет. Мне такое и в голову не приходило. Не хотите прогуляться по палубе?

Она не пошевелилась.

— Я начинаю думать, что вы мне ни капли не нравитесь.

— Жаль. Я очень рассчитывал на вашу компанию во время плавания.

— У вас же есть мистер Куветли, — злорадно ответила она.

— Верно. К сожалению, он не столь привлекателен, как вы.

Жозетта ядовито рассмеялась:

— А, так вы заметили, что я привлекательна? Чудно. Очень польщена. Большая честь для меня.

— Кажется, я чем-то оскорбил вас, — сказал Грэхем. — Извините.

Она махнула рукой:

— Забудьте. Наверно, дело в том, что вы просто глупый. Вы хотели пройтись? Давайте пройдемся.

— Прекрасно.

Едва они сделали три шага, Жозетта вновь остановилась и обернулась к Грэхему:

— Зачем вам брать в Афины этого маленького турка? Скажите ему, что не можете. Вежливый человек на вашем месте поступил бы так.

— И взял бы вас?

— Если пригласите — пойду с вами. Я сыта по горло кораблем, и мне хочется поговорить по-английски.

— Боюсь, мистеру Куветли это не покажется настолько вежливым.

— Если бы я вам нравилась, о мистере Куветли вы бы не волновались. — Она пожала плечами. — Ладно, не важно. Я все понимаю. Вы жестокий, но это не важно. Мне скучно.

— Сожалею.

— Да, сожалеете. Но от ваших сожалений скука не проходит. Давайте погуляем. — Они пошли дальше. — Хозе считает, что вы ведете себя неосторожно.

— В самом деле? Почему?

— Тот старый немец, с которым вы беседовали. Откуда вы знаете, вдруг он шпион?

Грэхем прыснул:

— Шпион? Какая нелепая мысль!

Жозетта бросила на него холодный взгляд:

— И что же в ней нелепого?

— Если бы вы пообщались с ним, вы бы поняли: в такое поверить нельзя.

— Может, и так. Хозе вечно подозрителен. Всегда думает, что люди о себе лгут.

— Откровенно говоря, когда Хозе кого-то не одобряет — это для меня лучше любого рекомендательного письма.

— Да нет, не то чтобы не одобряет. Ему просто любопытно. Он любит выведывать про людей грязные подробности. Думает, что все мы животные. Его никогда не ужасают ничьи поступки.

— Звучит довольно глупо.

— Вы не понимаете Хозе. Добро и зло, о которых нам рассказывали в монастыре, для него ничего не значат. Он говорит: что для одного добро, для другого может оказаться злом, поэтому глупо рассуждать о плохом и хорошем.

— Иногда люди совершают хорошие поступки просто оттого, что хотят сделать добро.

— Только потому, что им нравится чувствовать себя хорошими — так считает Хозе.

— Как насчет тех людей, которые удерживаются от плохих поступков, чтобы не делать зла?

— Хозе говорит: когда человеку действительно нужно что-нибудь сделать, он не заботится, что о нем скажут другие. Будет по-настоящему голодать — украдет. Попадет в настоящую опасность — убьет. Если по-настоящему испугается — станет безжалостным. Хозе говорит, что добро и зло придумали сытые люди, которым ничего не грозило, чтобы не тревожиться о тех, кто голоден и в опасности. Все просто: поступки человека определяются его нуждами. Вот вы не убийца. Вы утверждаете, что убийство — зло. А Хозе полагает, что вы такой же убийца, как Ландрю или Вейдманн.^[35] Просто вам повезло, что не нужно было никого убивать. Хозе когда-то слышал немецкую пословицу: «Человек — это обезьяна, разряженная в бархат». Он любит ее повторять.

— И вы с ним согласны? То есть не с тем, что я — потенциальный убийца. С тем, почему люди такие, какие есть.

— Я не спорю и не соглашаюсь. Мне все равно. Для меня некоторые люди — хорошие, некоторые — хорошие только иногда, некоторые — совсем нехорошие. — Она взглянула на него искоса. — Вы иногда хороший.

— А о себе вы как думаете?

Жозетта улыбнулась:

— Я? Ну, я тоже иногда хорошая. Когда ко мне относятся хорошо — я просто ангел. Хозе считает себя умней всех на свете, — добавила она.

— Охотно верю.

— Вам он не нравится. Ничего удивительного. Хозе нравится только старухам.

— А вам?

— Он мой партнер. У нас все по-деловому.

— Да, вы уже говорили. Но нравится ли он вам?

— Иногда он меня смешит. Говорит забавные вещи о людях. Помните Сергея? Хозе как-то выразился, что тот готов красть солому из материнской конуры. Я тогда так смеялась.

— Еще бы. Выпьете со мной?

Жозетта взглянула на серебряные наручные часы и согласилась.

Они спустились. Один из корабельных офицеров прислонился к стене возле бара и, держа кружку пива, разговаривал со стюардом. Когда Грэхем заказывал напитки, офицер обратил внимание на Жозетту и

35...Ландрю, Анри Дезире (1869–1922) — французский серийный убийца. Через брачные объявления в газете знакомился с богатыми вдовами, приглашал их на свою виллу, где зверски убивал, а их деньги присваивал.

Вейдманн, Эйген (1908–1939) — убийца и грабитель, последний человек, которого во Франции казнили публично.

заговорил с ней по-итальянски. Он явно привык к успеху у дам; его темные глаза не отрывались от ее глаз ни на мгновение. Грэхем пил и лениво прислушивался к беседе, которую не понимал; на него не обращали внимания, и его это устраивало. Только когда прозвенел гонг, зовущий к обеду и в салон вошел Халлер, Грэхем вспомнил, что так и не поменял свое место за столом.

Немец дружелюбно кивнул Грэхему и сел рядом:

— Я сегодня не рассчитывал на вашу компанию.

— Совсем забыл договориться со стюардом. Если вы...

— Нет-нет. Мне очень приятно.

— Как ваша жена?

— Лучше, хотя подняться к еде пока не готова. Но мы погуляли утром. Я показывал ей море. Этим путем Ксеркс вел когда-то свой могучий флот — чтобы быть разбитым при Саламине. Тогда для персов та громада на горизонте была страной Фемистокла, страной марафонских бойцов из Аттики. Можете списать на мою немецкую сентиментальность, но я нахожу весьма прискорбным, что теперь это для меня страна Венизелоса и Метаксаса.^[36] В молодости я провел несколько лет в Немецком институте в Афинах.

— Вы сойдете на берег днем?

— Думаю, нет. Афины лишь напомнят мне то, что я и так знаю, — что я состарился. Вы знакомы с городом?

— Немного. Саламин знаю лучше.

— Там сейчас, кажется, крупная морская база?

— Да, — ответил Грэхем беззаботным тоном.

Халлер покосился на него и слегка улыбнулся:

— Прошу прощения. Кажется, я уже заговорил неосторожно.

— Я отправлюсь на берег за книгами и сигаретами. Вам что-нибудь купить?

— Вы очень добры, но я ни в чем не нуждаюсь. Вы пойдете один?

36...Венизелос, Элефтериос (1864–1936) — греческий политик, с 1910 по 1933 г. несколько раз занимавший должность премьер-министра. Считается главным виновником трагедии греческого народа во Второй греко-турецкой войне: он кардинально недооценил силы турок под командованием Ататюрка.

Метаксас, Иоаннис (1871–1941) — греческий генерал, премьер-министр (фактически диктатор) Греции с 1936 г. до смерти. В отличие от своего главного противника Венизелоса, ориентировавшегося на Антанту, занимал прогерманскую позицию.

— Мистер Куветли — турецкий джентльмен за соседним столиком — попросил меня показать ему Афины. Он раньше здесь не был.

Халлер поднял брови:

— Куветли? Так вот как его зовут. Я разговаривал с ним утром. Он недурно владеет немецким и слегка знаком с Берлином.

— Еще он говорит по-английски и очень хорошо — по-французски. Похоже, он много путешествовал.

Халлер хмыкнул:

— Я бы решил, что турок, который много путешествует, непременно посещал Афины.

— Он торгует табаком. А в Греции есть свои табачные плантации.

— Да, действительно. Об этом я не подумал. Я склонен забывать, что большинство людей ездят в чужие страны не чтобы увидеть, но чтобы продать. Мы беседовали с ним двадцать минут. Он удивительно умеет говорить — и ничего не сказать. Только соглашается с вами да изрекает неоспоримые истины.

— Наверно, потому, что он торговец. Весь мир для него — покупатель, а покупатель всегда прав.

— Он меня занимает. По-моему, слишком уж простоват; не верю я его простоте. Улыбается чуточку слишком глупо, разговаривает чуточку слишком уклончиво. Он рассказывает вам кое-что про себя в первые десять минут знакомства — и больше о себе не говорит. Это любопытно. Обычно человек, начинающий с повествования о себе, тем же и продолжает. Да и кто когда-нибудь слышал о простодушном турецком торговце? Нет. Мне кажется, он усердно добивается, чтобы о нем сложилось определенное мнение. Он сознательно стремится, чтобы его недооценивали.

— Но зачем? Нам же он табак не продает.

— Возможно, как вы предположили, весь мир для него — покупатель. Впрочем, сегодня у вас будет случай прощупать мистера Куветли. — Халлер улыбнулся. — Ведь, насколько я понимаю, вас он тоже интересуется. Прошу меня простить. Я плохой путешественник, а странствовать мне приходится часто. Чтобы чем-то заняться, я играю в игру. Сравниваю свои первые впечатления о попутчиках с тем, что удастся узнать потом.

— И зарабатываете очко, если оказались правы? А если наоборот — теряете?

— Именно. Как ни странно, от проигрышей я получаю больше удовольствия. Забавы старости, знаете ли.

— И какое же у вас впечатление о сеньоре Галлиндо?

Халлер нахмурился:

— Боюсь, насчет этого джентльмена я огорчительно прав. Он не слишком интересная личность.

— У него есть теория, что все люди — прирожденные убийцы. И он любит цитировать немецкую пословицу: «Человек — это обезьяна, разряженная в бархат».

— Я не удивлен, — последовал язвительный ответ. — Каждый ищет себе оправдания.

— Не слишком ли вы строго его судите?

— Может быть. Вынужден признаться: я нахожу сеньора Галлиндо крайне невоспитанным.

Не успел Грэхем ответить, как вошел сам Хозе; судя по виду, он только встал с кровати. Следом зашли итальянцы — мать и сын. Разговор сделался бессвязным и подчеркнуто вежливым.

В два часа с небольшим «Сестри-Леванте» пришвартовался к новой пристани в северной части гавани Пирея. Пока Грэхем с мистером Куветли ждали, когда бросят сходни, на палубе показались Хозе и Жозетта: они вышли из салона и встали позади. Хозе подозрительно кивнул — словно боялся, что у него сейчас попросят взаймы; Жозетта улыбнулась — терпеливо, как улыбаются другу, пренебрегшему хорошим советом.

— Вы тоже сойдете на берег, мадам и месье? — немедленно обратился к ним мистер Куветли.

— С какой стати? — отозвался Хозе. — Делать там нечего — только время терять.

Но мистера Куветли так легко было не пронять.

— А! Так вы с женой уже знакомы с Афинами?

— Еще как. Вшивый городишко.

— А я — нет. Я подумал, что, если вы с мадам тоже сойдете, мы бы могли поехать все вместе. — Он просиял в предвкушении.

Хозе стиснул зубы и закатил глаза, словно его пытали.

— Я же сказал: мы не пойдем.

— Но за приглашение — спасибо, — учтиво добавила Жозетта.

Из салона вышел Матис.

— А! Вот и наши отважные искатели приключений, — приветствовал он Грэхема и мистера Куветли. — Не забудьте: в пять мы отправляемся. Ждать не станем.

Сходни со стуком ударились о берег, и мистер Куветли боязливо по ним спустился. Грэхем сошел следом, уже начиная жалеть, что не остался на борту. На пристани он обернулся и поглядел вверх — невольное движение всякого, кто покидает корабль. Матис помахал рукой.

— Он очень славный, месье Матис, — произнес мистер Куветли.

— Да.

За таможенной постройкой стоял старенький занюханный «фиат-ландоле» с прикрепленным объявлением, гласившим на французском, итальянском, английском и греческом, что часовой тур по афинским древностям и достопримечательностям обойдется для четырех человек в пятьсот драхм.

Грэхем остановился. Он подумал о трамваях и электричках, о холме Акрополя, на который придется взбираться, об утомительной скуке пешей прогулки — и решил, что стоит потратить лишние тридцать шиллингов.

— Пожалуй, мы сядем в эту машину.

Мистер Куветли встревожился:

— А иначе никак? Будет очень дорого.

— Ничего. Я заплачу.

— Но ведь это вы мне делаете услугу. Значит, платить должен я.

— Я в любом случае нанял бы автомобиль. Пять сотен драхм — не так уж много.

Глаза мистера Куветли расширились.

— Пять сотен? Но ведь столько просят за четырех пассажиров. А нас двое.

Грэхем засмеялся:

— Сомневаюсь, что водитель разделит вашу точку зрения. Думаю, ему все равно — четверых везти или двоих.

— Я немного знаю греческий, — проговорил мистер Куветли извиняющимся тоном. — Разрешите, я попробую с ним договориться?

— Конечно. Пробуйте.

Когда они приблизились, водитель, хищного вида мужчина в костюме на несколько размеров меньше и в начищенных коричневых туфлях на босу ногу, выскочил из машины и, держа дверцу открытой, принялся зазывать:

— Allez! Allez! Allez! Très bon marché! Cinquecento, solamente.^[37]

Мистер Куветли устремился вперед — маленький неряшливый Давид, смело выходящий на битву с тощим Голиафом в запачканном синем костюме. Мистер Куветли заговорил.

Греческим он владел бегло — тут не могло быть сомнений. Поток слов лился, и Грэхем видел, как изумление на лице водителя сменилось яростью. Мистер Куветли подверг машину уничтожающей критике. Он

37...Сюда! Сюда! Сюда! Очень дешево! Всего пять сотен (*фр., ит.*).

начал показывать. Он указал на каждый изъян, от ржавого пятна на решетке багажника до небольшого разрыва обивки, от трещины на ветровом стекле до потертости на подножке. Когда мистер Куветли остановился, чтобы перевести дыхание, слово взял взбешенный водитель. Он кричал, колотил по дверцам кулаком, чтобы подчеркнуть сказанное, и размашисто жестикулировал. Мистер Куветли скептически улыбнулся и снова напал; водитель сплюнул и перешел в контратаку. Мистер Куветли ответил мощным коротким залпом, и водитель вскинул руки — недовольный, но побежденный.

Мистер Куветли повернулся к Грэхему.

— Цена теперь триста драхм, — просто сообщил он. — Мне кажется, тоже много, но чтобы сбавить сильнее, нужно больше времени. Хотя, если хотите...

— Очень подходящая цена, — поспешно заверил его Грэхем.

Мистер Куветли пожал плечами:

— Наверно. Можно бы сбавить сильнее, но... — Он обернулся и кивнул водителю, который неожиданно расплылся в улыбке.

— Вы говорили, что раньше не были в Греции? — спросил Грэхем, когда они сели в машину и поехали.

Мистер Куветли улыбался все так же доброжелательно.

— Я немного знаю греческий, — ответил он. — Родился в Измире.

Экскурсия началась. Грек вел машину быстро, залихватски, шутливо подергивая рулем в сторону замешкавшихся пешеходов, которым приходилось убегать, и бросая по пути через плечо комментарии для Грэхема и мистера Куветли.

Они ненадолго остановились возле Тесиона; затем у Акрополя, где вышли и совершили пеший обход. Тут мистер Куветли исполнился ненасытного любопытства. Он настоял, чтобы ему пересказали всю историю Парфенона, век за веком, и бродил по музею так, точно хотел провести в нем остаток дня. Наконец они забрались в автомобиль и быстро понеслись мимо театра Диониса, Адриановой арки, Олимпейона и Королевского дворца. Было четыре часа дня; мистер Куветли задавал вопросы и восклицал «Бесподобно!» или «Быть не может!» уже намного дольше отмеренного часа. По предложению Грэхема они высадились на площади Синтагма, разменяли деньги и заплатили водителю, пообещав еще пятьдесят драхм, если он их подождет и отвезет назад на пристань. Водитель согласился. Грэхем купил себе книги, сигареты и отослал телеграмму. На террасе перед одним из кафе играли музыканты; мистер Куветли предложил сесть за столик и выпить кофе перед возвращением в порт.

— Здесь так хорошо, — произнес он со вздохом, оглядывая площадь. — Хотелось бы задержаться подольше. Какие мы сегодня видели великолепные руины!

Грэхем вспомнил, как Халлер говорил за обедом об уклончивости турка.

— А какой город у вас любимый, мистер Куветли?

— Трудно выбрать. Каждый по-своему красивый. Мне все города нравятся. Вы очень добры, что взяли меня с собой, мистер Грэхем.

Грэхем не сдавался:

— Мне самому было приятно. Но ведь какие-то, наверно, нравятся больше других?

Мистер Куветли забеспокоился.

— Трудно сказать. Мне очень нравится Лондон.

— Лично я предпочитаю Париж.

— Да-да. Париж тоже великолепный.

Грэхем озадаченно хлебнул кофе. Тут ему пришла в голову другая мысль.

— Какого вы мнения о сеньоре Галлиндо, мистер Куветли?

— О сеньоре Галлиндо? Трудно судить. Я его не знаю. Он странно себя ведет.

— Ведет он себя, — заметил Грэхем, — попросту отвратительно. Вы разве не согласны?

— Мне не очень нравится сеньор Галлиндо, — уступил мистер Куветли. — Но ведь он испанец.

— При чем тут это? Испанцы славятся учтивостью.

— Простите. Я никогда не бывал в Испании. — Он посмотрел на часы: — Уже четверть пятого. Может, нам стоит ехать, как думаете? Я чудесно провел время.

Грэхем устало кивнул. Если Халлер хочет, чтобы мистера Куветли «прощупали», — пусть щупывает сам. Грэхем же пришел к твердому убеждению, что мистер Куветли — обыкновенный зануда, чья речь звучит немного неестественно лишь потому, что ему приходится говорить на чужих языках.

Мистер Куветли настоял, что за кофе заплатит он и что дорогу назад в гавань он тоже оплатит сам. Без четверти пять они снова взошли на борт.

Час спустя Грэхем стоял на палубе и глядел, как лоцманский катер, пыхтя, удаляется к темнеющему берегу. Матис, облокотившийся о поручни в нескольких футах рядом, повернул голову:

— Ну вот! Еще два дня — и мы в Генуе. Вам понравилась сегодняшняя вылазка, месье?

— Да, спасибо. Было...

Но досказать, что же было на экскурсии, Грэхему не удалось. В нескольких ярдах от них из дверей салона вышел человек — и остановился, щурясь и моргая на садившееся в море солнце.

— Ах да, мы взяли еще одного пассажира, — объяснил Матис. — Он появился, пока вы ездили в Афины. По-моему, грек.

Грэхем не отвечал; он не мог ответить. Он точно знал, что человек, стоящий на палубе в золотистых лучах заходящего солнца, не грек. Знал, что под темно-серым плащом на нем надет мятый коричневый костюм с подложенными плечами, что под мягкой шляпой с высокой тульей, над бледным рыхлым лицом прячутся жидкие курчавые волосы.

И звали этого человека Банат.

Глава VI

Грэхем стоял без движения. По телу пробежала дрожь, словно от резкой вибрации под ногами. Откуда-то издалека доносился голос Матиса:

— Что с вами?

— Мне нехорошо, — откликнулся Грэхем. — Извините, пожалуйста.

Лицо Матиса озарилось сочувствием. «Он думает, что меня сейчас стошнит», — понял Грэхем. Ответа он ждать не стал: развернулся и, не глядя на человека перед входом в салон, прошел к двери на другом конце палубы.

Спустившись в каюту, запер за собой дверь; его трясло. Опустился на койку, постарался взять себя в руки. Нет повода для паники. Наверняка существует выход. Надо только подумать.

Банат как-то выяснил, что Грэхем на «Сестри-Леванте». Вряд ли это было трудно: достаточно навести справки в офисах судоходных и железнодорожных компаний. Потом Банат взял билет в Софию, вышел из поезда на греческой границе и приехал другим поездом через Салоники в Афины.

Грэхем достал из кармана телеграмму Копейкина и уставился на нее. «Все хорошо...» Глупцы! Безмозглые глупцы! Он с самого начала не доверял этой затее с кораблем. Надо было положиться на чутье и требовать, чтобы его отвели к британскому консулу. Если бы не тот самодовольный кретин Хаки... А теперь Грэхем как мышь в мышеловке.

Во второй раз Банат не промахнется, нет. Он профессионал. На кону его репутация — не говоря уж о гонораре.

Грэхема охватило странное, смутно знакомое чувство. Оно было как-то связано с запахом антисептиков и свистом закипающего чайника.

Вдруг он вспомнил — и ужаснулся. Это произошло несколько лет назад. На полигоне испытывали экспериментальную четырнадцатидюймовую пушку. Что-то случилось с затворным механизмом, и на втором выстреле пушка взорвалась. Двоих убило на месте, третьего изувечило. Тот, третий, лежал на цементе большим кровавым комком. Только этот комок все время вопил — вопил, пока не прибыли санитары и врач не сделал укол. Звук был тонким и высоким. Как свист чайника. Врач сказал, что человек даже не приходил в сознание, хотя вопил не переставая. Прежде чем инженерам дали обследовать остатки пушки, цемент вымыли раствором лизола. Грэхем тогда не обедал. В полдень пошел дождь. Он...

Грэхем вдруг осознал, что бранится. Слова сыпались без перерыва: бессмысленный поток грязной ругани. Он встал с койки. Нельзя терять голову. Нужно что-то делать, и поскорее. Если бы только удалось сойти с корабля...

Он отворил дверь и вышел в коридор. Сперва надо увидаться с корабельным экономом.

Кабинет эконома располагался на той же палубе. Дверь была распахнута. Эконом — высокий итальянец средних лет — сидел перед пишущей машинкой, без пиджака, с окурком сигары во рту. Перед ним лежали стопкой копии коносаментов, и он перепечатывал с них данные на вставленный в машинку графленый лист.

Грэхем постучал; эконом поднял взгляд занятого человека, которого отрывают от дел.

— Signore?^[38]

— Вы говорите по-английски?

— No, signore.^[39]

— По-французски?

— Да. Что вам угодно?

— Мне надо срочно увидаться с капитаном.

— По какому поводу, месье?

— Мне крайне необходимо сию же минуту сойти на берег.

Эконом отложил сигару и повернулся на вращающемся стуле.

38...Синьор? (ит.)

39...Нет, синьор (ит.).

— Я не очень хорошо владею французским, — спокойно промолвил он. — Не могли бы вы повторить?

— Я хочу, чтобы меня высадили.

— Месье Грэхем, не так ли?

— Да.

— Сожалею, месье Грэхем. Вы опоздали. Лоцманский катер уже отплыл. Вам следовало...

— Знаю. Но мне совершенно необходимо. Нет, я не сошел с ума. Я понимаю, что при обычных обстоятельствах это невозможно. Обстоятельства чрезвычайные. Я заплачу за потерянное время и неудобства.

Эконом пришел в замешательство:

— Зачем? Вы больны?

— Нет. Я... — Грэхем запнулся. Ему хотелось откусить себе язык: доктора на пароходе не было, угрозы инфекции могло хватить. А теперь уже поздно. — Если вы мне устроите встречу с капитаном, я все ему объясню. Уверю вас, у меня самые веские причины.

— Боюсь, это невозможно, — сухо проговорил эконом. — Вы не понимаете...

— Все, что я прошу, — отчаянно прервал его Грэхем, — отойти немного назад и вызвать катер. У меня есть деньги, я готов заплатить.

Эконом раздраженно улыбнулся:

— Корабль, месье, не такси. Мы возим груз, у нас график. Вы ничем не болеете, и...

— Я же сказал: у меня веские причины. Если вы только позволите увидеться с капитаном...

— Месье, спорить бесполезно. Я не сомневаюсь, что вы способны и готовы оплатить вызов лодки из гавани. Это, однако, не имеет значения. Вы утверждаете, что не больны, но у вас есть причины. Поскольку они могли прийти вам в голову только в последние десять минут — не обижайтесь, мне кажется, что ваши причины не очень важные. Лишь самые убедительные и достоверные причины, касающиеся вопросов жизни и смерти, могут заставить нас остановить судно ради удобства одного пассажира. Если вы мне такие представите — я, разумеется, немедленно доложу о них капитану. Если же нет — боюсь, вашим причинам придется подождать до Генуи.

— Я вас уверяю...

Эконом грустно улыбнулся:

— Не сомневаюсь в вашей честности, месье. К сожалению, нужно нечто большее, чем уверения.

— Отлично, — огрызнулся Грэхем. — Раз вы настаиваете на подробностях — я их дам. Я сейчас узнал, что с нами плывет человек, севший на пароход специально, чтобы меня убить.

Лицо эконома стало непроницаемым.

— В самом деле, месье?

— Да. Я... — Что-то во взгляде собеседника его остановило. — Вы, похоже, решили, что я то ли пьян, то ли сошел с ума.

— Вовсе нет, месье. — Между тем мысли эконома читались яснее ясного: он принял Грэхема за очередного чокнутого, с которыми порой сталкивался по работе. Такие люди раздражали, потому что тратили время эконома, но он держался с ними терпеливо. Злиться на чокнутых бесполезно. Кроме того, имея с ними дело, он всякий раз еще больше убеждался в собственном уме и здравомыслии — качествах, которые, не будь владельцы компании столь близоруки, давно выдвинули бы его в совет директоров. К тому же про этих чокнутых, вернувшись домой, можно порассказать приятелям. «Только представь, Беппо! Англичанин — с виду нормальный, а вот винтиков не хватает. Вбил себе в голову, что кто-то хочет его убить. Воображаешь? Это все от виски. Я ему говорю...» А пока с Грэхемом надо себя вести обходительно и тактично. — Вовсе нет, — повторил эконом.

Грэхем начал терять самообладание.

— Вам требовались причины. Я вам их излагаю.

— Внимательно слушаю, месье.

— Банат. «Ба-нат». Он румын. Он...

— Одну секунду, месье. — Эконом достал из ящика лист бумаги, с деланной тщательностью провел карандашом по списку имен и поднял глаза на Грэхема: — На борту нет никого с таким именем или национальностью, месье.

— Когда вы перебили, я как раз собирался сказать: он путешествует с фальшивым паспортом.

— И кто же он?..

— Тот пассажир, что сел на корабль сегодня днем.

Эконом снова сверился с бумагой:

— Каюта номер девять. Месье Мавродопулос, греческий коммерсант.

— Так у него написано в паспорте. А настоящее имя — Банат, и он румын.

Оставаться учтивым эконому стоило немалых усилий.

— Какие у вас доказательства, месье?

— Если свяжетесь по радио с полковником Хаки из турецкой полиции в Стамбуле, он подтвердит мои слова.

— Это итальянское судно, месье. Мы вышли из турецких вод и обращаться по таким вопросам можем только в итальянскую полицию. Да и в любом случае беспроводная связь у нас только для навигации — это все-таки не «Рекс» и не «Граф Савойи». Вам придется потерпеть до Генуи. Там полиция разберется с вашими обвинениями относительно фальшивого паспорта.

— Да мне плевать на его паспорт, — рассвирепел Грэхем. — Я вам говорю: этот человек намерен меня убить.

— И почему же?

— Ему заплатили, вот почему. Теперь понимаете?

Эконом поднялся на ноги. Он долго был терпеливым; настало время проявить твердость.

— Нет, месье. Не понимаю.

— Если не понимаете вы — дайте мне поговорить с капитаном.

— Нет никакой нужды, месье. Я понял достаточно. — Он посмотрел Грэхему в глаза. — С моей точки зрения, существует два благожелательных объяснения. Либо вы приняли месье Мавродопулоса за другого, либо вам приснился дурной сон. В первом случае рекомендую не повторять свои слова перед кем-либо еще; я человек рассудительный, но если услышит месье Мавродопулос — может счесть за оскорбление. Во втором — советую немного полежать у себя в каюте. И помните: никто вас на корабле не убьет. Здесь слишком много народу.

— Да как же вы не видите... — закричал Грэхем.

— Я вижу, — мрачно произнес эконом, — что существует и третье, менее благожелательное объяснение. Возможно, вы сочинили эту историю, потому что по каким-то другим, тайным, причинам хотите сойти на берег. Если так — сожалею. История ваша смехотворна. Как бы то ни было, пароход остановится в Генуе, не раньше. А сейчас извините, мне надо работать.

— Я требую отвести меня к капитану.

— Когда уйдете — закройте, пожалуйста, за собой дверь, — весело отозвался эконом.

Грэхем возвратился в каюту; от злости и страха мутило. Он закурил и попытался рассуждать трезво. Можно пойти напрямик к капитану. Секунды две Грэхем обдумывал эту идею. Если он... Да нет, выйдет одно бессмысленное унижение. Капитан — даже если удастся до него добраться и заставить слушать — наверняка примет рассказ с еще меньшим сочувствием. И у Грэхема все так же не будет доказательств. Даже если получится убедить капитана, что в словах Грэхема есть доля истины, что он не страдает паранойей, — ответ останется прежним: «Никто вас на корабле не убьет. Здесь слишком много народу».

Слишком много народу! Они не знают Баната. Человек, который вошел среди бела дня в дом к полицейскому чиновнику, выстрелил в него, в жену и спокойно вышел, так легко от своего не отступится. Пассажиры и раньше пропадали с кораблей посреди океана. Иногда тела выносило на сушу, иногда — нет. Иногда такие случаи получали объяснение, иногда — не получали. Что свяжет исчезновение английского инженера (который вел себя весьма странно) с греческим коммерсантом Мавродопулосом? Ничего. И даже если тело инженера выбросит на берег прежде, чем рыбы объедят его до неузнаваемости, даже если его найдут, если выяснят, что смерть наступила раньше, чем оно оказалось в воде, кто докажет, что в убийстве повинен Мавродопулос, если к тому времени от Мавродопулоса останется что-нибудь, кроме золы от паспорта? Никто.

Грэхем вспомнил телеграмму, которую отправил из Афин: «Приеду в понедельник». В понедельник... Он взглянул на незабинтованную руку и пошевелил пальцами. К понедельнику эти пальцы могут начать разлагаться — вместе со всем остальным, что звалось Грэхемом. Стефани огорчится, но скоро утешится. Она никогда не унывала и отличалась благоразумием. Денег у нее, правда, останется не много; ей придется продать дом. Надо было больше вкладывать в страховку. Если б он только знал. Впрочем, страховые компании потому и существуют, что люди не знают о таких вещах заранее. Теперь уже ничего поделаться нельзя, только надеяться, что все кончится быстро и без боли.

Грэхем вздрогнул и снова разразился бранью. Потом резко осекся. Он должен придумать выход. Не только ради себя и Стефани. Требовалось выполнить работу. «Враги вашей страны хотят, чтобы, когда растает снег и пройдут дожди, морская мощь Турции осталась ровно такой, как сейчас. Ради этого они готовы на что угодно». На что угодно! За Банатом стоял немецкий агент в Софии, за агентом — Германия и нацисты. Да, надо придумать выход. Если другие англичане способны умереть за свою страну — он сможет для нее выжить. В голове опять зазвучал голос полковника Хаки: «У вас есть и преимущества перед солдатом. Вам нужно только защищаться. Не надо выходить на открытую позицию. Никто не назовет вас трусом, если вы сбежите».

Бежать некуда, но прочее оставалось в силе. Нет нужды подставляться под пулю. Он может не покидать каюты. Может принимать здесь пищу. Держать дверь на запоре. И защищаться он, если понадобится, тоже сможет. Да, черт возьми! У него есть револьвер Копейкина.

Револьвер лежал в чемодане, среди одежды. Грэхем достал его и взвесил в руке, благодаря судьбу, что не отказался от подарка.

Раньше огнестрельное оружие было для Грэхема набором математических выражений, составленным так, чтобы позволить человеку нажатием кнопки послать бронебойный снаряд за несколько миль точно в цель. Всего лишь устройство — как пылесос или резалка для бекона. Оно не имело национальности, не принадлежало ни к какому лагерю, не повергало в трепет и не значило ничего, кроме способности заказчика платить. Грэхема не интересовали ни те, кто будет стрелять из произведений его искусства, ни те, в кого станут стрелять (а благодаря неизменному интернационализму его компании это часто оказывались одни и те же люди). Ему, знавшему, как много разрушений может произвести даже один четырехдюймовый снаряд, они представлялись бесстрастными цифрами. То, что на самом деле они все-таки живые люди, не переставало удивлять Грэхема. Так истопник крематория не утруждает себя мыслями о величии смерти.

Но этот револьвер был другим. В нем ощущалось нечто личное, прямая связь с человеческим телом. Радиус поражения составлял, пожалуй, ярдов двадцать пять или меньше; значит, можно будет видеть лицо жертвы — и до выстрела, и после. Видеть и слышать предсмертные муки. С таким револьвером не станешь думать о чести и славе — только об одном: или ты убьешь, или тебя. В твоей собственной руке — жизнь и смерть: простая конструкция из пружин, рычагов, нескольких граммов пороха и свинца.

Грэхем ни разу в жизни не держал револьвер — и теперь внимательно рассматривал свое оружие. Над спусковой скобой — клеймо: надпись «Сделано в США» и название американской фирмы, выпускающей пишущие машинки. По обеим сторонам — два маленьких скользящих выступа: один — защелка предохранителя, другой, если его сдвинуть, открывал казенную часть, где виднелись шесть патронов. Револьвер был сработан на славу.

Грэхем вынул патроны и раза два, на пробу, нажал забинтованной рукой на спуск; нелегко, но удавалось. Он вставил патроны на место. Может, Банат и прирожденный убийца, но так же уязвим для пуль, как и любой другой. И он вынужден действовать первым. Что, если поглядеть на все с его точки зрения? Он потерпел неудачу в Стамбуле, ему пришлось догонять жертву. Он смог сесть с ней на один пароход, но много ли добился? То, что Банат совершил, состоя в румынской «Железной гвардии», сейчас не годилось. Легко быть смелым, когда на твоей стороне банда головорезов и запуганный судья. Пассажиры действительно иногда исчезали среди плавания, но это случалось на гигантских лайнерах, а не на грузовых судах водоизмещением в две тысячи тонн. Трудно убить кого-нибудь на таком небольшом корабле — и остаться непойманным.

Впрочем, это возможно — если ночью человек выйдет один на палубу. Тогда его можно заколоть и скинуть в море. Но сперва его нужно еще выманить. К тому же все равно оставался риск, что вас увидят с мостика. Или услышат: прежде чем скрыться под водой, жертва может громко закричать. А если перерезать горло прямо на палубе — прольется много крови. И это все при условии, что убийца отлично управляется с ножом; Банат — стрелок, ножом орудовать не привык. Проклятый эконом говорил правду: на корабле слишком много народу, чтобы убивать. Пока Грэхем осторожен — ему ничто не грозит. По-настоящему опасно станет в Генуе.

Там, очевидно, надлежит сразу отправиться к британскому консулу, рассказать обо всем и заручиться полицейской охраной до границы. Да, так он и поступит. У Грэхема неоценимое преимущество над врагом: Банату неизвестно, что его опознали. Он будет полагать, что жертва ничего не подозревает; станет выжидать в расчете исполнить задуманное между Генуей и французской границей. К тому времени, когда осознает ошибку, исправлять ее будет поздно. Единственное, о чем сейчас нужно позаботиться, — чтобы он не осознал ее слишком рано.

А что, если он заметил, как Грэхем поспешно удалился с палубы? При одной мысли кровь застыла в жилах. Но нет: Банат смотрел в другую сторону. И все-таки предположение показывало, каким надо быть осторожным. Ни в коем случае нельзя прятаться всю дорогу в каюте: это немедленно вызовет подозрения. Надо вести себя как обычно, но не подставляться. Всегда находиться рядом с кем-то из других пассажиров или в своей каюте за запертой дверью. Следует даже быть любезным с «месье Мавродопулосом».

Грэхем расстегнул пиджак и засунул револьвер в боковой карман брюк. Было неудобно, карман сильно топорщился. Тогда Грэхем вынул из нагрудного кармана бумажник и поместил револьвер туда; так тоже получилось неудобно и заметно. Пусть лучше остается в каюте: Банат не должен видеть, что Грэхем вооружен.

Положив револьвер в чемодан, Грэхем встал и собрался с духом. Сейчас он зайдет в салон и выпьет. Если Банат там — тем лучше. Алкоголь поможет справиться с напряжением. А напряжен Грэхем будет сильно: предстоит встретиться с тем, кто пробовал убить его однажды и попытается еще. Предстоит делать вид, будто никогда этого человека не видел и не слышал о нем. При одной мысли Грэхема затошнило.

Надо сохранять спокойствие. От того, насколько убедительно он сыграет роль, возможно, зависит его жизнь, а если долго раздумывать, естественным быть не получится. Лучше покончить с этим сразу.

Он зажег сигарету, открыл дверь и поднялся по трапу в салон.

Баната там не было. От облегчения Грэхем едва не рассмеялся. Хозе и Жозетта слушали Матиса; перед ними стояла выпивка.

— Так все и продолжается, — горячо говорил Матис. — Владельцам крупных правых газет выгодно, чтобы Франция тратилась на вооружение и чтобы простые люди слабо представляли, что творится за кулисами. Я рад возвратиться во Францию — это моя родина, но не заставляйте меня любить тех, кто прибрал ее к рукам. Нет уж!

Жена Матиса слушала с молчаливым неодобрением. Хозе откровенно зевал. Жозетта вежливо кивала, но при виде Грэхема на ее лице проступило облегчение.

— И где же пропадал наш англичанин? — сразу спросила она. — Мистер Куветли уже всем рассказал, как здорово вы провели время.

— Отдыхал в каюте после дневных волнений.

Матис, хоть и не очень довольный, что его прервали, все же добродушно сказал:

— Я боялся, что вам нездоровится, месье. Теперь лучше?

— Да, спасибо.

— Так вам нездоровилось? — спросила Жозетта.

— Просто утомился.

— Это все плохая вентиляция, — немедленно заявила мадам Матис. — У меня тоже, с тех пор как села на корабль, голова болит и кружится. Надо бы пожаловаться, но, — она указала на мужа, — если ему самому хорошо — значит, все идет как надо.

Матис улыбнулся:

— Вздор! У тебя морская болезнь, вот и тошнит.

— От кого меня тошнит — так это от тебя.

Хозе громко щелкнул языком, откинулся на стуле и прикрыл глаза, словно моля небеса избавить его от семейных ссор.

Грэхем заказал виски.

— Виски? — Хозе присвистнул и выпрямился на стуле. — Англичанин пьет виски! — объявил он. Затем, поджав губы, изобразил гримасу врожденного аристократического слабоумия и проговорил с манерным акцентом: — Глоточек виски мне, старина!

Ухмыльнувшись, он огляделся по сторонам, ища одобрения.

— Так он себе представляет англичан, — вставила Жозетта. — Хозе глупый.

— Не думаю, — возразил Грэхем. — Просто он не был в Англии. Очень многие из тех, кто не бывал в Испании, убеждены, что от всех испанцев пахнет чесноком.

Матис хохотнул.

Хозе приподнялся со стула:

— Вы что, оскорбить меня хотите?

— Нисколько. Всего лишь заметил, как распространены подобные заблуждения. А от вас, например, совсем чесноком не пахнет.

Хозе снова сел.

— Рад слышать, — многозначительно произнес он. — Если мне только покажется, что...

— Помолчи, — осадила его Жозетта. — Ты выставяешь себя на посмешище.

По счастью, в эту минуту появился сияющий мистер Куветли, и беседа перетекла в другое русло.

— Я пришел, — обратился мистер Куветли к Грэхему, — просить вас со мной выпить.

— Очень мило с вашей стороны. Но я уже сделал заказ. Может, это вы выпьете со мной?

— Вы сильно добры. Я, пожалуйста, буду вермут. — Он сел. — Вы повидали, что у нас новый пассажир?

— Да, месье Матис мне его показывал. — Грэхем взял у стюарда виски и заказал мистеру Куветли вермут.

— Греческий джентльмен, именем Мавродопулос. Он коммерсант.

— И чем же занимается? — Грэхем с облегчением убедился, что может обсуждать месье Мавродопулоса довольно спокойно. — Какие ведет дела?

— Мне все равно, — отозвалась Жозетта. — Я его только что видела. Уф-ф!

— А что с ним не так?

— Ей нравятся только простые и чистенькие, — мстительно проговорил Хозе. — А тот грек с виду грязный. Он бы и пах, пожалуй, грязно, но душится дешевым парфюмом. — Хозе послал воздушный поцелуй. — *Nuit de Petits Gars! Numéro soixante-neuf! Cinq francs la bouteille.*^[40]

Лицо мадам Матис застыло.

— Ты невыносим, Хозе, — сказала Жозетта. — К тому же твой собственный парфюм стоит всего пятьдесят франков за флакон. Не надо так больше — это непристойно. Мадам не привыкла к твоим шуточкам и может обидеться.

Но мадам Матис уже обиделась.

40...«Ночные проказы» для мальчиков! Номер шестьдесят девять! Пять франков за флакон (*фр.*).

— Как вам не стыдно, — гневно промолвила она. — Такое и при одних мужчинах говорить неприлично, а с вами здесь дамы!

— Да, — поддержал Матис. — Мы не ханжи, но некоторые вещи лучше в порядочном обществе не произносить.

Ему, похоже, было приятно хоть раз в чем-то согласиться с женой. Та сперва даже растерялась. Супруги решили выжать из случая все, что могли.

— Месье Галлиндо должен извиниться, — сказала мадам Матис.

— Я настаиваю, чтобы вы извинились перед моей женой, — добавил Матис.

— Извиняться? За что? — Хозе недоуменно вытаращился на них.

— Он извинится, — откликнулась Жозетта и, повернувшись к Хозе, перешла на испанский: — Извинись, дурак скабресный. Хочешь нарваться на неприятности? Разве не видишь, что он рисуется перед женой? Он тебя на клочки разорвет.

Хозе пожал плечами:

— Ладно. — Он высокомерно посмотрел на французов. — Я извиняюсь. Не понимаю за что, но извиняюсь.

— Моя жена принимает извинения, — сухо отозвался Матис. — Они не слишком учтивые, но мы их принимаем.

— Офицер говорит, — тактично вставил мистер Куветли, — что Мессину мы не увидим: темно будет.

Однако неуклюжая попытка сменить тему оказалась излишней: в эту секунду через дверь, ведущую на прогулочную палубу, вошел Банат.

Несколько мгновений он стоял, глядя на собравшихся: пальто распахнуто, в руке шляпа — как человек, зашедший укрыться от дождя в картинную галерею. От недостатка сна бледное лицо вытянулось, под маленькими, глубоко посаженными глазами залегли круги; толстые губы слегка кривились, будто его мучила мигрень.

Грэхем почувствовал, как сердце учащенно забилося где-то в горле. Перед ним стоял его убийца. Рука, сжимавшая шляпу, — та самая, что сделала выстрелы, оцарапавшие правую ладонь, которую Грэхем протянул сейчас за стаканом виски. Этот человек убивал когда-то всего за пять тысяч франков — не считая издержек.

От лица отхлынула кровь. Грэхем бросил на вошедшего только один быстрый взгляд, но весь его облик успел запечатлеться в уме — от пыльных коричневых туфель до нового галстука, засаленного мягкого воротника и глупого усталого лица. Грэхем отхлебнул виски и увидел, что мистер Куветли улыбается новому попутчику. Остальные смотрели безучастно.

Банат медленно зашагал к бару.

— Добрый вечер, месье, — поздоровался мистер Куветли.

— Добрый вечер. — Слова прозвучали еле слышно, словно любезность мистера Куветли была Банату противна и он с трудом заставил себя ее принять. Подойдя к бару, он что-то шепнул стюарду.

Когда он прошел мимо мадам Матис, та нахмурилась; потом Грэхем тоже уловил сильный аромат розового масла — и вспомнил, как полковник Хаки спрашивал, чем пахло в номере «Адлер палас» после покушения. Вот и разгадка. От этого человека разлило духами. На всем, к чему он прикоснется, должен оставаться запах.

— Вы далеко едете, месье? — задал вопрос мистер Куветли.

Банат тяжело посмотрел на него:

— Нет. В Геную.

— Красивый город.

Банат, не ответив, отвернулся и взял выпивку. На Грэхема он ни разу не взглянул.

— По-моему, вы не искренне говорите, что всего лишь утомились, — строго заметила Жозетта. — На вас лица нет.

— Вы утомились? — спросил мистер Куветли по-французски. — Ах, тут я виноват. С древними памятниками так всегда: много приходится ходить пешком.

От Баната он, кажется, отступился как от безнадёжного и не стоящего усилий.

— Нет, что вы. Мне понравилась наша прогулка.

— Это все вентиляция, — упрямо повторила мадам Матис.

— В самом деле душновато, — уступил ей муж. Он старательно говорил так, чтобы обращаться ко всем, кроме Хозе. — Хотя чего можно ожидать за такие скромные деньги?

— Скромные?! — воскликнул Хозе. — Ничего себе! По мне, так поездка обошлась недешево. Я не миллионер.

Матис побагровел.

— Есть и более дорогие способы доехать из Стамбула в Геную.

— Всегда для всего есть более дорогие способы, — парировал Хозе.

— Мой муж вечно преувеличивает, — поспешно вмешалась Жозетта.

— Путешествовать в наши дни затратно, — промолвил мистер Куветли. — Но...

Спор продолжился — скучный и бестолковый, поддерживаемый неприязнью между Хозе и Матисом. Грэхем слушал вполуха. Он знал, что рано или поздно Банат поглядит на него, — и хотел поймать этот взгляд. Не то чтоб он надеялся узнать что-нибудь, чего не знал раньше; и все же

хотелось увидеть. Грэхем смотрел на Матиса, но краем глаза следил за Банатом. Тот поднес ко рту бокал бренди и сделал глоток; потом, опустив бокал, взглянул на Грэхема. Грэхем откинулся на спинку стула.

— ...но сравните удобства, — говорил Матис. — На поезде у вас место в общем купе. Можно поспать — допустим. В Белграде приходится ждать вагонов из Бухареста, в Триесте — вагонов из Будапешта. Посреди ночи — проверки паспортов, днем — кошмарная еда. Шум, пыль, копоть. Не понимаю, как...

Грэхем допил виски. Банат наблюдал за ним — скрытно, как палач наблюдает за человеком, которого должен казнить на следующее утро: мысленно взвешивая его, измеряя шею, прикидывая длину веревки.

— Путешествовать в наши дни затратно, — снова произнес мистер Куветли.

Раздался гонг к ужину. Банат поставил стакан и вышел из салона; за ним последовали Матисы. Грэхем заметил, что Жозетта смотрит на него с любопытством, и поднялся на ноги. Из кухни доносился запах пищи. Итальянка с сыном зашли и сели за стол. При мысли о еде Грэхему стало дурно.

— Вы уверены, что хорошо себя чувствуете? — спросила Жозетта по дороге к обеденным столам. — Выглядите не очень.

— Вполне уверен. — Грэхем поискал, что бы добавить, и выложил первое, что пришло на ум: — Мадам Матис права: вентиляция здесь скверная. Может, прогуляемся после ужина?

Жозетта вскинула брови:

— Вот теперь я знаю, что вы и вправду нездоровы! Вы сделались вежливым. Но я согласна составить вам компанию.

Грэхем выдавил улыбку, подошел к столу и обменялся с двумя итальянцами сдержанными приветствиями. Только сев, он заметил, что рядом положили еще один прибор.

Первым побуждением было встать и выйти. То, что Банат на корабле, уже плохо, но есть с ним за одним столом будет просто невыносимо. Однако Грэхем остался за столом. Надо вести себя естественно. Нужно постараться думать о Банате как о месье Мавродопулосе, греческом коммерсante, которого он раньше не встречал и о котором ничего не слышал. Нужно...

Появился Халлер и сел рядом.

— Добрый вечер, мистер Грэхем. Вам понравилось сегодня в Афинах?

— Да, спасибо. Мистера Куветли город изрядно впечатлил.

— Ах да, конечно. Вы исполняли обязанности гида. Полагаю, устали.

— Если честно, у меня не хватило духу. Я нанял машину, и экскурсоводом был шофер. Мистер Куветли бегло говорит по-гречески, так что все прошло к общему удовольствию.

— Знает греческий язык — и никогда не бывал в Афинах?

— Он родился в Смирне. Кроме этого, мне, к сожалению, ничего выяснить не удалось. Я лично считаю мистера Куветли обычным занудой.

— Очень жаль. Я так надеялся... Впрочем, тут уже ничего не поделаешь. Признаться, я потом жалел, что не отправился с вами. Вы, разумеется, осматривали Парфенон?

— Да.

Халлер сконфуженно улыбнулся:

— Когда доживешь до моих лет, часто вспоминаешь о приближающейся смерти. Сегодня днем я подумал, как бы мне хотелось увидеть Парфенон еще хоть раз. Вряд ли уже выдастся другой случай. Когда-то я часами простаивал в тени пропилеи, глядя на храм и стараясь понять тех, кто его возвел. Я тогда был молод и не знал, насколько тяжело западному человеку проникнуть в полную грез античную душу. Древние греки так далеки от нас. Бога превосходной формы сменил бог превосходящей силы — и как велико расстояние между ними. Идея рока, воплощенная в дорических колоннах, ничего не говорит детям Фауста. Для нас... — Он замолчал. — Извините меня. Я вижу, на корабле новый пассажир. Кажется, он будет сидеть с нами.

Грэхем заставил себя поднять глаза. Банат вошел в салон и стоял, устремив взгляд на столы. Стюард с тарелками супа, появившись у него за спиной, указал на место возле итальянки; Банат приблизился, огляделся и сел. Слабо улыбнувшись, он кивнул собравшимся.

— Мавродопулос, — представился он. — Je parle français un petit peu.^[41]

Он чуть шепелявил; голос был хриплым и бесстрастным. Над столом поплыл запах розового масла.

Грэхем холодно кивнул. Теперь, когда решительное мгновение настало, он оставался спокоен.

Ее сдерживаемое отвращение, отразившееся на лице Халлера, смотрелось почти забавно. Он высокопарно произнес:

— Я Халлер. Рядом с вами — синьора и синьор Беронелли. А это мистер Грэхем.

Банат снова кивнул и сказал:

— Я сегодня проделал долгий путь. Из Салоник.

41...Я немного говорю по-французски (*фр.*).

— Мне казалось, — проговорил Грэхем, напрягшись, — что в Геную из Салоник проще ехать поездом. — Ему не хватало дыхания; собственный голос звучал странно.

Посреди стола стояла мисочка с изюмом; прежде чем ответить, Банат взял немного и положил в рот.

— Не люблю поезда. — Он поглядел на Халлера: — Вы немец, месье? Халлер нахмурился:

— Да.

— Хорошая страна, Германия. Италия тоже, — добавил он, повернувшись к синьоре Беронелли, и взял еще несколько изюминок.

Та улыбнулась и склонила голову. Юноша, похоже, рассердился.

— А что вы думаете об Англии? — спросил Грэхем.

Маленькие утомленные глаза холодно уставились на него.

— Англию я никогда не видел. — Банат отвел взгляд и принялся рассматривать стол. — Когда я последний раз был в Риме, видел великолепный парад итальянской армии — с пушками, бронемашинами и самолетами. — Он проглотил изюмины. — Самолеты — прекрасное зрелище. Когда глядишь на них, думаешь о Боге.

— И почему же? — осведомился Халлер. Месье Мавродопулос ему явно не нравился.

— Когда глядишь на них, думаешь о Боге. Вот все, что знаю. Это чувствуешь нутром. В грозу тоже думаешь о Боге. Но те самолеты были лучше, чем гроза. Сотрясали воздух, как бумагу.

Глядя, как толстые безвольные губы румына излагают эту дичь, Грэхем размышлял: если бы английские присяжные судили Баната за убийство, признали бы его сумасшедшим или нет? Наверно, нет: он убивал ради денег, а закон считает таких людей психически здоровыми. И все же он был сумасшедшим. Его помешательство — буйство бесконтрольного подсознания, умственный атавизм, видящий божественное величие в громе и молнии, в реве бомбардировщиков, в выстреле пятисотфунтового снаряда; вдохновленное священным ужасом безумие пещерного человека. Для такого, как Банат, убийство и впрямь могло стать ремеслом. Однажды он, наверно, с удивлением обнаружил, что многие люди готовы платить за эту работу, которую легко могли выполнить сами. После, конечно, заключил, что другие просто не столь умны. Его отношение к своему занятию было ровно таким же, как у биржевого маклера или ассенизатора: чисто практическим.

— Вы едете в Рим? — спросил Халлер с той подчеркнутой вежливостью, с какой пожилые люди обращаются к молодым глупцам.

— В Геную, — ответил Банат.

— Я слышал, в Генуе непременно стоит посетить кладбище, — сказал Грэхем.

Банат выплюнул косточку от изюма.

— Да? Почему? — Таким замечанием его, очевидно, было не смутить.

— Говорят, оно обширно, хорошо устроено и усажено красивыми кипарисами.

— Может, схожу туда.

Стюард принес им суп. Халлер нарочито повернулся к Грэхему и вновь завел речь про Парфенон. Ему, по-видимому, доставляло удовольствие рассуждать вслух; от слушателя его монологов требовалось только изредка кивать. С Парфенона Халлер перешел на находки догреческого периода, на арийские мифы о героях и ведическую религию. Грэхем машинально ел, слушал и следил за Банатом. Тот с жадностью клал пищу в рот и жевал, озираясь, как пес над тарелкой объедков. Грэхем вдруг потрясенно осознал, что Банат жалок — как бывает жалкой обезьяна, столь похожая на человека. Он не сумасшедший. Он животное — причем опасное.

Ужин подошел к концу. Халлер, как обычно, возвратился к жене. Грэхем, воспользовавшись случаем, встал из-за стола вместе с ним, надел пальто и вышел на палубу.

Ветер улегся. Корабль плыл с хорошей скоростью, неторопливо покачиваясь; вода, обтекавшая пластины его обшивки, шипела и пузырилась, словно они раскалены докрасна. Ночь выдалась ясной и морозной.

В ноздрях и в горле все еще стоял запах розового масла. Грэхем с наслаждением вдохнул полной грудью чистый, свежий воздух. Из первой стычки он вышел молодцом. Он сидел лицом к лицу с Банатом и говорил с ним, не выдав себя. Банат не подозревает, что Грэхему все о нем известно. Дальше будет легче. Надо только не терять голову.

За спиной слышались шаги. Грэхем как ужаленный резко обернулся.

Это была Жозетта; улыбаясь, она подошла к нему.

— Так вот она, ваша вежливость! Пригласили погулять, а ждать меня не стали. Пришлось вас разыскивать. Вы плохо себя ведете.

— Простите. В салоне так душно, что...

— В салоне совсем не душно, и вы это прекрасно знаете. — Она взяла его под руку. — А сейчас давайте пройдемся, и вы мне расскажете, в чем дело.

Он быстро взглянул на нее:

— Какое дело? О чем вы?

Жозетта преобразилась в великосветскую даму:

— То есть вы мне не скажете. Не скажете, как оказались на корабле. Не скажете, что случилось сегодня — из-за чего вы так перепугались.

— Перепугался? Но...

— Да, месье Грэхем, перепугались. — Дернув плечами, она отбросила манеры светской дамы. — Извините, но мне уже случалось видеть людей в страхе. Они ничуть не похожи на тех, кто устал или кому дурно от спертого воздуха. У них особый вид. Лица у них маленькие, кожа вокруг рта серая, а руки не знают куда деваться. — Они дошли до ступенек на шлюпочную палубу. Жозетта посмотрела на Грэхема: — Поднимемся?

Он кивнул. Он не возразил бы, предложи она даже вместе прыгнуть за борт. В голове гудела одна-единственная мысль: если Жозетта умела понять, когда человек испуган, значит, умел и Банат. А если заметил Банат... Но он не мог заметить. Не мог. Он...

На шлюпочной палубе Жозетта вновь взяла Грэхема за руку и сказала:

— Чудная ночь. Я рада, что мы вот так гуляем. Утром я боялась, что рассердила вас. На самом деле мне не хотелось ехать в Афины. Тот офицер, который считает себя жутко обаятельным, приглашал меня съездить с ним, но я отказалась. А с вами бы я поехала. Я это говорю не чтобы к вам подольститься. Так и есть.

— Вы очень добры, — пробормотал Грэхем.

— «Вы очень добры», — передразнила Жозетта. — Вы такой чопорный. Как будто я вам совсем не нравлюсь.

Он через силу улыбнулся:

— Что вы. Вы мне очень нравитесь.

— Но доверять вы мне не хотите! Понимаю. Вы увидели, как я танцую в «Ле Жоке», и подумали с высоты своего опыта: «Ага! С этой женщиной надо поосторожней». Так ведь? Глупый вы. Я — друг.

— Вы правы. Я глупый.

— Но я вам нравлюсь?

— Да. Нравится. — В нем созревало странное решение. Он расскажет ей про Баната.

— Тогда и верить мне вы тоже должны.

— Должен.

Мысль, конечно, нелепая. Доверять Жозетте нельзя; ее цели ясны как день. Никому нельзя доверять. Но он один, совершенно один. Если бы рядом был кто-то, кому можно открыться, стало бы легче. Что, если Банат заметил, как Грэхем нервничает, и догадался, что тот настороже? Заметил или нет? Жозетта, наверное, может сказать.

— О чем вы задумались?

— О завтрашнем дне.

Жозетта назвала себя другом. Видит Бог — друг сейчас нужнее всего. Кто-то, с кем можно обо всем поговорить, все обсудить. Никто не знает тайну Грэхема. Если с ним что-нибудь случится — никто не обвинит Баната; тот, безнаказанный, отправится за вознаграждением. Она права. Глупо ей не доверять только из-за того, что она танцует в ночных кабаре. Копейкин о ней хорошо отзывался, а он в женщинах разбирается.

Они дошли до угла под мостиком. Грэхем знал, что Жозетта здесь остановится; так и случилось.

— Если будем тут стоять, я замерзну, — сказала она. — Лучше ходить по палубе — круг за кругом.

— Я думал, вы хотите задать мне вопросы.

— Я уже говорила, что не лезу в чужие дела.

— Говорили. Помните, вчера вечером я вам сказал, что скрываюсь на пароходе от человека, который хочет меня застрелить, и что это, — он поднял правую руку, — рана от пули?

— Помню. Плохая шутка.

— Очень плохая. К несчастью, это все правда.

Он не видел лица Жозетты, но слышал, как она резко вдохнула и почувствовал, как ее пальцы впились ему в руку.

— Вы меня обманываете.

— Увы, нет.

— Но вы же инженер, — промолвила она обвиняющим тоном. — Что вы сделали такого, из-за чего вас хотят убить?

— Ничего. — Он помедлил. — Просто я сейчас занят важным делом. И конкуренты по бизнесу стараются не допустить, чтобы я возвратился в Англию.

— Вот теперь вы точно обманываете.

— Да, обманываю. Хотя это недалеко от истины. У меня важное дело, и есть люди, которые изо всех сил мешают мне доехать до Англии. Они заплатили кое-кому, чтобы меня прикончили в Галлиполи, но полиция раскрыла заговор. Тогда они наняли убийцу-профессионала. Когда я вернулся из «Ле Жоке» в гостиницу, он ждал меня в номере. Он стрелял по мне и промахнулся — только задел руку.

Жозетта часто дышала.

— Какой ужас! А Копейкин знает?

— Знает. Плыть морем — отчасти его идея.

— А кто эти люди?

— Я знаю только об одном. Его зовут Мёллер; живет в Софии. В турецкой полиции мне сказали, что он немецкий агент.

— Но сейчас он не может до вас добраться.

— Боюсь, может. Пока я был на берегу, на борт поднялся еще один пассажир.

— Коротышка, от которого несет духами? Мавродопулос? Но...

— Настоящее его имя — Банат. Он тот самый наемный убийца, что стрелял по мне в Стамбуле.

— Откуда вы знаете? — спросила она, затаив дыхание.

— Он следил за мной в «Ле Жоке». Пришел туда убедиться, что меня нет в гостинице и можно вломиться в номер без помех. Когда он стрелял, в комнате было темно, но потом в полиции мне показали фотографию, и я его опознал.

Помолчав, она медленно проговорила:

— Плохо дело. Тот коротышка — грязный тип.

— Да уж, плохо.

— Вам надо идти к капитану.

— Спасибо, уже пробовал. Дальше эконома не продвинулся. Он решил, что я либо пьян, либо свихнулся, либо лгу.

— Что вы собираетесь делать?

— Пока ничего. Банат не догадывается, что я его узнал. Скорее всего следующую попытку он предпримет только в Генуе. Когда мы туда прибудем, я обращусь в британское консульство и попрошу связаться с полицией.

— Мне кажется, ему известно про ваши подозрения. Когда мы перед ужином собрались в салоне и француз вел речь о поездах, тот человек за вами наблюдал. И мистер Куветли тоже на вас смотрел. Вы тогда странно выглядели.

В животе у Грэхема что-то перевернулось.

— Вы имеете в виду — до смерти напуганным? Признаю. Я напугался. А как мне не бояться? Я не привык, что меня стараются убить. — Он повысил голос, чувствуя, как трясется от нервной злости.

Жозетта снова ухватила его за руку:

— Тсс! Не надо так громко. А это так важно — что он знает?

— Если знает, тогда ему придется действовать до того, как мы причалим в Генуе.

— На таком маленьком корабле? Он не осмелится. — Она подумала. — У Хозе в ящике есть револьвер. Попробую вам его достать.

— У меня тоже есть револьвер.

— Где?

— В чемодане. Если положить в карман, его видно, а я не хотел показывать, что осведомлен об опасности.

— Если станете носить с собой револьвер, никакой опасности не будет. Пусть тот человек его заметит. Когда собака видит, что ее боятся, — она кусает; покажите, что вы можете дать отпор, — и бояться станут вас. — Она взяла Грэхема за другую руку. — Вам не о чем волноваться. Вы доплывете до Генуи и отправитесь там в британское консульство. Не обращайтесь на эту провонявшую духами гадину. Когда окажетесь в Париже — уже и думать о нем забудете.

— Если доберусь.

— Вы просто невозможный. С чего бы вам не добраться до Парижа?

— Вы думаете, что я глуп.

— Я думаю, что вы устали. Ваша рана...

— Простая царапина.

— Дело не в глубине раны. Вы испытали шок.

Грэхему вдруг захотелось рассмеяться. Жозетта говорила правду: он все еще не отошел от той адской ночи с Копейкиным и Хаки. Он был на взводе и тревожился попусту.

— Жозетта, когда мы приедем в Париж, я угощу вас таким роскошным ужином, какой только можно купить за деньги.

Она придвинулась ближе.

— Мне ничего от вас не нужно, *chéri*. Только хочу вам нравиться. Я вам нравлюсь?

— Конечно, нравитесь. Я же говорил.

— Да, говорили.

Левая рука Грэхема коснулась пояса ее пальто. Внезапно Жозетта всем телом прижалась к Грэхему; в следующую секунду он сжимал ее в объятиях и целовал.

Когда у него устали руки, Жозетта отодвинулась назад и прислонилась отчасти к Грэхему, отчасти к поручням.

— Теперь лучше, *chéri*?

— Да. Лучше.

— Тогда я закурю.

Он дал ей сигарету.

— Вы сейчас думаете о той леди в Англии? О вашей жене? — спросила Жозетта, глядя на Грэхема над огоньком спички.

— Нет.

— Но будете о ней думать?

— Если вы станете все время о ней говорить — буду.

— Понимаю. Я для вас — лишь часть путешествия из Стамбула в Лондон. Как мистер Куветли.

— Не совсем. Мистера Куветли я бы целовать не стал.

— Что вы думаете обо мне?

— Что вы очень красивая. Мне нравятся ваши волосы, ваши глаза и запах ваших духов.

— Это приятно. Можно вам кое-что сказать, *chéri*?

— Что?

Она тихо зашептала:

— Корабль маленький. Каюты маленькие. Стены тонкие. И всюду люди.

— Ну?..

— А Париж большой. Там уютные отели с большими комнатами и толстыми стенами. Можно не встречаться ни с кем, кого не хочешь видеть. И знаете, *chéri*, когда путешествуешь из Стамбула в Лондон и приезжаешь в Париж, иногда нужно бывает выждать целую неделю, прежде чем отправиться дальше.

— Неделю — это долго.

— Все из-за войны. Вечно разные задержки. Разрешения покинуть Францию приходится ждать несколько дней. В паспорт должны поставить особую печать — если ее нет, на поезд до Англии не пустят. За печатью надо ходить в префектуру, а там страшная волокита. И вы торчите в Париже, пока старухи из префектуры не найдут время рассмотреть вашу заявку.

— Какая досада.

Жозетта вздохнула.

— Мы чудно могли бы провести эту неделю или дней десять. Я не про «Отель де Бельж»; паршивое место. Есть «Ритц», и «Ланкастер», и «Георг Пятый»... — Она замолкла, ожидая ответа.

— А еще «Крийон» и «Морис», — докончил Грэхем.

Жозетта сжала его руку:

— Вы очень милый. Но вы меня понимаете? Снять квартиру дешевле, только на такой короткий срок нам ее не сдадут. А в дешевой гостинице будет скучно. Но излишняя роскошь мне тоже не по душе. Есть прелестные отели, где номер обойдется дешевле, чем в «Ритце» и «Георге Пятом»; можно будет больше потратить на еду и танцы. Даже во время войны есть где развлечься. — Она нетерпеливо махнула горячей сигаретой. — Впрочем, зря я все о деньгах. Так вы убедите старух в префектуре выписать вам разрешение слишком быстро — и разочаруете меня.

— Знаете, Жозетта, — сказал Грэхем, — еще минута — и мне покажется, что вы говорите всерьез.

— А вы полагаете, не всерьез? — возмутилась она.

— Абсолютно убежден.

Она расхохоталась:

— Вы умеете вежливо нагрубить. Скажу Хозе — его это позабавит.

— Не уверен, что хочу забавлять Хозе. Спустимся?

— А, вы сердитесь! Думаете, я над вами потешаюсь.

— Ничуть.

— Тогда поцелуйте меня.

Некоторое время спустя она нежно произнесла:

— Вы мне очень нравитесь. Я не против комнаты за пятьдесят франков в день. Но «Отель де Бельж» ужасен. Не хочу туда возвращаться. Так вы не сердитесь на меня?

— Нет. Я сержусь на себя.

Жозетта была теплой, мягкой и бесконечно податливой. Рядом с ней ни Банат, ни весь оставшийся путь не имели значения. Грэхем чувствовал к ней и благодарность, и жалость. Он решил, что когда они приедут в Париж, он купит ей сумочку и, прежде чем отдать, сунет внутрь банкноту в тысячу франков.

— Все будет хорошо, — заверил он. — Вам не придется возвращаться в «Отель де Бельж».

В салон они спустились в начале одиннадцатого. Хозе, сжавший губы и с головой ушедший в игру, не заметил их. Мистер Куветли поднял взгляд и слабо улыбнулся.

— Мадам, — горестно изрек он, — ваш муж прекрасно играет в карты.

— У него много опыта.

— Да-да, не сомневаюсь. — Мистер Куветли сделал ход; Хозе, торжествуя, приклепнул его карту своей. Лицо мистера Куветли вытянулось.

— Игра моя, — объявил Хозе и сгреб со стола деньги. — Вы продули восемьдесят четыре лиры. Если бы мы играли на лиры, а не на чентезимы, я бы вас разорил на восемь тысяч четыреста лир. Вот это было бы что-то. Сыграем еще?

— Я лучше пойду спать, — поспешно ответил мистер Куветли. — Спокойной ночи, дамы и господа.

Когда он ушел, Хозе провел языком по зубам, словно от игры во рту остался неприятный привкус.

— Какая скука. Все на этом вшивом корабле ложатся спать рано. — Он посмотрел на Грэхема: — Сыграть не хотите?

— Боюсь, мне тоже уже пора в постель.

— Ладно, ступайте. — Хозе пожал плечами, взглянул на Жозетту и начал сдавать на двоих. — Сыграю с тобой.

Та безнадежно улыбнулась Грэхему:

— Если ему не угодить — будет потом не в духе. Доброй ночи, месье. Грэхем облегченно улыбнулся в ответ и пожелал доброй ночи.

Он возвратился в каюту куда более спокойным и радостным, чем до ухода.

Как разумно говорила Жозетта! И как он сам был глуп! С такими, как Банат, опасно пытаться действовать тонко. Когда собака видит, что ее боятся, она кусает. Теперь Грэхем станет всюду носить с собой револьвер. Больше того, если Банат попробует что-нибудь выкинуть — Грэхем выстрелит. На силу надо отвечать силой. Он достанет оружие прямо сейчас.

Грэхем нагнулся и вытащил чемодан из-под койки.

Вдруг он замер, уловив на мгновение приторный аромат розового масла.

Запах был слабым, почти неощутимым — и больше уже не чувствовался. Секунды две Грэхем не двигался, стараясь убедить себя, что ошибся. Потом его охватила паника.

Дрожащими пальцами он расстегнул замки и откинул крышку чемодана.

Револьвер исчез.

Глава VII

Он медленно разделся, лег на койку и лежал, глядя на трещины в асбесте вокруг пересекавшего потолок паропровода. На губах еще оставался вкус помады — единственное, что напоминало о той самоуверенности, с которой Грэхем возвратился в каюту. Теперь его мозг переполнял страх, хлынувший туда, словно кровь из перерезанной артерии. Страх накапливался, давил, парализовывал мысли. Только чувства продолжали воспринимать мир вокруг.

За перегородкой Матис дочистил зубы и, кряхтя, вскарабкался на верхнюю койку. Раздавалось скрипение; наконец он улегся и вздохнул.

— Вот и еще день прошел.

— Туда ему и дорога. Иллюминатор открыт?

— Однозначно. Мне в спину дует очень неприятный сквозняк.

— От спертого воздуха мы заболеем. Как англичанин.

— Воздух тут ни при чем. Его просто укачало. Ему стыдно признаться: не к лицу англичанину страдать морской болезнью. Англичане любят считать себя великими мореплавателями. Он забавный, но мне нравится.

— Потому, что слушает твою белиберду. Он вежливый — чересчур вежливый. С немцем уже здороваются, как будто они друзья. Нельзя так. Если этот Галлиндо...

— Мы уже достаточно о нем наговорились.

— Синьора Беронелли сказала, что он ее толкнул на лестнице — и пошел дальше. Даже не извинился.

— Мерзкий тип.

Тишина. Потом:

— Робер!

— Я почти заснул.

— Помнишь, я говорила, что муж синьоры Беронелли погиб при землетрясении?

— И что?

— Я с ней разговаривала вечером. Ужасная история. Его убило не землетрясение. Его расстреляли.

— Из-за чего?

— Она не хочет, чтоб знал кто попало. Никому не рассказывай.

— Ну?

— Это случилось во время первого землетрясения. Когда сильно трясти перестало, они возвратились с полей, где укрывались, к дому. Дом лежал в руинах. Уцелела часть одной стены; муж пристроил к ней грубое убежище из досок. Среди развалин нашлась еда, но баки с водой разбились, и пить было нечего. Он оставил ее с мальчиком, их сыном, и отправился за водой. Их друзья, которые жили по соседству, были тогда в Стамбуле. Их дом тоже разрушило. Ее муж искал в развалинах того дома баки для воды — и нашел один целый. Потом стал искать, куда набрать воду: кувшин или банку. Нашел кувшин — серебряный, полураздавленный камнями. А солдаты после землетрясения патрулировали улицы, чтобы не допустить мародерства — тогда много грабили, ценные вещи ведь повсюду валялись между обломками. И пока он там стоял, пытаясь распрямить кувшин, солдат его арестовал. Синьора Беронелли ничего не знала; когда муж не вернулся — они с сыном пошли его искать, но не нашли в общей неразберихе. На следующий день она услышала, что мужа расстреляли. Разве не ужасная трагедия?

— Да, трагедия. Такое бывает.

— Если бы Господь убил его при землетрясении, она бы легче перенесла. Но расстрел!.. Она очень храбрая. Солдат она не винит. Когда вокруг такая неразбериха — их нельзя винить. Так хотел благой Господь.

— Он большой весельчак. Я и раньше замечал.

— Не кощунствуй.

— Это ты кощунствуешь. Рассуждаешь о Боге, словно он официант с мухобойкой. Бьет по мухам, некоторых убивает. Одна улизнула. Ах она негодная! Бьет опять — и в лепешку, как остальных. Благой Господь не такой. Он не устраивает землетрясения и трагедии.

— Ты несносен. Неужели тебе не жалко бедную женщину?

— Жалко. Но поможет ли ей, если мы устроим еще одну заупокойную службу? Поможет ли, если я, вместо того чтобы уснуть, стану спорить с тобой? Она тебе рассказала все потому, что ей нравится об этом рассказывать. Бедняжка! Ей легче, когда она чувствует себя героиней трагедии. Так случившееся кажется менее реальным. А когда нет слушателей — нет и трагедии. Если она расскажет мне, я тоже буду отличным слушателем. Слезы выступят у меня на глазах. Но ты не героиня. Поэтому давай спи.

— Ты зверь без воображения.

— Зверям надо спать. Спокойной ночи, *chéri*.

— Верблюд!

Ответа не последовало. Через минуту Матис тяжело вздохнул и повернулся на койке. Вскоре он начал тихо похрапывать.

Некоторое время Грэхем лежал без сна, слушая шум моря и ровный гул двигателей. «Официант с мухобойкой»! Какой-то человек в Берлине, которого Грэхем никогда не видел и чьего имени не знал, приговорил его к смерти; Мёллеру в Софии велели привести приговор в исполнение, а здесь, в нескольких ярдах, в каюте номер девять, — палач с девятимиллиметровым самозарядным пистолетом, готовый, после того как разоружил жертву, выполнить свою работу и получить плату. Ничего личного; все бесстрастно, как само правосудие. Бороться так же тщетно, как, стоя на виселице, спорить с палачом.

Грэхем постарался думать о Стефани — и не смог. То, чего она была частью — его дом, его друзья, — прекратило существовать. Он остался один в странном краю, окруженном смертью, с единственной, кому мог рассказать о здешних ужасах. Она — спасение от безумия. Она — реальность. Она ему нужна. Стефани не нужна. Стефани — лишь голос и лицо, смутно помнящиеся среди других голосов и лиц из мира, который Грэхем когда-то знал.

Он погрузился в беспокойную дремоту и увидел во сне, что падает в пропасть. Резко пробудившись, он включил свет и взял одну из книг,

которые купил днем. Это был детектив. Грэхем прочел несколько страниц — и отложил роман. Заснуть, почитав про «аккуратные, слегка кровоточащие» дыры в висках трупов, «гротескно скорчившихся в последней предсмертной агонии», не удастся.

Он выбрался из койки, завернулся в одеяло и сел выкурить сигарету. Наверное, стоит провести так всю ночь: сидеть и курить. Лежа, Грэхем чувствовал себя еще беспомощнее. Если бы только у него был револьвер...

Пока Грэхем сидел, ему казалось, будто иметь или не иметь револьвер для человека столь же важно, как иметь или не иметь зрение. То, что он смог прожить все эти годы без револьвера, — чистое везение. Без револьвера ты беззащитнее козы, привязанной в джунглях. А он, дурак, оставил оружие в чемодане! Если бы только...

И тут вспомнились слова Жозетты: «У Хозе в ящике есть револьвер. Попробую вам его достать».

Грэхем глубоко вздохнул. Он спасен. У Хозе есть револьвер.

Жозетта ему достанет. Все будет хорошо. К десяти часам она, наверно, уже выйдет. Надо подождать до того времени, когда она точно появится на палубе, объяснить ей, что произошло, и попросить, чтобы она сразу же принесла револьвер. Если повезет, он будет у Грэхема уже через полчаса после выхода из каюты. Можно будет сидеть за обедом с револьвером в топорщащемся кармане. Баната ждет сюрприз. Благослови Бог подозрительную натуру Хозе!

Грэхем зевнул и потушил сигарету. Глупо сидеть так всю ночь; глупо, неудобно и скучно. К тому же клонило в сон. Он вновь положил одеяло на койку и лег. Через пять минут он спал.

Проснувшись, он увидел, как на белой краске переборки скользит то вверх, то вниз похожее на полумесяц пятно от солнечного света, бывшего наискосок в иллюминатор. Грэхем смотрел на это пятно, пока не пришлось встать и отпереть дверь стюарду с кофе. Было девять часов. Грэхем не спеша выпил кофе, покурил и принял горячую ванну с морской водой. Когда он оделся, время приближалось к десяти. Накинув пальто, он оставил каюту.

Коридор, в который выходили каюты, был узок — тут едва могли разминуться два человека. Он образовывал три стороны квадрата; четвертую занимала лестница, ведущая к салону и навесной палубе, да пара небольших площадок, где стояли две запыленные пальмы в глиняных кадках. Грэхему оставался до конца коридора ярд-другой, когда на пути появился Банат.

Тот зашел в коридор с нижней площадки лестницы; шагнув назад, мог бы пропустить Грэхема, но делать этого не стал. Увидев Грэхема, он

остановился. Потом очень неторопливо засунул руки в карманы и прислонился к стальной перегородке. Грэхем мог либо развернуться и идти назад, либо стоять на месте. Чувствуя, как сердце колотится в ребра, он остался стоять.

Банат кивнул ему:

— Доброе утро, месье. Хорошая сегодня погода, правда?

— Хорошая.

— Вам, англичанину, должно быть, приятно, когда солнце. — Банат побрился; на бледной челюсти виднелось несмытое мыло. Благоухание розового масла распространялось вокруг него волнами.

— Очень приятно. Извините. — Грэхем попробовал протиснуться к ступенькам.

Банат двинулся, словно бы нечаянно загородив путь.

— Здесь так тесно! Кому-то надо уступить дорогу.

— Верно. Не желаете пройти?

Банат покачал головой:

— Нет. Торопиться некуда. Я все хотел вас спросить, месье, про вашу руку. Заметил вечером. Что это с ней?

Грэхем встретил взгляд маленьких наглых глаз. Банат знал, что его противник безоружен, а сейчас пытался вдобавок лишить Грэхема мужества. И не без успеха. Неожиданно захотелось ударить кулаком прямо в глупое, нездорового цвета лицо; Грэхем едва сдержался.

— Небольшая рана, — спокойно произнес он, и тут чувства взяли верх. — Точнее, пулевое ранение, — добавил он. — Какой-то подлый воришка выпалил по мне в Стамбуле, но то ли не умел стрелять, то ли испугался. Он промазал.

Маленькие глаза не мигнули, но по губам Баната змеей скользнула гадкая улыбка. Он медленно выговорил:

— Подлый воришка, да? Вам нужно быть осторожней. И в следующий раз самому стрелять в ответ.

— Выстрелю. Можете даже не сомневаться.

Улыбка сделалась шире.

— Так вы носите револьвер?

— Само собой. А теперь, извините... — Грэхем пошел вперед, намереваясь, если Банат не подвинется, оттолкнуть его плечом, но тот, ухмыляясь, уступил дорогу.

— Поосторожней, месье, — сказал Банат и засмеялся.

Обернувшись на нижней площадке лестницы, Грэхем промолвил:

— Вряд ли осторожность необходима. Эти подонки ни за что не станут рисковать шкурой и связываться с вооруженным человеком.

Ухмылка исчезла с лица Баната. Не ответив, он повернулся и прошел в свою каюту.

Когда Грэхем добрался до палубы, с него тек пот, а ноги стали как ватные. Встреча вышла неожиданной, и это помогло: он вел себя, если поразмыслить, неплохо. Он сблефовал. Банат после их разговора, вероятно, задумается, а нет ли у него и впрямь второго пистолета. Но слишком надеяться на это нельзя. Перчатки брошены. Блеф может раскрыться. Во что бы то ни стало необходимо заполучить револьвер Хозе.

Грэхем быстро обошел навесную палубу. Халлер, неспешно прогуливавшийся под руку с женой, пожелал ему доброго утра, но Грэхем хотел говорить только с Жозеттой. Здесь ее не было. Он поднялся на шлюпочную палубу.

Жозетта беседовала там с молодым офицером. В нескольких ярдах дальше стояли мистер Куветли и чета Матисов; краем глаза Грэхем заметил, что они выжидающе смотрят на него, и притворился, будто не видит.

Грэхем приблизился к Жозетте; та приветствовала его улыбкой и многозначительным взглядом, говорившим, что она уже устала от итальянца. Офицер буркнул «доброе утро» и сделал попытку возобновить прерванную беседу, но Грэхему было не до любезности.

— Извините, месье, — сказал он по-французски. — Мне надо передать мадам сообщение от ее мужа.

Итальянец кивнул и вежливо отстранился. Грэхем поднял брови:

— Это личное сообщение, месье.

Офицер сердито покраснел и взглянул на Жозетту; та доброжелательно кивнула и что-то произнесла по-итальянски. Офицер улыбнулся, сверкнув зубами, снова одарил Грэхема хмурым взглядом и гордо удалился.

Жозетта хихикнула:

— Зря вы так сурово с бедным мальчиком; он держался очень мило. Неужели не могли придумать ничего лучше, чем сообщение от Хозе?

— Брякнул первое, что пришло на ум. Мне нужно с вами поговорить.

— Это хорошо. — Она одобряюще кивнула и лукаво посмотрела на Грэхема. — Я боялась, что вы всю ночь станете ругать себя из-за того, что было вечером. Только не глядите так мрачно, а то мадам Матис внимательно за нами следит.

— У меня мрачно на душе. Кое-что случилось.

Улыбка пропала с губ Жозетты.

— Что-то важное?

— Да, важное. Я...

Она бросила взгляд за его плечо.

— Давайте лучше ходить туда-сюда и делать вид, будто обсуждаем море и солнце. А то начнутся сплетни. Мне все равно, что люди болтают, но все же не хочется угодить в неловкое положение.

— Хорошо. — Они зашагали по палубе. — Когда я вечером вернулся в каюту, я обнаружил, что револьвер из чемодана похитили.

Жозетта остановилась.

— Правда?

— Чистая правда.

Они пошли дальше.

— Возможно, это стюард.

— Нет. В каюте побывал Банат. После него остался запах.

Она помолчала.

— Вы кому-нибудь сказали?

— Жаловаться бесполезно. Револьвер наверняка уже на дне моря. Я не смогу доказать, что его украл Банат. Да и не станут меня слушать после той сцены, которую я вчера устроил у эконома.

— Что вы собираетесь делать?

— Просить вас о помощи.

Она быстро на него посмотрела:

— Какой?

— Прошлой ночью вы говорили, что у Хозе есть револьвер и что вы готовы его для меня достать.

— Вы серьезно?

— Никогда в жизни не был так серьезен.

Жозетта закусила губу.

— Но что я скажу, если Хозе заметит пропажу?

— А он заметит?

— Может.

Грэхем начал выходить из себя:

— Вы же сами это вчера предложили.

— А разве вам обязательно нужен револьвер? По-моему, проку от него не будет.

— И вы сами говорили, что мне надо носить оружие.

Жозетта насупилась.

— Вы тогда испугали меня. В темноте легко напугаться, но днем все совсем по-другому. — Вдруг она улыбнулась. — Ах, дорогой, ну зачем вы

такой серьезный. Подумайте о чудесных днях, которые мы вместе проведем в Париже. Тот человек не сделает вам ничего дурного.

— Боюсь, сделает. — Грэхем сообщил ей о встрече у лестницы и добавил: — Да и зачем ему красть револьвер, если он не задумал ничего дурного?

Жозетта замялась, потом медленно произнесла:

— Ладно. Я попробую.

— Прямо сейчас?

— Да, если хотите. Револьвер в ящике Хозе внутри каюты. Хозе читает в салоне. Вы подождете меня тут?

— Нет, спущусь вниз. Я не в том настроении, чтобы беседовать с собравшимися здесь.

Они сошли по ступенькам и ненадолго остановились возле поручней у подножия трапа.

— Я побуду здесь. — Он сжал ее руку. — Жозетта, милая, мне не выразить словами, как я вам благодарен.

Она улыбнулась — словно маленькому мальчику, которого пообещала угостить конфетами.

— Расскажите в Париже.

Проводив Жозетту взглядом, Грэхем прислонился к поручням. Ей потребуется не больше пяти минут. Некоторое время он смотрел, как длинная изогнутая волна, распространявшаяся от носа корабля, сталкивается с другой, бегущей от кормы, и дробится в пену; потом сверился с часами. Три минуты. По трапу застучали шаги; кто-то спускался.

— Доброе утро, мистер Грэхем. Сегодня вы хорошо себя чувствуете? — Это был мистер Куветли.

Грэхем повернул голову:

— Да, спасибо.

— Месье и мадам Матис рассчитывали сыграть после полудня в бридж. Вы умеете в бридж?

— Умею. — Грэхем знал, что отвечает не слишком учтиво, но боялся, что мистер Куветли к нему чересчур привяжется.

— Так, может, соберемся вчетвером?

— Непременно.

— Я не очень хорошо играю. Трудная игра.

— Да. — Краем глаза он заметил Жозетту: она появилась на палубе из двери, ведущей к каютам.

Мистер Куветли бросил на женщину беглый взгляд и понимающе ухмыльнулся.

— Так, значит, после полудня, мистер Грэхем.

— Буду ждать с нетерпением.

Мистер Куветли удалился. Подошла Жозетта:

— Что он говорил?

— Приглашал поиграть в бридж. — Что-то в ее лице заставило сердце Грэхема бешено забиться. — Достали? — выговорил он.

Она помотала головой:

— Ящик заперт. Ключи у Хозе.

Грэхем ощутил, как тело покрылось капельками пота. Он уставился на Жозетту, не находя, что сказать.

— Что вы на меня так смотрите? — сердито воскликнула она. — Я не виновата, что Хозе держит ящик под замком.

— Не виноваты. — Теперь Грэхем понял, что она и не собиралась добывать ему револьвер. Ее нельзя упрекать: ждать, что Жозетта станет ради него красть, — значит требовать от нее слишком многого. Но он так рассчитывал на тот револьвер. Что же теперь делать, черт побери?

Жозетта коснулась его руки:

— Вы обиделись на меня?

Он покачал головой:

— Чего обижаться? Нужно было беречь свой. Носить его в кармане. Просто я очень надеялся, что у вас получится. Я сам виноват. Но я ведь уже говорил вам: не привык я к таким вещам.

Она рассмеялась:

— Не тревожьтесь. Я вам кое-что скажу. Этот человек не носит пистолета.

— Как? Откуда вы знаете?

— Сейчас, когда я возвращалась, он поднимался по лестнице передо мной. Одежда на нем мятая и тесная. Если б у него в кармане лежал пистолет, я бы заметила.

— Вы уверены?

— Конечно. Иначе бы не стала вам говорить.

— Но если пистолет маленький... — Грэхем осекся. Девятимиллиметровый самозарядный пистолет маленьким быть не может. Он должен весить пару фунтов и места занимать тоже много. В кармане такую штуку носить никто не станет — оставит в каюте. Да...

Жозетта не отрываясь наблюдала за ним.

— Что такое?

— Пистолет у него в каюте, — медленно вымолвил Грэхем.

Она поглядела ему в глаза:

— Я могу сделать так, что он уйдет из каюты и долго не будет возвращаться.

— Как?

— Поможет Хозе.

— Хозе?

— Успокойтесь, я ни о чем ему не проболтаюсь. Сегодня вечером Хозе будет играть с вашим Банатом в карты.

— Да, Банат — заядлый игрок. Но предложит ли ему Хозе?..

— Я скажу Хозе, что видела у того человека раскрытый бумажник с кучей денег. А дальше уж положитесь на Хозе — играть они будут.

— Вам удастся это устроить?

Жозетта сжала его руку:

— Разумеется. Я не хочу, чтобы вы волновались. А если отнять у него пистолет, вам ведь нечего будет бояться?

— Да. Мне нечего будет бояться, — задумчиво откликнулся Грэхем. Все так просто; и как он раньше не додумался? Впрочем, раньше ему не было известно, что при себе пистолета Банат не носит. Отбери у него пистолет — и он не сможет стрелять. Логично. А если не сможет стрелять — его не стоит опасаться. Тоже логично. Хорошие планы всегда просты.

Он повернулся к Жозетте:

— Когда вы это сделаете?

— Удобнее всего вечером. Днем Хозе не очень тянет играть в карты.

— Когда именно вечером?

— После ужина. Вам придется потерпеть. — Она поразмыслила. — Лучше, чтобы нас сегодня не видели вместе. А то он заподозрит, что мы друзья.

— После полудня я буду играть в бридж с Куветли и Матисами. Как я узнаю, что все идет по плану?

— Я найду способ вам сообщить. — Она прижалась к Грэхему. — Вы точно не обиделись из-за револьвера Хозе?

— Точно.

— На нас никто не смотрит. Поцелуйте меня.

— Банковское дело! — рассуждал Матис. — Что оно как не обычное ростовщичество? Банкиры — ростовщики, процентщики. Но поскольку они одалживают всем деньги — чужие или те, которых вообще не существует, — их называют красивым словом. И все же они — ростовщики. Когда-то это был смертный грех, постыдное, преступное занятие; ростовщиков сажали в тюрьму. Теперь такие люди — земные боги, а единственный смертный грех — бедность.

— На свете так много бедных, — печально изрек мистер Куветли. — Это ужасно!

Матис нетерпеливо дернул плечами.

— Будет еще больше, пока не кончится война. Тут уж можете на меня положиться. Многие станут завидовать солдатам: солдат по крайней мере кормят.

— Всегда он мелет чепуху, — вставила мадам Матис. — Всегда-всегда. Но как только возвратимся во Францию — все будет иначе. Его друзья не станут слушать так вежливо. Банковское дело! Да что он понимает в банках?

— Ха! Банкирам только и надо, чтобы все думали, как ты: банковское дело — загадка, простым смертным его не постичь. — Матис саркастически рассмеялся. — Если у кого-то два плюс два равняется пяти, тут и впрямь большая загадка. — Он воинственно повернулся к Грэхему: — Владельцы международных банков — вот настоящие военные преступники. Пока другие убивают, они сидят по своим офисам, невозмутимые и хладнокровные, да зарабатывают на этом деньги.

— Признаться, — произнес Грэхем, судорожно придумывая ответ, — единственный владелец международного банка, которого я знаю, — задерганный язвенник. До невозмутимости ему далеко. Наоборот, вечно жалуется на жизнь.

— Именно! — торжествующе согласился Матис. — Тут целая система. Я вам сейчас объясню...

И он стал объяснять. Грэхем поднял четвертый стакан виски с содовой. Он играл в бридж с Матисами и мистером Куветли уже давно и успел от них устать. Жозетту он видел с утра всего однажды: она остановилась у карточного столика и кивнула. Грэхем принял это как знак, что известие о богатстве Баната заинтересовало Хозе и что вечером удастся безопасно проникнуть к Банату в каюту.

Мысль о предстоящем попеременно то радовала, то пугала. Временами план казался безотказным: Грэхем войдет в каюту, возьмет пистолет, вернется к себе, выкинет пистолет в иллюминатор — и гора свалится с плеч; можно будет спокойно подняться в салон. В следующую минуту, однако, начинали грызть сомнения. Слишком уж просто. Банат, может, и безумец, но не дурак. Нельзя недооценивать человека, который зарабатывал на хлеб подобным ремеслом, до сих пор оставаясь в живых и на свободе. Вдруг он догадается, чего задумал Грэхем, вдруг оставит Хозе посреди игры и спустится в каюту? Вдруг Банат подкупил стюарда и поручил тому присматривать за каютой — наврав, будто хранит там ценные вещи? Вдруг... Но что еще оставалось делать? Ждать сложа руки, пока Банат выбирает удобный случай для убийства? Легко полковнику Хаки говорить, что помеченной жертве надо всего лишь защищаться;

только чем себя защитить? Когда враг так близко, как сейчас Банат, лучшая защита — нападение. Ну конечно! Все, что угодно, лучше, чем просто ждать. А план вполне может сработать. Именно такие простые планы и срабатывают. Банату с его самомнением никогда не придет в голову, что в игру с похищением пистолетов могут играть двое, что беззащитный кролик тоже способен укусить. Скоро противник узнает, как ошибался.

Вошли Жозетта и Хозе с Банатом. Хозе, по-видимому, старался держаться любезно.

— ...нужно сказать, — закончил речь Матис, — лишь одно слово: Брие! И все станет ясно.

Грэхем осушил стакан.

— Несомненно. Выпьете еще?

Французы решительно отказались; они, похоже, были чем-то озадачены. Но мистер Куветли радостно кивнул:

— Спасибо, мистер Грэхем. Я выпью.

Матис, хмурясь, поднялся:

— Нам пора готовиться к ужину. Прошу нас извинить.

Супруги ушли. Мистер Куветли отодвинул свой стул подальше.

— Очень неожиданно, — сказал Грэхем. — Что это они?

— По-моему, — осторожно заметил мистер Куветли, — им почудилось, что вы над ними насмехаетесь.

— Да с чего они взяли?

Мистер Куветли искоса посмотрел на Грэхема:

— Вы за пять минут трижды предложили им выпить. Предложили раз. Они отказались. Предложили другой. Они опять отказались. Вы снова предложили. Им не понять английского радушия.

— Ясно. Признаюсь, я задумался о другом. Надо будет извиниться.

— Что вы! — воскликнул мистер Куветли. — За радушие не извиняются. Но, — он неуверенно взглянул на часы, — приближается время ужина. Вы позволите мне выпить с вами не сейчас, а попозже?

— Разумеется.

— Тогда, пожалуйста, извините — я пойду.

— Конечно.

Когда мистер Куветли удалился, Грэхем встал и вышел на палубу. Он и правда выпил натошак чуть больше, чем надо.

В звездном небе висели серые облачка, вдалеке светились огни итальянского побережья. Грэхем постоял немного, подставив лицо жгучему ледяному ветру. Через минуту-другую гонг позовет к еде; Грэхем страшился предстоящего ужина, как больной страшится

приближающегося врача с желудочным зондом. Придется, как за обедом, сидеть, слушать монологи Халлера и перешептывание погруженных в свое горе Беронелли, проталкивать через горло пищу в живот, все время помня, что за человек сидит напротив и зачем он здесь.

Грэхем повернулся и прислонился к стойке, поддерживавшей верхнюю палубу. Стоя спиной к открытому пространству, все время хотелось обернуться через плечо и убедиться, что ты один; когда позади только море — было поспокойнее.

В иллюминаторе салона виднелись Банат, Хозе и Жозетта. Они сидели, словно персонажи с картины Хогарта: Хозе — молчалив и сосредоточен; Жозетта улыбалась; Банат чего-то говорил. Воздух внутри был серым от табачного дыма, яркий свет лампочек без абажура делал лица плоскими, придавая сцене сходство с убогой фотографией, снятой со вспышкой в баре.

Кто-то появился из-за угла на краю палубы; когда он приблизился и вышел на свет, Грэхем узнал Халлера. Старик остановился.

— Добрый вечер, мистер Грэхем. Кажется, вы по-настоящему наслаждаетесь свежим воздухом. А мне, прежде чем встретиться с ним, нужно, как видите, надеть шарф и пальто.

— Внутри душно.

— Да. Я видел, как днем вы очень смело играли в бридж.

— Вам не нравится бридж?

— Вкусы меняются. — Халлер посмотрел на огни. — Что лучше — глядеть на берег с корабля или на корабль с берега? Когда-то мне нравилось и то и другое. Теперь не нравится ни то ни другое. Когда доживешь до моих лет, начинаешь, мне кажется, подсознательно недолгобловать все, что движется, — кроме дыхательных мышц, удерживающих тебя в живых. Движение — это перемены, а для старых людей перемены означают только смерть.

— А как же бессмертная душа?

Халлер фыркнул.

— Даже то, что мы привыкли считать бессмертным, рано или поздно гибнет. Придет день, когда последнее полотно Тициана и последний квартет Бетховена закончат существовать. Холст и напечатанные ноты могут уцелеть, если их бережно хранить, но сами произведения умрут вместе с последним зрителем или слушателем, способным понять их язык. Что же до бессмертия души — это вечная истина, а «вечные истины» умирают вместе с теми, кому они были необходимы. Средневековые богословы так же нуждались в вечной истине Птолемеевой системы, как теологи Реформации — в вечных истинах Кеплера или материалисты девятнадцатого века — в вечных истинах

Дарвина. Утверждая вечные истины, мы молимся о спасении от того, что Шпенглер назвал страхом первобытного человека, пытающегося защититься перед лицом темного всемогущества мира.

Дверь салона неожиданно распахнулась; Халлер повернул голову. На палубе показалась Жозетта. Она неуверенно переводила взгляд с одного из беседовавших на другого. В это мгновение зазвучал гонг.

— Извините меня, — сказал Халлер. — Я должен перед ужином навестить жену. Ей все еще нехорошо.

— Конечно, — торопливо отозвался Грэхем.

Когда Халлер скрылся, Жозетта подошла к Грэхему и прошептала:

— Чего он хотел, этот старик?

— Говорил о жизни и смерти.

— Уф! Не нравится он мне. От него мурашки по коже. Мне нельзя здесь задерживаться; я только вышла сказать, что все идет как задумано.

— Когда они собираются играть?

— После ужина. — Она сжала его руку. — Этот Банат ужасен. Я бы ни для кого не стала такое делать — только ради вас, *chéri*.

— Жозетта, вы же знаете: я очень благодарен. Я отплачу вам за доброту.

— Ах, глупый! — Она ласково улыбнулась Грэхему. — Нельзя быть таким серьезным.

— А вам точно удастся его задержать? — засомневался Грэхем.

— Не беспокойтесь: задержу. После того как сходите в его каюту — возвращайтесь в салон, чтобы я знала, что вы закончили. Договорились, *chéri*?

— Договорились.

* * *

Было уже больше девяти. Последние полчаса Грэхем сидел в салоне возле двери, притворяясь, будто читает книгу.

В сотый раз его глаза обращались в противоположный угол комнаты, где Банат разговаривал с Хозе и Жозеттой. Вдруг сердце учащенно забилося: Хозе, улыбаясь какой-то реплике Баната, держал в руке колоду. Они расположились за карточным столиком. Жозетта бросила взгляд на Грэхема.

Он выждал немного; потом, увидев, что Хозе начал сдавать карты, неторопливо поднялся и вышел.

На лестничной площадке он остановился ненадолго, набираясь смелости для того, что предстояло совершить. Теперь, когда ожидание закончилось, на душе чуть полегчало. Две минуты, от силы три — и все

позади. Пистолет будет у Грэхема, и опасность исчезнет. Надо только взять себя в руки.

Он спустился по лестнице. Каюта номер девять располагалась дальше, чем его собственная, в средней секции коридора. Грэхем дошел до палм в кадрах. Рядом — никого. Он зашагал дальше.

Он решил, что красться нельзя. Надо напрямик направиться к каюте, раскрыть дверь и смело зайти. В худшем случае, если его застанет стюард или кто-нибудь еще, Грэхем скажет, что считал номер девять пустым и всего лишь полюбопытствовал, как выглядят другие каюты.

Но никто его не увидел. Грэхем добрался до нужной двери; замешкавшись всего на мгновение, тихо отворил ее и вошел. Оказавшись внутри, он тут же закрыл дверь и заперся на задвижку. Если стюард зачем-то попытается зайти — подумает, что в каюте Банат.

Грэхем осмотрелся. Иллюминатор был закрыт; в воздухе воняло розовым маслом. В каюте имелись две койки. Выглядела она странно пустой. Помимо запаха, обнаруживалось всего два признака, что в номере девять кто-то живет: серый плащ, висевший вместе с мягкой шляпой позади двери, и потертый фибровый чемодан под нижней койкой.

Грэхем ощупал плащ, убедился, что карманы пусты, и занялся чемоданом. Тот оказался не заперт. Грэхем вытащил его и откинул крышку; чемодан доверху наполняли грязные рубашки и нижнее белье. Кроме того, нашлись несколько ярких носовых платков из шелка, черные туфли без шнурков, дезодорант и баночка крема. Пистолета не было.

Захлопнув чемодан, Грэхем задвинул его под койку и перешел к шкафчику. В отделении для одежды валялась только пара нестираных носков. В умывальнике на полке рядом со стаканчиком для полоскания зубов лежали серая мочалка, безопасная бритва, кусок мыла да стоял флакон духов со стеклянной пробкой.

Грэхем забеспокоился. Он был так уверен, что пистолет в каюте. Если Жозетта сказала правду — он где-то здесь.

Грэхем огляделся в поисках других тайников. Вот матрасы. Он провел руками вдоль пружин под ними. Ничего. Вот мусорный отсек под умывальником. Опять ничего. Грэхем посмотрел на часы. Он провел здесь уже четыре минуты. Вновь отчаянно огляделся. Пистолет должен быть тут. Но Грэхем уже искал везде. Он вновь лихорадочно занялся чемоданом.

Две минуты спустя он медленно выпрямился. Пистолета в каюте не было. Простой план оказался чересчур простым, и ничего не изменилось. Секунды две Грэхем беспомощно стоял, оттягивая миг, когда нужно будет

признать поражение и уйти из каюты. Из оцепенения его вывел звук шагов в коридоре.

Шаги приблизились. Замерли. Лязгнуло поставленное на пол ведро. Потом шагавший пошел назад. Грэхем отпер дверную задвижку и выглянул. Коридор был пуст. Через секунду Грэхем уже возвращался наружу.

Он успел добраться до нижней площадки лестницы, прежде чем позволил себе обдумать происшедшее. Там он помедлил. Он обещал Жозетте вернуться в салон. Но это значило увидеться с Банатом. Нужно время, чтобы успокоиться. Грэхем развернулся и направился к своей каюте.

Он открыл дверь, шагнул внутрь — и остановился как вкопанный.

На койке, скрестив ноги, сидел Халлер. Но коленях у него лежала книга, на глазах были очки для чтения в роговой оправе. Он не спеша снял их, поглядел на вошедшего и весело произнес:

— Я ждал вас, Грэхем.

Опомнившись, Грэхем начал:

— Я не...

Из-под книги появилась другая рука Халлера. Она сжимала большой самозарядный пистолет.

— Вы, кажется, это искали?

Глава VIII

Грэхем перевел взгляд с поднятого пистолета на лицо человека, который его держал: длинная верхняя губа, бледно-голубые глаза, дряблая желтоватая кожа.

— Не понимаю, — сказал Грэхем и протянул руку за пистолетом. — Как?.. — Он осекся. Пистолет указывал на него; палец Халлера лежал на спусковом крючке.

Халлер отрицательно покачал головой:

— Нет, мистер Грэхем. Это я, пожалуй, оставлю у себя. Я пришел немного с вами поговорить. Что, если вы сядете вот сюда на кровать и развернетесь, чтобы мы смотрели друг другу в лицо?

Грэхем изо всех сил постарался скрыть овладевшую им смертельную тошноту. Ему казалось, что он теряет рассудок. Среди потопа вопросов, заливавших ум, высился всего один островок сухой земли: полковник Хаки проверил документы у всех, кто сел на пароход в Стамбуле; никто

из них не представлял угрозы, все заказали билеты не позже чем за три дня до отплытия. И Грэхем отчаянно цеплялся за этот островок.

— Не понимаю, — повторил он.

— Конечно, нет. Но если вы присядете, я все объясню.

— Я постою.

— Ах да, моральная поддержка, получаемая от физического неудобства. Стойте, пожалуйста, если вам так больше нравится. — Говорил он твердо и высокомерно; это был новый Халлер, помоложе. Рассмотрев пистолет так, словно видел его впервые, старик задумчиво продолжал: — Знаете, мистер Грэхем, неудача в Стамбуле сильно расстроила беднягу Мавродопулоса. Он, как вы, наверно, заметили, не очень сообразителен — и, как все неумные люди, винит в своих ошибках других. Жалуется, что вы шевельнулись. — Халлер терпеливо пожал плечами. — Естественно, вы шевельнулись. Едва ли стоило ждать, что вы замрете, пока он будет целиться повторно. Я так ему и сказал. Но он продолжал на вас злиться, поэтому, когда мы сели на корабль, я настоял, чтобы оружие хранилось у меня. Он молод, а головы у этих румын горячие. Я не хотел, чтобы чего-нибудь случилось раньше времени.

— Интересно, — проронил Грэхем, — фамилия ваша, случайно, не Мёллер?

— Боже правый! — Немец вскинул брови. — Я и не подозревал, что вы столь хорошо информированы. Полковник Хаки, видно, был в словоохотливом настроении. А он знал, что я в Стамбуле?

Грэхем побагровел.

— Вряд ли.

Мёллер усмехнулся:

— Так я и думал. Хаки умен, я глубоко его уважаю. Но он тоже человек, ему тоже свойственно ошибаться. Да, после того фиаско в Галлиполи я счел нужным лично присмотреть за делом. И тут, после всех приготовлений, вы имели неосторожность шевельнуться и испортили Мавродопулосу выстрел. Но я на вас зла не держу. Хотя тогда я, безусловно, рассердился. Мавродопулос...

— «Банат» произносить легче.

— Благодарю. Так вот, промах Баната потребовал от меня больше работы. Однако теперь моя досада улеглась. Мне понравилось наше плавание, понравилось разыгрывать из себя археолога. Сперва я немного волновался, но когда увидел, что мне отлично удастся заговорить вас до скуки, понял, что справляюсь прекрасно. — Он показал Грэхему книгу, которую читал: — Если вам нужен конспект моих небольших речей — вот, рекомендую: «Шумерский пантеон», автор — Фриц Халлер. Биографические сведения есть на титульном листе: десять лет при

Немецком институте в Афинах, потом Оксфорд; ученые степени — все указано. Он, по-видимому, горячий последователь Шпенглера. Часто цитирует мэтра. Особенно пригодились ностальгическое предисловие и некоторые более длинные примечания. Фрагмент насчет вечных истин вы найдете на странице триста сорок один. Я, разумеется, кое-что излагал своими словами, менял в соответствии с личными вкусами. Мне хотелось создать образ милого и занудного эрудита. Думаю, вы согласитесь, что я преуспел.

— Так Халлер существует?

Мёллер поджал губы.

— О да. Жаль было причинять неудобства ему и его жене, но ничего другого не оставалось. Когда я узнал, что вы отплываете на пароходе, я счел полезным отправиться с вами. Само собой, я не мог оплатить рейс в последнюю минуту, не привлекая внимания полковника Хаки. Поэтому я обзавелся билетами и паспортом профессора Халлера. Он и его жена не обрадовались, но они добропорядочные немцы, и когда им объяснили, что интересы страны превыше их личного комфорта, они не стали возражать. Через несколько дней им вернут паспорта с заново вклеенными их собственными фотографиями. Единственное постыдное недоразумение — армянская леди, играющая роль фрау Халлер. Она почти не знает немецкого и глупа как пробка. Пришлось держать ее в стороне. Времени не хватало, никого более подходящего я не нашел. Человек, подыскавший для меня эту даму, вынужден был долго убеждать старуху, что ее повезут не в итальянский бордель. Женское самомнение иногда просто поразительно. — Мёллер достал портсигар. — Надеюсь, вы не возражаете, что я делюсь с вами такими подробностями. Я считаю, что атмосфера откровенности — неременное условие для всякой деловой беседы.

— Деловой?

— Именно. Теперь, прошу вас, сядьте и возьмите сигарету. Вам не помешает. — Он протянул портсигар. — А то вы сегодня какой-то нервный.

— Выкладывайте, что хотели сказать, и проваливайте!

Мёллер издал смешок.

— В самом деле, нервы у вас не в порядке! — Он внезапно посерьезнел. — Боюсь, виноват я. Видите ли, мистер Грэхем, я мог бы поговорить с вами и раньше, но желал сперва удостовериться, что вы окажетесь в подходящем настрое и будете готовы слушать.

Грэхем прислонился к двери.

— По-моему, лучший способ описать сейчас мой настрой — сказать, что я всерьез рассматриваю идею ударить вас в зубы. Я мог бы успеть прежде, чем вы — нажать на спуск.

Мёллер поднял брови:

— И до сих пор не ударили? Что же вас останавливает? Почтение к моим сединам или боязнь последствий? — Он помедлил. — Не отвечаете? Тогда, если вы не против, я сам сделаю выводы. — Он сел поудобнее. — Инстинкт самосохранения — замечательная вещь. Людям легко рассуждать о героизме и готовности отдать жизнь ради принципа, пока отдавать жизнь не надо. Когда, однако, запахнет жареным, они становятся практичнее и начинают выбирать не между честью и бесчестьем, а между бóльшим и меньшим злом. Интересно, получится ли мне убедить вас встать на мою точку зрения.

Грэхем молчал, стараясь побороть охватившую его панику. Он знал, что если откроет рот — начнет вопить оскорбления, пока не заболит горло.

Мёллер с видом человека, который загодя пришел на важную встречу и никуда не спешит, принялся вставлять сигарету в короткий янтарный мундштук. Он, очевидно, и не ждал ответов на свои вопросы. Закончив возиться с мундштуком, немец поднял взгляд и сказал:

— Вы мне нравитесь, мистер Грэхем. Признаю, я рассердился, когда Банат оплошал в Стамбуле, но теперь, когда я познакомился с вами, я рад, что так получилось. Вы изящно вышли из неловкой ситуации за обеденным столом в первый вечер. Вы внимательно слушали, как я декламирую свои тщательно заученные монологи. Вы одаренный инженер и притом скромны и воспитанны. Мне неприятно представить, что вас застрелит нанятый мной работник. — Он зажег сигарету. — Но требования, диктуемые нашими жизненно важными нуждами, не оставляют выбора. Я вынужден быть непреклонен. Должен вам сообщить, что при текущем положении дел вы умрете через несколько минут после того, как мы субботним утром пристанем в Генуе.

Грэхем уже овладел собой.

— Печально слышать.

Мёллер одобрительно кивнул:

— Хорошо, что вы принимаете все так спокойно. Я бы на вашем месте сильно испугался. Правда, окажись на вашем месте я, — бледно-голубые глаза внезапно сузились, — я бы знал, что у меня нет ни малейшего шанса сбежать. Банат, несмотря на свою неудачу в Стамбуле, очень способный молодой человек. А учитывая подкрепление из нескольких столь же опытных людей, которое ждет его в Генуе, я бы понял: добраться живым до безопасного убежища у меня никак не выйдет.

Осталась бы лишь одна надежда: что они выполнят свою работу быстро и эффективно.

— Что значит «при текущем положении дел»?

Мёллер торжествующе улыбнулся:

— О! Вы перешли сразу к сути. Понимаете, мистер Грэхем, вам вовсе не обязательно умирать. Есть и другой выход.

— Ясно. Меньшее зло. — Сердце в груди невольно подпрыгнуло.

— Это и злом не назовешь, — возразил Мёллер. — Другой выход, и весьма приятный. — Он расположился на койке с еще большим удобством. — Я уже сказал, мистер Грэхем, что вы мне нравитесь. Позвольте добавить, что я так же, как и вы, всем сердцем не одобряю насилия. Я трусоват — охотно признаю. Я на все готов, только бы не видеть последствий автомобильной аварии. Поэтому, если существует бескровный способ уладить наше дело, я его предпочту. А если вы до сих пор сомневаетесь в моих добрых намерениях, позвольте представить вам вопрос в другом, более жестком, свете. Убивать вас придется в спешке; убийцы подвергнутся дополнительному риску, и потому вся операция обойдется дорого. Не поймите меня неправильно: я пойду на любые расходы, если они действительно необходимы. Но я бы, естественно, хотел без них обойтись. Уверяю вас, никто — возможно, за исключением вас самих — не порадует, как я, если нам удастся решить все дружески и по-деловому. Я говорю искренне — надеюсь, хоть в этом вы мне поверите.

Грэхем начал злиться.

— Мне плевать, искренни вы или нет.

Мёллер, казалось, был разочарован.

— Да, пожалуй, так и есть. Я и забыл: вы долго находились под нервным напряжением. Естественно, все, что вас сейчас занимает, — доберетесь ли вы живым до Англии. Это возможно. Все зависит от того, сможете ли вы спокойно и здраво вникнуть в ситуацию. Вам известно, что завершение работы, которую вы выполняете, требуется задержать. Если вы умрете до того, как возвратитесь в Англию, в Турцию отправят кого-нибудь другого, чтобы он сделал вашу работу заново. Насколько я знаю, задержка в этом случае выйдет в шесть недель — и этого будет достаточно для заинтересованной стороны. Таким образом, простейший способ справиться с затруднением, казалось бы, похитить вас в Генуе, держать взаперти требуемые шесть недель и потом отпустить. Разве не так?

— Видимо, так.

Мёллер покачал головой:

— Нет, не так. Вы исчезнете без вести. И ваша компания, и турецкие власти начнут наводить справки. Поставят в известность итальянскую полицию. Британское министерство иностранных дел станет требовать информацию у итальянского правительства. Итальянское правительство, боясь, как бы его нейтралитет не оказался под сомнением, расшибется в лепешку. У меня могут возникнуть большие неприятности — особенно когда вы окажетесь на свободе и сможете обо всем рассказать. Мне крайне нежелательно оказаться в розыске у итальянской полиции. Понимаете?

— Понимаю.

— Самый незамысловатый способ — убить вас. Впрочем, есть и третий вариант. — Мёллер сделал паузу и произнес: — Вы везучий человек, мистер Грэхем.

— Что вы имеете в виду?

— В мирное время только фанатичные националисты требуют, чтобы человек жертвовал собой ради правительства той страны, где родился. Но во время войны, когда людей убивают и чувства накалены, даже умный человек может поддаться им и заговорить о своем «долге перед отчизной». По счастью, вы в силу своей профессии способны видеть героизм таким, какой он есть: излишком сентиментальности у глупцов. «Любовь к родине»! Забавное выражение. Любовь к конкретному клочку земли? Вряд ли. Поставьте немца на поле в Северной Франции, скажите ему, что это Ганновер, и он не сможет вас опровергнуть. Любовь к своим согражданам? Определенно нет. Некоторых из них вы любите, некоторых не любите. Любовь к культуре своей страны? Те, кто лучше всего знаком с ее культурой, как правило, наиболее умны и наименее патриотичны. Любовь к своему правительству? К правительству те, кем оно правит, испытывают обычно неприязнь. Вот видите: любовь к стране — фикция, поддерживаемая страхом и невежеством. От нее, конечно, есть и польза. Когда правящий класс желает заставить людей сделать что-то, чего они делать не хотят, он взывает к патриотизму. А меньше всего люди, разумеется, желают, чтобы их убивали. Но я должен извиниться: это все старые доводы, и вы, несомненно, с ними знакомы.

— Да, я с ними знаком.

— Прекрасно. Я рад, что не ошибся, сочтя вас человеком трезвого ума. Так мне гораздо проще перейти к тому, что я хочу предложить.

— Ну, и что же вы хотите предложить?

Мёллер погасил сигарету.

— Третий вариант, мистер Грэхем, — убедить вас по собственной воле удалиться от дел на шесть недель: устроить себе отпуск.

— Вы рехнулись?

Мёллер улыбнулся:

— Поверьте, я понимаю ваши трудности. Если вы просто спрячетесь на шесть недель, будет очень неловко объяснять свое исчезновение, когда вы вернетесь домой. Безмозглые кликуши могут назвать ваш выбор остаться в живых, а не умереть от пули нашего друга Баната низким поступком. Тот факт, что работа в любом случае задержалась бы на шесть недель и что вы куда полезней для своей страны и ее союзников живым, а не мертвым, оставят без внимания. Патриоты, как и все, кто слепо во что-то верит, не любят логических доводов. Нужно будет действовать немного хитрее. Позвольте вам рассказать, как все можно устроить.

— Вы напрасно теряете время.

Мёллер пропустил его слова мимо ушей:

— Есть вещи, мистер Грэхем, над которыми не властны даже патриоты. Одна из них — болезнь. Вы побывали в Турции, где недавно — спасибо землетрясению и наводнениям — было несколько вспышек сыпного тифа. Разве не выйдет правдоподобно, если вы, сойдя на берег в Генуе, испытаете легкий приступ тифа? А что потом? Вас, конечно, немедленно доставят в частную клинику, где доктор по вашей просьбе напишет письма в Англию вашей жене и коллегам. В военное время неизбежны проволочки; к тому времени, когда кто-нибудь сможет вас навестить, кризис уже минует и вы пойдете на поправку, хотя будете еще слишком слабы, чтобы работать или путешествовать. Но через шесть недель вы полностью выздоровеете и сможете делать и то и другое. Все опять станет по-прежнему. Как вы на это смотрите, мистер Грэхем? По мне, такое решение — единственное, которое устроит нас обоих.

— Понимаю. Вы избавитесь от хлопот с моим убийством, я исчезну на нужный срок и не смогу потом ни о чем рассказать, не выдав себя. Верно?

— Грубо говоря, все так и есть. Как вам мое предложение? Сам я нахожу очень заманчивой перспективу шести недель полного покоя и отдыха в том месте, о котором сейчас думаю. Оно возле Санта-Маргериты, окружено соснами и глядит на море. Хотя я, конечно, стар. Вы можете там заскучать.

Мёллер поразмыслил и медленно продолжал:

— Если идея вам нравится, возможно, удастся даже устроить, чтобы сеньора Галлиндо провела эти шесть недель с вами.

Грэхем покраснел.

— О чем вы, черт побери?

Мёллер пожал плечами:

— Бросьте, мистер Грэхем! Я не слепой. Если предложение вас оскорбило — покорно извиняюсь. Если же нет... Думаю, не стоит

упоминать, что вы там будете единственным пациентом. Медицинский персонал — я, Банат, еще один человек да несколько слуг — будет вести себя скромно и ненавязчиво, за исключением случаев, когда вы станете принимать гостей из Англии. Впрочем, это можно обсудить потом. Так что вы думаете?

Грэхем собрался с духом и нарочито спокойно ответил:

— Я думаю, что вы блефуете. Неужели вам не приходило в голову, что я не такой дурак, каким кажусь? Я доложу о нашем разговоре капитану. Когда мы прибудем в Геную, полиция начнет расследование. Мои документы неподдельные — в отличие от ваших и Баната. Мне скрывать нечего, вам с Банатом — много чего. Вы считаете, что я из страха соглашусь принять ваш план, но вам меня не убедить. И рот мне не заткнуть. Я и правда очень испугался. Последние сутки выдались не из приятных. Полагаю, все это были ваши попытки привести меня в «подходящий настрой». Но они не сработали. Я боюсь, для страха есть причины. Только я пока в своем уме. Вы блефуете, Мёллер, — вот что я думаю. А теперь убирайтесь.

Мёллер не шелохнулся. Тоном хирурга, озабоченного непредвиденными осложнениями, он промолвил:

— Да, я опасался, что вы меня неправильно поймете. Жаль. — Он взглянул на Грэхема. — И к кому же вы сперва пойдете со своей историей? К эконому? Третий помощник мне рассказывал о вашем любопытном поведении. Вы несли какой-то бред, будто месье Мавродопулос — преступник по имени Банат и хочет вас убить. Капитан и команда изрядно позабавились. Но даже самые смешные шутки надоедают, если их повторять. Когда вы заявите, что я тоже преступник и тоже намерен вас убить, — поверить будет еще сложнее. Помнится, для такого помешательства есть особый медицинский термин. Полно, мистер Грэхем! Вы же говорите, что вы не дурак. Так и ведите себя соответственно. Неужто вы считаете, что я бы говорил вам все это, если бы верил, что вам удастся поставить меня в такое неловкое положение? Надеюсь, нет. И видеть слабость в моем нежелании убивать вас тоже нелепо. Если, по-вашему, лежать в канаве с пулей в спине лучше, чем отдыхать шесть недель на вилле в Лигурийской Ривьере, — это дело вкуса. Но не обманывайтесь, пожалуйста: одно из двух непременно произойдет.

Грэхем мрачно улыбнулся:

— А ваша небольшая проповедь насчет патриотизма должна смягчить угрызения совести, которые я испытаю, соглашаясь с неизбежным. Понятно. Извините, но номер не пройдет. Я все еще думаю, что вы блефуете. Признаю, блефовали вы отменно. Вы меня встревожили. На миг мне действительно показалось, будто, словно герою в мелодраме,

придется выбирать — умереть или поступиться гордостью. Но по-настоящему выбор, конечно, стоит между здравым смыслом и тем, чтобы идти на поводу у страха. Что ж, мистер Мёллер, если вам нечего больше сказать...

Немец медленно поднялся на ноги и невозмутимо произнес:

— Да, мистер Грэхем, мне нечего больше сказать. — Он помолчал в нерешительности, затем снова сел. — Хотя нет. Я передумал и скажу вам кое-что еще. Обдумав мое предложение спокойно, вы можете прийти к выводу, что вели себя глупо и что я говорил искренней, чем вам показалось. Если честно — я не сильно на это рассчитываю. Вы безобразно самоуверенны. Но если вы все-таки решитесь, как вы выразились, «пойти на поводу у страха», я должен вас предостеречь.

— Против чего?

Мёллер улыбнулся:

— Среди множества вещей, о которых вам неизвестно, есть и такая: полковник Хаки счел нужным усадить на корабль одного из своих агентов, чтобы за вами присматривать. Вчера я усиленно пытался привлечь к нему ваше внимание, но безуспешно. Соглашусь, Ихсану Куветли недостает обаяния, но он славится сообразительностью. Если бы не его патриотизм, он мог бы разбогатеть.

— Вы что, пытаетесь мне сказать, что Куветли — турецкий агент?

— В точности так, мистер Грэхем! — Бледно-голубые глаза сузились. — Именно поэтому я зашел к вам сегодня, а не завтра вечером — мне хотелось побеседовать с вами прежде, чем он вам откроется. Он, видимо, до этого дня не знал, кто я такой. Но сегодня вечером он обыскал мою каюту. Должно быть, подслушал, как я говорю с Банатом, — переборки между каютами здесь очень тонкие. В любом случае, осознав, в какой вы опасности, он скорее всего решит, что настало время войти с вами в контакт. Видите ли, мистер Грэхем, он опытен и не допустит той ошибки, которую совершаете вы. Он связан долгом и, без сомнения, разработает какой-нибудь сложный план, позволяющий вам безопасно добраться до Франции. Так вот, я хочу вас предостеречь: не сообщайте Куветли о моем предложении. Если вы все же решитесь его принять, едва ли агент турецкого правительства промолчит о нашем маленьком договоре. Понимаете, о чем я? Посвятив Куветли в нашу тайну, вы отрежете единственную оставшуюся у вас возможность вернуться в Англию невредимым. — Он слабо улыбнулся. — Грустно будет, не правда ли? Вот теперь у меня все. — Мёллер снова встал и направился к двери. — Доброй ночи, мистер Грэхем.

Дверь закрылась; Грэхем опустился на койку. В висках стучала кровь, словно после бега. Время для блефа прошло. Пора решать, как поступить. Надо подумать — спокойно и трезво.

Только думать спокойно не удавалось. Мысли путались. Отвлекала тряска корабля. Не померещился ли весь разговор? Но на постели, там, где сидел Мёллер, оставалась вмятина; в воздухе висел дым от его сигареты. Кто раньше мерещился Грэхему, так это Халлер.

Сейчас Грэхем чувствовал скорее стыд, чем страх. К страху он уже почти привык — к тому, что в груди давит, сердце учащенно бьется, живот выворачивает, а по спине бежит холод. Все это даже каким-то странным, ужасным образом придавало сил: Грэхем чувствовал, что борется с врагом — опасным, но менее умным — и шанс победить есть. Теперь он понял, как ошибался. Враг только посмеивался над ним исподтишка. Грэхем сидел рядом с «Халлером», ни о чем не подозревая, и вежливо слушал, как тот зачитывает наизусть выдержки из книги. Нет предела человеческой глупости! Мёллер и Банат видели Грэхема насквозь, от них не укрылись даже заигрывания с Жозеттой — наверно, даже и поцелуй. И будто для того, чтобы окончательно его унижить, именно Мёллер сообщил, что мистер Куветли — турецкий агент, получивший задание защитить Грэхема. Куветли! Забавно. Жозетта бы посмеялась.

Грэхем вдруг вспомнил, что пообещал возвратиться в салон. Жозетта, должно быть, волнуется. К тому же в каюте душно; свежий воздух поможет мыслить яснее. Грэхем встал и накинул пальто.

Хозе и Банат до сих пор играли в карты: Хозе — чрезвычайно внимательно, словно подозревал Баната в мошенничестве; Банат — невозмутимо и хладнокровно. Жозетта, откинувшись на стуле, курила. Грэхем потрясенно осознал, что вышел отсюда меньше получаса назад. Удивительно, как много может измениться за такой короткий срок. Все вокруг ощущалось по-другому. Грэхем стал замечать в комнате вещи, которых не видел раньше: медную табличку с выгравированным названием фирмы, построившей корабль; пятно на ковре; стопку старых журналов в углу.

Секунды две Грэхем стоял, глядя на табличку. Матисы и итальянцы, занятые чтением, не обратили на него внимания. Взглянув на Жозетту, он увидел, что она поворачивает голову, чтобы вновь следить за игрой. Она его заметила. Грэхем пересек комнату и вышел через другую дверь на палубу.

Скоро Жозетта выйдет, чтобы узнать, удалось ли ему похитить пистолет. Грэхем не спеша прохаживался по палубе, думая, что ей ответит, расскажет или нет про Мёллера и его предложение. Да, расскажет. Она заверит Грэхема, что все в порядке, что Мёллер блефовал... Но что, если не блефовал? «Ради этого они готовы на что угодно. Понимаете? На что угодно!» Хаки ни словом не обмолвился про

блеф. Рана под запачканными бинтами на правой руке не походила на блеф. А если Мёллер не блефовал — что же делать?

Остановившись, Грэхем смотрел на огни побережья. Сейчас они горели ближе — достаточно близко, чтобы заметить по ним движение судна.

Как можно поверить, что такое происходит именно с ним? Немыслимо! Наверно, его сильно ранило в Стамбуле, и плавание на корабле — болезненный сон, привидевшийся, пока Грэхем лежал без сознания под наркозом. Наверно, он скоро придет в себя на больничной кровати.

Но влажный от росы деревянный поручень под рукой был вполне реальным. Грэхем вцепился в него, злясь на собственную глупость. Надо думать, составлять планы, принимать решения — делать что-то, но только не стоять и не грезить. Мёллер попрощался с ним больше пяти минут назад, а Грэхем все еще пытался спрятаться от действительности в волшебный мир больниц и анестетиков. Что делать с Куветли? Пойти к нему — или ждать, пока тот сам откроется? Что?

Сзади послышались шаги: накинув на плечи свое мантио, на палубу вышла Жозетта. В тусклом свете ее взволнованное лицо казалось бледным. Она схватила Грэхема за руку:

— Что случилось? Почему вы так долго?

— Пистолета там не было.

— Он должен быть в каюте. Что-то случилось? Вы сейчас вошли в салон с таким видом, словно встретились с привидением или вас вот-вот вырвет. Что с вами, *chéri*?

— Пистолета там не было, — повторил Грэхем. — Я все обыскал.

— Вас никто не заметил?

— Нет. Никто.

Жозетта облегченно вздохнула.

— Когда я увидела ваше лицо, я боялась... — Она замолчала. — Но это же прекрасно! С собой пистолета он не носит. В каюте тоже ничего. У него нет пистолета! — Она засмеялась. — Наверно, заложил в ломбарде. Ах, *chéri*, ну не смотрите так мрачно. Может, он достанет пистолет в Генуе, но тогда будет уже поздно. С вами ничего не случится. Все будет хорошо. — Она скорчила унылую мину. — У кого теперь неприятности — так это у меня.

— У вас?

— Ваш пропахший духами друг — превосходный картежник. Он обыгрывает Хозе. Хозе это не нравится. Приходится жульничать, а когда он жульничает — у него портится настроение. Говорит, что это вредно для нервов. На самом деле ему просто хочется побеждать честно, потому

что он лучше умеет играть. — Она помедлила и вдруг сказала: — Погодите!

Они дошли до конца палубы. Жозетта остановилась и повернулась к Грэхему:

— В чем дело, *chéri*? Вы меня совсем не слушаете. У вас мысли заняты чем-то другим. — Она состроила гримасу. — А, знаю. Женой. Теперь, когда опасность миновала, вы снова думаете о ней.

— Нет.

— Вы уверены?

— Уверен. — Теперь он понял, что не хочет рассказывать Жозетте про Мёллера. Ему хотелось, чтобы она продолжала болтать, веря, что угроза миновала, что с Грэхемом ничего не случится, что в Генуе они могут сойти на берег без страха. Боясь строить собственные иллюзии, он жил в тех, которые создавала она.

Грэхем с трудом улыбнулся:

— Не сердитесь на меня, Жозетта. Я просто устал. Знаете, обыскивать чужие каюты — крайне утомительное занятие.

Она сразу прониклась сочувствием:

— *Mon pauvre chéri!*^[42] Это я виновата, а не вы. Я и забыла, через какой кошмар вы прошли. Давайте вернемся в салон и выпьем?

Грэхем ради выпивки готов был почти на что угодно, но вернуться в салон означало увидеться с Банатом.

— Нет. Лучше расскажите, чем мы сперва займемся в Париже.

Жозетта бросила на него быстрый взгляд и улыбнулась.

— Если не будем ходить — замерзнем. — Она укуталась в мантию и взяла Грэхема под руку. — Так мы поедем в Париж вдвоем?

— Конечно! Мы же договорились.

— Ну да. Только я считала, что вы не всерьез. Знаете, — осторожно продолжала она, прижав руку к его боку, — очень многие мужчины любят говорить о том, что будет, но не всегда любят вспоминать сказанное. Не то чтобы они говорили не искренне — просто потом уже думают по-другому. Понимаете, *chéri*?

— Понимаю.

— Поймите, пожалуйста, для меня это очень важно. Я танцовщица и должна заботиться еще и о карьере. — Она резко повернулась к Грэхему. — Но вы решите, что я себялюбивая, а я не хочу, чтобы вы так думали. Просто вы мне очень нравитесь, и мне не хочется вынуждать вас делать что-нибудь только потому, что вы обещали. Если вы понимаете —

все хорошо, и мы не будем об этом говорить. — Она щелкнула пальцами. — Слушайте! Когда очутимся в Париже, отправимся напрямик в один знакомый мне отель возле станции Сен-Филипп-дю-Руль. Очень современный и респектабельный; если пожелаете, снимем комнату с ванной. Там недорого. Потом станем пить коктейли с шампанским в баре «Ритца» — они всего по девять франков — и решать, где поедим. Мне надоела турецкая кухня, а от вида равиоли уже тошнит. Закажем хорошую французскую еду. — Помолчав, она задумчиво прибавила: — Я никогда не бывала в «Серебряной башне».

— Побываете.

— Правда? Я стану есть, пока не растолстею, как хрюшка. А потом мы начнем.

— Начнем?

— Несколько местечек все еще открыты допоздна, хоть полиция и не разрешает. Я познакомлю вас с моей близкой подругой. Она была sous-maquiesée^[43] в «Мулен Галан», когда там хозяйничал ле Буланже и еще не появились гангстеры. Вы знаете, кто такая sous-maquiesée?

— Нет.

Жозетта засмеялась:

— Не важно; объясню в другой раз. Сюзи вам понравится. Она накопила много денег, и ее теперь все уважают. Раньше владела заведением на Рю-де-Льеж — лучше, чем «Ле Жоке» в Стамбуле. Когда началась война, его пришлось закрыть, но она открыла другое, в тупичке на Рю-Пигаль, и те, с кем Сюзи в дружбе, могут туда заходить. А друзей у нее много, так что она опять хорошо зарабатывает. Она довольно старая, и полиция ее не тревожит. Сюзи на полицию чихать хотела. Если идет эта паршивая война, еще не значит, что все должны сидеть и грустить. У меня есть и другие приятели в Париже. Я вас познакомлю — они вам понравятся. Когда узнают, что вы мой друг, станут держаться с вами вежливо. Они очень милые и вежливые со всеми, кого представит кто-нибудь известный в тех кругах.

Она принялась рассказывать о приятелях. Большинство из них были женщинами — Люсетта, Долли, Соня, Клаудетта, Берта, — но попались и двое мужчин, Жожо и Вентура: иностранцы, которых не призвали на фронт. Жозетта описывала всех смутно, но с восторгом — отчасти настоящим, отчасти словно пытаясь их оправдать. Может, по американским меркам они и не богаты, но люди светские. Каждый по-своему примечателен. Кто-то выделяется умом, у кого-то есть друг в министерстве внутренних дел, кто-то собирается купить виллу

в Сен-Тропе и пригласить туда всех знакомых на лето. Все были «занятыми» и «очень полезными, когда понадобится что-нибудь такое». Что именно «такое» — Жозетта не уточняла, а Грэхем не спрашивал. Он не мешал ей описывать их будущее. В эту минуту перспектива сидеть в «Кафе Граф», угощая напитками состоятельных мужчин и женщин из высшего общества, казалась бесконечно притягательной. Он снова станет собой, снова будет в безопасности и на свободе; сможет думать о чем захочет, улыбаться не через силу. Так и случится. Мысль о том, что его убьют, нелепа. Мёллер был прав по крайней мере в одном: Грэхем полезнее для своей страны живым, а не мертвым.

Куда полезнее! Даже если с турецким контрактом выйдет задержка на шесть недель — его все равно придется выполнять. Если Грэхем будет жив через шесть недель, он сможет взяться за работу; пожалуй, даже наверстать немного упущенного времени. Он, в конце концов, ведущий конструктор, в военное время ему трудно найти замену. Когда Грэхем говорил Хаки, что существуют десятки людей с такой же квалификацией, он не лгал; просто не считал нужным поддерживать доводы Хаки, упоминая, что среди этих десятков, кроме англичан, есть американцы, французы, немцы, японцы и чехи.

Разумнее всего выбрать безопасный путь. Грэхем — инженер, а не секретный агент. Секретный агент мог бы противостоять таким, как Мёллер и Банат, на равных. Грэхем — нет. Не ему решать, блефует Мёллер или не блефует. Его задача — выжить. Шесть недель в Лигурийской Ривьере вреда не причинят. Конечно, придется лгать. Лгать Стефани, их друзьям, управляющему директору, представителям турецкого правительства. Правду открывать нельзя: они решат, что Грэхему следовало рискнуть жизнью. Люди всегда так думают, когда уютно устроились в кресле и им ничего не грозит. Но поверят ли его лжи? Жена и друзья — да, а Хаки? Хаки почует неладное и примется задавать вопросы. А Куветли? Мёллер будет вынужден как-то убрать его с дороги — это непросто. Но Мёллер все устроит. Мёллеру такое не впервой. Мёллер...

Грэхем резко остановился. Господи Боже, о чем он думает? Да он сошел с ума! Мёллер — вражеский агент. Такие мысли — самая настоящая измена. И все-таки... Что все-таки? Очевидно, в голове у него что-то щелкнуло: сделка с врагом больше не представлялась чем-то невозможным. Грэхем был способен рассматривать предложение Мёллера спокойно и невозмутимо, взвешивая достоинства и недостатки. Он морально опустился. Он больше не мог доверять себе.

Жозетта трясла его руку:

— Что такое, *chéri*? Что случилось?

— Кое о чем вспомнил, — пробормотал Грэхем.

— А! — сердито откликнулась она. — Вы совсем не вежливы. Я спрашиваю у вас, хотите ли прогуливаться дальше, вы не замечаете. Спрашиваю опять — вы останавливаетесь, как будто вам вдруг стало дурно. Вы совсем меня не слушали.

Грэхем взял себя в руки.

— Нет-нет. Слушал. Но ваши слова напомнили мне: раз я решил остановиться в Париже — надо написать несколько важных деловых писем, чтобы сразу их оттуда отправить. — Он прибавил с наигранным весельем: — Не хочу работать, пока мы будем в Париже.

— Вечно что-то: если не мерзавцы, пытавшиеся вас убить, так дела, — проворчала Жозетта, заметно смягчившись.

— Извините, Жозетта. Больше не повторится. Вам точно не холодно? Не желаете выпить? — Теперь Грэхему хотелось уйти. Он знал, что должен предпринять, и рвался сделать это до того, как опять задумается.

Но Жозетта вновь взяла его за руку:

— Нет, все хорошо. Я не сержусь и не замерзла. Если поднимемся на верхнюю палубу — можете поцеловать меня в знак того, что мы снова друзья. Мне скоро пора будет возвращаться к Хозе: я сказала, что выйду всего на несколько минут.

Через полчаса Грэхем спустился в каюту, снял пальто и отправился искать стюарда. Тот, вооружившись шваброй и ведром, мыл пол в туалете.

— Синьор?

— Я пообещал дать синьору Куветли книгу. Какой номер его каюты?

— Третий, синьор.

Грэхем подошел к двери с цифрой «три» и на секунду замешкался. Наверно, стоит все-таки еще поразмыслить, прежде чем совершать что-то, о чем он может потом пожалеть. Наверно, лучше подождать до утра. Наверно...

Грэхем стиснул зубы, поднял руку и постучался.

Глава IX

Мистер Куветли открыл дверь.

На нем были фланелевая ночная рубашка и старый халат из красной шерсти; бахрома седых волос торчала в разные стороны отдельными завитками. В руке мистер Куветли держал книгу, которую, судя по всему,

читал в постели. Пару мгновений он смотрел на Грэхема без выражения, потом на его лицо возвратилась улыбка.

— Мистер Грэхем. Сильно рад вас видеть. Чем могу помочь, пожалуйста?

При виде турка сердце у Грэхема упало. И вот этому неряшливому человечку он собрался вверить свою безопасность? Но отступить было поздно.

— Нельзя ли с вами поговорить, мистер Куветли?

Мистер Куветли хитровато моргнул:

— Поговорить? Да-да. Заходите, пожалуйста.

Грэхем шагнул в каюту — душную и такую же тесную, как его собственная. Мистер Куветли расправил одеяла на койке.

— Садитесь, пожалуйста.

Грэхем уселся и уже открыл рот, как мистер Куветли его опередил:

— Сигарету, пожалуйста, мистер Грэхем?

— Спасибо. — Он взял сигарету. — Этим вечером, чуть раньше, меня посетил герр Халлер. — Тут он вспомнил, что переборки очень тонкие, и бросил на них взгляд.

Мистер Куветли зажег спичку.

— Сильно интересный человек, герр Халлер, а? — Он дал прикурить Грэшему, закурил сам и задул спичку. — Каюты с две стороны пустой.

— Тогда...

— Пожалуйста, — прервал его мистер Куветли, — вы мне позволите говорить на французском? На английском говорю не очень хорошо. Вы на французском говорите очень хорошо. У нас так будет сильно лучше понимание.

— Разумеется.

— Так беседовать будет проще. — Мистер Куветли сел рядом. — Месье Грэхем, я собирался представиться вам завтра. Как понимаю, месье Мёллер избавил меня от хлопот. Вы ведь уже знаете, что я не торговец табаком?

— Если верить Мёллеру, вы — турецкий агент, выполняющий приказ полковника Хаки. Это так?

— Да, это так. Откровенно говоря, я удивлен, что вы не раскрыли меня раньше. Когда француз спросил, на кого я работаю, мне пришлось назвать фирму «Пазар и К°», потому что я уже называл ее вам. К несчастью, фирмы «Пазар и К°» не существует. Месье Матис, естественно, был озадачен. Мне удалось уйти от новых вопросов, но я ждал, что позже он обсудит с вами эту странность.

Вместе с улыбкой исчезла и жизнерадостная глупость табачного торговца. Взамен ее появились твердые, волевые губы и пара спокойных карих глаз, смотревших сейчас на Грэхема с добродушным пренебрежением.

— Он не обсуждал.

— И вы не заметили, что я избегаю его вопросов? — Мистер Куветли пожал плечами. — Вечно остерегаешься понапрасну. Люди гораздо доверчивей, чем о них думаешь.

— Да с чего мне было подозревать вас? — раздраженно спросил Грэхем. — Не понимаю, почему вы не открылись мне сразу, как только увидели, что Банат на корабле. Я надеюсь, — ядовито добавил он, — вы знали, что Банат здесь?

— Знал, — ответил мистер Куветли. — На то у меня были три причины. — Он поднял мясистые пальцы. — Во-первых, полковник Хаки сообщил мне, что вы не слишком настроены сотрудничать с нами и, если не возникнет необходимости, лучше мне оставаться неизвестным. Во-вторых, у полковника Хаки низкое мнение о вашей способности скрывать чувства, и он полагал, что если я хочу сохранить от всех в тайне, кто я такой, лучше вам об этом не рассказывать.

Грэхем покраснел.

— А третья причина?

— А в-третьих, — безмятежно продолжал мистер Куветли, — я желал посмотреть, что предпримут Банат и Мёллер. Так Мёллер с вами беседовал? Превосходно. Я бы хотел знать, что он сказал.

Грэхем разозлился.

— Прежде чем я стану тратить время на пересказ, — холодно произнес он, — будьте добры, предъявите свои документы. Пока о том, что вы турецкий агент, мне известно только со слов Мёллера и ваших. Я уже сделал несколько глупых ошибок за это плавание — и больше делать не намерен.

К его удивлению, мистер Куветли улыбнулся:

— Рад видеть, что вы так хорошо настроены, месье Грэхем. Сегодня вечером я за вас волновался. В подобных обстоятельствах виски не помогает успокоиться, а только вредит. Извините, пожалуйста. — Он повернулся к пиджаку, висевшему на крюке позади двери, извлек из кармана письмо и протянул Грэхему. — Это мне вручил полковник Хаки, чтобы я передал вам. Надеюсь, его вам будет достаточно.

Грэхем взглянул: обычное рекомендательное письмо, написанное по-французски на гербовой бумаге турецкого министерства внутренних дел. Адресовано оно было лично Грэхему, подписано «Зия Хаки». Грэхем положил письмо в карман.

— Да, мистер Куветли, вполне достаточно. Прошу простить, что сомневался в вас.

— И правильно делали, — строго сказал мистер Куветли. — А теперь, месье, расскажите про Мёллера. Боюсь, появление Баната на пароходе вас потрясло. Я чувствовал себя виноватым, что удерживал вас на берегу в Афинах, но так было лучше. Что же до Мёллера...

Грэхем быстро взглянул на него:

— Погодите! То есть вы знали, что Банат сядет на корабль? И вы слонялись по Афинам и задавали все те дурацкие вопросы только для того, чтобы я не узнал о Банате до отплытия?

— Так было нужно, — невинно ответил мистер Куветли. — Понимаете...

— Да чтоб вас!.. — вскипел Грэхем.

— Одну минуту, — решительно осадил его мистер Куветли. — Я же сказал: так было нужно. В Чанаккале я получил телеграмму от полковника Хаки, в которой говорилось, что Банат выехал из Турции, что он, вероятно, попытается сесть на корабль в Пирее и...

— Так вы знали! И все равно...

— Прошу вас, месье! Я продолжу. Полковник Хаки добавил, что я должен удерживать вас на корабле. И это разумно. На корабле с вами ничего не случится. Возможно, Банат прибыл в Пирей именно для того, чтобы напугать вас и выгнать на сушу, где с вами могли приключиться очень неприятные вещи. Погодите, пожалуйста! Я отправился с вами в Афины отчасти для того, чтобы на вас на берегу никто не напал, а отчасти с целью убедиться, что если Банат сядет на пароход, вы его не увидите до отплытия.

— Но почему, ради всего святого, полковник Хаки не арестовал Баната или хотя бы не задержал, чтобы тот не успел на корабль?

— Потому что тогда Баната заменил бы кто-нибудь другой. О Банате нам известно все. А вот другой, незнакомый месье Мавродопулос создал бы новые трудности.

— Вы говорили, что Банат — или, скорее, Мёллер — намеревался испугать меня и выгнать на сушу. Но Банат ведь не мог знать, что его облик мне известен?

— Вы рассказывали полковнику Хаки, что Баната вам показали в кабаре. Банат тогда за вами наблюдал и, должно быть, заметил, что вы на него смотрите. Он опытен. Теперь вы понимаете полковника Хаки? Возможно, вас планировали завлечь на сушу и убить там. А если бы не получилось — они успели бы подготовить новую попытку. Однако, — весело добавил он, — они этого не планировали, и мои

предосторожности оказались напрасны. Банат сел на пароход, но оставался в каюте до тех пор, пока не отплыл лоцманский катер.

— Именно! — сердито воскликнул Грэхем. — Я мог сойти на берег, сесть на поезд — и сейчас уже благополучно добрался бы до Парижа.

Мистер Куветли пару секунд обдумывал это замечание, потом медленно покачал головой:

— Сомневаюсь. Вы забыли про месье Мёллера. Вряд ли он и Банат долго оставались бы на корабле, если б вы не возвратились ко времени отплытия.

Грэхем коротко рассмеялся:

— А вы тогда о нем знали?

Мистер Куветли сосредоточенно рассматривал свои грязные ноги.

— Буду предельно честен, месье Грэхем. Не знал. Мне, конечно, было известно о месье Мёллере: когда-то он предлагал мне — через посредника — большую сумму, чтобы я работал на него. Я видел его фотографию, но от фотографий толку мало. Я не узнал его. Поскольку он сел на пароход в Стамбуле, я его не подозревал. Поведение Баната зародило у меня сомнения, а когда я увидел, как Банат разговаривает с герром профессором, я решил в этом разобраться.

— Он говорил, что вы обыскали его каюту.

— Обыскал. И нашел письма, которые он получал в Софии.

— На этом пароходе, — кисло произнес Грэхем, — только и делают, что обыскивают каюты. Вчера Банат выкрал из моего чемодана револьвер. Этим вечером я ходил в его каюту и пробовал найти его пистолет, тот, из которого он стрелял по мне в Стамбуле. А когда вернулся к себе — обнаружил Мёллера с пистолетом Баната.

— Если вы, — произнес угрюмо слушавший мистер Куветли, — расскажете все-таки, о чем с вами беседовал Мёллер, и вы, и я сможем лечь спать гораздо раньше.

Грэхем улыбнулся:

— Знаете, Куветли, на корабле меня ждало много сюрпризов. И приятный из них только один — вы. — Его улыбка поблекла. — Мёллер сообщил, что, если я не соглашусь отложить возвращение в Англию на шесть недель, меня убьют через несколько минут после выхода на берег. По его словам, помимо Баната, у него есть и другие люди в Генуе и они будут меня поджидать.

Мистер Куветли не удивился.

— Где же он предлагает вам провести эти шесть недель?

— На вилле близ Санта-Маргериты. Идея такая: врач установит, что я болен тифом, и отправит меня на виллу — как будто это клиника. В

случае если ко мне приедут из Англии, Мёллер и Банат сыграют роль медицинского персонала. Понимаете, он хочет вовлечь меня в обман, чтобы я потом не проболтался.

Мистер Куветли поднял брови:

— А обо мне что говорилось?

Грэхем рассказал.

— И вы поверили месье Мёллеру, но решили не следовать его совету и сообщить о предложении мне? — Мистер Куветли одобрительно просиял. — Вы очень храбрый, месье.

В лицо Грэхему бросилась краска.

— Вы думаете, я мог согласиться?

Мистер Куветли понял неправильно.

— Я ничего не думаю, — поспешно отозвался он. — Только, — добавил он, помедлив, — когда жизнь человека в опасности, он не совсем нормален. Может сделать такое, чего при других обстоятельствах никогда бы не сделал. Его нельзя винить.

Грэхем улыбнулся:

— Буду с вами честен. Я пришел к вам сейчас, а не утром, чтобы не передумать и не последовать совету Мёллера.

— Важно то, — тихо промолвил мистер Куветли, — что вы все-таки пришли. Вы ему говорили, что собираетесь так поступить?

— Нет. Сказал, что считаю его угрозы блефом.

— А вы думаете, он блефует?

— Не знаю.

Мистер Куветли задумчиво почесал подмышки.

— Тут надо многое учесть. И все зависит от того, что вы называете блефом. Если вы имеете в виду, что он не сможет или не станет вас убивать, думаю, вы ошибаетесь. И сможет, и станет.

— Но как? В моем распоряжении консул. Что мне помешает сесть в порт на такси и поехать напрямик к нему? Там я бы мог заручиться защитой.

Мистер Куветли зажег еще одну сигарету.

— А вам известно, где в Генуе британское генеральное консульство?

— Шоферу будет известно.

— Я сам вам могу сказать. На углу улицы Ипполито д'Асте. А пристань — у моста Сан-Джорджо, в бухте Витторио Эмануэле, за несколько километров от консульства. Я ездил тем путем и знаю. Генуя — большой порт. Сомневаюсь, месье Грэхем, что вы одолеете хоть один из этих километров. Вас будет ждать автомобиль. Когда вы возьмете такси, за

вами последуют до улицы Франча, прижмут такси к тротуару и застрелят вас прямо в машине.

— Можно позвонить консулу из порта.

— Безусловно. Но сперва надо пройти через таможню. А потом ждать, когда консул приедет. Ждать, месье! Вы понимаете, что это значит? Предположим, вам удастся немедленно связаться по телефону с консулом и убедить его, что дело у вас срочное. Все равно придется ждать не меньше получаса. Позвольте вас заверить, что вероятность пережить эти полчаса для вас нисколько не уменьшится, если вы станете все время пить синильную кислоту. Убить человека, у которого ни оружия, ни охраны, всегда нетрудно. Среди портовых построек это будет легче легкого. Нет, я не думаю, что Мёллер блефует, когда говорит, что может вас убить.

— А как насчет его предложения? Кажется, он очень хочет, чтобы я согласился.

Мистер Куветли поскреб пальцем в затылке.

— Тут возможно несколько объяснений. К примеру, он собрался убить вас в любом случае — и хочет избавить себя от лишних сложностей. Нельзя отрицать, что прикончить вас по дороге к Санта-Маргерите куда легче, чем на побережье в Генуе.

— Приятная мысль.

— Полагаю, мысль верная. — Мистер Куветли нахмурился. — Видите ли, его предложение выглядит очень простым: вы заболеваете, они подделывают медицинское свидетельство, вы выздоравливаете, едете домой. Вуаля! Дело в шляпе. Но представьте, как все будет на практике. Вы англичанин, спешите вернуться в Англию. Как вы поступите в обычных обстоятельствах? Несомненно, сядете на поезд до Парижа. А как вам нужно поступать теперь? Остаться по неким загадочным причинам в Генуе — достаточно долго, чтобы обнаружить у себя тиф. Затем не обращаться в больницу, как поступил бы на вашем месте каждый, а отправиться вместо этого в какую-то частную клинику возле Санта-Маргериты. Разве в Англии не сочтут ваше поведение странным? Думаю, сочтут. Далее, тиф — болезнь, о которой следует извещать власти. Тут их известить не получится, потому что тифом вы не болеете и долго скрывать это от медиков не выйдет. Предположим, ваши друзья узнают, что о вашем случае властям не докладывали. Это вполне возможно. Вы работник ценный; британского консула могут попросить провести расследование. И что тогда? Нет, я не верю, чтобы месье Мёллер так глупо рисковал. С какой стати? Легче вас просто убить.

— Он говорил, что не любит убийств, когда без них можно обойтись.

Мистер Куветли хохотнул:

— Он и вправду держит вас за дурака. Месье Мёллер не сообщил вам, как собирается поступить со мной?

— Нет.

— Ничего удивительного. Чтобы все шло так, как он вам описывал, со мной остается сделать только одно: прикончить. И даже после этого я создам ему трудности — полковник Хаки позаботится. Боюсь, месье Мёллер не слишком честен.

— Звучало у него очень убедительно. Он даже предложил мне, если захочу, взять с собой сеньору Галлиндо.

Мистер Куветли понимающе ухмыльнулся — сатир во фланелевой ночной рубашке.

— И вы передали это сеньоре Галлиндо?

Грэхем зарделся.

— Про Мёллера ей ничего не известно — только про Баната. Я, к сожалению, выдал себя прошлым вечером, когда Банат вошел в салон. Она спросила, в чем дело, и я ей рассказал. Я нуждался в ее помощи, — не слишком искренне добавил Грэхем оправдывающимся тоном. — Это она отвлекала Баната, пока я шарил в его каюте.

— Устроив, чтобы Хозе играл с ним в карты? О да. Думаю, если бы вы приняли предложение, Жозетту вам взять с собой все-таки не разрешили бы, объяснив, что возникли непредвиденные осложнения. А Хозе знает?

— Нет. Вряд ли она ему проболтается. Ей можно доверять. — Грэхем постарался, чтобы его слова прозвучали как можно небрежнее.

— Ни одной женщине доверять нельзя, — хмуро откликнулся мистер Куветли. — Впрочем, я вас не осуждаю. — Он облизнул верхнюю губу кончиком языка и еще раз ухмыльнулся. — Сеньора Галлиндо очень привлекательна.

Грэхем сдержал резкий ответ, рвавшийся с губ, и кратко сказал:

— Очень. Итак, мы пришли к выводу, что я умру, если приму предложение Мёллера, и умру, если откажусь. — Тут он утратил самообладание и выпалил по-английски: — Бога ради, Куветли! Думаете, мне приятно сидеть тут и слушать, как легко этим гадам будет меня убить? Что мне делать?

Мистер Куветли ободряюще похлопал его по колену:

— Дорогой друг, я все понимаю. Я только отметил, что обычным путем сойти на берег у вас не получится.

— Да как еще я могу сойти? Только став невидимкой.

— Я объясню, — услужливо ответил мистер Куветли. — Все просто. Видите ли, хотя наш корабль до девяти часов утра не приблизится к пристани, чтобы высадить пассажиров, он прибудет в Геную намного

раньше — около четырех. Ночью услуги лоцмана стоят дорого, поэтому, хотя лоцмана мы возьмем, едва начнет светать, пароход до утра с места не сдвинется. Лоцманский катер...

— Если вы предлагаете мне отправиться на лоцманском катере — это невозможно.

— Для вас — да. Для меня — напротив. Я обладаю преимуществом; у меня есть документ, дающий право свободного пересечения границы. — Он похлопал по карману пиджака. — К восьми часам я буду в турецком консульстве. Мы примем меры, чтобы безопасно забрать вас с парохода и отвезти в аэропорт. Международные поезда ходят не так хорошо, как когда-то; поезд на Париж отправляется только в два часа дня. Лучше вам не ждать в Генуе так долго. Мы зафрахтуем самолет, и вы немедленно вылетите в Париж.

Сердце учащенно забилося; Грэхема охватило удивительное чувство легкости. Хотелось смеяться.

— По-моему, может сработать, — сдержанно произнес он.

— Сработает. Но нужно еще себя обезопасить. Если месье Мёллер заподозрит, что вы можете улизнуть, произойдет что-нибудь неприятное. Поэтому, пожалуйста, слушайте внимательно. — Мистер Куветли почесал грудь и поднял указательный палец. — Во-первых, вам надо завтра пойти к месье Мёллеру и сообщить, что вы согласны на его предложение отдохнуть в Санта-Маргерите.

— Как?!

— Это лучший способ его утихомирить. Удобный случай выберите на свое усмотрение. Я бы советовал подождать до вечера и дать ему время самому к вам обратиться. Если до вечера он с вами не заговорит — отправляйтесь к нему вы. Не старайтесь казаться чересчур бесхитростным, просто примите его условия. Потом идите к себе в каюту, запирайтесь и сидите там. Ни в коем случае не выходите до восьми часов утра: может быть опасно. А теперь мы переходим к самому важному. К восьми часам вы должны собрать вещи и приготовиться. Позовите стюарда, дайте ему на чай и велите отнести ваш багаж в таможенную постройку. Делайте все в точности так, как я скажу. Не покидайте корабль, пока я не приду и не объявлю вам, что приняты необходимые меры и можно спуститься на берег. Тут возникают трудности. Если вы останетесь в каюте, стюард вас заставит сойти с корабля вместе с прочими, включая месье Мёллера и Баната. То же случится, если выйдете на палубу. Этого допустить нельзя.

— Что же делать?

— Я вам как раз и объясняю. Вам надо будет выйти в коридор и, убедившись, что вас никто не видит, пробраться в ближайшую свободную

каюту. Это номер четыре — каюта между вашей и моей. Идите туда и ждите. Вы будете в безопасности. Вы дали стюарду на чай; если он и вспомнит о вас снова — решит, что вы уже на суше. Если его спросят о вас — он не станет вас искать в свободных каютах. А вот месье Мёллер и Банат искать вас станут. Но сперва им придется подождать на берегу. К тому времени мы уже явимся и сможем действовать.

— Действовать?

Мистер Куветли мрачно улыбнулся:

— Против каждого их человека у нас будет двое. Вряд ли они попытаются нас остановить. Вам ясно, что надо делать?

— Вполне.

— Еще одна мелочь. Месье Мёллер спросит, открылся ли я вам. Вы, разумеется, ответите утвердительно. Он захочет знать, что я вам говорил. Вы скажете, что я вызвался сам сопровождать вас до Парижа, а когда вы настояли, что отправитесь к британскому консулу, — угрожал вам.

— Угрожали?

— Да. — Мистер Куветли продолжал улыбаться, но глаза его слегка сузились. — Если б вы вели себя со мной по-другому, мне бы, возможно, пришлось вам угрожать.

— Чем? — язвительно осведомился Грэхем. — Смертью? Как-то нелепо, не находите?

Мистер Куветли по-прежнему улыбался.

— Нет, месье Грэхем, не смертью. Обвинением, что вас подкупил вражеский агент с целью сорвать турецкие морские приготовления. Видите ли, для меня настолько же важно, чтобы вы без промедления вернулись в Англию, как для месье Мёллера — чтобы вы туда не вернулись.

Грэхем уставился на него:

— Понимаю. Вы намекаете, что угроза остается в силе — на случай если я все же позволю месье Мёллеру убедить себя. Так?

Он нарочно говорил сердито. Мистер Куветли выпрямился и с достоинством произнес:

— Я турок, месье Грэхем. И люблю свою страну. Я сражался вместе с Гази^[44] за свободу Турции — и не позволю, чтобы один человек поставил наш общий труд под угрозу. Я готов отдать за Турцию жизнь. Так неужели удивительно, что я согласен пойти и на что-то менее неприятное?

44...Гази (воин, сражающийся против неверных) — титул Ататюрка.

Мистер Куветли был смешон в своем пафосе — и в то же время, как раз потому, что его слова настолько не соответствовали внешности, казался величественным. Грэхем обезоруженно улыбнулся:

— Ничуть не удивительно. Вам нечего беспокоиться: я поступлю так, как вы велели. А что, если он захочет узнать, когда именно мы встретились?

— Скажете правду. Вполне возможно, что вас заметили, когда вы шли ко мне. Можете соврать, будто я попросил вас зайти — оставил в вашей каюте записку. И помните: завтра никто не должен видеть, как мы разговариваем наедине. Лучше нам совсем не общаться. К тому же больше обсуждать нечего. Мы обо всем договорились. Осталось рассмотреть только один вопрос: сеньору Галлиндо.

— А что с ней?

— Вы посвятили ее в дело. Как она относится к происходящему?

— Сейчас думает, что все устроилось. — Он покраснел. — Я пообещал взять ее с собой в Париж.

— А потом?

— Она полагает, что я проведу там с ней какое-то время.

— Но вы, конечно, так поступать не собираетесь, — проронил мистер Куветли тоном учителя, которому достался нерадивый ученик.

Грэхем поколебался.

— Пожалуй, нет, — медленно ответил он. — Честно говоря, было просто приятно слушать, как она мечтает о нашем отдыхе в Париже. Когда готовишься к смерти...

— Но теперь, когда вы к смерти не готовитесь, все по-другому, да?

— Да.

Но вправду ли по-другому? Грэхем не был уверен.

Мистер Куветли погладил подбородок.

— Впрочем, не стоит ей сообщать, что вы передумали. Она может рассердиться, начать вести себя опрометчиво. Ничего ей не говорите. Если заведет речь о Париже, пусть все будет как раньше. Объясните ей, что у вас в городе кое-какие дела и что вы встретитесь с ней в поезде. Тогда она не станет искать вас перед тем, как сойдет на берег. Хорошо?

— Хорошо.

— Она красивая, — задумчиво промолвил мистер Куветли. — Жаль, что вам нельзя задерживаться. Хотя, вероятно, вы могли бы вернуться в Париж после того, как закончите работу. — Он улыбнулся: учитель, обещающий ученику конфету за примерное поведение.

— Наверное, мог бы. Что-нибудь еще?

Мистер Куветли лукаво посмотрел на Грэхема:

— Нет. Больше ничего. Разве что попрошу вас по-прежнему выглядеть так же растерянно, как и после отплытия из Пирея. Будет жаль, если месье Мёллер по вашему поведению о чем-нибудь догадается.

— По поведению? Ах да, конечно. — Грэхем встал и обнаружил, что колени слабеют. — Я часто думал: что чувствует приговоренный, когда ему сообщают о помиловании. Теперь знаю.

Мистер Куветли покровительственно улыбнулся:

— Вам хорошо теперь, да?

Грэхем покачал головой:

— Нет, мистер Куветли, не очень хорошо. Меня мутит, я устал и не могу отделаться от мысли, что где-то мы допустили ошибку.

— Ошибку? Никакой ошибки. Не тревожьтесь. Все пойдет как задумано. А сейчас идите спать, мой друг; утром вам станет лучше. Ошибку!

Мистер Куветли рассмеялся.

Глава X

Как и предсказывал мистер Куветли, утром Грэхему полегчало. Сидя на койке с чашкой кофе, он ощущал странную собранность и спокойствие. Он излечился и снова стал собой — свободным и умиротворенным. Зря он волновался. Следовало знать, что ничего с ним не случится. Война или нет — людей вроде Грэхема не убивают из пистолетов на улицах. Такого просто не бывает. Только незрелые умы Мёллеров и Банатов могут тешиться подобными иллюзиями. Все шло на лад и не обещало дурного. Даже рана начала заживать. Ночью повязка соскользнула, сорвав с руки присохшую кровавую корку; Грэхем сменил бинты на комок ваты и пару полосок клейкого пластыря, чувствуя, что перемена исполнена особого смысла. Теперь, даже вспоминая о вчерашних ужасах и невзгодах, он не впадал в уныние.

В первую очередь, конечно, надо обдумать, как вести себя с Мёллером. Возможно, тот, как и предполагал мистер Куветли, дождется вечера, прежде чем проверить, клюнул ли Грэхем на брошенную вчера приманку. Значит, придется, не выдавая себя, сидеть рядом с Мёллером и Банатом за обедом и за ужином. Испытание, разумеется, не из приятных. Может, лучше поговорить с Мёллером сразу? В конце концов, выйдет куда убедительнее, если жертва станет действовать первой. Или наоборот — неубедительно? Может, рыбе надо еще подергаться на крючке, когда Мёллер будет тянуть леску? Мистер Куветли полагал, что так. Хорошо, Грэхем выполнит его указания в точности. Как держаться за

столом, можно обдумать позже, когда наступит время еды. Что же касается самой беседы с Мёллером, у Грэхема были мысли, как сыграть убедительнее. Нельзя во всем соглашаться с немцем. Грэхем с удивлением понял, что сильнее всего его заботит Жозетта.

Грэхем решил, что поступал с ней бесчестно — ведь она была по-своему добра к нему и вряд ли могла быть еще добрее. А если и не достала для него револьвер Хозе — это не оправдание: не стоило требовать, чтобы она шла ради Грэхема на кражу. Хозе, в конце концов, ее партнер. Теперь не удастся даже подарить ей сумочку с банкнотой в тысячу франков, если только не оставить для нее подарок в Париже — да и то неизвестно, остановится ли она в «Отель де Бельж». Пусть Жозетта и надеялась пожить за его счет — она по крайней мере ясно дала это понять, и он молчаливо с ней согласился. Пытаясь разобраться в своих чувствах к Жозетте, Грэхем снова повторил себе, что поступал с ней бесчестно. Разобраться не удавалось; он сбился с толку.

До обеда Грэхем с Жозеттой не виделся, а когда встретил ее — она была вместе с Хозе.

Погода стояла скверная. Небо затянули тучи, дул ледяной северо-восточный ветер с крупинками снега. Почти все утро Грэхем провел в углу салона, читая старые выпуски «Иллюстрасьон», которые заметил вчера. Мистер Куветли глядел сквозь него. Грэхем ни с кем не разговаривал, кроме матери и сына Беронелли, которые отделались сдержанным «*buon giorno*»,^[45] и Матисов, холодно поклонившихся в ответ на его приветствие. Грэхем решил, что нужно извиниться, и постарался объяснить французам, что прошлым вечером держался грубо не нарочно — просто ему нездоровилось. Матисы приняли извинения несколько озадаченно; похоже, они предпочли бы молчаливую ссору. Особенно был смущен муж — казалось, он подозревал, что угодил в смешное положение. Вскоре супруги вышли пройтись по палубе. Через несколько минут Грэхем разглядел сквозь иллюминатор, как они гуляют снаружи с мистером Куветли. Кроме них, виднелась только армянка Мёллера, имевшая весьма жалкий вид; пароход сильно качало, и было ясно, что ее морская болезнь не просто выдумка «мужа». После двенадцати Грэхем взял в каюте пальто со шляпой и отправился подышать свежим воздухом, а затем выпить большой стакан виски с содовой.

По пути в салон Грэхем встретил Хозе и Жозетту. Хозе, выругавшись, остановился и схватился за свою мягкую шляпу, которую ветер попытался сорвать у него с головы.

45...Добрый день (*ит.*).

Жозетта встретила взгляд Грэхема и многозначительно улыбнулась.

— Хозе опять зол. Вчера вечером играл в карты и проиграл тому маленькому греку, Мавродопулосу. Розовое масло одолело калифорнийский мак.

— Никакой он не грек, — кисло отозвался Хозе. — Акцент как у козла. И пахнет не лучше. Если он грек, я... — Он добавил, что тогда сделает.

— Зато хорошо играет в карты, *mon cher caïd*.^[46]

— Больно рано он вышел из игры. Не волнуйся, я с ним еще не закончил.

— Зато, может, он закончил с тобой?

— Должно быть, он очень умелый игрок, — вежливо вставил Грэхем. Хозе неприязненно глянул на него:

— А вы-то что в этом соображаете?

— Ничего, — невозмутимо признал Грэхем. — Вполне допускаю, что на самом деле просто вы неумелый игрок.

— А сыграть не желаете ли?

— Пожалуй, нет. Карты на меня наводят скуку.

Хозе усмехнулся:

— Ну да! Есть занятия поинтересней, так? — Он громко причмокнул.

— Когда Хозе сердится, он не может вести себя прилично, — объяснила Жозетта. — Тут уж ничего не поделаешь. Совсем не заботится, что о нем подумают люди.

Хозе сложил губы в приторную улыбку и пропел высоким фальцетом:

— «Совсем не заботится, что о нем подумают люди». — Его лицо снова расслабилось. — А какого черта мне заботиться?

— Ты смешон, — сказала Жозетта.

— Если кому не нравится мое общество — пусть себе сидит в сортире и не высовывается, — сердито заявил Хозе.

— И то приятнее, — пробормотал Грэхем.

Жозетта захихикала. Хозе нахмурился:

— Не понял?

Грэхем не видел смысла разъяснять. Не ответив Хозе, он произнес по-английски:

— Я собирался выпить. Пойдете со мной?

Жозетта засомневалась.

46...Мой милый ловкач (*фр.*).

— Хозе тоже угостите?

— А нужно?

— Отделаться от него не получится.

Хозе сверлил их подозрительным взглядом:

— Опасно меня оскорблять.

— Никто тебя не оскорбляет, глупый. Месье предлагает взять нам выпивку. Хочешь выпить?

Хозе рыгнул.

— Мне все равно, с кем пить, лишь бы убраться с этой вшивой палубы.

— Он такой воспитанный, — заметила Жозетта.

Когда они выпили, раздался гонг к обеду. Грэхем вскоре обнаружил, что правильно поступил, отложив вопрос о поведении с Мёллером: на звук гонга явился «профессор Халлер»; «Халлер» как ни в чем не бывало приветствовал Грэхема и почти тут же приступил к длинному докладу о проявлениях Ану, шумерского бога неба. Только один раз он показал, что в их отношениях с Грэхемом что-то изменилось. Вскоре после начала обеда вошел Банат и сел за стол. Мёллер прервался и посмотрел на него; Банат угрюмо поглядел в ответ. Мёллер нарочито повернулся к Грэхему и заметил:

— Месье Мавродопулос, кажется, чем-то расстроен. Словно узнал, что ему, возможно, не удастся сделать нечто очень для него желанное. Интересно, вправду ли он будет разочарован? Как вы думаете, мистер Грэхем?

Грэхем поднял глаза от тарелки и встретился с твердым взглядом бледно-голубых глаз; в них светился вопрос. Грэхем знал, что Банат тоже следит.

— Было бы приятно разочаровать месье Мавродопулоса, — медленно ответил Грэхем.

Мёллер улыбнулся, его взгляд потеплел.

— Согласен с вами. Погодите-ка, о чем я говорил? Ах да...

Вот и все; но Грэхем продолжил есть, зная, что по крайней мере одна из сегодняшних трудностей решена. Ему не придется обращаться к Мёллеру; тот сам начнет переговоры.

Мёллер, однако, не спешил. Полдень тянулся невыносимо медленно. Мистер Куветли предупреждал, что им не следует общаться; поэтому, когда Матис предложил партию в бридж, Грэхем отказался, сославшись на головную боль. Матис принял отказ несколько странно и неохотно; он словно хотел сказать что-то важное, но потом передумал. В его глазах читалась та же унылая озадаченность, что и утром. Но Грэхема это занимало всего несколько секунд; Матисы его не особенно интересовали.

Сразу после обеда Мёллер, Банат, Хозе и Жозетта ушли в свои каюты. Матисы и Куветли пригласили четвертым игроком синьору Беронелли; играть ей, похоже, нравилось. Сын, сидя рядом, ревниво следил за ней. Грэхем от безысходности снова занялся журналами. Ближе к пяти часам появились признаки, что игра подходит к концу; чтобы избежать разговора с мистером Куветли, Грэхем вышел на палубу.

Солнце, прятавшееся со вчерашнего дня, лило мягкий алый свет сквозь редкие облака над горизонтом. На востоке длинная низкая полоса побережья скрылась в синевато-серой дымке; замерцали огни города. Тучи быстро плыли по небу, как перед бурей. Пошел косой дождь. Грэхем отступил в глубь корабля и обнаружил рядом Матиса. Француз кивнул.

— Хорошая была игра? — спросил Грэхем.

— Неплохая. Мы с мадам Беронелли потерпели поражение. Играет она увлеченно, но не блестяще.

— Значит, не считая ее увлеченности, мое отсутствие за столом ничего не изменило.

Матис улыбнулся — немного нервно.

— Надеюсь, головная боль у вас прошла.

— Спасибо, мне гораздо лучше.

Дождь полил в полную силу; Матис, угрюмо глядя в сгущающиеся сумерки, сказал:

— Дрянная погода.

— Да.

Они помолчали, потом Матис внезапно произнес:

— Я боялся, что вы просто не хотите с нами играть. Если так — я не мог бы вас винить. Утром вы очень любезно извинились перед нами, но по-настоящему извиняться следовало мне.

Он не смотрел на Грэхема.

— Ну что вы... — начал было Грэхем, но Матис горько продолжал, обращаясь к летевшим за кораблем чайкам:

— Я порой забываю: что для одних — хорошо или плохо, для других — просто скучно. Из-за своей жены я слишком поверил в силу слов.

— Боюсь, я вас не понимаю.

Матис повернул голову и криво улыбнулся:

— Вам знакомо слово «encotillonné»?

— Нет.

— Encotillonné — это человек, во всем покорный жене.

— По-английски мы говорим «подкаблучник».

— Правда? — Его, очевидно, не заботило, как говорят по-английски. — Я расскажу вам кое-что смешное. Когда-то я был encotillonná. И еще каким! Вас это удивляет?

— Удивляет.

Матис явно строил из себя несчастливца; Грэхему стало любопытно.

— У моей жены раньше был вздорный характер. Наверно, он и сейчас такой — только теперь я его не замечаю. Но первые десять лет брака протекли ужасно. Я владел небольшим делом; торговля шла плохо, и я обанкротился — не по своей вине, хотя жена вечно винила меня. У вашей жены, месье, трудный характер?

— Нет. Очень хороший.

— Вам повезло. А я годами вел жалкую жизнь. И вдруг однажды кое-что для себя открыл. В нашем городке проводился митинг социалистов; я пошел на него. Сам я принадлежал к монархистам — как и все в нашем роду. Моя семья была небогатой, но владела дворянским титулом и хотела пользоваться им, не вызывая смехов у соседей. Я отправился на митинг из любопытства. Оратор попался отличный; он говорил про Брие и заинтересовал меня, потому что я сам был в Вердене. Через неделю, когда мы сидели с друзьями в кафе, я повторил услышанное. Жена посмеялась — но как-то необычно. Когда мы вернулись домой, тут-то я и сделал открытие. Оказалось, что моя жена — сноб и куда глупее, чем я полагал. Она заявила, что я унизил ее, пересказывая подобные вещи так, словно сам в них верю. Все ее друзья — почтенные люди. Нельзя мне с ними говорить как простому рабочему. Она плакала. Тогда я понял, что отныне свободен. У меня появилось оружие против нее. И я им пользовался. Как только она мне досаждала — становился социалистом. Читал самодовольным мелким торговцам, чьи жены были подругами моей, лекции об отмене наживы и уничтожении семьи. Я покупал книги и брошюры, чтобы придать своим доводам больше веса. И жена сделалась покорной. Стала готовить мои любимые блюда, лишь бы я ее не позорил. — Он помолчал.

— То есть на самом деле вы не верите во все, что говорили о Брие, банковском деле и капитализме? — спросил Грэхем.

Матис слабо улыбнулся:

— Вот это-то и смешно. На какое-то время я стал свободным, смог управлять женой и сильнее к ней привязался. Я тогда работал управляющим на большой фабрике. А потом случилось непредвиденное. Я обнаружил, что сам верю в то, о чем говорю. Прочитанные книги убедили меня, что я нашел правду. Я, монархист по воспитанию, превратился в социалиста. Хуже того: я стал мучеником во имя социализма. На фабрике была забастовка, и я, управляющий, поддержал бастовавших. Я, естественно, не принадлежал к профсоюзу рабочих. И

поэтому меня уволили. Забавно вышло. — Он пожал плечами. — И вот я перед вами. Сделался мужчиной в своей семье, зато занудой в компании. Смешно ведь, правда?

Грэхем улыбнулся; он решил, что месье Матис ему нравится.

— Было бы смешно, если б вы и вправду стали занудой. Только я вас уверяю: я не слушал вас вчера вечером совсем не потому, что мне стало скучно.

— Вы очень добры, — с сомнением начал Матис, — но...

— Доброта здесь ни при чем. Понимаете, я работаю в оружейной компании, и потому для меня ваши разговоры весьма интересны. Кое в чем я с вами согласен.

Матис зарделся, выражение его лица изменилось. Грэхем впервые увидел, как постоянно сдвинутые брови Матиса разошлись; на губах заиграла легкая довольная улыбка.

— И в чем же вы согласны? — жадно спросил он.

И тут Грэхем понял: несмотря на все остальное, что с ним приключилось на «Сестри-Леванте», он обрел здесь по крайней мере одного друга.

Они все еще спорили, когда на палубе появилась Жозетта. Матис неохотно прервался и уделил ей внимание:

— Мадам?

Жозетта наморщила нос:

— О чем это вы здесь разговаривали? Наверно, про что-то важное — раз готовы беседовать об этом под дождем.

— Обсуждали политику.

— Нет-нет! — быстро возразил Матис. — Не политику, а экономику! Политика — только следствие, а мы говорили о причинах. Впрочем, вы правы: дождь зарядил скверный. Если вы меня извините — я пойду погляжу, как там жена. — Он подмигнул Грэхему. — Если она узнает, что я вел пропаганду — ночью не уснет.

Улыбнувшись и кивнув, Матис отошел. Жозетта проводила его взглядом:

— Он очень милый. И зачем только женился на такой женщине?

— Он к ней привязан.

— Как вы ко мне?

— Вероятно, не так. Может, зайдем в салон?

— Нет. Я вышла проветриться. На другой стороне будет не так мокро.

Они отправились к другому борту. Уже стемнело, на палубе зажегся свет. Жозетта взяла Грэхема за руку.

— Вы сознаете, что мы с вами сегодня не виделись по-настоящему? Нет! Конечно, не сознаете. Развлекаетесь себе беседами о политике и думать забыли, что я за вас тревожусь.

— Тревожитесь? О чем?

— О том человеке, который хочет вас убить, олух вы эдакий! Вы так и не сказали мне, что собираетесь делать в Генуе.

Грэхем пожал плечами:

— Я последовал вашему совету и выкинул это из головы.

— А к британскому консулу пойдете?

— Да. — Пришло время откровенно лгать. — Сразу отправлюсь прямо к нему. Потом мне нужно будет увидаться по делам с парой людей. Поезд отходит только в два часа пополудни — скорее всего успею. На поезде мы и встретимся.

Жозетта вздохнула:

— Вечно дела! Но мы же пообедаем вместе, да?

— Боюсь, не получится. Если увидимся днем — я скорее всего не успею на деловое свидание. Лучше нам встретиться в поезде.

Жозетта, повернув голову, быстро взглянула на него:

— Вы говорите, потому что так оно и есть? Не потому, что передумали?

— Жозетта, дорогая! — Грэхем открыл рот, чтобы вновь объяснить, как занят делами, но вовремя остановился. Чересчур горячо оправдываться не стоило.

Она сжала его руку:

— Я не хотела вас сердить, *chéri*. Просто желала быть уверенной. Если вам так удобней — встретимся на поезде. Мы выпьем вместе в Турине. Поезд приедет туда в четыре и остановится на полчаса, чтобы забрать вагоны из Милана. В Турине есть замечательные места. После корабля там будет чудесно.

— Великолепно. А Хозе?

— А Хозе как хочет. Пусть пьет один. После того как он грубо вел себя с вами утром, мне нет до него дела. Расскажите про письма, которые вы собирались написать. Вы их закончили?

— Закончу вечером.

— И потом — никакой работы?

— Потом — никакой работы. — Грэхем почувствовал, что больше лгать не может, и сказал: — Вы тут озябнете. Зайдем в салон?

Жозетта остановилась и отпустила его локоть, чтобы Грэхем поцеловал ее. Когда она прижалась к нему, он ощутил, что спина у нее напряжена. Оторвавшись от его губ, Жозетта со смехом произнесла:

— Я теперь постараюсь запомнить, что надо заказывать «виски с содовой», а не «виски-содовую». Это ведь очень важно, правда?

— Очень.

Жозетта сжала его руку:

— Вы такой милый. Вы очень мне нравитесь, *chéri*.

Они зашагали обратно к салону. Грэхем был рад, что свет на палубе тусклый.

Мёллера долго ждать не пришлось. Он имел привычку сразу после еды вставать и уходить к себе в каюту; за ужином, однако, первым из-за стола поднялся Банат — очевидно, по уговору. Монолог «Халлера» продолжался, пока за Банатом не последовали Беронелли. Когда немецкий агент заканчивал сравнительное описание шумеро-вавилонских богослужений и ритуалов некоторых земледельческих культов Месопотамии, в его голосе слышался триумф.

— Вы должны признать, мистер Грэхем, — добавил Мёллер, понизив голос, — что я превосходно выучил такой большой кусок. Безусловно, кое-где я ошибся и многое пропустил; пожалуй, автор не узнал бы свою книгу в моем пересказе. Но для непосвященного, полагаю, звучало весьма убедительно.

— Не стоило утруждаться. Вы могли бы говорить хоть по-китайски — Беронелли вас все равно не слушали.

Мёллер казался уязвленным.

— Я говорил не для Беронелли, а для собственного удовольствия. Как глупо считать, будто память в старости слабеет! Подумали бы вы, что мне шестьдесят шесть лет?

— Ваш возраст меня не интересует.

— Да-да, разумеется. Как насчет потолковать наедине? Предлагаю вместе прогуляться по палубе. Погода ненастная, но немного дождя нам не повредит.

— Мое пальто — вон там, на стуле.

— Тогда встретимся через несколько минут на верхней палубе.

Когда Мёллер поднялся на шлюпочную палубу, Грэхем ждал его возле верхней ступеньки трапа. Они укрылись от ветра за одной из спасательных шлюпок, и Мёллер сразу перешел к делу:

— Насколько я понимаю, вы виделись с мистером Куветли.

— Виделся, — мрачно ответил Грэхем.

— И как?

— Я решил последовать вашему совету.

— По предложению Куветли?

Грэхем понял, что будет не так просто, как он рассчитывал.

— По собственному почину. Куветли меня не впечатлил. Честно говоря, я удивлен. Трудно поверить, что турецкое правительство доверило подобную работу такому болвану.

— А почему вы считаете его болваном?

— Он, кажется, полагает, будто вы меня старались подкупить и я настроен принять деньги. Угрожал доложить обо мне британским властям. Когда я намекнул, что, возможно, моей жизни угрожает опасность, он, похоже, решил, будто я пытаюсь его обхитрить. Если это вы называете сообразительностью — мне вас жаль.

— Вероятно, он не привык иметь дело с английским чувством собственного достоинства, — ядовито отозвался Мёллер. — Когда вы с ним виделись?

— Вечером. Вскоре после нашего с вами разговора.

— Он упоминал меня по имени?

— Да. Предостерегал меня против вас.

— И что вы ему ответили?

— Сказал, что сообщу о его поведении полковнику Хаки. Его это, по моему, не взволновало. Но если я раньше и ждал от Куветли защиты — теперь я ему не доверяю. Да и не вижу причин рисковать жизнью ради людей, которые обращаются со мной словно с преступником.

Грэхем помолчал. В темноте он не видел лица Мёллера, но догадался, что немец доволен.

— И вы решили принять мое предложение?

— Да, решил. Но перед тем как согласиться, — продолжил Грэхем, — я бы хотел прояснить некоторые вопросы.

— Какие?

— Во-первых, насчет этого Куветли. Он, как я упоминал, болван, но все же его придется как-то убрать со сцены.

— Можете не беспокоиться. — Грэхем уловил в низком, бархатном голосе едва заметную нотку презрения. — Куветли хлопот не доставит. От него мы легко отделаемся в Генуе. Следующее, что он о вас услышит — что вы слегли с тифом. И опровергнуть вас ему не удастся.

Грэхем ощутил облегчение: его и впрямь держали за дурака. Он произнес с сомнением:

— Понимаю. Это годится, но что с тифом? Когда я «заболею», мне, наверно, следует уже быть на поезде.

Мёллер вздохнул.

— Я вижу, вы старательно обдумывали предложение, мистер Грэхем. Позвольте объяснить. Если б вы вправду заразились тифом, вам бы нездоровилось уже сейчас. Инкубационный период длится неделю или

дней десять. Вы, конечно, не знали бы, что с вами. Но завтра вам стало бы хуже — и вы, естественно, предпочли бы не ехать на поезде, а провести ночь в гостинице. Наутро, когда у вас поднялась бы температура и появились признаки болезни, вас поместили бы в клинику.

— Так завтра мы отправимся в гостиницу?

— Именно. В порту нас будет ждать машина. Но лучше, мистер Грэхем, предоставьте устроить все мне. Помните, я не меньше вас заинтересован, чтобы ни у кого не возникло подозрений.

Грэхем изобразил раздумье.

— Ладно, — вымолвил он наконец. — Положусь на вас. Просто, вы же понимаете: я не хочу угодить в неприятности, когда доберусь домой.

Последовала пауза; на секунду Грэхем испугался, что переиграл. Потом Мёллер медленно проговорил:

— Вам нет причин тревожиться. Мы станем ждать вас за таможенной постройкой. Если только вы не выкинете какую-нибудь глупость — например, не передумаете в последний момент, — все пройдет гладко. Уверяю, никаких неприятностей дома у вас не возникнет.

— Тогда я согласен.

— У вас что-нибудь еще?

— Ничего. Покойной ночи.

— Покойной ночи, мистер Грэхем. До завтра.

Грэхем подождал, пока Мёллер спустится по трапу, и глубоко вздохнул. Разговор с немцем позади. Теперь бояться нечего. Оставалось только вернуться к себе, выспаться как следует и ждать мистера Куветли в номере четыре. На Грэхема вдруг навалилась страшная усталость, словно после тяжелой работы. Он направился в каюту; проходя мимо двери салона, увидел Жозетту.

Она сидела у стены, глядя, как Хозе с Банатом играют в карты. Ее руки лежали на краю сиденья, губы чуть раздвинулись, на щеку упали волосы. Что-то в ее позе заставило Грэхема вспомнить тот час, когда они с Копейкиным посетили примерную Жозетту в «Ле Жоке»; с тех пор, казалось, успели пройти годы. Грэхем почти ожидал, что Жозетта сейчас так же повернется и одарит его улыбкой.

Он вдруг осознал, что видит ее в последний раз. Меньше чем через день Грэхем станет для Жозетты лишь неприятным воспоминанием — мужчиной, который плохо с ней обошелся. Мысль об этом пришла внезапно и отчего-то причинила боль. Грэхем сказал себе, что печалиться нелепо; он с самого начала не мог задержаться с Жозеттой в Париже — и всегда это знал. Так почему же прощание должно его огорчать? И все-таки он огорчился. В голове мелькнула фраза: «Расставание — маленькая смерть». Он понял, что оставляет позади не

Жозетту, а часть себя. Где-то в глубине ума, потихоньку, навсегда закрывалась дверь. Жозетта как-то жаловалась, что она для Грэхема лишь часть путешествия из Стамбула в Лондон. Она была чем-то бóльшим — частью того мира за дверью: мира, в который Грэхем вступил, когда Банат трижды выстрелил по нему в гостинице «Адлер палас», мира, где под бархатной одеждой различаешь обезьяну. Теперь он покидал этот мир — уходил к своему дому, к своей машине, к дружелюбной, милой женщине, которую Грэхем звал своей женой. Он найдет этот старый мир таким, каким его оставил. Все будет по-прежнему; только сам Грэхем станет другим.

Он спустился в каюту.

Спал Грэхем беспокойно. Среди ночи почудилось, будто дверь каюты открывают; резко пробудившись, он вспомнил, что заперся на задвижку, и решил, что ему приснилось. Когда он проснулся снова, двигатели остановились и корабль больше не качало. Грэхем включил свет и поглядел на часы; четверть пятого. Они уже прибыли ко входу в генуэзскую гавань. Вскоре раздалось пыхтение катера; над головой, с палубы, слышались шум и голоса. Грэхем попробовал различить среди них голос мистера Куветли, но звуки были слишком приглушенными. Он опять задремал.

Он попросил занести ему кофе в семь; в шесть часов, однако, решил, что вновь уснуть не сумеет. Когда пришел стюард, Грэхем уже оделся.

Он выпил кофе, сложил остатки вещей в чемодан и сел ждать. Мистер Куветли велел отправляться в пустую каюту в восемь; Грэхем пообещал себе, что исполнит его указания в точности.

За переборкой ссорились занятые упаковкой Матисы. Без четверти восемь пароход поплыл. Через пять минут Грэхем позвонил стюарду. Тот появился без пяти восемь, принял с плохо скрытым удивлением пятьдесят лир и ушел, забрав чемодан. Грэхем выждал еще пять минут и открыл дверь.

Коридор пустовал. Грэхем не спеша дошел до номера четыре и остановился, словно что-то забыл. Вокруг по-прежнему никого. Грэхем отворил дверь, быстро шагнул в каюту, закрыл дверь и обернулся.

В следующую секунду он едва не потерял сознание.

Поперек каюты, ногами под койкой, окровавленной головой к двери, лежал мистер Куветли.

Глава XI

Кровь натекла в основном из раны на затылке, где был оторван кусок кожи с волосами. Другая рана, по-видимому, нанесенная ножом, располагалась ниже, с левой стороны шеи, и кровоточила меньше. Движения корабля гоняли подсыхавшие струйки крови туда-сюда: на линолеуме остались тонкие следы, похожие на каракули безумца. Лицо приобрело цвет грязной глины. Мистер Куветли, без сомнения, был мертв.

Грэхем сжал зубы, подавляя рвоту, и схватился за умывальный шкафчик, чтобы не упасть. Первое, что пришло на ум, — нельзя, чтобы его стошнило, надо взять себя в руки и позвать на помощь. Он еще не понял значения случившегося. Избегая смотреть вниз, он уставился в иллюминатор; вид корабельной трубы за длинным цементным молом напомнил, что они входят в гавань. Меньше чем через час опустят сходни, а мистер Куветли так и не добрался до турецкого консульства.

Шок от осознания привел Грэхема в чувство. Он взглянул под ноги.

Работа Баната, разумеется. Маленького турка, наверно, оглушили в его каюте или возле нее, уволокли с глаз долой сюда, в ближайший свободный номер, и прирезали, пока он еще оставался без сознания. Мёллер решил избавиться от возможной угрозы и без помех заняться главной жертвой. Грэхему вспомнился шум, разбудивший его ночью; должно быть, звуки доносились из соседней каюты. «Ни в коем случае не выходите до восьми часов утра: может быть опасно». Мистер Куветли собственному совету не последовал, а за дверью каюты и вправду оказалось опасно. Мистер Куветли говорил, что готов умереть за свою страну, — и умер. Вот он лежит: мясистые кулаки жалко стиснуты, бахрома седых волос запачкана кровью, губы, так много улыбавшиеся, раскрыты и неподвижны.

По коридору кто-то прошел; Грэхем вскинул голову. От звука и движения его мысли прояснились. Он начал думать — спокойно и быстро.

Судя по тому, как запеклась кровь, мистера Куветли убили раньше, чем пароход остановился. Намного раньше! Он не успел запросить разрешение и отплыть на лоцманском катере. Если бы успел — когда подошел катер, мистера Куветли стали бы везде искать и нашли. Но его не нашли. Он путешествовал не с паспортом, как все, но с дипломатическим документом, дающим право свободного пересечения границы; поэтому эконо не ждал, что мистер Куветли подаст ему свои бумаги. Значит, если только эконо не проверит пассажиров по списку вместе с генуэзским офицером паспортного контроля — а Грэхем по опыту знал, что в итальянских портах этим часто пренебрегают, — никто не заметит, что мистер Куветли не сошел с корабля. Мёллер и Банат

скорее всего на то и рассчитывали. Если вещи убитого упакованы — стюард отнесет их в таможенную постройку вместе с другим багажом и решит, будто владелец не показывается, чтобы не давать чаевых. Если Грэхем никого не позовет — труп обнаружат через несколько часов или даже дней.

Грэхем закусил губу. Внутри медленно зрела холодная ярость, заглушавшая чувство самосохранения. Если позвать на помощь, можно обвинить Мёллера и Баната, но удастся ли уличить их в убийстве? Само по себе обвинение не будет иметь никакого веса. Скорее решат, что оно — уловка, попытка Грэхема скрыть собственную вину. Эконом, к примеру, с радостью поддержит такую теорию. То, что Мёллер и Банат путешествуют с фальшивыми паспортами, безусловно, удастся установить, но уже одно это займет время. В любом случае итальянская полиция не выпустит Грэхема из страны — и вполне обоснованно. Мистер Куветли умер, стараясь вовремя доставить Грэхема в Англию; как глупо, как нелепо, что именно из-за мертвого тела мистера Куветли Грэхему и не удастся выполнить контракт! Но если Грэхем хочет спасти свою шкуру — именно так и следует поступить. Только Грэхем поступить так отчего-то не мог. Он стоял над телом того, кого Мёллер описывал как патриота, и чувствовал, что главное сейчас — сделать так, чтобы смерть мистера Куветли не стала глупой и нелепой.

Но если не звать на помощь и не ждать полицию — как же действовать?

Что, если Мёллер это и планировал? Что, если он или Банат подслушали, как мистер Куветли давал Грэхему указания, решили, что Грэхем уже достаточно напуган и готов на все, лишь бы выжить, и задумали таким способом оттянуть его возвращение? Может, они готовятся «обнаружить» Грэхема над трупом и обвинить его? Нет, это невозможно. Если бы им было известно, что собирался сделать мистер Куветли, они позволили бы ему отплыть на лоцманском катере — и тогда уже мистер Куветли нашел бы на корабле тело Грэхема. Очевидно, Мёллер не знал намерений турка и не рассчитывал, что убийство откроется. Через час Мёллер будет стоять рядом с Банатом и другими головорезами и ждать, что навстречу выйдет ничего не подозревающая жертва.

Только жертва будет кое о чем подозревать. Еще оставалась надежда — хоть и слабая...

Грэхем отвернулся, взялся за дверную ручку и начал осторожно ее поворачивать. Если задержаться хоть на мгновение, решимость может пройти. Надо действовать, пока не успел передумать.

Он приоткрыл дверь на долю дюйма. В коридоре никого. Через миг Грэхем оказался снаружи и закрыл дверь. Он не мешкал и секунды; в пять шагов оказался возле каюты номер три и вошел.

Багаж мистера Куветли состоял из единственного старомодно выглядевшего саквояжа. Он стоял на полу, затянутый ремнями; на одном из ремней лежали двадцать лир. Грэхем взял монету и поднес к носу; явственно ощущался запах розового масла. Грэхем поискал в шкафчике и за дверью пальто и шляпу мистера Куветли и не нашел; наверно, их выкинули через иллюминатор. Банат позаботился обо всем.

Грэхем поставил саквояж на койку и открыл. Вещи сверху, очевидно, затолкал как попало Банат, но внизу все было уложено очень аккуратно. Единственное, что из найденного могло пригодиться Грэхему, — коробка патронов; пистолет Куветли пропал без следа.

Грэхем положил патроны в карман и закрыл саквояж, не зная, как с ним поступить. Банат, надо думать, рассчитывал, что стюард возьмет двадцать лир, отнесет саквояж в таможенную постройку и забудет о мистере Куветли. Баната это устроило бы: к тому времени, когда на таможне станут задавать вопросы о забытом саквояже, месье Мавродопулос уже перестанет существовать. Грэхем, напротив, намеревался существовать как можно дольше — если только удастся. Более того, он рассчитывал — с той же оговоркой — пересечь границу между Францией и Италией со своим собственным паспортом. Как только полиция найдет тело мистера Куветли, она станет разыскивать остальных пассажиров для допроса. Оставалось только одно: спрятать саквояж.

Грэхем раскрыл шкафчик, положил двадцать лир в углу раковины и выглянул за дверь. По-прежнему никого; путь свободен. Грэхем открыл дверь, взялся за саквояж и дотащил его до каюты номер четыре. Еще пара секунд — и Грэхем очутился внутри, за запертой дверью.

Его покрывал пот. Грэхем вытер носовым платком лоб и ладони; вспомнил, что на твердой кожаной ручке саквояжа, на дверной ручке и на шкафчике останутся отпечатки пальцев; стер платком и их. Потом занялся телом.

В кармане брюк пистолета не оказалось. Грэхем опустился на одно колено, снова ощутил позывы к рвоте и глубоко вдохнул. Потом перегнулся, взялся одной рукой за правое плечо, другой — за брюки и потянул на себя. Тело перевернулось на бок. Одна нога соскользнула с другой и стукнула об пол. Грэхем быстро поднялся, но через пару мгновений овладел собой, снова нагнулся и расстегнул пиджак. Под левой рукой обнаружилась кожаная кобура, но пистолета в ней не было.

Грэхем не слишком разочаровался. Попробовать стоило, но он не сильно рассчитывал найти оружие. Пистолет представлял ценность; Банат, естественно, забрал его себе. Грэхем проверил карман пиджака —

пусто. Банат, очевидно, взял заодно и деньги, и дипломатический документ.

Грэхем встал. Больше здесь делать нечего. Он надел перчатку, осторожно открыл дверь, вышел и зашагал к каюте номер шесть. Когда он постучал, внутри послышалось движение, и показалась мадам Матис.

Постный вид, заготовленный для стюарда, при виде Грэхема сменился удивлением.

— Доброе утро.

— Доброе утро, мадам. Можно на минуту вашего мужа?

Матис выглянул из-за плеча жены:

— С добрым утром! Уже собрались — так рано?

— Можно с вами поговорить?

— О чем речь! — Он, весело улыбаясь, вышел без пиджака в коридор. — Я не такая уж важная персона: добиться у меня аудиенции легко.

— Вы не могли бы ненадолго зайти в мою каюту?

Матис с любопытством посмотрел на Грэхема.

— Похоже, у вас что-то серьезное, друг. Да, конечно, зайду. — Он повернулся к жене: — Я мигом, *chéri*.

Когда они оказались в каюте, Грэхем закрыл дверь, запер ее на задвижку и повернулся к озадаченно хмутившемуся Матису.

— Мне нужна ваша помощь, — сказал Грэхем, понизив голос. — Нет, не деньги. Я хочу, чтобы вы передали сообщение.

— Если это в моих силах — передам.

— Нужно говорить очень тихо, — сказал Грэхем. — Не хочу попусту тревожить вашу жену, а переборки здесь тонкие.

Матис кивнул — по счастью, не осознав всех последствий этого факта.

— Я слушаю.

— Я вам рассказывал, что работаю на оружейную компанию. Так и есть. Но в каком-то смысле я сейчас на службе одновременно у британского и турецкого правительства. Когда я сойду с корабля, немецкие агенты попытаются меня убить.

— Это правда? — недоверчиво спросил Матис.

— К сожалению, правда. Я бы не стал выдумывать такое ради забавы.

— Извините, я...

— Ничего страшного. Я прошу вас отправиться в Генуе в турецкое консульство, встретиться с консулом и передать от меня сообщение. Сделаете?

Матис уставился на него, потом кивнул:

— Хорошо. Сделаю. А что за сообщение?

— Я бы сперва хотел заметить, что сообщение крайне конфиденциальное. Понимаете?

— Когда я хочу, я могу держать язык за зубами.

— Я знаю, что могу на вас положиться. Запишите, пожалуйста, сообщение. Вот карандаш и бумага. Мой почерк вы не разберете. Готовы?

— Да.

— Вот: «Известите полковника Хаки в Стамбуле, что агент И.К. мертв, но не обращайтесь в полицию. Я вынужден сопровождать немецких агентов Мёллера и Баната, путешествующих под именами Фрица Халлера и Мавродопулоса. Я...»

Челюсть Матиса отвисла.

— Неужели? — вырвалось у него.

— К несчастью, да.

— Так вас мучила вовсе не морская болезнь?

— Нет. Мне продолжать?

Матис сглотнул.

— Да. Да. Я и не думал... Продолжайте.

— «Я постараюсь сбежать и добраться до вас. В случае моей смерти прошу сообщить в британское консульство, что виновны эти двое». — Звучало театрально, но ровно это Грэхем и хотел сказать.

Француз глядел на него с ужасом в глазах.

— Быть не может, — прошептал он. — Почему?..

— Я был бы рад объяснить, но, боюсь, не могу. Так вы доставите сообщение?

— Конечно. А больше я ничем помочь вам не могу? Эти немецкие агенты — почему их просто не арестуют?

— По ряду причин. Лучший способ мне помочь — доставить это сообщение.

Француз воинственно выпятил челюсть.

— Это глупо! — выпалил он, затем понизил голос до свирепого шепота: — Понимаю, вы соблюдаете осторожность. Вы находитесь на британской секретной службе. В таких вещах, конечно, не признаются, но я не дурак. Отлично. Так давайте вместе перестреляем этих грязных тварей и сбежим! У меня есть револьвер, и вдвоем мы...

Грэхем подскочил:

— Вы сказали — у вас есть револьвер?!

— Разумеется, есть, — с вызовом ответил Матис. — Что здесь такого? В Турции...

Грэхем схватил его за руку:

— Тогда вы можете еще мне помочь.

Матис нетерпеливо сдвинул брови:

— Как?

— Продайте мне револьвер.

— То есть у вас нет оружия?

— Мой револьвер украли. Сколько возьмете за ваш?

— Но...

— Мне он будет полезней, чем вам.

Матис выпрямился:

— Я вам его не продам.

— Но...

— Я вам его отдам. Вот. — Он достал из кармана брюк небольшой никелированный револьвер и вложил в руку Грэхема. — Не надо, пожалуйста. Это пустяки. Я бы желал сделать больше.

Грэхем благодарил судьбу за внезапный порыв, заставивший его извиниться вчера перед Матисами.

— Вы и так сделали очень много.

— Пустяки. Он заряжен, видите? Вот предохранитель. На спуск надо нажимать мягко — сила тут не нужна. Когда стреляете — держите руку прямо... Впрочем, не мне вам рассказывать.

— Благодарю вас, Матис. А вы, как только сойдете на берег, отправляйтесь в турецкое консульство.

— Договорились. — Матис протянул руку и с чувством произнес: — Удачи вам, друг. Если вы уверены, что больше я ничем помочь не могу...

— Уверен.

Матис тут же ушел. Грэхем ждал. Он слышал, как француз вернулся в свою каюту; из-за переборки раздался резкий голос мадам Матис:

— Ну?

— Всюду-то тебе надо сунуть нос... Он на мели, и я одолжил ему две сотни франков.

— Идиот! Больше ты их не увидишь.

— Думаешь, нет? Так знай: он мне выписал чек.

— Терпеть не могу чеки.

— Я не пьян. Чек стамбульского банка. Как только сойдем на берег — отправлюсь в турецкое консульство и проверю, надежный или нет.

— Как будто тебе там скажут! Они и проверять не станут.

— Хватит! Я знаю, что делаю. Ты собралась? Нет! Тогда...

Грэхем облегченно вздохнул и рассмотрел револьвер. Бельгийского производства, поменьше, чем тот, который он получил от Копейкина. Попробовав, как снимается предохранитель, Грэхем положил палец на спусковой крючок. Небольшое, удобное оружие; похоже, о нем хорошо заботились. Куда бы его спрятать — чтобы снаружи никто не заметил, но достать можно было быстро? Подумав, Грэхем положил револьвер в верхний левый карман жилета; туда поместились ствол, казенная часть и половина спусковой скобы. Когда Грэхем застегнул пиджак, рукоятка тоже стала не видна, а лацканы скрыли выпуклость. Больше того, теперь, коснувшись галстука, пальцы Грэхема могли оказаться в двух дюймах от рукояти. Он был готов.

Выбросив патроны мистера Куветли в иллюминатор, Грэхем поднялся на палубу.

Корабль уже вошел в гавань и плыл вдоль ее западного края. Небо над морем было чистым, но над городом висел туман, из-за которого спускавшиеся к морю ряды зданий выглядели холодно и отчужденно.

На палубе Грэхем не увидел никого, кроме Баната. Тот стоял, с мальчишеским увлечением глядя на корабли. С трудом верилось, что в последние десять часов это бледное существо вышло из каюты номер четыре с ножом, зарезавшим мистера Куветли; что бумаги мистера Куветли, его деньги и пистолет сейчас у Баната в кармане; что в ближайшие несколько часов он намерен совершить еще одно убийство. То впечатление ничтожности, которое производил Банат, ужасало. Оно представляло ситуацию совсем обыденной. Если бы Грэхем не знал наверняка, какая опасность ему грозит, он мог бы счесть увиденное в номере четыре сном.

Грэхем больше не страшился. Чувствовалась странная дрожь, не хватало дыхания, от низа живота то и дело поднималась волна тошноты, но ум от тела словно отделился. Думалось легко и четко. Грэхем знал, что единственная возможность выбраться из Италии живым, единственная возможность вовремя вернуться в Англию и выполнить к сроку турецкий контракт — обыграть Мёллера в его собственной игре. Мистер Куветли ясно дал понять, что предложение немца — уловка, единственная цель которой — совершить убийство не на улицах Генуи, а вдали от чужих глаз. Грэхема хотели одурачить. Очень скоро Мёллер, Банат и кто-то еще будут ждать его возле таможенной постройки, готовые, если понадобится, пристрелить жертву прямо на месте. Если же Грэхем сядет в машину — его отвезут в тихое место по дороге к Санта-Маргерите и убьют там. В их замысле имелось лишь одно слабое место: они полагали, что Грэхем уверен, будто его повезут в гостиницу для разыгрывания сложного спектакля с сыпным тифом. Они ошиблись — и

тем дали Грэхему надежду на спасение. Если действовать быстро и решительно, возможно, удастся уцелеть.

Вряд ли они раскроют свои намерения сразу, как только Грэхем сядет в автомобиль. Выдумку про гостиницу и клинику близ Санта-Маргериты станут поддерживать до последнего: легче везти по узким улочкам Генуи того, кто верит, будто отправляется на шестинедельный отдых, чем силой заставлять пассажира не привлекать внимания прохожих. Грэхему станут подыгрывать; может, даже дадут зарегистрироваться в гостинице. Во всяком случае, машине придется хоть раз остановиться в дорожной пробке. Если удастся застать похитителей врасплох — появится шанс сбежать. Едва Грэхем окажется на людной улице, как поймать его станет очень трудно. После этого останется только добраться до турецкого консульства. Грэхем предпочел его британскому потому, что туркам ему придется меньше объяснять. Одно упоминание о полковнике Хаки сразу все упростит.

Пароход приближался к пристани; на берегу готовились принять швартовы. Банат Грэхема не замечал. На палубу вышли Хозе и Жозетта, и Грэхем быстро перешел на другую сторону. Беседовать с Жозеттой сейчас хотелось меньше всего. Она, возможно, предложит взять такси и вместе доехать до центра города. Придется объяснять, отчего Грэхем едет на частной машине с Мёллером и Банатом, возникнут трудности.

Тут Грэхем столкнулся нос к носу с Мёллером. Немец приветливо кивнул.

— Доброе утро, мистер Грэхем. Я надеялся вас встретить. Приятно будет снова сойти на берег, правда?

— Надеюсь, да.

Выражение лица Мёллера слегка изменилось.

— Вы готовы?

— Вполне. — Грэхем принял озабоченный вид. — Я сегодня утром не видел Куветли. С ним точно все будет в порядке?

Мёллер даже не моргнул.

— Вам не о чем волноваться, мистер Грэхем. — Он терпеливо улыбнулся. — Как я уже говорил вам вчера, вы можете во всем положиться на меня. Куветли нас не побеспокоит. Если возникнет необходимость, — мягко продолжил он, — придется применить силу.

— Надеюсь, до этого не дойдет.

— Я тоже, мистер Грэхем, я тоже! — Он доверительно понизил голос: — Но раз уж мы затронули тему насилия, могу я попросить вас не слишком спешить на берег? Понимаете, если вы сойдете прежде меня и Баната, я могу не успеть объяснить тем, кто нас ждет, новое положение

дел, и случится несчастье. Вы — типичный англичанин; они с легкостью вас опознают.

— Я и сам об этом думал.

— Великолепно! Я рад, что вы проникаетесь духом нашей сделки. — Мёллер повернул голову. — А, вот мы и причаливаем. Увидимся вновь через несколько минут. — Его глаза сузились. — Вы ведь не подведете, оправдаете мое доверие, мистер Грэхем?

— Я буду там.

— Уверен, что могу на вас положиться.

Грэхем зашел в опустевший салон. Через иллюминатор он видел, что часть палубы отгородили веревками; к Хозе, Жозетте и Банату уже присоединились Матисы и Беронелли, следом появился Мёллер с «женой». Жозетта осматривалась по сторонам, словно кого-то искала; Грэхем догадался, что его отсутствие ее тревожит. Пожалуй, она даже станет дожидаться его в таможенной постройке. Этого допустить нельзя.

Подождав, когда пассажиры во главе с Матисами начнут спускаться, Грэхем вышел и присоединился к шествию позади Жозетты. Она повернула голову и заметила его.

— А я удивлялась, где вы все пропадаете.

— Собирал вещи.

— Так долго! Но теперь вы здесь. Может, возьмем вдвоем машину напрокат, а багаж оставим на вокзале? Сэкономим на такси.

— Боюсь, вам придется долго ждать, пока я буду заполнять таможенную декларацию. К тому же мне надо сперва заехать в консульство. Думаю, лучше, как и договаривались, встретиться в поезде.

Она вздохнула:

— С вами так трудно. Что ж, увидимся в поезде. Не опаздывайте.

— Постараюсь.

— И остерегайтесь вашего надушенного мерзавца.

— О нем позаботится полиция.

Они дошли до паспортного контроля при входе в таможенную постройку; Хозе, выбившийся вперед, ждал так, словно каждая секунда промедления стоила ему денег. Жозетта быстро пожала руку Грэхема:

— Alors chéri, à tout à l'heure!^[47]

Грэхем достал паспорт и не спеша вошел следом за всеми. Таможенный офицер был всего один; он как раз отпустил Хозе и Жозетту и повернулся к высившимся горой тюкам Беронелли. Грэхему, к его облегчению, пришлось повременить. Ожидая, он раскрыл чемодан и

переложил необходимые документы в карман; через несколько минут офицер проверил его визу и пометил чемодан мелом. Носильщик взял чемодан; когда Грэхем пробрался через окружившую Беронелли группу родственников в траурной одежде, Хозе и Жозетта уже исчезли.

Тут он увидел Мёллера и Баната.

Они стояли возле припаркованного за рядами такси большого американского седана. Позади машины были еще двое: один — худой, высокий, в кепке и макинтоше, другой — очень смуглый мужчина с тяжелой челюстью, одетый в длинное серое пальто и мягкую шляпу. Пятый, помоложе, сидел за рулем.

Сердце часто заколотилось. Грэхем сделал знак носильщику, направившемуся было к такси, и подошел.

— Отлично! — сказал Мёллер. — Ваши вещи? Ах да. — Он кивнул высокому, тот забрал у носильщика чемодан и положил в багажник.

Грэхем дал носильщику чаевые и влез в машину. Мёллер разместился рядом с ним, высокий сел рядом с водителем, Банат и смуглокожий — на откидные сиденья, лицом к Грэхему с Мёллером. Лицо Баната не выражало ничего; смуглокожий, повернувшись к окну, избегал взгляда Грэхема.

Как только машина завелась, Банат достал пистолет и щелкнул предохранителем.

Грэхем повернулся к Мёллеру.

— Это обязательно? Я не собираюсь бежать.

Мёллер пожал плечами:

— Как пожелаете. — Он что-то сказал Банату. Тот, ухмыльнувшись, снова поставил пистолет на предохранитель и убрал в карман.

Автомобиль выехал на мощеную дорогу к воротам дока.

— В какую мы едем гостиницу? — осведомился Грэхем.

Мёллер чуть повернул голову:

— Я еще не выбрал. Этот вопрос мы можем решить позже. Сперва мы отправимся в Санта-Маргериту.

— Но...

— Никаких «но». Я все устрою. — Теперь он даже не потрудился повернуться к Грэхему.

— А что с Куветли?

— Отплыл рано утром на лоцманском катере.

— Тогда где он сейчас?

— Должно быть, пишет рапорт полковнику Хаки. Забудьте о нем.

Грэхем молчал. Про мистера Куветли он спросил только для того, чтобы скрыть, как сильно испугался. Он провел в машине всего две минуты, но шансы на спасение стремительно таяли.

Седан выехал к воротам дока; Грэхем приготовился к резкому повороту направо, в город и на дорогу к Санта-Маргерите. В следующую секунду он потерял равновесие и повалился на бок: машина свернула влево. Банат извлек пистолет.

Грэхем медленно сел в прежнее положение и сказал:

— Извините. Я думал, мы повернем вправо.

Никто не ответил. Грэхем сидел в своем углу, стараясь выглядеть спокойным. Он неоправданно полагал, что его повезут через Геную и по дороге на Санта-Маргериту. На этом держались все его надежды. Он слишком многое принял на веру.

Грэхем взглянул на Мёллера. Немецкий агент откинулся на сиденье и прикрыл веки — пожилой человек, окончивший дневную работу. Все, что еще оставалось, доделает Банат. Грэхем знал, что маленькие, глубоко посаженные глаза смотрят на него, ищут его взгляд; что многострадальные губы сложились в улыбку. Банат предвкушал удовольствие. Его сосед сидел, все так же безмолвно уставясь в окно.

Доехав до развилки, они свернули вправо, на узкую дорогу, ведущую, как гласил знак, к Нови и Турину. Теперь они двигались прямо на север. Слева и справа мелькали пыльные платаны; за ними виднелись шеренги опрятных домов, одна или две фабрики. Вскоре дорога пошла вверх и сделала поворот; дома и фабрики остались позади. Автомобиль въехал в сельскую местность.

Грэхем понимал, что надежды пережить следующий час у него нет, если только не представится совсем неожиданная возможность спастись. Сперва машина остановится. Потом его выведут и застрелят — аккуратно, со знанием дела, словно по приговору полевого суда. В висках стучала кровь, дыхание участилось, воздуха не хватало. Грэхем попытался вдохнуть медленно и глубоко; мышцы отказывались слушаться. Он продолжал прилагать усилия, зная, что если сейчас поддастся страху, если даст волю чувствам — погибнет наверняка. Нельзя бояться. Смерть — это не так ужасно. Одно мгновение, и кончено. Рано или поздно умирать все равно придется, а пуля в затылок лучше, чем месяцы болезни в старости. Дожить до сорока — не так уж плохо. Сейчас многие молодые юноши в Европе о подобном и не мечтают. Вычесть из обычного срока жизни лет тридцать — неужели это катастрофа? Жизнь, в конце концов, не столь уж и приятна. По сути, она — путешествие из колыбели в могилу, которое стараешься совершить с наибольшим удобством: удовлетворяя нужды тела, замедляя по мере сил его распад... Чего так за нее держаться? Чего, в самом деле? И все-таки держись...

Под пиджаком в грудь упирался револьвер. Что, если его вздумают обыскать? Хотя нет, не станут. Они уже отобрали один пистолет у него, другой — у мистера Куветли и вряд ли заподозрят, что существует третий. В машине — пятеро; по крайней мере у четверых есть оружие. В револьвере — шесть патронов. Вероятно, Грэхему удастся сделать два выстрела, прежде чем его прикончат. Если подождать, пока Банат отвлечется — возможно, три или даже четыре. Раз уж умирать — надо продать свою жизнь подороже.

Грэхем выудил из кармана сигарету, потом сунул руку в пиджак, словно разыскивая спички, и снял скобу предохранителя. На мгновение ему захотелось достать револьвер прямо здесь и сейчас, понадеявшись на удачу, на то, что водитель вильнет и Банат с первого выстрела промахнется. Но Банат держал пистолет ровно; кроме того, всегда оставалась надежда, что нечто непредвиденное создаст более удобный случай. Например, водитель не впишется в поворот, и произойдет авария.

Но машина продолжала ровно катить по дороге. Окна были наглухо закрыты, и воздух начал пропитываться ароматом розового масла. Смуглокожего клонило в сон; он раз или два зевнул, потом, чтобы чем-нибудь себя занять, достал увесистый немецкий пистолет, осмотрел и заменил магазин. На секунду тупые заплывшие глаза смуглокожего остановились на Грэхеме; потом он снова отвернулся — равнодушно, как пассажир поезда, напротив которого сидит незнакомец.

Они ехали уже минут двадцать пять. Автомобиль миновал небольшую разбросанную деревню, в центре которой возвышались единственное занюханного вида кафе с заправочной станцией и два-три магазина, и стал подниматься в гору. Грэхем смутно заметил, что поля и фермы по бокам дороги уступили место зарослям деревьев и невозделанным склонам. Очевидно, его везли на холмы к северу от Генуи и к западу от железнодорожного пути над Понтедечимо. Внезапно машина свернула влево, на узкую проселочную дорогу, пробирающуюся между деревьями, и стала на низкой передаче подниматься по склону поросшего лесом холма.

Мёллер сбоку пошевелился. Грэхем резко повернулся и встретился с немцем глазами; к голове прилила кровь.

Мёллер кивнул:

— Да, мистер Грэхем. Дальше вы не поедете.

— А как же... гостиница? — произнес Грэхем запинаясь.

Бледно-голубые глаза не моргнули.

— Боюсь, мистер Грэхем, вы чересчур наивны. А может, считаете наивным меня? — Мёллер пожал плечами: — Впрочем, не важно. Но у

меня есть к вам просьба. Поскольку вы и так уже послужили для меня причиной столь многих трудностей, неудобств и издержек — когда мы остановимся и вам предложат выйти, выйдите, пожалуйста. Не споря и не сопротивляясь. Даже если вы не хотите сохранить в такую минуту достоинство — подумайте, пожалуйста, о сиденьях в машине.

Он резко отвернулся и кивнул смуглокожему. Тот постучал сзади себя по окну. Машина резко остановилась. Смуглокожий привстал и взялся за защелку ближайшей двери. Мёллер в это время что-то сказал Банату; Банат ухмыльнулся.

В ту же секунду Грэхем начал действовать. Время блефовать прошло; его собирались убить и уже не заботились, знает он об этом или нет. Их волновало одно — чтобы его кровь не испачкала обивку сидений. Собранность, которую он изо всех сил поддерживал, пока в теле не начала дрожать каждая жилка, внезапно исчезла; Грэхема охватила слепая ярость. Сам не успев понять, что делает, он вытащил револьвер Матиса и выпалил прямо в лицо Банату.

Даже сквозь гудевший в голове грохот выстрела Грэхем заметил, что с лицом Баната случилось нечто кошмарное.

Потом Грэхем бросился вперед и навалился всем весом на смуглокожего, который к тому времени успел чуть приоткрыть дверь. Тот потерял равновесие и вывалился на дорогу; Грэхем упал сверху.

Оглушенный падением, он откатился в сторону и укрылся позади машины. У него оставалась секунда или две. Смуглокожий лежал без чувств, но другие два, крича во все горло, уже открывали двери, а Мёллер должен был вскоре завладеть пистолетом Баната. Может, удастся сделать еще один выстрел. Пожалуй, в Мёллера...

И тут вмешалась судьба. Грэхем осознал, что скорчился на расстоянии фута от автомобильного бензобака; с отчаянной мыслью как-то задержать погоню на тот случай, если удастся сбежать, он поднял револьвер и выстрелил.

Когда он нажимал на спуск, дуло револьвера почти касалось бака; полыхнувшее пламя заставило отскочить, попятиться — и выйти из укрытия. Грянули выстрелы, мимо головы просвистела пуля. Грэхема охватила паника. Он повернулся, бросился к деревьям и опускавшемуся сбоку от дороги склону. Раздались еще два выстрела. Затем что-то сильно ударило в спину, и перед глазами вспыхнула стена света.

Вряд ли он валялся без сознания больше минуты. Очнувшись, Грэхем обнаружил, что лежит лицом вниз на сухих сосновых иголках недалеко от дороги.

Острая боль кинжалами пронзала голову. Несколько мгновений Грэхем не двигался; потом опять раскрыл глаза. Перемещаясь дюйм за дюймом, его взгляд уперся в револьвер Матиса. Грэхем инстинктивно протянул руку. В теле отдавалась мучительная боль, но пальцы ухватились за револьвер. Секунду-другую Грэхем выждал. Потом очень медленно подтянул под себя колени, оперся на руки и пополз на дорогу.

Взрыв разбросал повсюду куски обшивки и горелой кожи. Посреди них лежал на боку высокий человек в кепке; макинтош свисал обугленными лохмотьями. От самой машины осталась мерцающая, раскаленная гряда, под которой угадывался погнувшийся от жара, словно бумага, стальной каркас. Дальше по дороге, прижав руки к лицу, стоял водитель; он шатался как пьяный. В воздухе отвратительно пахло жженым мясом. Мёллера видно не было.

Грэхем отполз на несколько ярдов назад, поднялся, борясь с болью, на ноги и захромал между деревьями вниз по склону.

Глава XII

После полудня он добрался до деревни; в кафе обнаружился телефон. К тому времени, когда подъехала машина из турецкого консульства, Грэхем успел умыться и подкрепиться бренди.

Консул оказался подтянутым, деловитым человеком, говорившим по-английски так, словно бывал в Англии. Он внимательно выслушал Грэхема и только потом заговорил сам, но не прежде, чем плеснул себе в вермут содовой, откинулся на стуле и посвистел через зубы.

— Это все? — осведомился он.

— Разве не достаточно?

— Более чем достаточно. — Консул примирительно улыбнулся. — Когда я получил ваше сообщение утром, я немедленно телеграфировал полковнику Хаки, доложив, что вы скорее всего уже мертвы. Позвольте вас поздравить.

— Спасибо. Мне просто повезло, — машинально ответил Грэхем; поздравление с тем, что он выжил, отчего-то звучало нелепо. — Куветли говорил мне прошлой ночью, что он сражался за дело Гази и готов отдать жизнь ради своей страны. Когда произносятся подобные вещи — как-то не ждешь, что человек и правда так скоро отдаст жизнь.

— Верно. Весьма печально, — отозвался консул. Ему явно не терпелось перейти к делу. — Теперь главное — не терять времени. С каждой минутой возрастает опасность, что тело Куветли обнаружат до того, как вы покинете страну. Местные власти к нам сейчас не слишком

благоволят, и если так случится — думаю, вас задержат по крайней мере на несколько дней, и мы никак не сможем помешать.

— А как насчет той машины?

— Про машину пусть объясняет водитель. Если, как вы сообщили, ваш чемодан сгорел в огне, вас с этим происшествием ничего не связывает. Вы достаточно оправились для дороги?

— Да. Слегка в ушибах и до сих пор еще весь трясусь, но это пройдет.

— Прекрасно. Тогда с учетом всех обстоятельств лучше вам уезжать немедленно.

— Куветли что-то упоминал про самолет.

— Самолет? Гм. Дайте ваш паспорт, пожалуйста. — Грэхем повиновался. Консул перелистнул страницы, захлопнул паспорт и вернул его владельцу. — В вашей визе указано, что вы прибываете в Италию через Геную и покидаете страну через Бардонеккью. Если вы сильно желаете лететь, мы можем исправить визу, но это займет примерно час — и придется возвращаться в Геную. Кроме того, если Куветли найдут в течение ближайших часов — лучше не привлекать внимания полиции, меняя планы. — Он взглянул на часы. — Поезд в Париж отходит из Генуи в два. Вскоре после трех он остановится в Асти. Предлагаю вам отправиться туда. Я могу отвезти вас до Асти на своей машине.

— Еще не мешало бы перекусить.

— Дорогой мистер Грэхем! Как глупо с моей стороны. Перекусить. Конечно! Мы сделаем остановку в Нови, и я вас угощу. А если удастся разжиться шампанским — выпьем и шампанского: ничего нет полезней для поднятия настроения.

Грэхему вдруг стало весело. Он засмеялся.

Консул поднял брови.

— Извините, — сказал Грэхем. — Прошу простить. Понимаете, забавно вышло: я кое-кому назначил на двухчасовом поезде свидание. Должно быть, она сильно удивится, когда я там появлюсь.

Кто-то тряс Грэхема за плечо; он открыл глаза.

— Бардонеккья, синьор. Ваш паспорт, пожалуйста.

Грэхем посмотрел на склонившегося над ним проводника и понял, что проспал всю дорогу от Асти. В дверях, на фоне густеющих сумерек, стояли два человека в форме итальянской железнодорожной полиции.

Грэхем рывком сел и стал рыться в кармане.

— Паспорт? Да, конечно.

Один из полицейских осмотрел паспорт, кивнул и поставил на него печать.

— Grazie, signore.^[48] У вас есть итальянские банкноты?

— Нет.

Грэхем положил паспорт обратно в карман. Проводник выключил свет и закрыл дверь.

Вот и все.

Грэхем печально зевнул. Его знобило от холода. Встав, он накинул пальто и увидел, что станция засыпана снегом. Не стоило так спать — еще, чего доброго, вернешься домой с пневмонией. Итальянский паспортный контроль остался позади. Грэхем включил отопление и сел выкурить сигарету. Наверно, все из-за того плотного обеда с вином. Наверно... Тут он вспомнил, что еще не повидался с Жозеттой. И Матис тоже должен быть здесь.

Поезд резко тронулся и загрохотал к Модану.

Грэхем позвонил; снова появился проводник.

— Синьор?

— Когда мы пересечем границу — у нас будет вагон-ресторан?

— Нет, синьор. — Проводник развел руками: — Война.

Грэхем протянул ему деньги:

— Я хочу бутылку пива и несколько бутербродов. Сможете достать в Модане?

— Легко, синьор.

— А где вагоны третьего класса?

— В голове поезда, синьор.

Проводник ушел. Грэхем докурил сигарету и решил, что пойдет искать Жозетту после Модана.

Остановка в Модане казалась бесконечной. Наконец французский паспортный контроль закончил работу, и поезд тронулся.

Грэхем вышел в коридор.

Если не считать тусклых синих огней безопасности, в поезде сейчас было темно. Грэхем неторопливо пробирался к вагонам третьего класса; таких оказалось только два, и он легко нашел Хозе и Жозетту. Других пассажиров в их купе не было.

Когда Грэхем отодвинул дверь, Жозетта повернулась и неуверенно взглядела в него. Потом, когда он вошел под лившийся с потолка купе синий свет, подскочила на ноги и вскрикнула.

— Что случилось? Где вы пропадали? — спрашивала она. — Мы с Хозе ждали до последнего, но вы все не появлялись, хоть и обещали. Мы ждали. Хозе вам расскажет, как мы ждали. Что произошло?

48...Спасибо, синьор (*um.*).

— В Генуе я опоздал на поезд. Пришлось долго догонять.

— Вы ехали до Бардонеккьи? Невероятно!

— Нет. До Асти.

Последовала пауза. Они говорили по-французски; Хозе, расслабившийся в углу, коротко усмехнулся и принялся ковырять ногтем в зубах.

Жозетта уронила докуренную сигарету на пол, раздавила ее ногой и небрежно промолвила:

— Вы сели на поезд в Асти — и ждали так долго, прежде чем повидать меня? Не очень-то вежливо. — Она подумала и медленно добавила: — Но ведь в Париже вы не заставите меня ждать, *chéri*?

Грэхем помолчал.

— Не заставите, *chéri*? — Теперь в ее голосе слышалась резкая нотка.

Грэхем сказал:

— Жозетта, я бы хотел поговорить с вами наедине.

Жозетта внимательно посмотрела на него; ее лицо, освещенное тусклым светом, ничего не выражало. Потом она встала и направилась к двери.

— Лучше, наверно, вам немного побеседовать с Хозе.

— Хозе? При чем тут Хозе? Я хочу говорить с вами.

— Нет, *chéri*. Поболтайте с Хозе. Я в деловых вопросах не очень разбираюсь. Не люблю я их. Понимаете?

— Нисколько. — Он и вправду не понимал.

— Нет? Хозе объяснит. Я вернусь через минутку. А пока, *chéri*, поговорите с Хозе.

— Но...

Жозетта шагнула в коридор и закрыла за собой дверь. Грэхем хотел открыть ее снова.

— Вернется, — осадил его Хозе. — Сядьте-ка и подождите.

Озадаченный Грэхем медленно сел. Хозе, все еще ковыряясь в зубах, глянул на него из другого угла купе.

— Не понимаете, а?

— Даже не знаю, что именно мне надо понять.

Хозе сосредоточенно взгляделся в свой ноготь, лизнул его и снова занялся верхним клыком.

— Вам ведь нравится Жозетта?

— Разумеется. Но...

— Она смазливая, но ума у нее маловато. Она женщина. В бизнесе ничего не смыслит. Поэтому бизнесом занимаюсь я, ее муж. Мы партнеры. Вам ясно?

— Пока все ясно. И что?

— А то, что у меня тут свой интерес. Вот и все.

Грэхем на мгновение задумался; он начинал понимать, и даже слишком хорошо.

— Будьте добры, скажите прямо.

Хозе, казалось, принял решение. Он оставил зубы в покое, повернулся к Грэхему и живо спросил:

— Вы же деловой человек? И не ждете ничего бесплатно. Отлично. Так вот, я — ее менеджер, и я ее бесплатно не отдам. Хотите развлечься с ней в Париже? Жозетта — славная девочка и прекрасное развлечение для джентльмена. Да и танцует дай Боже. Вместе мы зарабатываем в приличном заведении по две тысячи франков в неделю. Две тысячи. Неплохо, правда?

На Грэхема нахлынули воспоминания: как арабская девушка, Мария, говорила ему: «У нее было много богатых мужчин», как Копейкин сказал: «Хозе? У него дела неплохи», как сама Жозетта призналась, что Хозе ревнует, только когда она забывает о делах ради удовольствия, — несчетное число мелких фраз и намеков.

— Ну? — холодно произнес он.

Хозе пожал плечами:

— Пока вы развлекаетесь, две тысячи франков в неделю мы зарабатывать танцами не можем. Так что, сами понимаете, надо их доставать где-то еще. — В полутьме Грэхем видел, как губы Хозе изогнулись в легкой улыбке. — Две тысячи в неделю. Цена подходящая, верно?

Это была философия обезьяны, разряженной в бархат. «Mon cher caïd» оправдывал свое существование.

Грэхем кивнул:

— Вполне подходящая.

— Так, значит, по рукам? — бойко откликнулся Хозе. — Вы, я вижу, опытный человек. Знаете, что так принято. — Ухмыльнувшись, Хозе процитировал: — «Chéri, avant que je t'aime n'oublieras pas mon petit cadeau».^[49]

— Понятно. И кому же мне платить? Вам или Жозетте?

49...«Дорогой, прежде чем я тебя полюблю, не забудь о подарочке» (выражение французских проституток).

— Если хотите — давайте деньги Жозетте, только как-то оно будет не изящно, правда? Я стану к вам заглядывать раз в неделю. — Он наклонился вперед и похлопал Грэхема по колену. — Все ведь серьезно, да? Хорошо себя вести будете? Если, например, желаете начать прямо сейчас...

Грэхем встал и сам удивился своему спокойствию.

— Мне будет приятней передать деньги Жозетте.

— А, не доверяете мне?

— Конечно, доверяю. Вы ее не поищете?

Хозе замаялся, потом, пожав плечами, встал и вышел из купе. Через мгновение он возвратился с Жозеттой. Она улыбалась — слегка обеспокоенно.

— Ты побеседовал с Хозе, *chéri*?

Грэхем вежливо кивнул:

— Да. Только, как я уже вам говорил, по-настоящему мне хотелось побеседовать с вами. Я собирался объяснить, что мне все-таки придется ехать прямо в Англию.

Жозетта вытаращилась на Грэхема, злобно закусив губу, потом неожиданно повернулась к Хозе:

— Дурак испанский! — Она едва не выплюнула слова ему в лицо. — Ради чего я, как думаешь, тебя держу? Ради танцев?

Глаза Хозе угрожающе блеснули. Он закрыл за собой дверь.

— Не смей так со мной разговаривать. А то зубы вышибу.

— Мерзавец! Как хочу, так и буду с тобой говорить. — Жозетта стояла неподвижно, но ее правая рука сместилась на дюйм-другой; что-то тускло сверкнуло. Браслет, украшавший запястье Жозетты, оказался на костяшках ее пальцев.

Грэхем, уже навидавшийся за этот день насилия, быстро вмешался:

— Одну минуту. Хозе ни в чем не виноват. Он все объяснил очень вежливо и тактично. Я, как уже сказал, пришел сообщить, что еду прямоком в Англию. Но еще я хотел попросить вас принять небольшой подарок. Вот такой. — Он вынул бумажник, извлек из него банкноту в десять фунтов и поднес к свету.

Жозетта глянула на деньги, затем угрюмо уставилась на Грэхема:

— Ну?

— Хозе дал понять, что я вам задолжал две тысячи франков. Эта бумажка стоит примерно одну тысячу семьсот пятьдесят. Остаток я вам добавлю франками. — Он достал французские купюры, сложил их вместе с английской и протянул Жозетте.

Выхватив деньги из его руки, Жозетта сердито спросила:

— И что вы рассчитываете за это получить?

— Ничего. Было очень приятно с вами поговорить. — Он отодвинул дверь. — До свидания, Жозетта.

Она пожала плечами, сунула купюры в карман манти и снова села в углу.

— До свидания. Не моя вина, что вы такой глупый.

Хозе рассмеялся.

— Если вдруг передумаете, месье, — чопорно начал он, — мы...

Грэхем закрыл дверь и пошел вдоль коридора. Ему хотелось одного — возвратиться в свое купе. Матиса он заметил, только когда чуть не столкнулся с ним.

Француз отступил, давая ему пройти; потом, открыв от удивления рот, наклонился вперед:

— Месье Грэхем? Неужели?

— Я искал вас, — сказал Грэхем.

— Дорогой друг... Я так рад. Я все думал... боялся...

— Я догнал поезд в Асти. — Грэхем достал револьвер из кармана. — Хотел вернуть вам это — и поблагодарить. К сожалению, у меня не было времени его почистить. Я дважды из него стрелял.

— Дважды! — Глаза Матиса расширились. — И застрелили обоих?

— Одного. Другой погиб из-за несчастного случая на дороге.

— Несчастного случая? — Матис усмехнулся. — Это какой-то новый способ их убивать! — Он нежно посмотрел на револьвер: — Пожалуй, я не стану его чистить. Оставляю как есть, на память. — Он поднял взгляд на Грэхема. — А сообщение, которое я доставил? С ним все было как надо?

— Все как надо. Спасибо вам еще раз. — Грэхем помолчал, затем сказал неуверенно: — В поезде нет вагона-ресторана, но у меня в купе есть бутерброды. Если вы с женой захотите присоединиться...

— Вы очень добры, но нет, спасибо. Мы ходим в Эксе; дотуда уже недалеко. Там живет моя семья. Странно будет увидеть их после стольких лет. Они...

Дверь купе позади него отворилась, и в коридор выглянула мадам Матис.

— Вот ты где! — Она узнала Грэхема и неодобрительно кивнула.

— Что такое, chéri?

— Окно. Ты его открыл и вышел курить. А я осталась мерзнуть.

— Так закрой его, chéri.

— Идиот! Оно не поддается.

Матис устало вздохнул и протянул руку:

— До свидания, друг. Я никому не проболтаюсь. Можете на меня рассчитывать.

— Не проболтаешься? — подозрительно спросила мадам Матис. — О чем это ты не проболтаешься?

— Ладно, тебе скажем. — Матис подмигнул Грэхему. — Мы с месье составили заговор: хотим взорвать Французский банк, взять в плен палату депутатов, перестрелять двести семей и установить коммунистический режим.

Мадам Матис испуганно огляделась по сторонам:

— Не надо такое говорить. Даже в шутку.

— В шутку?! — Матис бросил на нее гневный взгляд. — Увидишь, какая это шутка, когда мы вытащим свиней-капиталистов из их роскошных особняков да изрешетим пулеметами!

— Робер! Если кто-нибудь услышит такие вещи...

— Пускай слушают!

— Я же только попросила закрыть окно, Робер. Я бы и сама закрыла, но оно никак не поддается. Я...

Дверь за ними затворилась.

Грэхем стоял, глядя в окно на далекие лучи прожекторов. Они без усталости кружили по нависшим над горизонтом облакам, высвечивая в них серые пятна. Похожий вид открывался из окна его спальни — когда над Северным морем летали немецкие самолеты.

Грэхем повернулся и отправился назад, к своему пиву и бутербродам.

Эрик Эмблер

ГНЕВ

Глава I

I

Американский еженедельный журнал «Уорлд репортер» уходит в типографию в пятницу, в одиннадцать часов вечера. Как правило, к этому времени на работе не остается никого, кроме редакторов и корректоров, но атмосфера в нью-йоркской штаб-квартире все равно напряженная.

Объясняется это просто. Свежий номер газеты живет лишь несколько часов: издатель может исправить ошибки достаточно быстро. Но если такой журнал, как «Уорлд репортер», дающий оценку текущим событиям и публикующий прогнозы на будущее, ошибется в своих предсказаниях, он еще долго будет выглядеть глупо. Как, например, тогда, когда в очередном номере журнала напечатали статью про некоего генерала из юго-восточной Азии, назвав его «новой политической силой». Номер попал на прилавки уже после того, как генерал позорно сдался толпе безоружных студентов и был повешен. К счастью, такие неприятности происходят крайне редко. Редакторы знают свое дело, к тому же они осмотрительны и хорошо информированы. Чтобы не попасть впросак, принимаются все мыслимые предосторожности. Телеграфные сообщения поступают непрерывно. По всему миру, в различных часовых поясах, сотрудники региональных бюро следят за национальными службами новостей и передачами местных радиостанций. Отдельные телефонные линии и телетайпные сети связывают главную редакцию с типографиями в Филадельфии и Чикаго. Установлено специальное электронное оборудование для фотонабора. Вплоть до самого последнего мгновения можно сместить акценты в статьях, сгладить критику, превратив ее в дружеское похлопывание по плечу, застраховать ставки и спасти лицо. И вместе с напряженностью в редакции чувствуется спокойная уверенность.

По крайней мере в Нью-Йорке. Тревожная обстановка в региональных бюро в пятницу вечером не имеет никакого отношения к сдаче номера. Ее причина — главный редактор мистер Каст.

Обычно в пятницу вечером, к девяти часам, главы отделов нью-йоркской редакции уже уверены в том, что им предстоит работать над новым номером, и могут себе позволить спуститься на ужин в ресторан на первом этаже. Мистер Каст, однако, не таков. Ему нечем заняться в ближайшие два дня, вплоть до вечера понедельника, когда состоится редакционное собрание, посвященное следующему выпуску. Поскольку он не только главный редактор, но и крупнейший акционер, Каст ни перед кем не должен отчитываться и может, к удовольствию всех заинтересованных лиц, подняться в свой пентхаус и присоединиться к жене и гостям за ужином и бриджем. Он это знает и знает, что сам того добивался, но ему от этого не легче. И в результате он сидит у себя в кабинете и просит принести ему сэндвичи с копченым лососем и бутылку «Блан де Блан». А затем с помощью особой папки и безраздельного внимания оператора международной связи он для поддержания самооценки терроризирует региональные бюро.

Мистер Каст выбирает свои жертвы с особой тщательностью. Обычно это люди, для которых ему удалось «наметить направления работы».

Пятничному вечернему занятию он уделяет много времени и внимания. Идеальные «направления работы» должны удовлетворять следующим трем требованиям: во-первых, шеф регионального бюро ни в коем случае не должен заранее догадываться, о чем пойдет речь; во-вторых, задание должно основываться на инсайдерской информации, обманом и хитростью раздобытой самим мистером Кастом; и, в-третьих, оно должно поразить, ошеломить и обескуражить шефа регионального бюро настолько, чтобы тот начал протестовать и у мистера Каста появилась возможность поставить его на место. Другими словами, предложение должно быть экстравагантным и бессмысленным.

Говорят, он страдает нарушением мозгового кровообращения, свойственным преклонному возрасту, и в последнее время ухудшение стало заметнее. Возможно, так оно и есть. Находясь в здравом уме, ни один главный редактор не отдавал бы столь злонамеренное и издевательское распоряжение, как мистер Каст относительно дела Арбиля.

II

Это распоряжение получил Сай Логан, шеф парижского бюро, в последнюю субботу февраля, в 3.15 утра (по местному времени). Я сидел у него в кабинете, когда раздался звонок.

Вначале мистер Каст задал несколько дежурных вопросов о здоровье, о жене, о детях. Отвечая, Сай включил магнитофон на запись и сделал мне знак рукой, чтобы я взял трубку параллельного аппарата.

Голос мистера Каста звучал одновременно громко и неразборчиво, как в испорченном громкоговорителе на вокзале или в аэропорту. Оглушенный, ты все равно должен был напрягаться, чтобы разобрать слова. Когда разговаривает, он ест бутерброды, и это еще больше мешает.

— ...хорошо, спасибо, шеф, — говорил Логан.

— Отлично. Сай, я тут подумал о деле Арбиля и о том, что нам с ним делать.

Последовала пауза, и когда Сай уже открыл было рот, чтобы ответить, мистер Каст снова заговорил:

— Девушку в бикини ведь так и не нашли?

— Нет, шеф, пока не нашли.

— О Господи! — Хоть это было сказано тихо, тон мистера Каста выдавал тревогу, а в восклицании слышался упрек, как будто именно Сай искал и не нашел девушку. — Что же теперь делать?

— Но, шеф...

— Не надо мне говорить, что мы перепечатаваем репортажи «Рейтерс», это я и без вас знаю. Что делаем мы сами?

— Шеф, мы тут бессильны. Девушка пропала семь недель назад. В Европе ее портреты помещали почти во всех газетах и журналах. Она может быть во Франции, Испании, Португалии или Италии. Конечно, она скорее всего во Франции, но пока полиция ее найдет...

— Сай! — Теперь в его голосе слышались жалобные ноты.

— Да, шеф?

— Сай, нельзя, чтобы «Пари матч» или «Шпигель» нас обошли.

Это хороший пример его подлых приемчиков. Мистер Каст не упоминает «Тайм», «Лайф», «Ньюсуик» или «Ю-Эс ньюс энд уорлд репорт». Подразумевается, что у них нет возможности обойти «Уорлд репортер» — неусыпная бдительность нью-йоркской редакции не позволит им этого сделать, а вот нерасторопное парижское бюро дает французским и немецким конкурентам шанс вырваться вперед. И поскольку они уже несколько раз опережали французскую редакцию, предупреждение особенно злило. Сай пытался защищаться.

— Как они могут обойти нас, шеф? — довольно резко откликнулся он. — Тут просто не за что зацепиться. Ничего не происходит. Пока полиция не найдет девушку или пока она сама не объявится, история мертва.

— Ты правда так думаешь, Сай? — Мысленным взором я представил, как мистер Каст прижимает костлявый палец к кончику носа. — Смелое предположение.

— Ладно, пусть не мертва, а просто уснула.

— Очень смешно! Сай, ты не хочешь меня понять. Мы ведь знаем: тут замешана политика. Иначе полиция давно бы ее нашла. Только не говори, что ты первый раз об этом слышишь.

— Да, я знаю, что в деле есть косвенные свидетельства, указывающие на левых.

— Не просто косвенные свидетельства, а очень важные улики.

— Что за улики, шеф?

— Я не вправе сейчас распространяться на эту тему. Скажу только, что историей заинтересовалось ЦРУ.

Еще одна стандартная уловка.

— Мы не можем ждать. Надо разыскать девушку, пока нас не опередили.

Сай прочистил горло.

— Простите, шеф, я не совсем понял. Что значит «разыскать»?

— То и значит — разыскать. Пока мы ее не найдем, мы ничего не узнаем.

Теперь в голосе слышалось нетерпение.

Смысл разговора совершенно от меня ускользал. Когда началась эта история, я был в Португалии, где брал интервью у наследников изгнанной королевской династии. Как я понял, в Швейцарии нашли труп некоего Арбиля, и полиция ищет девушку в бикини, которая стала свидетельницей преступления.

Сай мямл сигарету. Он зажег ее лишь после осторожного ответа:

— Согласен, шеф. Если мы ее найдем, то у нас, конечно, будет отличный материал.

— Прекрасно. Кому вы намерены это поручить?

Сай снова вытащил изо рта сигарету.

— Честно говоря, шеф, пока никому.

На том конце провода стояла мертвая тишина. Сай продолжил мрачно:

— До того как перейти сюда, я был газетчиком.

— Да, и очень способным, — милостиво согласился голос. Теперь в нем появился оттенок удовольствия. Мистер Каст явно наслаждался ситуацией.

Затылок Сая налился кровью.

— Допустим, — не сдавался Сай. — Но вы сразу же сказали мне, что я должен поменять свое мышление. Я хорошо помню ваши слова: «Не старайся делать за газеты их работу». Это первое. Дальше вы разъяснили: «Мы журнал. Мы не охотимся за новостями — этим занимаются газеты и телевидение. Они добывают новости. Мы интерпретируем новости и делаем их историей». И что теперь? Правила изменились?

— Правила остались прежними, Сай. — Голос стал липким от удовольствия. — Мы просто пытаемся внести в нашу работу чуточку воображения. Я по крайней мере пытаюсь; хочу верить, что смогу воодушевить и тебя. Подумай. Газетам не удалось найти ни единой зацепки. А почему? Да потому, что они кормятся объедками со стола

французской полиции. А полиция нарочно тянет резину. Нам пора вмешаться в это дело.

Сай ответил так резко, как только осмелился:

— Каким образом?

— Вы лучше знаете своих людей. Где сейчас Парри?

— В Бонне, освещает переговоры. Вы сами велели мне отправить его.

— Да-да, припоминаю. — Мистер Каст постарался сделать вид, будто запомнил.

— Шеф, я хочу сказать, что мы напрасно потеряем время, если даже новостные агентства с их огромными возможностями отступились от этого дела. Что касается полицейских, их отношение не имеет значения. Если у них ничего не получилось, то нам уж точно тут ничего не светит. А если они знают, где она, и молчат, то в этом случае мы тем более ничего не узнаем.

— Даже если я скажу вам, где искать?

Я так и представил дурацкую ухмылку на его физиономии.

Сай растерялся, но быстро пришел в себя.

— Эти сведения поступили из ЦРУ, шеф, или вы не можете сказать?

— Вы угадали, не могу. Тем более по телефону. Всю информацию вы получите завтра с почтой. Так кому вы планируете поручить дело? Что сейчас делает этот ваш немецкий псих?

Сай переложил трубку из правой руки в левую.

— Не понимаю, о ком вы, шеф, — сказал он после секундной паузы.

— Да ладно! Ну, тот, который готовил репортаж о ночном клубе для педиков. Пит как его там...

Сай посмотрел на меня с тоской в глазах.

— Если вы имеете в виду Пита Мааса, можете спросить его сами. Он слушает по параллельному аппарату.

— И я голландец, а не немец, — сказал я.

— Прошу прощения. Пусть будет голландец. — Слово «псих» он так назад и не взял. — Ну, хорошо...

— И я должен сразу вам сказать, мистер Каст, что не собираюсь разыгрывать из себя детектива.

— Согласен, — поддакнул Сай. — Нам сейчас гораздо важнее...

— Да ему и не нужно ничего разыгрывать! — проблеял мистер Каст. — Он ведь работает на нас? Чем он сейчас занимается?

— Автомобильной промышленностью Общего рынка, шеф, — быстро ответил Сай. — Последние статистические данные и события, а также перспективы роста на ближайшие три года.

На самом деле я работал над статьей о молодых французских художниках, картины которых покупают американские картинные галереи, но Сай пытался блефовать. Мистеру Касту не нравился Общий рынок, и «Уорлд репортер» всячески нападал на эту организацию.

Естественно, главным поставщиком боеприпасов для кампании было парижское бюро, и ранее Сай не раз успешно ссылался на нее, чтобы избавиться от поручений нью-йоркской редакции.

Теперь этот номер не сработал, хотя мистер Каст немного поколебался:

— Кто заказал ему этот материал?

— Дэн Клири.

— Ладно, я с ним поговорю. Можешь пока о нем забыть. Дело Арбиля важнее.

Сай предпринял еще одну попытку:

— Шеф, если информация такая важная, я могу вызвать из Рима Боба Парсонса или сам заняться этим делом. Пит Маас вообще-то исследователь и...

— Исследователь нам сейчас и нужен, Сай. — Теперь Каст говорил как о решенном деле. — Пит, убери с глаз свои длинные патлы, оторви задницу от стула и найди девушку в бикини. Сай, проследи, чтобы он не копался. Хорошо?

Сай что-то пробормотал и положил трубку. Выключил магнитофон и посмотрел на меня.

Шеф парижского бюро был седеющим мужчиной лет сорока пяти, с длинным тощим лицом и тусклым взглядом. От него пахло лосьоном после бритья. Я не любил его, а он — меня. Я никогда не был газетным репортером и не соответствовал его представлениям о профессионализме. Образование я получил в Англии во время войны, и хотя за время работы в бюро нахватался американских словечек, по-английски говорю с британским акцентом. Ну и разумеется, он знал мою биографию. Сай старался делать вид, будто для него это не имеет значения, но все равно оставалась некая неловкость.

Помедлив немного, он пожал плечами:

— Извини, Пит, я сделал все, что мог. Отговаривать его бессмысленно. Тут он был прав.

Раньше Сай был помощником Хэнка Уэстона, бывшего шефа бюро, взявшего меня на должность стажера. Со стороны Хэнка это была чистая благотворительность. Я сидел без работы и без денег и согласился бы пойти рассыльным, если бы он мне такое предложил. Стажером я пробыл недолго. Если вы в принципе умеете писать, то вам несложно научиться писать для «Уорлд репортер». Через месяц или два Хэнк взял меня в штат и подписал со мной годичный контракт.

Неприятности начались вскоре после того, как он перешел в Информационное агентство США и моим начальником стал Сай.

Время от времени «Уорлд репортер» назначает себя совестью мира и берется обличать современные нравы. Враг всегда объявляется «духовной слабостью нашего времени», а чтобы стереть его в порошок,

«Уорлд репортер» подробно, предвзято и сладострастно рассматривает какое-нибудь социальное явление, которое считается симптомом болезни. Конечно, подростковая преступность всегда дает богатый материал для подобного рода статей, но в конце концов это приедается. Решив, что безнравственность взрослых, особенно европейцев, внесет немного больше разнообразия, Сай послал меня в Гамбург проинспектировать тамошние ночные клубы.

Я обнаружил море заурядной, удручающей безнравственности, но, к несчастью, там нашлось и нечто необычное.

Это было заведение, где выступали трансвеститы. Шоу смотрелось бы довольно банально, если бы не потрясающий солист.

Обычно мужчины, переодетые в женское платье, выглядят чудовищно: фальшивые груди сидят слишком высоко, икры выпирают не там, где надо, а сквозь густой слой грима просвечивает щетина. Но тот мужчина выглядел настоящей женщиной: очень привлекательной, артистичной и талантливой. Изрядно набравшийся и явно гетеросексуальный морской офицер, забредший сюда по ошибке, крайне возбудился и, когда официант, исчерпав все средства, честно объявил ему, что примадонна — мужчина, заорал в ответ:

— Да мне плевать, какого оно пола! Я хочу с ним переспать!

Я сделал глупость, рассказав в редакции, что парень мне понравился. Я думал, коллеги в офисе повеселятся, а они, в свою очередь, не стали вырезать этот эпизод, а отправили статью в таком виде в Нью-Йорк. Там ее случайно увидел мистер Каст, но у него она не вызвала особого веселья.

Он решил навести обо мне справки.

Вероятно, он ожидал, что я окажусь гомосексуалистом. Он их ненавидит. А вместо этого выяснилось, что я был главным редактором и совладельцем «Этоса» — экспериментального журнала, публикующего обзор международных новостей. И что после банкротства провел несколько месяцев в парижской клинике для душевнобольных, так как пытался покончить с собой. Детективам из парижского частного агентства даже удалось вытянуть из клиники сведения о том, что меня лечили электрошоком.

Оказалось, что банкротство и психические заболевания бесят мистера Каста ничуть не меньше, чем гомосексуализм. Со мной было покончено. Если бы Хэнк Уэстон не уволился, с ним бы, наверное, тоже было покончено, поскольку он взял на работу человека с такой биографией.

Слухи быстро дошли до нашего бюро, и я сказал Саю, что хочу уволиться. Однако в «Уорлд репортер» дела так просто не делаются. Мистер Каст — ревнивый бог, и на тот момент до истечения моего контракта оставалось еще пять месяцев. В нашей организации, если у тебя есть действующий контракт, тебе не дадут уволиться ни при каких

обстоятельствах. Если ты хочешь уйти, тебя уволят не по собственному желанию, а только в связи с некомпетентностью, пусть даже некомпетентность придется сфабриковать.

Сай знал это не хуже меня.

— А что будет, если я откажусь? — спросил я.

— Контракт заморозят и тебя лишат зарплаты. Но ты все равно не сможешь работать на другое издание, пока не истечет срок контракта. Конечно, если ты хочешь взять неоплачиваемый отпуск на пять месяцев, то на здоровье.

Без зарплаты я не мог прожить и пяти недель, не говоря уже о пяти месяцах. И это Сай тоже знал.

— Извини, Пит, — снова сказал он. — Разумеется, ты можешь рассчитывать на мою помощь.

Ну разумеется. Мой провал в какой-то степени дискредитирует все бюро. А ему приказано проследить, чтобы я раздобыл этот материал. Ему, я думаю, тоже достанется, поскольку он не предупредил Нью-Йорк обо мне раньше. Нет, его, конечно, из-за меня не уволят, но против его фамилии поставят черную метку.

Я сказал:

— Думаю, эта конфиденциальная информация совершенно бесполезна?

— Не обязательно.

— Но скорее всего.

Он вздохнул:

— Старик еще не совсем выжил из ума.

— Сильно сомневаюсь.

— Я понимаю. Кроме того, ты преувеличиваешь собственную значимость, Пит. Всем известно, что старик тебя недолюбливает и что он злопамятен, как черт, но он все-таки профессионал. До него доходит множество слухов от высокопоставленных людей, которые считают нужным время от времени подбрасывать ему сладкие куски. Если он говорит, что знает, где девушка, значит, ему что-то известно. Возможно, этого недостаточно, и все-таки у него есть зацепки. Ему нравится поступать по наитию. Кроме того, он может рискнуть, поставить на темную лошадку, ты же понимаешь.

— Понимаю. Но своих денег ты бы на нее не поставил, разве что рваную десятифунтовую бумажку, от которой давно хотел избавиться.

Сай пожал плечами:

— Чего ты от меня хочешь? Ты ведь все слышал: что я ему сказал и что он мне ответил.

Он быстро продолжил, не дав мне вставить хоть слово; видать, за эту ночь я ему порядком надоел:

— Слушай, у нас есть весь архив по этой истории с вырезками, фотографиями и сообщениями «Рейтер». Можешь забрать его домой. Поспи чуток, а потом посмотри бумаги. Встретимся в половину первого. К тому времени уже придет почта из Нью-Йорка и мы будем знать весь расклад. Тогда и решим, что делать дальше. Идет?

III

Я вернулся в свою квартиру на улице Мальзерб и принял две таблетки снотворного. Не помогло.

Через час я встал и на всякий случай спустил остальные таблетки в унитаз. Я никогда не покупаю больше двадцати штук сразу, хотя мне приходится добывать их на черном рынке. В баночке оставалось еще где-то около дюжины — этого явно недостаточно. Чтобы наверняка, нужно не меньше тридцати, в противном случае от них избавятся с помощью желудочного зонда. А потом будет долгое, мучительное пробуждение и палата психиатрической клиники. У меня не было никакого желания снова через все это проходить, и поэтому лучше подстраховаться: в сером рассвете печального утра можно легко повторить ту же ошибку.

Я сварил себе кофе и заглянул в папку, которую дал Сай.

Первые упоминания о деле Арбиля появились в швейцарских газетах, и в досье они присутствовали, но оказались обрывочными и противоречивыми. Наиболее полный отчет давал французский иллюстрированный еженедельник «Парту».

Заметка называлась «Загадочное убийство в Цюрихе», причем буквы заголовка были составлены из револьверных пуль. И ниже, на фоне акварельного рисунка, изображающего автомобиль с голой девицей за рулем, несущийся вниз по горной дороге, — подзаголовок: «Вся Европа ищет красивую молодую француженку в бикини, скрывшуюся вместе с ключом к разгадке».

«Парту» любит драматизировать, и журналисты, которые там работают, предпочитают эмоциональный, захватывающий стиль. Материал обычно готовят командой. Хотя в начале было указано только одно имя, над статьей поработали по меньшей мере три человека. Вступление сочинил некто с левыми взглядами и дурацкой манерой писать все в настоящем времени.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ: Цюрих, Швейцария

ДАТА: 10 января

ВРЕМЯ: 22.00

Этой холодной ночью за пультом в центральной диспетчерской электросети дежурит старший инженер Мартин Брюнер (54 года). Он прихлебывает из чашки горячий шоколад,

но его глаза неотрывно следят за стрелками и индикаторами на контрольной панели.

Сегодня днем была оттепель, за которой последовало резкое похолодание. Мартин знает: нужно быть готовым к любым неожиданностям.

Но того, что случилось, он никак не мог ожидать.

Внезапно контрольная лампочка вспыхивает ярким светом.

Тревога!

Пальцы диспетчера движутся быстро и точно. Без света остался фешенебельный район Цюрихберг — сбой произошел на трансформаторной подстанции. За несколько секунд диспетчер переводит подачу тока в обход аварии, чтобы восстановить подачу электроэнергии.

Богатые не должны испытывать никаких неудобств.

И следовательно, кто-то должен на них работать. Мартин Брюнер подозревает, что вышел из строя изолятор. Аварийная команда должна на месте устранить неисправность. Диспетчер отдает распоряжение. Через минуту парни, ворча и чертыхаясь, выезжают на задание.

Начальник группы — Ханс Дитц (36 лет), он женат, у него двое детей. Ханс сидит рядом с водителем, а двое других ремонтников разместились в кузове среди инструментов и мотков провода.

Подстанция расположена у самой вершины горы, рядом с радарной станцией международного аэропорта Клотен-Цюрих. Чтобы добраться туда самым коротким путем, надо ехать по Вальдерзеештрассе — извилистой горной дороге над крутым обрывом к озеру с одной стороны и бесконечными каменными заборами частных вилл — с другой.

Въезд на территорию виллы «Консолационе» находится всего в нескольких метрах от поворота. Для безопасности муниципалитет установил со стороны озера большое зеркало, чтобы спускающиеся с горы машины могли видеть, что впереди. Однако сейчас зеркало покрыто слоем инея.

По пути наверх им не встречается ни одной машины. Это надо считать везением, поскольку на обочинах лежат огромные сугробы и разъехаться довольно трудно. Поверхность дороги обледенела, приходится ехать очень медленно. Ремонтники не обращают внимания, горит ли на вилле «Консолационе» свет.

Какое им до этого дело? У них своя работа.

Примерно в 11 часов вечера они добираются до подстанции. Около двух часов уходит на то, чтобы найти и устранить неисправность. Когда работа закончена, Дитц рапортует диспетчеру по рации в машине и просит дать ток. Время — 1.35. Через три минуты, убедившись, что все в порядке и подстанция снова исправна, усталые ремонтники грузят инструменты в кузов

— пора возвращаться. Примерно в 2 часа ночи они оказываются на Вальдерзеештрассе.

Они спускаются на низкой передаче так же медленно и осторожно, как поднимались, — со скоростью 10 км/час, не больше.

Вдруг Дитц видит впереди опасность!

По дорожке виллы «Консолационе» на огромной скорости несется машина. Свет ее фар отражается от сугроба. О Господи! Он кричит шоферу, предупреждая его об опасности! Педаль уходит в пол. Машина резко тормозит.

Слишком поздно! Тяжелый грузовик заносит, и он скользит по льду всеми четырьмя колесами. Через секунду машина вылетает из ворот, идет юзом и ударяет в переднее крыло грузовика.

Удар получается скользящий, машине он не причиняет почти никакого вреда.

Но для грузовика на льду это полная катастрофа.

Его разворачивает, он врежется в один из массивных каменных столбов ограды, пропахивает сугроб, тянувшийся вдоль забора, и валится на бок. В конце концов он останавливается с другой стороны дороги, над обрывом.

Машина, не притормаживая, несется вниз, но в момент столкновения Дитц отчетливо разглядел в свете фар и машину, и водителя.

Машина — «Мерседес 300 S».

За рулем — молодая женщина.

Ни Дитц, ни водитель серьезно не пострадали. Но ребятам в кузове не повезло. У одного сломана ключица, у другого разбита голова, из раны идет кровь: ее нужно зашить.

Пока водитель оказывает первую помощь раненым, Дитц забирается в машину и проверяет рацию.

Ему удастся связаться с диспетчерской, и он рассказывает Брюнеру о случившемся. Спустя пару минут Брюнер связывается с ним снова и говорит, что полиция и «скорая» уже выехали.

У Дитца есть время подумать. Он не заметил номера «мерседеса», но машина выехала из ворот виллы «Консолационе», и Дитц решает, что там ему скажут имя женщины и где ее можно найти. Он предлагает подняться на виллу и навести справки.

— Лучше подожди до приезда полиции, Ханс, — советует ему Брюнер.

Но нет. Дитц не на шутку рассердился. Он решает пойти и выяснить, как зовут эту ненормальную.

Он идет на виллу один.

С этого места «Парту» начинает домысливать, о чем думал Дитц, поднимаясь по дорожке. Зная дальнейшее развитие событий, журналист

наделяет ремонтника странной способностью предвидения: его терзают смутные сомнения.

Судя по сообщению местного репортера, Дитц поскользнулся на крутой дорожке и упал, после чего решил, что диспетчер, вероятно, прав, и вернулся к машине.

В конце концов на виллу поднялись двое дорожных полицейских в патрульной машине.

В деле имелась фотография виллы — двухэтажного здания в неороманском стиле, популярном в 20-е годы. Когда полиция подошла к дому, свет не горел ни в одном окне. Двери гаража, рассчитанного на две машины, были распахнуты. Одно место пустовало, и на снегу отпечатались свежие следы шин, на втором стоял старенький «Ситроен 2CV». Полицейские подошли к парадным дверям — там тоже было открыто.

Они звонили несколько раз — безответно. Поскольку они не имели права входить в дом без приглашения, один из полицейских отправился на задний двор на разведку. Минут через десять он вернулся с пожилым человеком по имени Эрнесто Бацоли. Бацоли и его жена Мария работали на вилле прислужкой и жили в пятидесяти метрах от дома, в коттедже, рядом с огородом.

Старика подняли с постели, он зябко ежился и явно был встревожен. Вначале полицейские даже не смогли его ни о чем спросить. Он сам забросал их вопросами. Почему не горят прожекторы? Ночью фонари должны обязательно гореть, таково распоряжение господина Арбиля. И где машина господина Арбиля? Почему открыта входная дверь? Она должна быть закрыта на два замка и еще на цепочку. А где фрау Арбель? Что случилось?

Когда они зашли в дом, стало очевидно, что полиции придется поинтересоваться не только личностью сбежавшего водителя, но и многим другим.

В главной гостиной царил беспорядок: все ящики комодов были выдвинуты, дверцы шкафов и сервантов распахнуты, а их содержимое разбросано по полу. В столовой — та же картина. В библиотеке все книги сброшены с полок. Обыскали даже кухню.

Наверху — все то же самое. За исключением того, что в одной из спален на полу лежало тело полуобнаженного мужчины, в котором Бацоли опознал господина Арбиля. В него выстрелили трижды: два раза в живот и один — в затылок.

На этом месте «Парту» меняет время повествования, и социалист уступает место криминальному репортеру.

Один из дорожных полицейских позвонил в штаб-квартиру. Прибывшие детективы осмотрели место происшествия, быстро

опросили Дитца, Бацоли и его жену и пришли к единственному возможному на тот момент заключению, что между Арбилем и его женой возникла ссора. Один из супругов обыскивал весь дом в поисках чего-то, что спрятал другой: денег, драгоценностей, писем от любовника, оружия. В разгар конфликта жена убила мужа и скрылась на его машине.

В 03.05 ночи дежурный офицер полиции Цюриха отдал приказ задержать фрау Люсию Арбиль. Ее описание, составленное со слов Бацоли, было распространено вместе с регистрационным номером «мерседеса». О беглянке также известили ближайший пограничный пост в Кобленце.

«Мерседес» был найден четыре часа спустя на стоянке международного аэропорта. Стали проверять списки улетевших пассажиров. В них фрау Арбиль не оказалось. Однако служащий «Свиссэйр» вспомнил, что продал соответствующей описанию молодой женщине билет на рейс, улетающий в 6.00 в Брюссель. Она предъявила французский паспорт на имя мадемуазель Люсии Бернарди.

Полиция Швейцарии оказалась в трудной ситуации. Договор об экстрадиции с Бельгией требует, что надлежит представить неопровержимые доказательства вины, и только в этом случае лицо, скрывающееся от правосудия, может быть арестовано и выдано стране, где было совершено преступление. Прежде чем попросить Брюссель об активных действиях, Цюриху следовало убедиться, что фрау Арбиль и мадемуазель Бернарди — одно и то же лицо.

Отдел виз и регистрации прислал ответ на запрос. Господин Арбиль ввел семейство Бацоли в заблуждение: не существует никакой фрау Арбиль. Люсия Бернарди была его любовницей.

Это удалось установить лишь к десяти часам утра, и к тому времени самолет давно приземлился в Брюсселе и все пассажиры разошлись.

В тот же день пришло сообщение, что женщина, соответствующая описанию Люсии Бернарди, взяла напрокат машину в брюссельском аэропорту и направляется в Намюр. Считается, что там она села в поезд до Лилля.

Если это правда, то Цюрих столкнулся с новой проблемой. Мы, французы, не выдаем наших граждан. Теперь ее можно будет судить за убийство только во Франции.

Если, конечно, убийца — она.

В это время комиссар Мюльдер, начальник уголовной полиции кантона Цюрих, раздумывал над делом Арбиля. Он получил результаты вскрытия, и у него возникли новые вопросы.

Эксперты утверждали, что, перед тем как убить, Арбиля связали и заткнули ему рот кляпом. Состояние половых органов не оставляло никаких сомнений в том, что его пытали.

Более того. Пули, попавшие в живот, и пуля, выпущенная в затылок, — разного калибра.

Единственное оружие, найденное на вилле, — пистолет «парабеллум», принадлежавший покойному, и из него не было сделано ни одного выстрела.

Два пистолета разного калибра предполагают присутствие двух разных людей. Эксперты из криминалистической лаборатории утверждают, что виллу обыскивали двое мужчин. Один в хлопчатобумажных перчатках, другой — в кожаных. На виллу они попали через световой люк на крыше.

Кто эти люди?

Явно не обычные воры, поскольку ничего не украдено.

И тут возникает резонный вопрос: кто такой господин Арбиль?

Третий член команды дал ответ на этот вопрос. По-видимому, старше двух других, он использовал более длинные предложения, и в его тоне чувствовался сарказм.

Полное имя покойного — Ахмед Фатих Арбиль. Он был иракским беженцем.

Три с половиной года назад полковник Арбиль прибыл в составе иракской делегации на международную полицейскую конференцию в Женеве. Конференция еще не закончилась, когда военное командование города Мосула подняло мятеж против правительства премьер-министра Абдель Керима Касема. Восстание было жестоко подавлено правительственными войсками, а затем последовали групповые суды и казни. Когда конференция закончилась, полковник Арбиль решил не возвращаться на родину и попросил у швейцарских властей политического убежища на том основании, что по возвращении в Ирак его сразу же расстреляют.

Попадание в политическую немилость он объяснил своими симпатиями к курдскому националистическому движению, стоявшему за восстанием в Мосуле. В подтверждение он привел приказ немедленно вернуться в Багдад, переданный ему через иракскую дипломатическую миссию в Берне. Хотя приказ был написан в сугубо официальном тоне, в нем отсутствовало воинское звание Арбиля и его должность — начальник службы безопасности. Суд признал важность такого опущения, и убежище было предоставлено, но с обычным в подобных обстоятельствах условием, что во время своего пребывания в Швейцарии полковник воздержится от участия в политической деятельности.

До прошлого года его пребывание здесь не было отмечено никакими событиями. В отличие от большинства

политэмигрантов Арбиль не нуждался в деньгах. Когда он снял виллу «Консолационе», ему не составило труда убедить хозяина в своей финансовой состоятельности, предоставив справку из банка. Считалось, что он получает доходы от семейного бизнеса в Ираке. Полковник не искал работы, оплачиваемой или добровольной, и не участвовал ни в какой политической деятельности. По его словам, он работал над книгой по истории Курдистана, но никто не воспринимал это всерьез. Большинство политических беженцев пишут книги или по крайней мере собираются. В случае Арбиля вскоре стало очевидно, что большую часть времени он намерен посвящать светским развлечениям.

Поджарый, крепкий, с орлиным носом — для женщин полковник Арбиль был просто неотразим. Ему, в свою очередь, нравились пышногрудые незамужние блондинки двадцати с небольшим. По донесениям полиции нравов, за первые два с половиной года пребывания в Швейцарии он потакал своим вкусам с завидной регулярностью. Эти женщины не были проститутками. Поскольку ни одна из них не жаловалась и чисто внешне все выглядело прилично, да к тому же мужчина был иностранцем, никаких официальных мер предпринято не было.

Затем, с появлением в жизни полковника Люсии Бернарди, его вкусы, а также обстановка на вилле внезапно поменялись.

Согласно досье, с выжимками из которого нам позволили ознакомиться, Арбиль встретил ее в Санкт-Морице во время зимнего спортивного сезона.

В анкете на временное проживание она указала, что родилась в Ницце двадцать четыре года назад, что ее рост — один метр пятьдесят пять сантиметров, волосы — темно-русые, глаза — голубые. Род занятий — модистка. Особые приметы отсутствуют.

На вилле было найдено множество фотографий, сделанных очарованным полковником. На большинстве снимков она позирует в бикини, но есть и такие, на которых она катается на горных лыжах. Но будь то в одежде или без, Люсия Бернарди была очень красива — стройна и грациозна. Судя по выражению лица, она любит человека, который ее фотографирует, и положение его любовницы ее вполне устраивает.

Хотя комиссару Мюльдеру не хотелось признавать, что улыбающаяся с фотографии девушка в бикини может быть соучастницей убийства, но собранные им улики свидетельствовали о ее причастности к преступлению.

В пользу этой версии говорили факты, почерпнутые из показания семейства Бацоли. Оказалось, что примерно месяц назад Арбиль предпринял ряд странных и необоснованных, с точки зрения Бацоли, предосторожностей против воров. В парке были установлены прожекторы, которые автоматически

зажигались с приходом темноты и горели всю ночь. Двери и окна первых этажей снабдили специальными замками. Из Цюриха приезжал представитель строительной фирмы, чтобы составить смету на установку электрических ворот.

История все больше походила на политическое убийство. По-видимому, жертва получила предупреждение заранее.

Но кто же тогда убийцы?

Отпечатки свидетельствуют, что они работали в перчатках. Масляное пятно на снегу, рядом с дорожкой — указание на то, что они приехали на машине. Больше они не оставили никаких следов. Полиция проверила, не останавливались ли в гостиницах поблизости какие-либо другие иракцы, но выяснить ничего не удалось. Поверенный в делах Ирака в Берне взялся выяснить, не осталось ли у Арбиля каких-либо родственников, которые захотят вернуть его тело на родину для похорон и распорядиться его имуществом, но на тему убийц не произнес ни слова. Это, как он сказал, относится к компетенции полиции.

Комиссар Мюльдер делал все возможное, чтобы разрешить загадку, но вопросов по-прежнему было больше, чем ответов.

Какую роль сыграла во всем этом деле Люсия Бернарди? Была ли она сообщницей убийц? Судя по всему, это маловероятно. Имей они сообщника в доме, им бы не пришлось выдавливать световой люк и выводить из строя прожектора, устраивая короткое замыкание. Участвуя Люсия Бернарди в заговоре, она вполне могла бы их выключить из дома.

А если она не была сообщницей убийц, то зачем ей скрываться? Что же на самом деле произошло на вилле «Консолатионе» в ту холодную зимнюю ночь?

Ответ на все эти вопросы знает лишь один-единственный человек — сама Люсия Бернарди.

Комиссар Мюльдер понимает это как никто другой. Вечером 11 декабря, через двадцать четыре часа после совершения убийства, он через Интерпол сделал запрос на розыск Люсии Бернарди и снятие показаний под присягой.

Он также призвал на помощь прессу.

И что в результате? Ноль!

Люсия Бернарди как в воду канула.

«Парту» привел кое-какие подробности розысков. Пресса охотно взялась за работу: эта история появилась на первых страницах не только французских, но и итальянских, испанских и немецких газет. Французская полиция выразила готовность к сотрудничеству. Вместе с фотографиями, полученными из Цюриха, они передали прессе полное досье на девушку и сведения, собранные в ходе последних поисков.

Ее отец был владельцем небольшой фирмы, занимавшейся поставками. Как единственный ребенок Люсия унаследовала все отцовское состояние. Вырученные от продажи фирмы деньги — около двух миллионов старых франков (около шести тысяч долларов) — были помещены в траст на ее имя. Она не могла ими воспользоваться, пока ей не исполнится двадцать один год. Какое-то время Люсия жила с теткой, сестрой матери, в Ментоне, и работала там ученицей шляпного мастера. Достигнув совершеннолетия, она получила контроль над своими деньгами, и вместе с другой женщиной по имени Генриетта Колен они открыли магазин модных купальников в Антибе. После двух сезонов стало понятно, что бизнес не приносит дохода, и его пришлось продать. Генриетта Колен устроилась продавщицей в универсальный магазин в Ницце, а Люсия решила переехать в Париж. У нее еще оставалась четверть от тех денег, что она унаследовала.

В течение двух лет от нее не поступало никаких известий, кроме открыток к Рождеству — совершенно одинаковых для тетки и Генриетты Колен. В первый год открытки пришли из Санкт-Морица, а во второй — из Цюриха. Ни одна из женщин не пыталась с ней связаться. Тетка, как полагала полиция, подозревала, что девушка ведет аморальный образ жизни, и не хотела, чтобы ее опасения подтвердились. Генриетта Колен (в «Парту» был жеманный намек на лесбийскую связь) обиделась на Люсию за то, что та забыла о ней после стольких лет дружбы и совместного бизнеса. Полиции удалось найти еще нескольких ее друзей во Франции и поговорить с ними, но примерно с тем же результатом. Розыски в Германии, Италии и Испании оказались бесплодными.

Напрашивался вывод, что если Люсия Бернарди по-прежнему во Франции, она живет под чужим именем по фальшивым документам.

«Парту» заканчивал высокопарным размышлением:

«Возможно, прямо сейчас — где-то в деревенской глуши, на скрытой от посторонних глаз богатой вилле или в многолюдном большом городе — Люсия Бернарди читает эти строки и улыбается. Она владеет ключом к разгадке. Вопрос лишь в том, захочет ли она им воспользоваться?»

На сегодняшний день ответ был очевиден — «нет».

В папке также имелись кое-какие биографические сведения, касающиеся полковника Арбиля, но лишь два материала представляли хоть какой-то интерес.

Информационное агентство цитировало высокопоставленного иорданского чиновника, который заявил, что, вне всяких сомнений, Арбиля убили египетские террористы.

В сообщении «Рейтер» из Берна говорилось, что тело Арбиля будет передано его племяннику, живущему в Киркуке. Гроб отправят авиарейсом в Багдад, как только будут улажены все необходимые формальности.

IV

— А ты не допускаешь, что она может быть мертва? — спросил я.

— Пустые разговоры, Пит. — Сай выглядел не лучше меня.

Самолет из Нью-Йорка с посылкой, которую мистер Каст пафосно именовал «диппочтой», задерживался, и мы ждали возвращения курьера.

— Люди исчезают по разным причинам; я где-то читал, что значительную долю исчезнувших взрослых составляют самоубийцы.

— С какой стати ей кончать с собой? Она убегает от кого-то, полиция ее разыскивает как свидетельницу, а может, и обвиняемую... Но ей удастся скрыться. При чем тут самоубийство?

— После паники часто наступает депрессия. — Я чувствовал, что ему неловко в таком легкомысленном тоне обсуждать со мной самоубийство, однако меня это не останавливало. — У нас, конечно, мало фактов, но то, что мы о ней знаем, наводит на размышления. Она рано лишается родителей, сходится с лесбиянкой, теряет бизнес и большую часть денег, а после этого не желает общаться с родными и друзьями. Вполне возможно, она занималась проституцией. В конце концов она становится любовницей политэмигранта, который ей в отцы годится. А потом его пытаются и убивают. Счастливицей ее не назовешь.

— Будь она лет на десять-двенадцать старше, я бы еще мог поверить в самоубийство, Пит, но ты на нее посмотри.

Он вытащил из папки фотографию, на которой Люсия Бернарди с развевающимися по ветру волосами и призывно вытянутыми руками улыбалась в объектив.

— Чтобы такая девушка покончила с собой?

— «Она умерла молодой и красивой» — довольно частая эпитафия, — заметил я.

— С такими сиськами? Ни за что не поверю.

Вошла секретарша с пакетом, доставленным авиапочтой из Нью-Йорка.

— Ну что ж, посмотрим, что нам прислали.

Пошарив в куче корректурных оттисков, фотографий и деловых бумаг, Сай вытащил запечатанный конверт со штампом «секретно». Остальное секретарша забрала для сортировки и раздачи.

Он долго вскрывал конверт и читал документы, наконец протянул их мне. На первой странице стоял заголовок — «На контроле у главного редактора». Далее следовало:

Кому: Парижское бюро, для Логана

От своего личного (подчеркиваю — личного) информатора я получил следующие сведения относительно пропавшей Люсии Бернарди:

До того как Арбиль подцепил ее в Санкт-Морице (ну, или она его подцепила), Люсия находилась там в обществе мужчины, по всей видимости, американца по имени Патрик Чейз. «В обществе» — означает, что они жили в разных (хоть и соседних) номерах в одном отеле.

А теперь главное.

Швейцарская полиция следила за Чейзом, поскольку подозревала, что он готовит мошенничество. Предполагалось, что они с Бернарди были партнерами, а полковник Арбиль — намеченной жертвой. Полиция Санкт-Морица (кантон Граубюнден) запрашивала у Интерпола сведения о Чейзе и Бернарди, однако не получила ничего определенного. Чейз был «известен», но не судим, о девушке «ничего не было известно». Очевидно, Чейз догадался о слежке. За две недели до истечения зарезервированного времени проживания он внезапно уехал в Италию. Люсия Бернарди осталась и переехала к Арбилю.

Разумеется, ребята из полиции Санкт-Морица доложили обо всем в Цюрих. Но от них ускользнула следующая информация:

«Патрик Чейз» — это псевдоним. Человек, скрывающийся под ним, — опытный мошенник, который уже восемь лет орудует в Европе, преимущественно в Италии и Западной Германии. Хотя он вырос и получил образование в Нью-Йорке и может легко сойти за американца, родился он во Франции, и подданство у него французское. Однажды его как «Чейза» задерживали для допроса, а пару лет назад наше посольство в Бонне поручало ФБР проследить за ним.

Отмечу, что шесть месяцев назад, в начале сентября, в Европе появилось значительное количество поддельных двадцатидолларовых купюр. В ходе расследования наши люди вышли на «Чейза». Некоторое время его подозревали в распространении фальшивок, но впоследствии все обвинения были сняты. Однако за то время, что полиция интересовалась имуществом «Чейза» и тайно просматривала его корреспонденцию, обнаружились интересные факты. Он вел переговоры относительно покупки дома в местечке под названием Сет, на юге Франции. И назвался при этом Филипом Санже. Проверка показала, что это и есть его настоящее имя — он родился во Франции, в Лионе, в 1925 году.

Надо ли продолжать?

Впрочем, возможно, стоит кое-что добавить.

Хотя с тех пор, как полиция Санкт-Морица проверяла Чейза и Бернарди, прошло больше года, есть вероятность, что какой-нибудь добросовестный полицейский в Цюрихе захочет еще раз просмотреть материалы дела и от нечего делать решит перепроверить мистера Чейза. В таком случае ему, несомненно, станет известно о месье Санже, поскольку наши люди отправили в Интерпол копии всех документов. Вполне возможно, это происходит именно сейчас.

Полагаю, джентльмены, нам нельзя терять ни минуты.

Подписи не было. Я отдал бумагу Саю и стал ждать, что тот скажет.

— Ну, — произнес он с сомнением, — это что-то.

— В самом деле? На мой взгляд, темная лошадка, о которой идет речь, даже в забеге не участвует.

— Ну, я бы не стал так говорить.

Он бережно разгладил бумагу, словно это могло улучшить ее содержимое.

— Похоже, и вправду кто-то поделился с ним информацией. Думаю, кто-то из Казначейства.

— Казначейство докладывает Интерполу?

— Иногда. США не входит в эту организацию, но Казначейство и Управление по борьбе с наркотиками поддерживают с ним связь. Я не сомневаюсь, что эта информация из достоверных источников.

Мне стало смешно. Я сказал:

— Если бы ты вчера знал, какую важную информацию он тебе пришлет, ты бы предложил отозвать Боба Парсонса из Рима?

Сай раздраженно отмахнулся:

— Ладно, хватит зубоскалить. Давай прикинем, что можно из этого выжать.

Он замолчал на мгновение, уставившись на бумагу.

— В лучшем случае нам удастся выйти на приятеля девушки, который живет во Франции. Возможно, он по старой дружбе ей помог. С другой стороны, этот тип — мошенник, вряд ли он захочет рисковать и связываться с полицией. Все очень размыто, но проверить стоит. Какие будут предложения?

— Ни одного конструктивного.

Он вздохнул.

— Слушай, Пит, ты спрашиваешь, стал бы я отзывать Боба Парсонса из Рима для проверки этой информации. Честно говоря, ответ — «нет», не стал бы. У нас в Марселе есть внештатный сотрудник. И скорее всего я послал бы его. Да, старик дал тебе поручение. Мы оба понимаем почему

— он хочет с тобой разделаться. Так не позволяй ему этого. Он не ждет никаких чудес. Тебе надо только найти Санже и убедиться, что через него нельзя выйти на девушку. Тогда мы оба в безопасности. Согласен?

— И как, по-твоему, это сделать?

Сай ухмыльнулся.

— Так-то лучше, дружище.

Он посмотрел на часы.

— Самолет в Марсель улетает в шесть или в семь. Скажи Антуанет, пусть бронирует тебе место и номер в отеле. А завтра утром возьми напрокат машину, езжай в Сет и начинай копать.

— Завтра воскресенье, мэрия будет закрыта.

— К черту мэрию. Ты можешь сразу пойти в полицию и сказать, зачем приехал. Или нет, лучше начни с кафе и заправок. Только не говори, что ты репортер. Не дай Бог, еще сболтнут кому-нибудь, и местная пресса тоже начнет совать свой нос. Придумай что-нибудь. Скажи, что разыскиваешь старого армейского друга. Они отнесутся с сочувствием.

— А если это ничего не даст?

— Пспрашивай в магазинах. Городишко-то маленький, должен найтись кто-то, кто его знает!

— Слушай, у тебя есть связи на набережной Орфевр?

— Нет, а зачем?

— Я хотел бы уточнить, правда ли, что полиция умышленно затягивает с этим делом.

— А какая разница?

— Допустим, есть небольшая вероятность, что Люсия Бернарди действительно прячется у Санже. Допустим, в полиции это знают, но откуда-то сверху поступило распоряжение на время о ней забыть. Не важно почему. В таком случае Санже будет под защитой полиции. Если я найду его и смогу с ним поговорить, я бы хотел знать, кто передо мной — мошенник, занявший оборону, или добропорядочный гражданин, который может послать меня куда подальше.

Сай подумал и покачал головой:

— Я понимаю, о чем ты, но, думаю, не стоит звонить на набережную Орфевр. Я хорошо знаю замглавы департамента, и я знаю также, какой ответ от него получу. «Мой дорогой, ты читаешь не те газеты. Этот вопрос нас больше не интересует. Наши швейцарские коллеги хотели допросить молодую леди, и мы старались оказать им услугу. Однако по-видимому, она сделала себе новые документы и уехала в Италию».

Он снова покачал головой:

— Нет, если ты его отыщешь, тебе придется импровизировать.

Сай всегда говорит подчиненным, что надо импровизировать. Меня это выражение раздражает. Я предпочитаю играть по нотам.

Глава II

I

В тот же вечер я прилетел в Марсель и остановился в отеле «Арбуа», а наутро прошелся до аэропорта и взял напрокат машину. К пяти часам я уже был в Сете.

Если вы не полицейский и не питаете стойкого отвращения к нарушению закона, то такой персонаж, как «преуспевающий мошенник, купивший дом на юге Франции», скорее всего будет вам симпатичен. Сразу представляется улыбчивый загорелый мужчина в модной итальянской рубашке, потягивающий сухое мартини на террасе своей виллы в Кап-д'Ай или Суперканнах. Ему за сорок, но у него по-прежнему густая шевелюра и молодая жена верна ему. Неправедно добытое богатство инвестировано в надежные голубые фишки, у него номерной счет в швейцарском банке и холдинговая компания, зарегистрированная на Кюрасао, чтобы не платить налогов. Он — живое свидетельство тому, что на самом деле преступления окупаются, а иногда даже с лихвой.

Правда, стоит сказать, что дом на юге Франции расположен рядом с Сетом, и картина сразу получится совершенно иной. Но это, конечно, если вы знаете Сет.

Он расположен в Лионском заливе, в двухстах километрах от Марселя, и это второй после Марселя крупный морской порт на юге Франции. Сет обслуживает винодельческую область Эро, где производят вино, которое перевозят танкерами, а не бочками, для производства промышленного спирта. Там есть несколько фабрик, рыболовецкий флот, корабельная верфь и нефтеперерабатывающий завод. Береговая линия прямая, пейзаж плоский и безрадостный. Единственная достопримечательность — гора Сен-Клер с маяком и старинной крепостью, откуда открывается вид на порт. Город изрезан сетью каналов, соединяющих различные доки. В нем есть парочка гостиниц. На побережье, за городом, расположено несколько семейных пансионатов, где сдают места смельчакам, которых не пугают голые, продуваемые всеми ветрами пляжи и ледяные течения залива. Однако город не делает ровным счетом ничего, чтобы привлечь туристов. Это довольно уродливый промышленный центр.

Когда я приехал, было холодно и шел сильный дождь, словно Сет стоит на Балтийском, а не на Средиземном море. Я отыскал отель с чуть теплыми батареями, затем пообедал в ресторанчике в том же доме.

Я не собирался проводить расследование, о котором говорил Сай. Если человек по имени Филип Санже действительно живет в Сете и владеет там домом, то есть более простой способ узнать его адрес. Монпелье — административный центр департамента Эро — расположен всего лишь в двадцати девяти километрах от Сета. Я могу съездить в мэрию и

посмотреть документы на землевладения в Сете. Или попробовать найти его в телефонной книге.

Я начал со второго. В телефонной книге никакого Санже не нашлось. В ответ на мой запрос мне сообщили ровно то же самое. Выбора не оставалось. Я позвонил в парижское бюро, сообщил дежурному название и номер телефона своего отеля и отправился спать.

На следующее утро я поехал в Монпелье.

Архивист в мэрии без лишних вопросов взялся мне помочь. Он, по-видимому, не видел ничего необычного в том, что один человек хочет узнать, чем владеет другой.

Через час с небольшим я уже установил, что Филип Санже, советник по инвестициям, проживающий по адресу: Сет, улица Пайо, дом 16, владеет тремя небольшими участками в районе горы Сен-Клер, значащимися как номера 14, 16 и 18 по улице Пайо. Он приобрел их шесть месяцев назад у вдовы местного бакалейщика за семь тысяч новых франков каждый. Участки были размером в одну десятую гектара, примерно — пятая часть акра. Архивист заметил со снисходительной улыбкой, что эти дома всего лишь «сарай» — бывшие казармы, которые армии больше не нужны.

Я вернулся в Сет и отправился на улицу Пайо.

Первоначально крепость и цитадель на горе Сен-Клер были построены Вобаном как часть системы береговых укреплений, тянувшейся от испанской границы до Йерских островов. До конца девятнадцатого века вся гора была единым военным лагерем. Впоследствии, однако, методы ведения войны изменились, и гарнизон значительно уменьшился. Часть горы превратилась в деревню, и казармы потихоньку пустели. Местные жители покупали их под склады или фермы.

Улица Пайо представляла собой круто уходящую вверх дорогу с каменными заборами по обе стороны. Через одинаковые интервалы в заборах имелись деревянные двери, которые вели на одинаковые крохотные дворы. В противоположном конце каждого двора стоял двухкомнатный коттедж с черепичной крышей и земляным полом.

Рядом с домом номер 16, который Филип Санже указал в качестве своего постоянного адреса, воняло так, как будто тут много лет был свинарник. Половина черепицы осыпалась, дверей не было вообще. Номер 14 оказался примерно в таком же состоянии. Однако рядом с домом номер 16 работала бригада строителей. Через весь двор на улицу была прокопана траншея для подсоединения к водопроводу, а рядом с домом вырыта глубокая яма, по-видимому, для слива нечистот.

Никто из рабочих не слышал имени месье Санже. Казармы перестраивают под маленькие виллы с водопроводом, ванной, кухней, кафельным полом и террасой. Работами руководил месье Легран, архитектор. Заказчика представлял месье Мови из агентства «Гольф».

День выдался солнечный, и из окон казарм открывался впечатляющий вид на побережье. Терраса, которую здесь строят, действительно будет приятным местечком. Я начинал догадываться, зачем Санже понадобилось покупать эти дома.

Месье Мови, агент, подтвердил мои догадки.

— Да, такое сейчас происходит вдоль всего побережья. Те, у кого есть свободные деньги, покупают старые крестьянские дома — лишь бы были четыре стены и клочок земли — и переделывают их в виллы для горожан. Повсюду, где есть море и солнце. Даже в Сете. Сами убедитесь. К тому времени как месье Санже закончит с казармами, они будут стоить в десять раз больше того, что он потратит на покупку и ремонт. Но для этого бизнеса нужны воображение и свободные деньги.

— А месье Санже обладает и тем и другим, как я понимаю?

— О да. У него есть дома в Мужене, Кань-сюр-Мере и Рокебрюне, много домов. Он их сдает в аренду. На Лазурном берегу сейчас большая конкуренция, и цены взлетели до небес. Бельгийцы, швейцарцы, англичане — все кинулись покупать. Здесь, в Сете, строительство только начинается. Но надо торопиться — домовладельцы уже начинают понимать, что к чему.

Сначала агент решил, что я собираюсь вкладывать деньги в недвижимость, поэтому старался заполучить покупателя. Он был невысоким, худощавым, с горящими, как у терьера, глазами. И с таким же характером. Я долго не мог вернуть разговор к личности Филипа Санже, пришлось выдержать экскурсию по всем объектам недвижимости, которые имелись в его списке.

Наконец освободившись, я вернулся в отель и позвонил Саю. Тот выслушал мое сообщение без особого удовольствия.

— Ну хотя бы почтовый адрес Санже ты мог у него спросить?

— Я спросил, да только это адрес клиентской службы банка в Марселе. Санже не хочет, чтобы ему писали напрямую. Раз в неделю он звонит Мови или архитектору, чтобы узнать, как обстоят дела на стройке.

— А откуда он звонит, ты узнал?

— Нет, Мови под конец насторожился. Слишком уж я интересовался его клиентом. На мою уловку: «Интересно, не тот ли это месье Санже, с которым я познакомился прошлым летом в Каннах. Высокий такой блондин?» — он не отреагировал. Сказал только: «Возможно» — и продолжал впаривать мне двухэтажный особняк.

— И что же дальше?

— Могу попробовать получить его адрес в банке в Марселе.

— Они тебе не скажут. Посоветуют написать ему письмо, а они передадут. Надо придумать что-нибудь получше.

— Я еще пока не виделся с архитектором, но не думаю, что он знает больше, чем Мови. Может, он расскажет, как выглядит Санже.

— И что нам это даст?

— Ты сообщишь в Нью-Йорк. Покажешь, что мы тут из кожи вон лезем. Последовало враждебное молчание, затем Сай взял себя в руки:

— Пит, если у Санже столько домов на южном побережье, то, полагаю, в одном из них он живет. Надо только узнать, в каком именно. У тебя мало времени — придется их все обойти. Лучше начать сегодня же.

Мне это начинало надоедать.

— Слушай, просто скажи старому хрычу, что я провалил задание. Ведь он именно это хочет услышать.

— Но это не то, что хочу услышать я. Старику нужны результаты, и я во что бы то ни стало должен ему их обеспечить. Я не могу сказать, что ты не справился с заданием, потому что пока этого не произошло. Просто ты думаешь, что так оно и будет. Я не говорю «надеешься», потому что в таком случае ты выставишь себя полным дураком.

Внезапно Сай подобрел.

— Так что давай, действуй. И, Пит, больше оптимизма, договорились?

— Меня от тебя тошнит.

Он повесил трубку.

Я переночевал в Арле и на следующее утро поехал через Экс-ан-Прованс по направлению к Каннам. Мужен расположен в одной-двух милях от Канн, по дороге в Грас. Я приехал почти сразу после полудня.

Очаровательный маленький городок примостился на горе. Канны лежат внизу, а за ними море и острова Иль-де-Лерен. Когда-то это был просто рынок для окрестных фермеров, но в последние годы он стал модным местом: все прелести Канн под рукой и в то же время не слишком близко, а в сезон здесь гораздо прохладнее, чем в Каннах. И тише. У Пикассо здесь дом.

Я припарковался напротив мэрии и зашел в кафе.

В глубине зала, у старомодной оцинкованной стойки, стояли двое мужчин в черных костюмах и пили красное вино. Еще один мужчина, очевидно, владелец, хозяйничал за стойкой. За столиками никого не было.

Я подошел к стойке и заказал виноградной водки.

Мужчины в черном обсуждали автомобильную аварию, в которую попал один из них. К владельцу обращались за юридической консультацией.

Это был коренастый толстяк с заметным брюшком, пронизательным взглядом и энергичными манерами. Совет, данный им мужчине, который считал себя пострадавшей стороной, оказался нестандартным, но весьма разумным. Хозяин кафе порекомендовал ему выкинуть из головы адвокатов и иски, а вместо этого сыграть сегодня вечером с женой в «кис-кис-мяу», а потом заняться с ней любовью в экзотической позе.

Мне было позволено присоединиться к общему смеху.

За прилавком появилась жена хозяина — невысокая крепкая женщина с приветливой улыбкой, открывшей золотые зубы. Она хотела узнать, по какому поводу смех. Пострадавший изложил ей немного смягченную версию совета, который дал ее муж, и последовал новый взрыв смеха, к которому она присоединилась от всей души. Правда, заметив меня, мадам тут же сделала вид, будто отчитывает мужа.

— Бесстыдник! Что люди подумают?

— Мадам, — вмешался я, — я как раз собирался тоже попросить у вашего мужа совета. Может, мне лучше спросить у вас?

В ответ последовал вежливый смешок, и все оглянулись в мою сторону.

— Месье? — спросил хозяин.

— Я хотел бы снять на лето виллу, — сказал я. — Моей жене нравится тут, в Мужене. Вы не подскажете, в какое агентство лучше обратиться?

Он пожал плечами.

— Агентств тут много, все зависит от того, какой дом вам нужен.

— Многие виллы сдаются через каннские агентства, — вмешалась мадам. — Вам большой дом или?..

— О нет, маленький.

— «Мортен»? — предложил потерпевший.

Хозяин покачал головой:

— Нет, маленькую виллу лучше поискать у «Литторали».

Когда я записал, мужчины начали обсуждать разные агентства. Я подумал, что можно попробовать рискнуть, как советовал мистер Каст.

Я сказал:

— Мадам, мои друзья снимали виллу у месье Санже. Может, вы знаете, с каким агентством он работает?

— Нет, месье. Но если уж вы здесь, то можете спросить его сами. Или лучше мадам Санже. У них арендой занимается она.

— Месье Санже здесь?

— Да, он живет тут неподалеку.

Она повернулась к мужу:

— Альберт, как называется вилла месье Санже?

— «Валентина».

— Нет-нет. Они поменяли название, когда пристроили террасу. — Она прищелкнула пальцами. — Вспомнила! «Суризетт». Я помнила, что слово какое-то не французское — «Суризетт».

Все оказалось очень просто.

II

Вилла «Суризетт» — переделанный крестьянский дом на окраине города — стояла на склоне горы, обращенном в сторону Граса. К ней вела старая проселочная дорога, мощенная булыжником и с обеих сторон обсаженная олеандрами. Живая изгородь из можжевельника закрывала дом от дороги. Ворота не было, но аккуратный, профессионально оформленный плакат предупреждал, что передо мною частная собственность и хозяева держат злую собаку. Похоже, жизнь на вилле протекала в комфортном и элегантном уединении.

Я остановил машину на дороге, раздумывая, что сказать Санже.

Если я сразу, с порога, заявлю, что хочу увидеть Люсию Бернарди, мне скорее всего дадут от ворот поворот. Если я буду настойчив, меня попросят удалиться. Если я откажусь, он либо сам вышвырнет меня вон, либо вызовет полицию. Второе будет означать, что он полностью в себе уверен. К тому же полиция потребует от меня объяснений, а я не могу ничего сказать, не провалив задания. И даже если Санже не станет звать полицию — его отказ перекроет мне все пути, а ему мой визит послужит предупреждением, и он будет настороже.

Дело осложнялось еще и тем, что я ни на минуту не верил информации, которой меня снабдило начальство.

Я уже решил было вернуться в город, позвонить Саю и попросить дальнейших указаний, но вспомнил, с каким тошнотворным энтузиазмом он разговаривал со мной накануне, и передумал.

Теперь ведь не скажешь, что я ничего не сделал; я узнал, где живет Санже, и поэтому могу сам решать, как мне действовать дальше.

Я снял комнату в маленькой гостинице в Мужене, потом узнал номер виллы «Суризетт» и позвонил.

Ответил женский голос с сильным южным акцентом — должно быть, горничная или экономка. Я попросил месье Санже. Она спросила, кто звонит, и я, пробормотав что-то, повесил трубку. По крайней мере он там.

Я постарался поставить себя на его место.

Если отвлечься от Люсии Бернарди, мы имеем профессионального мошенника, который добился успеха в своем деле и выгодно вложил средства в недвижимость. Возможно, Санже не оставил занятий мошенничеством, но в настоящий момент он живет как добропорядочный французский гражданин, во Франции, под своим настоящим именем. Почему бы и нет? Согласно информации из Нью-Йорка, никто так и не сумел предъявить ему обвинений даже в Германии и Италии, где он действовал. Во Франции он может себя чувствовать в полной безопасности.

Однако в его положении должны быть уязвимые места. И я кое-что нащупал.

Купив три дома в Сете, Санже дал адрес одного из них как место своего постоянного жительства. С точки зрения закона он имел на это полное право, несмотря на то что дом был необитаемым. Важно лишь, что это существующий почтовый адрес. Впрочем, совершенно очевидно, что он сделал это для прикрытия, точно так же как адрес в марсельском банке был прикрытием. Хотя Санже покупал недвижимость на свое настоящее имя (вымышленное могло бы вызвать трудности в дальнейшем), он осознанно или инстинктивно сделал все, чтобы его было трудно найти.

Я придумал, как воспользоваться этой его слабостью.

После шести сразу стемнело. Я позвонил в Париж и сообщил свой номер телефона, но разговаривать с Саем не стал. Потом немного выпил и отправился на виллу «Суризетт». Подъезжая, я видел сквозь живую изгородь, что в окнах горит свет.

Дом на самом деле был больше, чем казался с дороги: очевидно, новый владелец надстроил второй этаж. Двор старой фермы превратился в огороженный стенами сад, через который надо было пройти, чтобы попасть к главному входу. По обе стороны тяжелой двери из резного дуба стояли каменные вазы с ампельными растениями. Дорогу освещали старинные каретные фонари, переделанные под электричество. Как только я ступил на мощеные дорожки сада, залаяла собака. Я позвонил в звонок; лай стал громче и злее. Вскоре я услышал, как горничная с южным акцентом приказала собаке замолчать.

Когда дверь открылась, горничная одной рукой придерживала собаку за ошейник. Меня это не очень успокоило: горничная была невысокая хрупкая женщина, а пес — огромный эрдель. Он снова залаял на меня. Она рассеянно его шлепнула.

— Да, месье?

— Я бы хотел поговорить с месье Санже.

— Он вас ждет?

— Нет, но думаю, он меня примет.

Я протянул ей визитку парижского бюро.

— Подождите, пожалуйста.

Она захлопнула дверь. Я ждал. Через минуту или две горничная вернулась, на сей раз без собаки, и протянула мне мою визитку.

— Месье Санже сожалеет, что не сможет вас принять.

— А когда сможет, мадам?

— Месье Санже не хочет общаться с прессой. — Она говорила, запинаясь, словно повторяя слово в слово. — Он сожалеет...

И начала закрывать дверь.

— Одну минутку, мадам. Пожалуйста, передайте ему вот это.

Я написал на задней стороне карты: «Касательно мистера Патрика Чейза» — и вернул ее горничной.

Та замаялась, потом снова закрыла дверь.

В этот раз ждать пришлось дольше, но, открыв дверь, горничная посторонилась, чтобы я мог войти.

— Только недолго. Вы же понимаете, у месье и мадам планы на вечер.

— Разумеется.

Я оказался в холле, где была лестница, ведущая на второй этаж, к спальням, и арка в гостиную. Раздвижные стеклянные двери отделяли гостиную от террасы за ней.

Когда я вошел, из арки вышла женщина в широких брюках и шелковой рубашке.

На вид ей было около тридцати пяти, крашеная блондинка. В руках она держала журнал «Реалии», запястья украшали тяжелые золотые браслеты. Когда я посторонился, чтобы дать ей пройти, она окинула меня беглым взглядом. У таких женщин обычно бывает веселая, обаятельная улыбка, но сейчас она была серьезна и старательно делала вид, будто мой визит ее совершенно не интересует.

Я пробормотал:

— Добрый вечер, мадам.

Судя по равнодушному тону, с которым она произнесла «Месье», женщина уже забыла о моем присутствии. Собака, шедшая следом за ней, остановилась, подозрительно меня обнюхала и затем потрусила вверх по лестнице за хозяйкой.

— Сюда, месье.

Горничная провела меня через гостиную, устланную мягкими коврами (я узнал несколько обюссонских) и обставленную удобной мебелью, мимо висевшей на стене большой картины Брака к уставленному книгами алькову и камину из резного камня, в котором горели поленья. Человек в кресле отложил книгу, снял очки и поднялся мне навстречу.

Филип Санже, он же Патрик Чейз, оказался высоким, подтянутым, симпатичным мужчиной с приветливой улыбкой. Он был одет в широкие фланелевые брюки и кашемировый свитер с шелковым платком, свободно повязанным вокруг шеи. Цвет лица желтоватый, но здоровый, в темных выующихся волосах ни намек на седину. Глаза настороженные и выразительные, рот одновременно решительный и улыбающийся.

Он взглянул на мою визитку и протянул руку:

— Рад вас видеть, месье Маас, хотя ваш визит меня немного удивил. Я имею в виду, его цель. Садитесь, прошу вас.

Санже говорил по-французски со слегка повышающейся интонацией, что делало каждое его предложение похожим на вопрос.

— Спасибо. Очень любезно с вашей стороны, что вы согласились меня принять.

Когда я сел, он продолжил:

— Мужен далеко от Парижа. Интересно, почему в редакции ведущего американского журнала сочли, будто я знаю нечто такое, что может заинтересовать его читателей.

Я ответил по-английски:

— Сейчас публику интересует все, что касается Люсии Бернарди.

Мой собеседник вроде как не расслышал имени девушки. Вежливо улыбнувшись, он произнес:

— О, вы говорите по-английски. А ваше имя...

— Я голландец, мистер Санже. Вы предпочитаете английский или французский?

Его улыбка немного потускнела.

— Мне абсолютно все равно, мистер Маас. Но я бы хотел узнать, о чем пойдет речь.

— О Люсии Бернарди.

Он выглядел слегка озадаченным и заинтересованным одновременно. Если он и притворялся, то весьма убедительно. У меня зародились сомнения. Возможно, сведения о том, что Патрик Чейз и Филип Санже — одно и то же лицо, ошибочны.

— Люсия Бернарди? Это та женщина, которую разыскивает полиция? Мне кажется, я что-то об этом слышал.

— Вы не могли об этом не слышать, мистер Санже. Ее история была во всех газетах.

Он пожал плечами:

— Мы тут не очень следим за новостями. Так или иначе, я по-прежнему не понимаю, какое отношение это имеет ко мне.

— Люсия Бернарди познакомилась с полковником Арбилем в Швейцарии, в Санкт-Морице. В то время она была с американцем по имени Патрик Чейз. У меня есть данные, мистер Санже, что Патрик Чейз — ваш друг. Я бы хотел поговорить с ним об этой девушке.

Он посмотрел на меня немного беспомощно.

— Понимаю, вы бы хотели взять у него интервью, но, боюсь, вы и ваши коллеги пошли по ложному следу. Да, я знаю Патрика Чейза. Он интересовался покупкой одного дома в Италии, которым я в то время занимался. Вообще-то все так и закончилось ничем. Однако Чейз мне не друг, скорее просто знакомый. Должно быть, вас неправильно информировали. Не вижу, чем я могу вам помочь.

— Вы не подскажете, как с ним связаться?

Санже огорченно покачал головой.

— Он действовал от имени сети итальянских отелей. Возможно, если вы напишете им... — Он оборвал фразу. — Одного я не понимаю: почему вы пришли ко мне? Кто дал вам мое имя и адрес?

Его поведение по-прежнему выглядело совершенно естественно, но я внезапно почувствовал, что нью-йоркскому источнику можно верить.

Вопрос: «От кого вы узнали мое имя?» — вполне естественен для Филипа Санже, но два дополнительных слова «и адрес?» — уже нет. Если Филип Санже и Патрик Чейз — действительно одно лицо, то теперь он беспокоится о своем прикрытии. В таком случае он хочет узнать, где образовалась дыра и насколько она велика, и сейчас старается вытянуть из меня эти сведения.

Я произнес извиняющимся тоном:

— Прошу прощения, мистер Санже, мы не выдаем наши источники информации.

— А, понимаю, профессиональная этика.

На мгновение от былой приветливости не осталось и следа, затем, словно отбросив раздражение, Санже поднялся на ноги.

— Я так удивился, что даже не предложил вам выпить. Что вам налить, мистер Маас: скотч, джин, шнапс? — Он уже направлялся в сторону столика с напитками.

— Скотч, пожалуйста.

— Сода, вода, лед?

— Соду и лед, пожалуйста.

Я смотрел, как Санже смешивает коктейль. По-видимому, сам он пить не собирался. Его движения были очень точны и экономны, руки не дрожали. Все под контролем. Я решил немного надавить.

— Спасибо. — Я взял у него стакан. — Скажите, мистер Санже, а что собой представляет Патрик Чейз?

— Вас интересует, как он выглядит?

— Ну, как бы вы его описали? Не только внешность. Скорее, общее впечатление.

— Типичный американский бизнесмен.

— Куча денег?

— Трудно сказать. Он интересовался вложениями в европейскую недвижимость, но преимущественно как посредник.

— Биржевой спекулянт?

— Возможно.

— Вы ведь не американский гражданин, мистер Санже?

— Нет, я учился в Америке во время войны. — Он улыбнулся. — Думаю, вам это известно. В чем же истинная цель вопроса?

— Проверить правдивость ответов, мистер Санже. — Я поставил стакан на столик. — Мне сказали, что между вами и Патриком Чейзом существует очень тесная связь. Теперь вы говорите, что это не так. Естественно, я хочу выяснить, насколько верна остальная информация.

Давление, похоже, сработало; Санже вернулся к столику с напитками и налил себе кампари с содовой.

— У меня мало времени, — сказал он, бросив на меня взгляд через всю комнату, — но если вы расскажете мне все, что знаете, я скажу вам, правда это или нет.

Я ответил не сразу. Он должен был чувствовать, что для собственной же безопасности ему выгоднее мне помочь, но я не знал, как внушить это понимание.

— Для начала мне бы хотелось быть уверенным, что вы мне доверяете.

Санже вернулся к своему креслу, однако садиться не стал. Теперь он внимательно меня разглядывал:

— Доверяю чему?

— Правдивости моих слов, мистер Санже. Если честно, мне представляется, что информация, которой я располагаю, может быть весьма полезна для вас. Но мне бы хотелось быть уверенным, что я, в свою очередь, получу от вас нужные мне сведения.

Он снова улыбнулся:

— Ну, в таком случае это вам нужно доверять мне.

— Не совсем. Видите ли, меня интересует Люсия Бернарди. Не вы, месье Санже, и не Патрик Чейз. Но если я не смогу написать статью о Люсии Бернарди, мне придется писать о вас троих.

Он сел в кресло. Я обрадовался, поскольку в какой-то момент мне показалось, что он вот-вот швырнет стакан мне в лицо. И я бы его понял.

— Похоже на шантаж, — сказал он.

Я снова взялся за стакан. Сейчас глоток спиртного был как нельзя кстати.

— Это шантаж и есть. Прошу прощения, мне это не нравится, но...

— Да ради Бога! — воскликнул он сердито. — Избавьте меня от ваших причитаний. Выкладывайте, что там у вас. И если окажется, что ваша информация ничего не стоит, я вам все зубы пересчитаю.

Передо мной возник совершенно другой мистер Санже, гораздо менее обходительный. Меня это превращение порадовало.

— Отлично, — сказал я. — Во-первых, вы хотели узнать, откуда я знаю ваш адрес. Шесть месяцев назад вы купили кое-какую недвижимость в Сете.

— Ну и что?

— Документы на покупку были обнаружены при обыске багажа Патрика Чейза. Я понятия не имею, где был обыск. Наверное, вы осведомлены об этом лучше меня. Копию отчета передали в Интерпол. Там сказано, что Санже и Чейз — один и тот же человек.

— Тогда почему ко мне до сих пор никто не пришел?

— Потому что полиция Санкт-Морица проверяла вас гораздо раньше, чем поступил этот отчет. Детективы не связали Люсию Бернарди с Филипом Санже. Они связали ее только с Патриком Чейзом.

Он выразительно посмотрел на меня, но ничего не сказал.

— Разумеется, — продолжил я, — когда швейцарская полиция начнет перепроверять, ваше имя обязательно выплывет, и тогда полиция, а также множество других людей нарушат ваше уединение. Если только... — Я замолчал.

— Если что?

Но он знал.

— Если только Люсия Бернарди не найдется. Как только это произойдет, они тут же потеряют интерес к ее прежним связям.

По его реакции ничего нельзя было понять. Он пробормотал: «Черт!» — и вернулся к столику с напитками, чтобы плеснуть немного джина в кампари с содовой.

Я встал, чтобы видеть его реакцию, и спросил:

— Вы знаете, где она сейчас?

Реакции не последовало. Словно не услышав моего вопроса, Санже крикнул через всю комнату:

— Chrie, viens! [\[50\]](#)

Его жена появилась на пороге. Очевидно, она стояла в прихожей, где могла слышать наш разговор.

— Сказать Мари, что за обедом нас будет трое?

— Да, дорогая, пожалуйста, — ответил он вяло.

Перед тем как уйти, она посмотрела на меня и улыбнулась:

— Надеюсь, вы пообедаете с нами, месье Маас?

— С удовольствием, мадам, благодарю вас.

Она снова улыбнулась. Ее улыбка меня встревожила. Это была не просто вежливость. Почему-то мое согласие остаться на обед вызвало искреннюю радость.

III

Филип Санже, он же Патрик Чейз, встретил Люсию Бернарди в Париже.

— У меня там наклеивалась одна сделка, — сказал он.

— Какого рода сделка?

Он вздохнул.

— Послушайте, мистер Маас! Ведь вас интересует Люсия, не так ли? Если вы будете задавать не относящиеся к делу вопросы, разговор получится очень скучным. Как вы уже выяснили, я занимаюсь недвижимостью: покупаю старые дома, благоустраиваю их, а затем продаю или сдаю в аренду. Это мой бизнес, и в докладе нет ничего, что бы этому противоречило.

50...Зайди, дорогая! (фр.) — Здесь и далее примеч. пер.

— Как скажете. Вы тогда жили под именем Патрика Чейза?

— Нет, я никогда так не делаю во Франции. — Он снова говорил очень искренне и убедительно. — Если честно, я использую Патрика Чейза только для того, чтобы платить меньше налогов при международных сделках. Поймите, это не вымышленное имя.

— Un nom de guerre, [51] — объяснила мадам.

— Вот именно, — подтвердил Санже. — Вы же не называете названия корпораций «вымышленным именем».

Я не стал говорить, что корпоративные схемы работы не предполагают использования поддельных американских паспортов. В конце концов, хоть я и шантажировал хозяина, я был гостем в его доме. Почему бы в таком случае не дать ему сохранить лицо?

— Так, значит, вы познакомились в Париже. Чем она занималась?

— Работала в магазине. Знаете такие лавочки на Елисейских полях, которые продают по дешевке духи иностранным туристам? Ну, вот в таком. Я зашел туда вместе со своим немецким другом, который накупил там кучу всякого добра для жены. Там я ее и заметил. Она меня заинтересовала.

— Она очень красива, мистер Маас, — сухо сказала мадам. — На фотографии в газете этого не передашь. И к тому же очень умна.

— Вы ее знаете, мадам?

— Да, Филип меня с ней познакомил. Он ценит мое мнение в подобных вопросах. Это необходимо для нашего бизнеса, но нельзя же использовать для таких дел жену.

Это было сказано спокойно и с улыбкой. В голосе не было слышно горечи, и все равно она отчетливо чувствовалась. Очевидно, в былые времена мадам Санже была партнером в преступном бизнесе своего мужа и теперь немного ревновала его к более молодым женщинам, занявшим ее место.

Я взглянул на Санже. Он сидел как ни в чем не бывало.

— Ну, сами понимаете, — просто сказал он.

Я понимал, однако хотел послушать его объяснения.

— Нет, — сказал я. — Я не совсем улавливаю.

Он досадливо махнул рукой:

— Допустим, у вас намечается сделка. Вы хотите продать, а ваш партнер — купить. Или наоборот.

В большинстве случаев — продать, подумал я.

— Это игра, — продолжил он, — у вас обоих, разумеется, на руках ничего нет. Если вам удастся убедить противника, что он вас обманывает, вы получаете преимущество. Вам надо показать ему что-то, что он сможет и захочет украсть.

— Например, вашу любовницу?

— Именно. Если ваш партнер нервничает или чувствует себя виноватым, то он уже не думает о деле.

Санже блеснул глазами в сторону жены.

— Только девушка ненастоящая! Она просто... часть плана. Прием психологической войны, — заключил он немного невпопад.

Жена одарила его нежной улыбкой и позвонила в колокольчик, чтобы горничная принесла кофе.

Я вернулся в гостиную следом за ним.

— А как давно вы познакомились с Люсией?

— Ах, дайте вспомнить... Года два назад, а может, и меньше... В сезон она работала здесь на юге, и в Париже не была больше месяца.

— Работала в парфюмерном магазине?

— Да. Знаете, что меня в ней заинтересовало больше всего? Да, она красавица, но это еще не все. Она невероятно ловко управляет с числами.

— То есть с деньгами?

— Ну, в каком-то смысле. Вы никогда не обращали внимания, как вам выписывают счет в этих магазинах? Сначала высчитывают скидку на бумажке, потом переводят франки в доллары, потом вычитают налог и получают окончательную сумму. Это занимает уйму времени. А Люсия считала в уме, без всякой записи. Настоящий быстрый счет.

— Не очень-то это ей помогло, когда у нее был свой магазин в Антибе.

— Уверен, дело было не в ней, а в партнерше.

— И что потом?

— Мы с Аделью подружились с ней и немного поговорили обо всем.

— И нашли в ней родственную душу.

— Она большая умница. Кроме шуток. И любит деньги.

— И вы поехали в Санкт-Мориц.

— Нет, сначала мы провернули сделку в Мюнхене, а уж оттуда перебрались в Санкт-Мориц.

— И встретили полковника Арбия. Он был намечен следующей жертвой?

Санже уставился на меня с изумлением:

— Арбий — жертва? С чего вы взяли?

— Так думает полиция. Они запросили данные на вас у Интерпола. Вы ведь знали, что за вами следят?

Он рассмеялся:

— Швейцарцы вечно за кем-то следят. Это абсолютно ничего не значит.

— Тогда почему вы сбежали в Италию?

— Сбежал? — Он раздраженно вздохнул. — Я уехал. Послушайте, вы хотите, чтобы я вам рассказал, или нет?

— Продолжайте.

— А случилось вот что. Арбиль собирался заняться бобслеем, но у него не получилось. Он увидел Люсию и с первого взгляда в нее влюбился. Мы не могли от него отделаться. А через несколько дней Люсия тоже не устояла. И теперь она хотела, чтобы я оставил ее в покое.

— И вы уехали?

— Мы все обсудили. Поймите, Люсия не потаскушка и не спит с кем попало. Она действительно влюбилась. Даже предложила мне вернуть свою долю от мюнхенской сделки, чтобы я ее отпустил. Я понял, уговаривать ее бесполезно.

— И взяли деньги.

Санже покачал головой:

— Люсия хорошая девушка, но...

Он замолчал, словно забыл, что собирался сказать.

В комнату вошла жена. Она закончила предложение за него:

— Люсия не станет сознательно сводить с нами счеты, но для ее же собственной пользы было бы лучше, если бы она не распространялась о нашем бизнесе.

— Адель имеет в виду налоговое законодательство Западной Германии, — пояснил он твердо.

Вошла горничная с кофе. Санже достал стаканы для бренди.

— Когда вы в последний раз видели Люсию? — спросил я его.

— В тот день, когда уехал из Санкт-Морица.

Его жена протягивала мне чашечку кофе. На секунду ее рука замерла в воздухе, она обернулась, словно хотела что-то добавить к его словам. Затем, похоже, передумала. Я взял кофе, поблагодарил и поставил чашку на столик рядом с собой.

Хозяин на другом конце комнаты наливал бренди. Я понизил голос, чтобы он напряг слух.

— Понимаете, мадам, я оказался в очень сложной ситуации. Нью-Йоркский офис требует от меня историю Люсии Бернард. Вы слышали, ваш муж назвал меня шантажистом, и мне было нечего ему возразить. Поверьте, я сам не в восторге от ситуации, но без вашего мужа мне не справиться.

— Уверена, он сделает все, что в его силах.

— Сделаю, — сказал он, ставя стакан с бренди на столик рядом со мной.

Я посмотрел ему в лицо.

— Вы правда не знаете, где она сейчас, месье Санже?

— Если бы знал, то обязательно сказал бы.

— Seriously?

— А вы сомневаетесь?

— Хорошо, как в таком случае вы собираетесь мне помочь?

Санже сел напротив меня и взял свой кофе.

— Найти ее, разумеется.

— И где вы будете искать?

— У меня есть пара идей.

Он отхлебнул глоток и снова поставил чашку на столик.

— Я сделаю все, что могу, поскольку это в моих же интересах. Только потребуется время.

Я не стал возражать. Похоже, Санже намерен тянуть резину. Если он действительно не знает, где девушка, ему больше ничего не остается.

— Не поделитесь со мной этими идеями?

Он не ответил прямо на мой вопрос, а обратился к жене:

— Дорогая, помнишь, когда мы познакомились с Люсией и пригласили ее пообедать с нами в «Фуке»? Помнишь, она говорила о горных лыжах, что она их просто обожает?

Его жена кивнула:

— Да, помню.

— Когда я решил поехать в Санкт-Мориц, эта тема опять всплыла. Люсия очень расстроилась, потому что все ее горнолыжное снаряжение осталось в доме тетушки, в Ментоне. Она хотела за ним съездить. Естественно, меня это не устраивало, и я пообещал купить ей все необходимое в Санкт-Морице. Она отнеслась к предложению без энтузиазма, заявила, что таких ботинок, как у нее, нигде не купишь. Пока мы обсуждали эту тему, она сказала, что до того, как переехать в Париж, ездила кататься каждый год. Родители брали ее с собой в деревушку Пьера-Кава, что в горах рядом с Ниццей. Люсия сказала, что это место не очень популярно у туристов, поэтому там все дешевле, хотя склоны не в лучшем состоянии. Это во Франции, рядом с итальянской границей, примерно в сорока километрах от Ниццы.

— Думаете, она поедет туда, где ее могут узнать?

— Нет, не в гостиницу или пансион, конечно.

— У нее там есть друзья?

Он хмыкнул:

— Не совсем. Но она мне кое-что об этом месте рассказывала. Помните лесбиянку, с которой они вместе держали магазин в Антибе?

— Генриетту Колен?

— Да, точно, Генриетту. Так вот, три года назад, еще до того, как они разорились, Люсия взяла Генриетту с собой в Пьера-Кава на рождественские каникулы. Генриетта не каталась и злилась на весь свет. Вдобавок в безумном отеле, где они остановились, вышло из строя отопление, и персонал раздавал постояльцам горячие кирпичи, завернутые в газету, чтобы они могли согреть руки. Генриетта никуда не выходила, сидела, закутавшись в одеяла, и прижимала к сердцу кирпич, нагретый в камине гостиничного бара. Люсия предложила ей вернуться в

Антиб, но та отказалась возвращаться одна. Люсия хотела кататься? Вот пусть и катается. А Генриетта будет страдать. А потом неожиданно она нашла друга.

Санже встал и подлил мне бренди.

— Генриетта нашла друга?

— Совершенно верно. Старушку, которая заходила в бар за сигаретами. Они разговорились. Владелец отеля сказал Генриетте, что старушка — вдова промышленного магната и у нее куча денег. Она живет в большом шале примерно в километре от деревни, одна, если не считать прислуги — пожилой супружеской четы. Она немного странная, конечно. Хозяин не сообщил, насколько странная, и Генриетта не насторожилась. Когда старушка сказала, что у нее в доме гораздо теплее, чем в отеле, и предложила Люсии и Генриетте перебраться к ней на все оставшееся время отпуска, Генриетта страшно обрадовалась. Люсия не возражала, готовая на все, лишь бы Генриетта перестала ныть. Кроме того, она прониклась к старушке симпатией и сочувствием. Да и экономия на отеле тоже имела значение. В общем, они переехали.

Санже замолчал.

— Полагаю, старушка действительно оказалась очень странной.

Он кивнул.

— Она была эфироманкой.

— Кем, простите?

— Пила эфир. Уже много лет. Могла выпить до пятисот грамм. Неделю или дней десять она держалась, а потом уезжала в Ниццу и возвращалась с большой синей бутылкой. Запой длился два или три дня. Тем, кто хочет надраться до бесчувствия, все равно, что пить. И эфир не самое худшее. Он действует быстрее, чем алкоголь, и менее токсичен, а похмелья почти не бывает. Конечно, все относительно; некоторые даже и думать об этом не могут. Когда Генриетта узнала, во что влипла, она не выдержала и вернулась в Антиб. А Люсия осталась.

— Почему? — Теперь вопросы задавала мадам. Я не возражал. Мне самому было интересно.

Санже на минуту задумался.

— Думаю, с одной стороны, она была рада избавиться от Генриетты. Не удивлюсь, если это случилось как раз в тот момент, когда их бизнес стал разваливаться. Кроме того, ей хотелось еще покататься. И потом... вряд ли Люсия обращала на старушку много внимания. Она не боялась людей и не стала бы убегать.

— Она ведь сбежала с виллы в Цюрихе, — напомнил я.

— Значит, у нее на то были серьезные причины.

— Вы сказали, вместе со старушкой живет супружеская пара. Если Люсия там, они ее выдадут.

— Что за ерунда! — воскликнул Санже. — Конечно, нет. Люсия говорила мне, что эти двое ни словом не обмолвились о делах своей хозяйки. В деревне знали, конечно, потому что время от времени она появлялась там, накачавшись до бровей, и от нее разило, как в операционной. Но прислуга никогда не сплетничала. Они вообще-то не местные.

Санже пожал плечами.

— Так или иначе, попробовать стоит.

— Я знаю, как найти Генриетту Колен, — сказал я. — У нее можно узнать адрес.

Он сжал губы.

— Немного рискованно, вам не кажется? Вы зароните ей в голову эту мысль. Допустим, она скажет кому-то еще. Возможно, даже полиции. Нет, по-моему, лучше всего вам съездить туда самому и расспросить на месте. Сезон уже кончается, приезжих почти не осталось. Это будет нетрудно. Можете завтра с утра и отправиться.

И вернуться только вечером, понапрасну потратив весь день, подумал я. Поводов для подозрений у меня не было. Я попросил его о помощи и вроде бы получил ее. Но было в его «лучше съездить туда самому» и «можете завтра отправиться» нечто такое, что мне не нравилось. Я представил, как еду вдоль всего южного побережья Франции в какую-то глухую деревню, а Санже в это время сидит перед камином, обдумывая, куда пошлет меня на следующий день охотиться за призраками.

— Вы говорили, у вас несколько идей, — сказал я. — Как насчет остальных?

— Она может остановиться в каком-нибудь частном санатории.

— Об этом должно быть известно сразу нескольким людям. С какой стати они пойдут на укрывательство?

— Считается, что полиции известно место ее нахождения, но оно не разглашается.

— Да, несколько газет высказывалось в подобном духе. У вас есть какие-нибудь факты, подтверждающие эту точку зрения?

— Если вас интересует, есть ли у меня связи в здешней полиции, то ответ «нет». Но я по-прежнему считаю, что Пьера-Кава — ваш шанс.

Я поставил бренди на столик.

— Наш шанс, мистер Санже, — уточнил я. — Крайний срок, когда я должен передать материал в редакцию, — пятница, до полудня. Я получил от вас достаточно информации для материала о пропавшей девушке в бикини. И если я не найду ничего получше, то я его опубликую. Сегодня вторник. Предлагаю вам поехать в Пьера-Кава вместе со мной. Если мы вдруг найдем там Люсию Бернади, вы объясните ей, что я не собираюсь натравливать на нее полицейских. Мне только нужно узнать,

что случилось в Цюрихе и почему. Потом она может снова исчезнуть, если ей так хочется.

Мадам Санже чуть подалась вперед:

— Вы это серьезно, месье Маас?

— Разумеется. Насколько мне известно, она не совершила никакого преступления — по крайней мере во Франции или Швейцарии. Но вряд ли она захочет со мной разговаривать. Ваш муж скорее может рассчитывать на ее доверие.

— А если вы не найдете ее в Пьера-Кава?

— Я больше не могу понапрасну терять время. Придется вернуться в Париж.

Санже хмыкнул:

— Писать статью, которая испортит нам жизнь.

Я промолчал.

Он вздохнул:

— Хорошо, я поеду с вами. В десять утра?

— Я за вами заеду.

Я поднялся, чтобы идти, и заметил, что мадам Санже снова улыбается. Она, судя по всему, была довольна, когда я сказал, что останусь на обед. Теперь она была рада, что я ухожу. И я не мог ее за это винить.

IV

Вернувшись в гостиницу, я позвонил Саю домой. Говорили, что они с женой устраивают отличные вечеринки, и, судя по доносившемуся до меня смеху и обрывкам разговора, я попал как раз в такой момент.

— Да, Пит, слушаю. Как твои дела?

Судя по тону, он уже выпил.

— Кажется, я напал на след.

— Серьезно? Вот видишь?

Он сдержанно обрадовался.

— Я сказал «кажется». Завтра к вечеру узнаю наверняка.

— Ты больше ничего не хочешь мне рассказать?

— Только одно. Вполне возможно, что у меня будет история. Может, даже потрясающая.

— Просто история его не устроит.

— Не исключено, что не получится вообще ничего... Да, и еще. Ты не возражаешь, если я куплю фотоаппарат?

— Фотографировать девушку?

— Скорее, мужчину. Не хочу нанимать местного фотографа.

— Нет, ради Бога, не надо! — Он помолчал. — Ты умеешь фотографировать, Пит? Чтобы годилось для журнала?

— Да что там уметь? Наводишь и жмешь на кнопку. Думаю, в магазине покажут, как вставить пленку.

Внезапно он повысил голос:

— Прекрати сейчас же! Я задал вопрос!

— Умею, разумеется, и я не привык, чтобы со мной разговаривали в таком тоне. Так я покупаю?

— Ладно, покупай. Однако я должен знать, что там у тебя происходит. Это не телефонный разговор, я понимаю, но ты хоть как-то намекни. Ты нашел, кого искал?

— Завтра станет понятно.

— А откуда тогда ты знаешь, что из этого может получиться история?

— Завтра все расскажу.

— О Господи, Пит! У тебя что-то наклеывается, а ты все испортишь, потому что не хочешь даже обсудить...

Я оборвал его, не дав закончить:

— Мне удалось немного продвинуться. Завтра станет понятно, есть что обсуждать или нет. Яснее выразиться я не могу. Доброй ночи.

Я повесил трубку и подождал, не перезвонит ли Сай. Не перезвонил. Пока есть опасность, пусть даже незначительная, позора и провала, он постарается держаться в стороне. Меня это вполне устраивало.

Перед отъездом из Парижа я купил снотворного и теперь, приняв сразу три таблетки, проспал пять часов.

Было еще темно, и какое-то время я лежал, раздумывая о семействе Санже и о Люсии Бернарди, которая без памяти влюбилась в Арбиля. Потом встал и принялся рассматривать фотокопии документов, которые взял с собой.

В биографии полковника Арбиля по-прежнему оставалось множество темных мест.

Он родился в 1917 году в Киркуке, в южном Курдистане, который тогда был частью Османской империи, в семье торговца шерстью. После Первой мировой Киркук стал частью Ирака. В 1932 году, когда британский мандат закончился и Ирак получил независимость, Арбиль поступил в армию кадетом. В 1936-м он получил офицерское звание и был отправлен в Англию, где из него готовили разведчика и специалиста в области средств связи. В 1946 году, уже в чине капитана, его снова отправили на учебу в Англию, в Стафф-колледж, готовящий кадровых офицеров для британской армии. В Англии он женился на англичанке, но позднее она развелась с ним на том основании, что он покинул семью. В 1958-м Арбиль принял участие в военном перевороте бригадира Касема, свергнувшего короля Фейсала и провозгласившего Ирак республикой. Вскоре после этого он был назначен главой службы безопасности — ему подчинялись как полиция, так и внутренние войска. Он все еще занимал эту должность,

когда на конференции в Женеве принял решение не возвращаться на родину.

Составитель досье вложил кое-какие материалы, касающиеся курдского националистического движения, которому Арбиль сочувствовал.

Курды, как я оттуда узнал, — древний народ, обитающий в горах между советской Арменией и Сирией с севера на юг и от Керманшаха в Иране до Эрзрума в Турции с востока на запад. Таким образом, они образуют этническое меньшинство в пяти различных государствах. Их общая численность — примерно четыре миллиона человек, большинство из которых составляют мусульмане-сунниты. В курдских провинциях Ирака расположены богатые нефтяные месторождения Киркука и Мосула.

В 1920 году между странами Антанты и Османской империей было подписано соглашение, получившее название Севрского договора, согласно которому курды получали самостоятельное государство, но соглашение так и не было ратифицировано, и на смену ему пришел Лозаннский договор, разделивший Курдистан.

В 1927 году возникло курдское движение за независимость. В одном только Ираке произошло пять крупных курдских восстаний. В 1946 году при поддержке СССР в Мехабаде была провозглашена курдская Мехабадская республика, просуществовавшая одиннадцать месяцев. Затем иранской армии удалось снова взять эту область под контроль.

Согласно досье, все, кто имел дело с курдами: Александр Великий, Ксенофонт, Марко Поло и комиссия, писавшая текст мирного договора 1919 года, — пришли к одинаковым заключениям на их счет. Согласно формулировке комиссии, курды — «свирепый и коварный народ, с которым лучше не иметь никаких дел». Современный специалист по Ближнему Востоку отметил, что «свойственный им обычай стрелять во всякий движущийся объект свел вмешательство в их внутренние дела до минимума». С другой стороны, они всегда с готовностью ввязывались в дела своих соседей. Периодически случавшаяся в тех краях резня армян почти всегда была делом рук курдов.

Полковник Арбиль был курдом, да еще и начальником государственной службы безопасности в придачу. Не самое приятное сочетание. Интересно, знала ли Люсия Бернарди о его прошлом.

Сразу после девяти я отправился в город и приобрел в магазине фототехники подержанный аппарат «Роллейфлекс». Я вставил в него пленку в магазине и дополнительно положил еще пару кассет в карман. Затем вернулся в гостиницу, взял машину и поехал на виллу «Суризетт».

Остановившись на подъезде, я пощелкал дом. Отснял целую пленку. Затем вставил новую и подъехал к дверям.

Оставив фотоаппарат в машине, я подошел к парадной двери. Эрдель залаял, и горничная снова открыла дверь, держа собаку рукой за

ошейник. Она узнала меня и предложила войти. Я попросил передать месье Санже, что буду ждать его в машине.

Он появился почти сразу — в твидовом пиджаке, придающем ему вид «сельского джентльмена». Я сфотографировал его пару раз прежде, чем он заметил, а потом, уже не скрываясь, снял с близкого расстояния: он стоял прямо против солнца, и сразу за ним, в дверном проеме, видна была мадам Санже. Мне оставалось только надеяться, что глубины резкости хватит, чтобы они оба получились отчетливо, но Санже точно вышел хорошо.

— Это еще что такое? — возмутился он.

— Для страховки, — ответил я.

Мадам быстро удалилась в дом. Я видел, что Санже раздумывает, не отнять ли у меня аппарат, потом, по-видимому, решил не связываться. Я бы не смог ему помешать, просто он решил, что не стоит обострять отношения.

Санже критически осмотрел мою прокатную машину:

— Мы поедем на этой колымаге?

— Почему бы и нет?

— У меня в гараже стоит «ляпча». В ней удобней.

— Нам недалеко.

— Как хотите.

Он покровительственно улыбнулся, увидев, что я кладу аппарат в бардачок и запираю его на замок.

— Я внушаю вам подозрение?

— Конечно, — ответил я.

Санже предложил объехать Канны и двигаться по дороге на Антиб. Потом мы ехали в молчании, пока не добрались до Ниццы. Здесь он командовал, куда свернуть в лабиринте узких улочек, чтобы попасть на шоссе, ведущее в Соспель.

Машин было мало. За Л'Эскареном на дороге появился слой мокрого снега, который становился все плотнее по мере того, как мы поднимались в горы. Пришлось включить обогрев. В Пьера-Кава дорогу расчистили бульдозером, но по обе стороны от нее громоздились сугробы, а деревья стояли все в снегу. Здесь по-прежнему была зима.

— Если снег не сойдет, лыжники задержатся тут до Пасхи, — заметил Санже.

Пьера-Кава представляет собой множество разбросанных по склонам отелей и пансионатов. Когда мы приехали, время подходило к обеду. Санже предложил зайти в какую-нибудь гостиницу, при которой есть бар-ресторан.

В баре было тепло, но пусто. В ресторане официант в переднике накрывал стол на шестерых, вероятно, для сотрудников, и мы вернулись в бар.

— Вы сами будете задавать вопросы или предоставите это дело мне? — поинтересовался Санже.

— Вы тут лучше ориентируетесь. Так что давайте вы.

— Как хотите.

Он справился с этой задачей довольно необычным способом. Если бы я задавал вопросы, я бы для начала сочинил какую-нибудь историю, объясняющую мое любопытство. Мол, я останавливался в Пьера-Кава в прошлом году, познакомился здесь с очаровательной пожилой дамой, которая жила в большом шале с двумя слугами, а теперь я собираюсь приехать сюда в пасхальные каникулы, но совершенно забыл, как ее звали, и тому подобное.

У Санже был свой подход — не менее лицемерный, но гораздо более эффективный. Едва заслышав шаги официанта, он чуть повысил голос и забарабанил пальцами по столу.

— Вы, невежда, говорите мне, что это вызовет отравление, а я, доктор, отвечаю вам, что очень скоро у человека вырабатывается иммунитет. Эфир менее токсичен, чем алкоголь. Я согласен, привычка пить эфир не самая распространенная, но если она выпивает по четыреста грамм эфира за раз, это вовсе не значит, что она сумасшедшая. Можно выпить и пятьсот грамм без всяких последствий.

Официант стоял рядом с нами, держа поднос с напитками, и зачарованно ловил каждое слово. Санже бросил на него взгляд:

— Благодарю вас, мой друг.

Официант принялся расставлять бокалы. Санже снова обратился ко мне:

— И это может продолжаться долгие годы. Вы мне не верите?

Казалось, его внезапно осенило. Он взглянул на официанта.

— Хорошо, я докажу вам. Официант, скажите, вы когда-нибудь слышали, чтобы человек пил эфир?

Официант ухмыльнулся:

— Да, доктор.

Санже ухмыльнулся в ответ:

— Ну конечно! Как же ее зовут, вдову, мадам?..

Он щелкнул пальцами, как будто имя вертелось у него на кончике языка.

— Мадам Леман, доктор.

— Да, точно, мадам Леман. По пятьсот грамм каждый день! Вот, скажите моему другу, пусть убедится.

Официант посмотрел на нас немного растерянно.

— Да, так оно и было.

— Было? — переспросил Санже.

— Мадам Леман умерла полгода назад, месье. От сердечного приступа. Последовала неловкая пауза, а потом Санже снова заговорил как врач.

— Очень печально, — негромко сказал он. — Я говорил ей, что сердце у нее нездорово, когда она была у меня в прошлом году. Но я не ожидал, что конец наступит так скоро. А что с домом, со слугами?

— Слуги вернулись на родину, на север. Она завещала им кое-какие средства. Дом унаследовал ее племянник и сразу же продал его каким-то бельгийцам.

Ради официанта Санже доиграл свою роль до конца. Он значительно посмотрел на меня и снова забарабанил по столу.

— Заметьте, мой друг, она умерла от сердца, а вовсе не от эфира.

Официант улыбнулся и отошел.

Я отхлебнул из своего стакана.

— Думаю, нам лучше пообедать в Ницце, — сказал я. — Если вы не сильно проголодались.

Санже покачал головой.

V

Мы пошли в ресторан на Рю-де-Франс, где его знали. Всю дорогу назад Санже был мрачен и неразговорчив, однако теплый прием, оказанный метрдотелем, немного его ободрил. Когда мы сделали заказ, он откинулся на спинку стула и с легкой укоризненной улыбкой спросил:

— Может, обсудим идею частного санатория?

— Если это просто идея, то обсуждать ее нет смысла.

— Неужели вы серьезно настроены втянуть в это дело меня и Адель?

— Совершенно серьезно.

— Не слишком благородно с вашей стороны. Ну и что вам это даст? Вас похлопают по спине? Премируют? Подумайте, чем это грозит нам!

— Небольшим вторжением в вашу частную жизнь и ущербом для репутации, которой у вас и так нет.

— Всего лишь! Да как вы не понимаете...

Он понизил голос:

— Послушайте, Маас, думаю, вам самому это не по душе. Так стоит ли продолжать?

— Вы когда-нибудь жалели простаков, мистер Санже?

Он медленно покачал головой.

— Да ладно вам, Маас, не стройте из себя крутого парня.

— Вы так хорошо меня знаете?

Он, похоже, удивился.

— Конечно, знаю. А вы что думали? Я полночи сидел на телефоне, разговаривал с Парижем, навел о вас справки.

— Понятно. Копались в моей личной жизни?

Он снова покачал головой.

— У вас нет никакой личной жизни. У вас есть друзья, есть люди, которые вам сочувствуют, однако личной жизни, как я ее понимаю, у вас нет. Четыре исходящих звонка, четыре входящих — и я узнал о вас все, что мне было нужно.

Мне это совсем не понравилось, но я ничего не мог сказать.

— Естественно, — уточнил он, — я узнал не все, для этого мне не хватило времени.

— Ну, извините.

Санже не обратил внимания на мой сарказм.

— Конечно, — продолжил он, — у вас было трудное детство: родители погибли при бомбардировке Роттердама, эвакуация в Англию, военный сирота и все такое... Но вы были уже не маленький, вам еще повезло. Партнер вашего отца по бизнесу взял вас под свою опеку, послал учиться в хорошую школу. И после войны вам удалось получить родительское наследство. Не бог весть какие деньги, конечно, но вполне достаточно для молодого человека, только-только закончившего школу. Так почему же все пошло наперекосяк?

— Риторический вопрос.

— Не совсем. Я знаю, куда ушли деньги. Меня удивляет попытка самоубийства.

Я промолчал. Он отхлебнул кампари с содовой и снова заговорил:

— Понимаю, вы были подавлены: ваш журнал разорился. Но ведь это был не позор, как мне сказали, а «успех у избранных». Даже в ООН его цитировали. Вы потерпели неудачу, потому что не захотели снижать планку, которую сами для себя установили. А денег на такую стратегию у вас не хватило. Конечно, вы владели только долей, однако вам следовало бы знать, что экспериментальные журналы — очень рискованное предприятие. Плюс ко всему вы молоды и талантливы, у вас много друзей. И даже после банкротства вас по-прежнему любят и уважают. Зачем же кончать с собой?

Что я мог ответить? «Все просто, месье Санже. Дело не только в журнале. В тот день я вернулся домой раньше обычного и застал женщину, с которой жил, с другим мужчиной в моей собственной постели. Я попытался его убить, и у меня не получилось. Он сбил меня с ног. Три поражения в один день?.. Поэтому я позволил себе четвертое». Это вполне может сойти за честный ответ, но он неизбежно влечет за собой следующий вопрос: «Многие сталкивались с подобными унижениями и не пытались свести счеты с жизнью. Почему же вы не выдержали?» Существует два вежливых ответа: один можно сформулировать в стерильных психиатрических терминах, другой — скучным языком морали. Лично я бы ответил: «Катитесь к черту!»

Я сказал:

— Мне бы не хотелось сейчас это обсуждать.

Санже понимающе кивнул.

— Один мой знакомый как-то раз пробовал застрелиться. Он был немного пьян и совсем не разбирался в тяжелых револьверах, не знал, насколько сильная у них отдача. В результате он так и не смог в себя попасть. Получилось очень глупо. Тем не менее, наверное, он пережил катарсис, поскольку больше никогда не повторял попыток. Он прожил еще десять лет и погиб в авиакатастрофе.

Появление официанта заставило Санже замолчать, но через некоторое время он возобновил атаку.

— Вы когда-нибудь думали о том, чтобы возродить журнал?

— Много раз.

— Нужны деньги...

— И все равно затея будет весьма рискованной.

— Ну, во второй раз, конечно же, в меньшей степени. Вы ведь вынесли кое-какие уроки из прошлого провала и не повторите прежних ошибок.

Разговор начинал меня утомлять.

— На вашем месте, месье Санже, я бы занимался недвижимостью. Это гораздо надежнее, чем издательский бизнес.

Мой собеседник не хотел сдаваться.

— Думаете? — Он хмыкнул. — Возможно, вы правы. Кирпич, бетон и земля мне больше по душе. Их можно пощупать руками. Впрочем, иногда стоит рискнуть.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— И возможность избежать нежелательной огласки добавляет привлекательности этому предприятию.

Мне стало любопытно.

— Вы представляете, о каких суммах идет речь?

— Я знаю, каков был ваш первоначальный капитал. С тех пор цены, конечно, поднялись. Вероятно, вам понадобится больше. Около тридцати тысяч долларов, я бы сказал.

Я не сразу нашелся с ответом. Если мой собеседник не шутил — а судя по виду, он говорил серьезно, — то либо он гораздо богаче, чем я думал, либо куда сильнее напуган. В таком случае на карту поставлено нечто значительно большее, чем неприкосновенность его личной жизни и безупречная репутация. Похоже, если выяснится, что Филип Санже и Патрик Чейз — одно и то же лицо, ему грозит уголовное преследование.

Санже смотрел на меня, не отрываясь. Я почти физически чувствовал напряжение. Да, он мошенник и жулик, и нечего таких жалеть, и все равно я ему сочувствовал. Мне всегда грустно, когда успех, пусть даже несправедливый, оборачивается крахом. Уж слишком это знакомо.

Я вздохнул.

— Заманчивое предложение, месье Санже, вы даже не представляете, насколько заманчивое. Но давайте я обрисую вам ситуацию. От меня тут

почти ничего не зависит. Я уже пообещал своему начальству в Париже, что если не раздобуду историю Люсии Бернарди, то напишу другую, о ее прошлом. Они знают, что история существует. Поэтому...

Он быстро спросил:

— А им известно о моей роли в этой истории?

— Пока нет.

— Ну, тогда...

— Месье Санже, если я не напишу репортаж, они догадаются, в чем дело, и сразу же пришлют кого-нибудь другого. Они наймут частный самолет, будут землю носом рыть, чтобы получить историю. Даже если бы я хотел, я не мог бы прикрыть эту тему сам.

— Даже если...

— Не тратьте деньги понапрасну, месье Санже. Если вас это утешит, могу сказать, что история не обязательно попадет в печать. Начальство может решить, что публика утратила интерес к делу Арбиля, а в новом материале недостаточно фактов, чтобы этот интерес оживить. Что им в голову взбредет, я не знаю.

Санже ухватился за соломинку.

— А кто будет решать? Ваше начальство в Париже?

Я представил, как он предлагает Саю тридцать тысяч долларов, и понял, что не знаю, какая будет реакция.

— Нет, — ответил я. — Мое начальство в Нью-Йорке.

Санже задумался, его губы упрямо сжались.

— Они должны быть готовы, что их привлекут к суду за клевету, — пробормотал он.

— К этому они всегда готовы, особенно когда речь идет о европейском издании.

— Французский гражданин во Франции может устроить американскому журналу серьезные неприятности.

— Из-за утверждения, что Филип Санже и Патрик Чейз — одно лицо? Не смешите. Это данные Интерпола. Объяснение причин, заставивших вас прибегнуть к маскировке, действительно можно расценить как клевету. Однако в статье их можно и не приводить.

Санже помолчал, а потом отодвинул тарелку.

— Давайте вернемся, если вы не против. Адель будет нервничать. Я мог бы позвонить ей, но телефон прослушивается. — Он помолчал. — И у меня нет для нее хороших новостей. Она ожидает худшего.

Он снова посмотрел мне в глаза.

— Если бы речь шла только обо мне, я бы не беспокоился. Все дело в ней.

У меня не было оснований сомневаться в его словах.

На обратной дороге в Мужен мы молчали, как и большую часть нашей поездки. Однажды я заметил, что Санже смотрит на бардачок, где лежал

фотоаппарат. Думаю, он раздумывал, стоит ли ему силой заставить меня уничтожить фотографии, и, очевидно, решил, что не стоит. Когда я остановился у подъезда к вилле «Суризетт», он вылез и, не сказав ни слова, пошел в дом.

Я смотрел ему в спину и какое-то время, после того, как он уже скрылся за дверью, сидел неподвижно. Мне бы оченьгодились его тридцать тысяч долларов. Жалко, что у меня не было никакой возможности их взять.

Я поехал обратно в гостиницу.

Санже был прав относительно волнения жены, но ошибался касательно его природы.

Она ждала меня за столиком в гостиничном саду. На столике перед ней стоял полупустой бокал. Сегодня на ней было платье, а не брюки, и поэтому она казалась моложе.

Когда я подошел, мадам Санже поднялась. Я пробормотал какое-то вежливое приветствие, но она сразу перешла к делу.

— Я должна поговорить с вами, месье.

— К вашим услугам, мадам. Боюсь, у меня в номере тесно, может быть, пройдем в бар?

Она окинула взглядом сад. Консьерж видел нас из окна, однако за соседними столиками не было никого, кто мог бы подслушать наш разговор.

— Лучше здесь.

Мы сели за столик. Я решил, что правильнее будет сразу все рассказать.

— Мне очень жаль, мадам, но наша поездка сегодня окончилась полной неудачей, — произнес я.

— Я предвидела, что так оно и будет. — Она попыталась улыбнуться. — Но мой муж действительно думал, что Люсия там. И я не могла сказать ему, что это не так.

— Вы знали, что старушка умерла?

С моей стороны это было очень глупо. Еще вчера она даже не подозревала о существовании пожилой дамы, пока муж ей не сказал.

— Нет, я знала, что Люсия не в Пьера-Кава.

— Потому что вам известно, где она на самом деле?

— Да.

— А вашему мужу — нет?

Острый как бритва ум репортера наконец-то справился с тривиальной задачей.

Она кивнула.

— Вчера, когда я вас спросила, вы ответили, что не намерены выдавать Люсию полиции и всем остальным, что вам нужно только

интервью с ней; и дальше она сможет располагать собой, как ей вздумается. Вы по-прежнему так думаете?

— Разумеется. Вы знаете, где сейчас Люсия, мадам?

Она помолчала, потом кивнула:

— Да, знаю. Она обратилась ко мне за помощью. Думаю, она прониклась ко мне доверием, хотя мы едва знакомы — встречались всего два раза, и то ненадолго.

— И где же она, мадам?

Адель покачала головой, но в этом движении была скорее нерешительность, чем отказ. Я ждал. Она отхлебнула из стакана, не сводя взгляда с вазы с гиацинтами за соседним столом.

Я сказал:

— Ваш муж говорил, что не видел ее с тех пор, как вы расстались в Санкт-Морице. Это правда?

Она снова посмотрела мне в лицо.

— Не совсем. Мой муж иногда излишне осторожничает. Но даже если бы он и сказал вам, это бы ничего не изменило. Мы виделись с ней в Цюрихе месяца три тому назад. Случайно встретились в фойе нашей гостиницы. Она ходила за покупками. Полковника Арбиля с ней не было. Мы вместе пообедали. Было заметно, что она чем-то обеспокоена.

— В связи с полковником Арбилем?

— В каком-то смысле, хотя это не значит, что он ее разлюбил. Я поняла, что она чего-то боится. Как раз тогда на вилле устанавливали сигнализацию. Люсия с нами об этом не говорила, но, когда мой муж вышел на минутку, чтобы поговорить по телефону, она спросила у меня, трудно ли будет полковнику Арбилю получить во Франции вид на жительство. Я сказала, что для начала он должен обратиться к французскому консулу в Берне. Она спросила, можно ли написать мне во Францию, и я дала свой здешний адрес.

— На ваше настоящее имя?

— Нет, на девичью фамилию. Все равно мой муж был бы недоволен, поэтому я ему не сказала.

И снова на лице ее появилась полуулыбка.

— Тогда я не придавала этому значения, а теперь это, возможно, спасет нас.

— Спасет вас?

— Если бы я не дала Люсии свой адрес, у меня бы не было возможности устроить вам интервью с ней.

Она прижала руки к груди.

— Ведь это спасет нас, месье Маас? Вы никому не скажете про нас, ни редактору, ни полиции?

— Если я смогу увидаться с Люсией и поговорить с ней — моя задача выполнена. Насколько я понимаю, про вас и вашего мужа никто не вспомнит.

— Даже если это лишит вас возможности показать, какой вы умный? Ведь вы добились успеха там, где остальные потерпели неудачу.

— Я не умный, мадам. Мне просто повезло. А вот если я ничего не скажу, все решат, что я умный. Я так понимаю, вы не хотите, чтобы ваш муж об этом узнал?

— Теперь мне придется ему сказать, но сначала я хочу убедиться, что могу вам доверять.

Я ответил как можно мягче:

— Думаю, у вас нет выбора. Я полагаю, она живет в одном из небольших домов, которыми владеете вы и ваш муж. В Рокебрюне или в Кань-сюр-Мере?

Адель потрясенно посмотрела на меня:

— Этого я не могу вам сказать.

Давить на нее не имело смысла. В случае необходимости я мог бы покопаться в архивах Ниццы и узнать, какой недвижимостью владеет Санже, а потом методом исключения найти нужный мне дом.

— В сущности, это не важно, — сказал я. — Я так понимаю, арендой занимаетесь вы. Поэтому вам не трудно было ее спрятать — вы просто сдали ей дом?

Она кивнула.

— В это время года многие из них пустуют.

— И она согласна на интервью?

— Она понимает, что мне нужна ваша помощь.

— И когда состоится наша встреча?

— Сегодня вечером.

— Где?

— Люсия позвонит вам, как только я дам ей знать. Она представится как Адель, то есть я, на случай, если линия прослушивается.

— Надеюсь, она понимает, что я должен буду ее увидеть и узнать? Мы не можем просто поговорить по телефону.

— Я это предвидела. Если вы будете в точности исполнять ее указания, она согласна с вами встретиться.

Адель встала.

— Подождите здесь, я позвоню по телефону из гостиницы.

Ее не было минут пять. Потом она вернулась, взяла кофту, которую оставила висеть на спинке стула, однако садиться не стала.

— «Адель» позвонит вам через пару минут. А мне надо ехать домой, чтобы поговорить с мужем.

Она замаялась.

— С интересом прочитаю вашу статью, месье.

— Вашего имени там не будет, мадам. Можете мне поверить.
Она покачала головой.

— Мне приятно это слышать, но я имела в виду другое. Я надеюсь, Люсия скажет вам больше, чем мне.

— А что она сказала вам?

— Что если она не спрячется, ее убьют. Больше ничего.

Адель улыбнулась и протянула мне руку.

— Вам трудно поверить, что я больше ничего не знаю, но Люсия сказала, что так безопаснее. Безопаснее для меня, она имела в виду. И я ей верю.

Едва она ушла, консьерж позвал меня к телефону.

Глава III

I

Акцент выдавал в ней уроженку Ниццы. Ее тон не допускал возражений.

— Это Адель. Мне сказали, что у вас есть сведения о моем брате.

— Да, я хочу вам помочь. Где мы можем встретиться?

— У вас есть машина?

— Да.

— Какая?

— Голубая «симка».

— Вы знаете «Реле-Флёр» на Муайен-Корниш? [\[52\]](#)

— Могу найти. Это ведь ресторан?

— Да, будьте там сегодня, в десять часов вечера. Когда приедете, позвоните по телефону восемьдесят два пятьдесят один шестьдесят девять.

— Кого попросить?

— Адель.

— Это все?

— Да, надеюсь, вы будете один. Никакой съемки. И привезите фотографии, которые сделали сегодня утром.

— Понятно. Куда...

Она уже повесила трубку.

Коротко и по-деловому. Ресторан, который выбрала Люсия, наверняка окажется на полпути между Рокебрюном и Кань-сюр-Мером. В телефонной книге я нашел, что телефон, который она мне дала,

52...Одна из трех живописных горных дорог, соединяющих Ниццу с Ментоной.

установлен где-то между Вильфраншем и Кап-Ферра. Мне это ничего не говорило.

В моем распоряжении оставалось пять часов. Я подумал, не позвонить ли Саю, но решил подождать. Сейчас у меня не было желания с ним разговаривать. Я ничем не обязан ни ему, ни мистеру Касту. Если у меня получится, Каст припишет успех собственной прозорливости. В случае провала он с удовольствием прикажет Саю меня уволить. Поскольку ничего хорошего мне не светит, я вправе поступать по-своему. Меня заинтересовала тайна Люсии Бернарди. Я хотел знать, что за этим стоит, и хотел узнать правду от нее самой.

Я потратил два часа на то, чтобы освежить в памяти досье и обдумать ключевые моменты. Затем спустился в бар промочить горло. Минут через десять подошел консьерж и сказал, что мне звонят из Парижа. Сай начал нервничать. Я попросил консьержа ответить, что меня нет, и сразу же уехал из гостиницы.

Днем прошел сильный ливень, дорога стала скользкой. Я видел, как машину, ехавшую передо мной, немного занесло на повороте, и вдруг заволновался.

А что, если я не доеду до «Реле-Флёри»? Допустим, попаду в аварию. Вдруг машина, которая до этого вела себя безупречно, сломается? Вдруг я пропущу знак «одностороннее движение» и меня заберут в полицию? Много всякого может случиться.

Я планировал шикарно пообедать в «Бон Оберж», позвонить оттуда Саю и затем поехать на встречу. Теперь я передумал: решил, что поеду прямо в Ниццу и буду вести машину как можно аккуратнее. Если доберусь благополучно, то смогу спокойно пообедать: оттуда до «Реле-Флёри» лишь несколько минут езды. Если же, наоборот, случится что-то непредвиденное, у меня будет время, чтобы выпутаться из неприятностей.

Дождь обошел Ниццу стороной, и на улицах было сухо. Я зашел в бар «Рюль», дождался до семи тридцати и позвонил Саю на домашний телефон.

Он начал говорить, что весь последний час до меня дозванивался, но я оборвал его.

— Послушай. Я сейчас в Ницце и только что говорил с ней.

Сай взвизгнул от волнения.

— Как ты ее нашел? Как она выглядит? Что она тебе сказала?

— Я еще не видел, и пока она ничего не говорила. Мы с ней встречаемся сегодня около десяти. Только я, никакого фотоаппарата, масса шпионских предосторожностей, вымышленные имена. Судя по всему, она очень боится.

— Боится чего?

— Надеюсь, она мне скажет.

— Когда ты с ней разговаривал?

— Пару минут назад.

Он выругался от бессилия.

— А почему она согласилась?

— Пришлось кое на кого надавить. Но это к делу не относится. Таков наш уговор с посредником.

— С Чейзом?

— Нет, с совсем другим человеком. Я уже забыл, как его зовут, и вспомню, только если девушка не появится.

Последовала пауза.

— Ладно, мы это еще обсудим, — выдавил Сай наконец. — Но ты сказал, что она запретила снимать. Может, тогда стоит записать разговор на пленку?

— Об этом не было ни слова.

— Никаких свидетелей. Никаких фотографий. Нам же надо будет предъявить что-то, если потом будут опровержения. У тебя есть диктофон?

— Нет.

Даже если бы я, уезжая из Парижа, относился к этому заданию всерьез, я бы все равно не стал брать с собой диктофон — слишком уж большая обуза.

Сай сумел подавить раздражение; сейчас было не время читать мне нотации.

— Как думаешь, в Ницце его нельзя купить? — спросил он. — Лучше всего немецкий, на батарейках. Маленький, чтобы незаметно положить в карман.

— Записывать без разрешения?

— Это ты сам решаешь. Посмотришь по обстоятельствам. Деньги у тебя есть?

— Да.

— Позвони мне потом в редакцию, хорошо?

— Я позвоню.

— И, Пит, не упusti ее. Постарайся сделать так, чтобы при случае мы снова могли ее достать. Если копы поднимут шум.

— Хорошо.

Под «копами» он подразумевал полицию.

— И, Пит... — Сай замолчал. Никак не мог меня отпустить. Ему ужасно хотелось, чтобы на моем месте был кто-нибудь с его подходом к журналистике. Лучше всего — он сам.

— Да?

— Не испорти дело — мало того что ты получишь огромную премию, так и старый козел отцепится от тебя навсегда.

— Мне надо спешить, иначе магазины закроются и я не успею купить диктофон.

— Да, конечно, позже поговорим. Я буду в редакции с ночной сменой ждать твоего звонка.

Наконец он повесил трубку.

Я отправился в город и ухитрился найти магазин аудиоаппаратуры, торгующий миниатюрными диктофонами. Продавец предложил мне модель с микрофоном, замаскированным под наручные часы, и показал, как пропустить провод через рукав и присоединить к диктофону в нагрудном кармане пиджака. Он, не переставая, восхищался хитроумным изобретением. Я чувствовал провод под одеждой, и мне было неловко.

Моя машина была припаркована у «Рюля». Идея шикарного обеда уже не казалась мне такой привлекательной, и я поел в маленьком ресторанчике в соседнем переулке.

В девять тридцать я был на Муайен-Корниш. В «Реле-Флэри» я приехал с запасом в десять минут. Это оказалось небольшое кафе рядом с заправкой. Обоими заведениями, по-видимому, владел один человек. Никаких домов поблизости не было. На парковке было много свободных мест. Очевидно, кафе обслуживало водителей грузовиков, ездивших по Корнишу.

Я припарковался рядом с маленьким фургончиком и зашел в кафе. Жизнерадостная официантка принесла мне кофе с коньяком.

Время тянулось медленно. Без пяти десять я спросил, где телефонный аппарат, и заплатил за жетон. Телефон был рядом с туалетом, и две минуты я убил там прежде, чем набрать номер.

Трубку взял мужчина.

— Можно попросить Адель? — сказал я.

— Кого?

— Адель.

— Тут нет никакой Адели. Вы ошиблись номером.

— А какой это номер?

Номер был тот, что дала она.

— Адель?

— Я же сказал вам, никакой Адели тут нет. У вас неправильный номер. Он повесил трубку.

Я взял еще жетон и попробовал еще раз. С тем же результатом.

В полном отчаянии я вернулся к своему кофе. Я точно знал, что ничего не перепутал, когда записывал телефон. Либо она ошиблась, либо ей не удалось связаться с мужчиной, который отвечал мне по телефону, чтобы тот передал для меня сообщение. Теоретически существовал еще третий вариант: все это задумано, чтобы сбить меня со следа и дать возможность чете Санже скрыться, но мне не верилось. Кроме того, Санже не имело смысла прятаться, у меня было все, что нужно, включая фотографии.

Я решил подождать еще пятнадцать минут, а затем позвонить снова. Рюмка коньяка помогла бы скоротать время, однако нервы были так взвинчены, что от одной рюмки я мог заработать несварение желудка.

Снова ответил тот же голос. На этот раз мужчина сердито сообщил, что может дать телефон борделя. Там наверняка найдется какая-нибудь Адель, сказал он и повесил трубку.

Ждать дольше не имело смысла. Я заплатил за кофе и коньяк и вышел.

Я был так расстроен, что заметил женщину, сидящую на водительском сиденье, лишь взявшись за ручку дверцы.

Она была одета в легкий плащ, голову скрывал шелковый платок. Когда я открыл дверцу, на меня посмотрела пара темных очков.

— Вы очень терпеливы, месье, — сказала она. — Сколько раз вы звонили по номеру, который я вам дала?

— Три, мадам.

— Вы не против, если я поведу машину? Хочу быть уверенной, что меня не отвезут куда-нибудь не туда.

Она протянула руку.

— Можно ключ?

Я отдал.

— Спасибо.

Она знаком показала мне на пассажирское сиденье.

Я обошел кругом и сел в машину.

— Позвольте вас спросить, куда мы едем?

— Туда, где можно спокойно поговорить. Простите, что заставила вас звонить, но я бы не хотела, чтобы вы видели, с какой стороны я подойду.

— А что за номер вы мне дали?

— Не знаю. Просто первый, что пришел в голову.

— Но вы Люсия Бернарди? Я правильно понимаю?

Она сняла очки и положила их в карман плаща. Затем повернулась и посмотрела на меня с легкой улыбкой.

— Разумеется. Я сейчас не в бикини, и волосы не мои (это модный американский парик), но вы, наверное, в силах узнать Люсию Бернарди по фотографии.

Я включил фары, и отсвет передней панели упал на ее лицо.

Она посмотрела мне прямо в глаза.

— Вы довольны, месье?

Я кивнул. А потом, ради записи, добавил:

— Да, вполне. Наша знакомая была права. В жизни вы гораздо красивей.

II

Через километр Люсия выехала на второстепенную дорогу, ведущую в Больё или Вильфранш, на очередном перекрестке повернула налево и почти сразу же вырулила на небольшую площадку под склоном горы. Похоже, здесь когда-то сошел оползень, а потом склон укрепляли, и в результате образовалась площадка.

Люсия остановилась, но не заглушила мотор и оставила включенными габариты.

— Сейчас мы поедem дальше, — сообщила она и положила свои часы на панель приборов так, чтобы видеть время. — Но сначала нам надо объясниться, месье Маас.

— Хорошо.

— Прежде чем я отвечу на ваши вопросы, я хочу получить от вас фотографии, которые вы сделали сегодня утром в Мужене. Пожалуйста, отдайте их мне.

Они лежали в бардачке. Я сказал:

— Я уже обещал вашей подруге Адели, что не буду их использовать.

— Я пришла сюда ради них. Откуда мне знать, что вы сдержите обещание?

— Если вы, мадемуазель Бернарди, расскажете свою историю, в фотографиях не будет никакой нужды.

— Адель говорила со мной сегодня вечером. Ее муж так не считает. Он очень сердит на нее.

— Он ошибается насчет фотографий. Так или иначе, вам имеет смысл мне довериться.

— Довериться журналисту? — Она почти смеялась.

— Многие так и делают. Журналисты иногда бывают полезны. Взять, к примеру, ваш случай. Я не знаю, почему вы хотите спрятаться, но это не может длиться бесконечно. Ведь я вас нашел. Другие тоже найдут, если очень захотят. Вполне вероятно, что после того, как вы расскажете мне свою историю, никто не захочет вас искать. Когда ответы на вопросы станут известны, интерес к вам угаснет.

Люсия пронизательно посмотрела на меня:

— Похоже, вы повторяли это много раз.

Я улыбнулся:

— Эту фразу повторяли много раз до меня. В ней есть доля правды. Небольшая, но есть.

Она молчала, не зная, на что решиться. Тогда я сам принял решение.

— Хорошо, возьмите фотографии. Лучше возьмите обе кассеты. На одной из них снимки с их домом.

Люсия кинула на меня быстрый взгляд, потом взяла кассеты и положила в карман плаща. Ее по-прежнему терзали сомнения.

— Как я узнаю, что это те самые фотографии?

— Вам придется их проявить. Но это те фотографии. И еще кое-что.

Я показал ей микрофон на запястье:

— Я готов записать все, что вы мне расскажете, но если вы против, я не буду этого делать. Я не собираюсь вас обманывать. Я действительно хотел бы помочь вам, чем удастся. А пока вы не расскажете мне, в чем проблема, я ничего не смогу сделать. Вы говорили, что не намерены стоять здесь долго. Куда мы едем дальше?

Люсия помолчала, потом закрыла бардачок и завела двигатель.

— В дом, — ответила она.

Мы проехали еще с четверть мили. Люсия свернула в узкий мощный проезд между двумя каменными заборами — к гаражу. Двери были заперты на висячий замок. Она остановилась перед ними и, прежде чем выключить фары, достала из кармана фонарик.

— Будет удобней, если вы пойдете за мной.

Выбравшись из машины, я увидел позади маленький Г-образный дом с черепичной крышей. Перед домом, наполовину скрытый выступающей частью, виднелся замощенный внутренний дворик, к которому вели кирпичные ступени от гаража. С внешней стороны открывался вид на огни Больё и Сен-Жан-Кап-Ферра и море за ними.

Люсия прошла через дворик к входной двери. Судя по всему, дом был ей знаком, но я заметил, что ключ, которым она открыла дверь, был в сумочке не единственным, и Люсия выбрала его, посмотрев на прикрепленную к нему бирку. Открыв дверь, она не смогла сразу нащупать выключатель, ей пришлось посветить себе фонариком.

В углу гостиной был устроен кирпичный камин, а посередине стоял обеденный стол с кафельной столешницей. Белые стены, занавески из грубой ткани на окнах и легкие стулья, покрытые чехлами из того же материала, придавали помещению нарядный вид. Окажись мы тут летом, комната показалась бы прохладной и светлой. Но сейчас здесь было холодно, и в доме стоял затхлый, нежилой запах.

Люсия Бернарди включила электрообогреватель, подошла к серванту рядом со столом, достала бутылку бренди, штопор и два стакана.

— Откройте бутылку, пожалуйста, — попросила она.

Пока я возился со штопором, Люсия сняла плащ, а потом платок и модный парик. На ней были широкие брюки и черный шерстяной свитер. Она распустила волосы, взяла у меня бутылку и щедрой рукой наполнила стаканы.

— Я могу здесь пробыть полчаса. Потом я должна буду уехать.

Она взяла один стакан и села на диван подальше от света.

Я достал из кармана ксерокопию статьи в «Парту» и показал Люсии.

— Читали? — спросил я.

— Да.

— Ну и как вам?

Девушка на секунду задумалась.

— Меня от этого тошнит, — сказала она и потом добавила: — Но вообще смешно.

III

Мне сейчас трудно писать про Люсию объективно, но я попробую. У меня до сих пор сохранилась запись этого интервью — с правдой, ложью, полуправдой и недомолвками. Все, как она тогда мне говорила.

— Что в статье «Парту» показалось вам смешным? — начинает мой голос.

— Там было написано, что Ахмед не участвовал ни в какой политической деятельности за то время, пока жил в Швейцарии.

— Ахмед — это полковник Арбиль?

— Да.

— А он участвовал в политической деятельности?

— Конечно, все время, за исключением последних нескольких недель до того, как его убили. На вилле каждую ночь проходили секретные встречи. Люди собирались по двое, по трое, и каждый раз они проникали в дом поодиночке, когда слуги уже спали. Естественно, им приходилось соблюдать строгую конспирацию.

— Что за люди?

— Преимущественно иракские курды. Члены подпольного Комитета.

— Комитета?..

— Комитета борьбы за курдскую автономию. Его штаб-квартира находится в Женеве. Это изгнанники, мечтающие о независимом Курдистане, который должен будет получить нефтяные богатства Киркука и Мосула.

— Вы сказали, они «преимущественно» иракцы. А остальные?

— По-моему, были два сирийца. И один англичанин или, может, американец. У него был акцент, как у вас.

— Он часто приходил?

— Два или три раза.

— Вы знаете, о чем они говорили? Вы присутствовали на этих встречах?

— Нет, никогда. Они же мусульмане, вы понимаете. У них женщинам не позволено вмешиваться в мужские дела. Я всегда держалась в стороне.

— Полковник Арбиль тоже так думал о женщинах?

— В этом отношении да.

— Но во всем остальном он вам доверял?

— Да, он много мне рассказывал.

— О чем именно?

— Он говорил, что, согласно Севрскому договору курды должны были получить государственность. Он был патриотом.

— И поэтому его убили?

— Конечно.

— Агенты иракского правительства?

— Возможно. Или агенты нефтяных компаний.

— А при чем тут нефтяные компании?

— Ахмед говорил, они не хотят, чтобы курды получили автономию.

— Они?

— Американцы, англичане, голландцы, французы. Они все в этом замешаны.

— Вы серьезно верите, что международные нефтяные компании занимаются политическими убийствами?

— А почему бы и нет? Большие нефтяные компании мало чем отличаются от правительств. Творят что хотят. И кроме того, люди, которые ворвались к нам в дом, не были иракцами. Я знаю, я слышала, как они разговаривали.

— А кто они были?

— К нему они обращались по-немецки, между собой говорили на каком-то другом языке, которого я не знаю. Не на арабском.

Я сменил тему, не торопясь переходить к ночи убийства. Сначала я хотел прояснить два других вопроса.

— В статье говорилось, что полковник Арбиль жил на деньги от семейного бизнеса в Ираке. Это правда?

— Думаю, да. Со мной он финансы не обсуждал. У него было много денег. Нам незачем было об этом говорить.

— Вам не показалось странным, что беженец, объявленный врагом иракского правительства, без труда получает деньги с родины?

— Если это деньги семьи...

— В такой стране, как Ирак, нельзя выводить деньги за рубеж без разрешения правительства.

— Возможно, их посылали тайно. Наверное, для этого приходилось давать взятки. Я точно не знаю.

Пока она говорила, тон ее голоса часто менялся. Она встала и начала ходить по комнате.

— Хорошо. Правильно я понимаю, что за несколько месяцев до смерти полковник Арбиль получил предупреждение об опасности, угрожающей его жизни?

— Нет.

— Нет?

— Его предупредили, что могут быть попытки украсть важные документы.

- Что за документы?
- Что-то связанное с политикой.
- Кто его предупредил?
- Понятия не имею.
- А в какой форме пришло сообщение?
- Он получил телеграмму.
- Откуда?
- Не знаю, он ее сжег.

— Тогда он и установил прожекторы и сигнализацию... А не проще ли было поместить документы в сейфовую ячейку? Это было бы гораздо безопасней.

— Он не обсуждал со мной подобные вопросы. С какой стати?

— Когда вы встречались с Аделью в Цюрихе, ей показалось, что вы чем-то обеспокоены. Вы спросили ее, может ли полковник Арбиль получить вид на жительство во Франции. С чем это было связано?

— Просто ему, и нам обоим, было бы удобней жить во Франции.

— Удобней, но не безопасней?

— Аренда виллы заканчивалась через несколько месяцев. Ахмед еще не решил, возобновлять ее или нет. Мы подумывали, не снять ли жилье на юге у моря. Летом там лучше, чем в Цюрихе, а зимой в Шамони снег ничуть не хуже, а может, даже лучше, чем в Санкт-Морице.

— Он когда-нибудь говорил о возвращении в Ирак?

— Нет.

— Даже в случае, если там сменится власть?

— Отношение к курдам все равно будет прежним.

— Вы говорили, что в последние несколько недель, непосредственно перед смертью, полковник Арбиль не вел никакой политической деятельности. Вам известно почему?

— Нет.

— Он встречался с кем-нибудь в других местах? В Женеве, например.

— Возможно, но мне кажется, что нет.

— Случалось ли ему куда-нибудь уезжать ночью?

— Бывало.

— А в последний месяц?

— Думаю, нет.

— А как насчет последней недели?

— Нет, он болел гриппом.

— Хорошо. Расскажите мне, что случилось в ту ночь, когда он был убит.

Очевидно, Люсия специально готовилась к этому вопросу.

— Как я уже сказала, у Ахмеда был грипп. У него появились хрипы в легких, и доктор прописал антибиотики. Во время болезни я спала в другой комнате, в конце коридора, под одной из башенок.

Короткое молчание.

— Ахмед уже ходил, но еще принимал антибиотики и чувствовал себя неважно. В тот вечер он лег рано. Я немного с ним посидела. Эрнесто принес нам маленький телевизор: Ахмед хотел посмотреть какую-то передачу по «Евровидению» — примерно в половине десятого. Потом сказал, что будет спать. Я дала ему лекарство, пожелала спокойной ночи и пошла в свою комнату.

— Прожекторы в саду горели?

— Да.

— Кто запирает двери?

— Эрнесто. У него есть ключ, чтобы он мог попасть в дом рано утром. Он запирает двери каждый вечер, когда они с Марией уходят в свой коттедж.

— Что потом?

— Из-за болезни Ахмеда я несколько дней не выходила из дома, и у меня разболелась голова. Я решила, что тоже заразилась. Заварила себе настой трав, приняла таблетку аспирина и легла в постель. Было еще рано, но я уснула сразу.

— Что вас разбудило?

— Ахмед. Он кричал от боли.

— И что вы сделали?

— Я выбралась из постели и хотела идти к нему. Тут я сообразила, что прожекторы не горят. Один из них был установлен как раз напротив моей угловой комнаты. Обычно он горел так ярко, что свет проникал даже через закрытые занавески.

— А дальше?

— Я услышала, как мужской голос сердито выкрикнул: «Давай! Давай!», и Ахмед снова закричал от боли. Затем другой голос сказал что-то по-немецки, я не смогла разобрать, что именно.

— И что вы сделали?

— Ничего.

Пауза.

— Это плохо? Я очень испугалась. Пыталась не поддаваться панике. Сначала я подумала о пистолете, который купил Ахмед, но он лежал в ящике рядом с его кроватью. Я подошла к двери своей комнаты. Голоса слышалось два, но, может, там есть еще люди. И неизвестно, знают ли они о моем присутствии. В моей комнате не было телефона. Я решила тихонько пробраться вниз, к телефону. Потом один из них громко произнес: «Где? Где?», и внезапно раздался крик Ахмеда.

Люсия всхлипывает, и потом почти полминуты на ленте ничего нет. Наконец она тихо продолжает:

— Больше он не кричал. Наверное, потерял сознание.

— И что вы сделали?

Пауза.

— Застелила постель.

— Застелили постель? — Я не верю своим ушам.

— Ну да. Понимаете, я знала, где то, за чем они пришли. Я сообразила: не застав меня с Ахмедом, они решат, что он сегодня один. А когда начнут обыскивать дом и обнаружат меня, то поступят со мной так же, как с ним. Я могла спрятаться, но, увидев неубранную постель, они поймут, что я где-то поблизости, и найдут меня. Поэтому я быстро застелила постель и прибралась в комнате. На мне был спортивный костюм, а все мои вещи остались в шкафу в другой комнате. Сделать нужно было совсем не много, и все же мне казалось, что время тянулось бесконечно. Я слышала, как эти двое о чем-то спорили. Потом они замолчали, и раздался два выстрела.

— Только два?

— Тогда только два. Я сначала решила, что Ахмед сумел достать пистолет из ящика и убить их. Потом я снова услышала их голоса и поняла, что они его застрелили. Они вышли в коридор. Дальше медлить было нельзя, и я спряталась.

— Где?

— В башенке.

— Я и не знал, что там есть место. На фотографии они выглядят совершенно декоративными.

— Так оно и есть. Это деревянные каркасы, обшитые жостью, выкрашенной под камень. Но в них сделаны бойницы, как в настоящих башнях, и хозяину виллы пришло в голову установить в одной из них большой громкоговоритель и присоединить его к патефону, чтобы можно было проигрывать записи колокольного звона. Для этого ему потребовалось попасть в башню, и он прорубил отверстие в задней стенке платяного шкафа в моей комнате. Оно закрыто деревянной панелью.

— Понимаю. Так, значит, вы забрались туда?

— Прихватив с собой одежду. И хорошо, что так, потому что в башне было очень холодно. Там почти нет места — небольшая площадка не больше метра шириной и еще громкоговоритель. В бойницах, затянутых стальной сеткой, свистел ветер.

— Откуда вы знали про это место?

— Ахмед там прятал чемодан с бумагами, за которыми они охотились.

— Он сказал вам, где спрятаны бумаги?

Пауза. Она колеблется, а потом отвечает:

— Да.

— Он вам полностью доверял?

— Да.

— Что это за бумаги?

— Записи.

— И что в них? Сведения о политической деятельности?

— Там разное.

— Вы их читали?

— Они написаны на арабском.

— Так, значит, вы прятались в башне, пока те люди перерывали весь дом в поисках чемодана? Они заходили в вашу комнату?

— Да, мне было очень страшно. Я забыла спрятать пустую чашку, в которой заваривала травы. К счастью, они не обратили на нее внимания. Потом они вернулись в комнату Ахмеда. Оттуда послышался третий выстрел. Наверное, он был еще жив.

— На каком языке они говорили между собой? Возможно, это какой-то славянский язык?

— Все может быть, я не знаю.

— Как долго вы пробыли в башне?

— Долго. Точно я не могу сказать. Я почти не слышала их, когда они спустились по лестнице, и не слышала, как они ушли. Я боялась выходить из башни: а вдруг они еще там?

— Но в конце концов вы спустились и нашли полковника Арбия мертвым?

— Да.

— Вы сказали, что когда проснулись и услышали голоса, то хотели пробраться к телефону. Кому вы собирались звонить? В полицию?

— Наверное.

— Так почему вы не позвонили туда, когда у вас появилась такая возможность?

— Ахмед был мертв, и у меня оказался чемодан с его записями. Ему полиция уже не могла никак помочь, зато могла навредить его друзьям и соратникам. Я сделала то, что хотел бы Ахмед. Я взяла чемодан и спрятала его от полиции и от убийц. Мне надо было торопиться. Я боялась, что они могут вернуться. Когда я увидела на дороге огни грузовика, я подумала, что это их машина. В аэропорту, в ожидании самолета, я пряталась в туалете. Там-то я и решила обратиться к Адели и попросить у нее помощи.

— Правильно я понимаю, что чемодан теперь в надежном месте?

— Да.

— Тогда почему вы по-прежнему прячетесь?

— Неужели не ясно?! — Нетерпеливо. — Они знают, что я была в ту ночь на вилле и что записи, которые они искали, теперь у меня. Если они найдут меня, то поступят со мной как с Ахмедом.

— Тогда почему вы не уничтожили записи?

— Они мне не поверят. Решат, что я их прочитала или сделала копии.

— Хорошо, отошлите их в этот Комитет, в Женеву.

— Как я могу им доверять? Ведь кто-то из них предал Ахмеда. Это очевидно.

— Мне — нет.

— Вы просто не понимаете.

— Я очень стараюсь понять. По-моему, все сводится к следующему. Вы убеждены, что некая таинственная организация — вы точно не знаете какая — охотится за чемоданом, который вы забрали с виллы, и готова на все, чтобы его получить. Вы сами не знаете, что за документы хранятся в чемодане, однако враги полагают, что вам это известно. Верность долгу в отношении покойного не позволяет вам просто передать записи полиции и попросить у нее защиты. Все так?

— Да, так.

— Вы уверены, что опасность не воображаемая? Откуда вы знаете, что ждет соратников полковника Арбиля в случае, если вы доверитесь полиции?

— Убийство Ахмеда — не игра моего воображения. Я должна поступать так, как считаю нужным.

— Но ведь это бессмысленно. Разве что вы мне многого не сказали.

— Я сказала вам все, что могла, месье.

— И что вы намерены делать дальше? До конца жизни прятаться?

— У меня другие планы.

— Какие же?

— Извините, мне пора идти.

— Еще минуту. Как с вами связаться?

— Вам незачем со мной связываться.

— Вы намерены переезжать с места на место?

— Возможно.

— Адель будет знать, как вас найти?

— Да. Допивайте свое бренди. Нам нужно уходить.

— Хорошо.

На этом запись кончается.

IV

Перед уходом Люсия ополоснула стаканы и вытряхнула пепельницу. Я пытался вывести ее планы, но она не желала говорить.

Мы выехали обратно на Корниш. Примерно в пятистах метрах от «Реле-Флёри» Люсия съехала на обочину и остановилась. Не снимая руки с ключа зажигания, повернулась ко мне:

— Вы не могли бы дойти отсюда до «Реле-Флёри» пешком?

— А как же машина? Она не моя.

— Я оставляю ее на стоянке у ресторана. Моя машина припаркована там, и мне бы не хотелось, чтобы вы запомнили номер или поехали за мной.

— А, понимаю. — Я открыл дверцу. — Если передумаете и решите связаться со мной, Адель будет знать, где меня найти. Всего доброго, мадам. Благодарю вас.

— Прощайте, месье.

Я вышел и захлопнул дверцу. Люсия отъехала. Спустя десять минут я подошел к «Реле». Уже совсем стемнело. Моя машина стояла на парковке. Я поехал в Ниццу. Сначала думал позвонить оттуда Саю, потом решил прокрутить ему запись, а из телефонной будки это неудобно. Ничего с ним не будет, если подождет лишних полчаса.

Я вернулся в Мужен немного за полночь. После десятиминутного ожидания ночной консьерж соединил меня с Парижем. Сай был уже на линии, когда я взял телефонную трубку у себя в комнате.

— Ты ее видел?

— Да.

— Отлично. Где?

— В пустом доме недалеко от Ниццы.

Я рассказал ему о подробностях нашей встречи и продолжил:

— У меня есть запись. Хочешь прослушать?

— Погоди, я сейчас переключусь. Давай.

— Первая часть у меня в машине. А потом мы пошли в дом.

— Включай.

Я проиграл запись через миниатюрный динамик диктофона, приложенного к телефонной трубке. Потом нажал на «стоп».

— Вот и все.

Какое-то время Сай молчал. Я слышал, как он обсуждает это с кем-то в редакции, судя по всему, с Эдом Чарльзом, редактором. Я не мог разобрать слов. Потом Сай заговорил снова:

— Пит?

— Да.

— Ну и что ты об этом думаешь? Она не врет? Какое твое впечатление?

— Мне кажется, относительно того, что произошло на вилле в момент убийства, она говорит правду.

— Нам тоже. А еще?

— Как вы поняли из вопросов, что я задавал, во все остальное поверить трудно.

— Возможно, она сама в это верит. Последствия шока и все такое. Невротичной молодой женщине под кроватью мерещатся убийцы.

— По-моему, она хотела, чтобы создалось такое впечатление.

— Возможно. Ладно, мы проанализируем это, когда запись расшифруют. А как насчет всего остального? Я так понял, что Адель,

которая упоминается в записи, — это посредник. Как наш знакомый из Мужена ее нашел? Что там за история?

— Никакой истории. Я же говорил. Таковы условия сделки.

— Да ладно, теперь-то ты уже можешь сказать. Давай. Мы запишем.

— Извини, не могу.

Его голос стал строже.

— Послушай, Пит, не упрямясь. Ты проделал большую работу. Осталось только выжать ее до капли. Выкладывай начистоту.

— Это все. Ты поручил мне найти девушку и взять у нее интервью. Я так и сделал.

Пауза. Затем Сай сказал:

— Пит, две вещи. Во-первых, ты не имел права принимать условий, не посоветовавшись со мной. Во-вторых, ты не сам нашел эту историю — тебе дали наводку. Неужели ты думаешь, шеф согласится опубликовать твою статью без подробного отчета о том, как нам удалось обставить «Пари матч», да еще на их территории? Ты с ума сошел?

Думать пришлось быстро.

— Ты ведь просил сделать так, чтобы у нас всегда была возможность связаться с этой девушкой, — парировал я. — Если я обману доверие посредников, никаких контактов больше не будет.

Сай коротко хмыкнул.

— Учти, приятель, посредник ничего не узнает до тех пор, пока не прочтет статью в журнале. Это дает нам еще четыре дня на то, чтобы договориться о встрече. А после того как все всё узнают, будет не важно, что она о тебе думает. Поэтому хватит ходить вокруг да около, приступай к делу.

— Я подумаю над твоими словами.

Последовало долгое молчание. Сай зажал рукой телефонную трубку, чтобы я не слышал, но я мог себе представить, что он там говорит.

— Хорошо, Пит, подумай. У нас есть несколько часов, мы можем пока предупредить Нью-Йорк, что у нас материал. Тебе, наверное, надо поспать?

— Да.

— Хорошо. Тогда слушай. Нам понадобится еще послесловие, поэтому, я полагаю, придется прислать тебе подмогу. Я договорюсь, чтобы меня посадили на рейс для прессы из Орли. А ты поспи часика три и в семь встречай меня в Ницце, в аэропорту. Договорились?

— Хорошо, конечно.

— Тогда до завтра.

Сай повесил трубку.

Он был прав — я очень устал. Однако ложиться не собирался.

Я собрал вещи, а потом спустился вниз и отыскал ночного консьержа.

— Прошу прощения, — сказал я ему, — мне надо срочно вылетать в Париж. Вы не могли бы узнать, сколько стоил мой последний телефонный разговор, и включить его в счет? Я отлучусь на полчаса. Хорошо бы к моему возвращению счет был готов.

Консьерж начал возражать, объясняя, что единственный человек, который мог бы составить счет, уже спит, однако двадцать пять франков убедили его, что дело не терпит отлагательств. Я оставил консьержа за пультом и поехал на виллу «Суризетт».

Я бы предпочел предварительно позвонить, но боялся, что консьерж запомнит номер. Если не считать фонарей перед входной дверью, света в доме не было. Собака услышала шум подъезжающей машины и начала лаять еще до того, как я позвонил в звонок. Через какое-то время горничная приоткрыла дверь, оставив ее на цепочке.

Месье и мадам уже легли, и она не станет их будить. Я спорил, собака лаяла, и наконец Санже спустился по лестнице.

— Кто там? В чем дело?

— Маас. Мне нужно вас видеть.

Собаку и горничную отпустили. Санже снял цепочку и открыл дверь. На нем был шелковый халат поверх пижамы.

— Уже час ночи, — сказал он, тяжело вздохнув. — Нельзя подождать до утра?

— Нет, дело важное. Важное для вас, не для меня. Можно мне войти?

— Входите.

Он провел меня в гостиную.

— Ваша жена еще не спит? — спросил я.

— Сомневаюсь. У нее был трудный день, — добавил он немного расстроено. — Она приняла снотворное.

— Тогда, я думаю, вам лучше сварить ей кофе, чтобы она проснулась. Его глаза сузились.

— Вы хотели встретиться с Люсией — встретились. Она нам потом звонила. Чего еще вам надо?

— Она вам сказала, что я отдал ей фотографии?

— Да. Так в чем дело?

— Я старался сдержать обещание, данное вашей жене, но, боюсь, мой редактор не захочет с этим считаться. Ему нужна вся история, целиком.

— И вы ему все рассказали?

— Нет.

— Как так?

— Я отказался. Поэтому я и приехал. Он вылетел из Парижа и будет в Ницце завтра в семь. Другой сотрудник приезжает из Рима. Они направляются прямо в Мужен.

Он начал ходить взад и вперед по комнате.

— Послушайте меня, мсье Санже. Они не знают, что я вышел на Люсию через вашу жену, я сознательно солгал редактору, когда он задал мне этот вопрос. Но он знает про вас и про Патрика Чейза. На то, чтобы получить ваш адрес, у меня ушло двадцать минут. Они, вероятно, справятся за десять.

— Я могу отказаться с ними разговаривать.

— От них не так легко отделаться, как от меня, месье Санже. Если вы не хотите пускать их в дом, вам надо будет позвать на помощь полицию. Я пришел сказать вам, чтобы вы уезжали, пока не поздно.

Ему это показалось подозрительным.

— С чего вдруг? Вам-то какая разница?

— Пытаюсь сдержать обещание. Теоретически я должен встретить редактора в аэропорту в семь, но меня там не будет. Я съезжаю из гостиницы и перебираюсь в Ниццу. Сейчас мне готовят счет.

— Хотите обмануть свою газету? Вас уволят.

— Это было бы неплохо, но я сомневаюсь. По крайней мере сразу меня не уволят. Если они не поговорят с вами лично, то не смогут напечатать ничего, что связывало бы вас с этой историей. Когда у них не получится связаться с вами, они постараются найти меня и надавить на мою профессиональную гордость и здравый смысл.

— У них есть шансы?

— В этом вопросе у меня нет никакой профессиональной гордости, а представления о здравом смысле у нас несколько разнятся. Я буду защищать вас, насколько это будет возможно. Но есть одно условие.

Он вздохнул:

— Я так и думал.

— У меня должна быть возможность связаться с Люсией Бернарди. И напрямую, а не через посредника.

— А, вот вы о чем... — Санже вздохнул с облегчением. — Тогда мне лучше разбудить Адель.

Он уже поднялся, чтобы идти, и вдруг засомневался:

— Я не совсем понимаю, зачем вы это делаете. Только потому, что хотите сдержать обещание? Я, конечно, вам благодарен. Но так ли все просто? Вы отказались от тридцати тысяч долларов и теперь говорите, что у вас нет профессиональной гордости. Похоже, ваша работа вам очень важна, и в то же время вы говорите, что было бы неплохо, если бы вас уволили. Что с вами, Маас? Это ваше прежнее саморазрушение или какая-то новая злость?

Хороший вопрос. Я не знал, как на него ответить.

— Может, и новая, — сказал я. — Когда-нибудь потом мы это обсудим. А сейчас, мне кажется, вам надо торопиться.

Санже пожал плечами:

— Да, конечно.

Он направился к лестнице.

— Наливайте себе.

Я плеснул в стакан виски и постарался мысленно сосредоточиться на том, какие предосторожности следует предпринять. Взять, к примеру, горничную. Она должна говорить, что я приезжал сюда только один раз. Значит, Санже просто дал мне другой источник информации. И надо ее предупредить, чтобы она ни в коем случае не говорила, что мадам Санже зовут Адель.

Через некоторое время Санже спустился уже одетый. В руках у него был небольшой «дипломат», куда он сложил бумаги из сейфа, установленного в алькове. Я посоветовал ему, как проинструктировать горничную.

— Я ей уже объяснил про Адель, — кивнул он. — Мари привыкла держать язык за зубами, пока нас нет дома. Она скажет, что вы поехали в Пьера-Кава. Так оно и было. Вполне возможно, что официант вас даже запомнил, если они начнут наводить справки.

— Как мне связаться с Люсией?

— Адель вам расскажет. — Он на минуту задумался. — Они ведь будут вас искать?

— Думаю, да. Но не представляю, как им удастся меня найти.

— У вас прокатная машина?

— Да.

— Знаете, что бы я сделал на их месте?

— Что?

— Я бы проверил все большие компании, сдающие машины напрокат — их совсем не много, — и узнал бы номер вашей машины. Потом пошел бы в полицию и попросил бы остановить вас за какое-нибудь нарушение, мелкую кражу, к примеру, а потом, когда вас найдут, извинился бы, признавшись в ошибке. Если не хотите, чтобы до вас добрались, мой вам совет — смените машину.

— Куда вы поедете? — спросил я.

Он окинул меня оценивающим взглядом:

— Вам лучше этого не знать. Смешанные мотивы — вещь ненадежная. Вдруг передумаете.

Я заметил, что в его «дипломате» рядом с бумагами было два французских паспорта.

— Собираетесь за границу?

— Только в самом крайнем случае. Надеюсь, это не понадобится.

Адель Санже прошла к нам через гостиную. Для человека, разбуженного после приема снотворного, она выглядела на редкость собранной.

— Мари варит кофе, — сказала она, а затем повернулась ко мне. — Полагаю, мой муж уже поблагодарил вас за заботу, месье.

— Не стоит меня благодарить. Мне жаль, что я доставил вам столько неудобств.

— Альтернатива была бы гораздо хуже.

Ее тон стал деловым.

— Я позвонила Люсии и постаралась ее уговорить. Конечно, ее это не радует. Она разрешила дать вам номер ее телефона, но не адрес. — Адель протянула мне листок из блокнота. — Держите. Она также предупредила, что может переехать, но в таком случае поставит вас в известность. Она почти уверена, что так и сделает. И я должна ей перезвонить, чтобы сказать, где вас можно найти.

— Я пока еще не знаю.

Санже подошел к книжной полке и бросил мне мишленовский путеводитель.

— Вы сказали, что собираетесь найти другую гостиницу. Вам лучше сделать выбор прямо сейчас.

— Хорошо.

Теперь мне нужно было считать деньги. Большую часть командировочных я уже потратил, а рассчитывать на чеки от «Уорлд репортер» больше не приходилось. Я выбрал дешевую гостиницу без ресторана и сказал Адели название.

— Отлично, — сказала она, записывая. — В это время года там должно быть много свободных номеров. Если по какой-то причине вам не удастся там остановиться, идите в следующую гостиницу в мишленовском списке. В любом случае если будете переезжать, выбирайте следующую гостиницу из списка. Я скажу Люсии об этой нашей договоренности.

— Понятно.

Адель вздохнула:

— Теперь я так и не узнаю, что ее так испугало.

— Скоро вы узнаете об этом столько же, сколько знаю я, мадам. Статья будет в журнале на следующей неделе. Они используют мой материал. И не уверен, что «испугало» — правильное слово.

— А что она вам сообщила?

— В ее словах не много правды, мадам, по большей части это ложь, как мне кажется. — Я бросил быстрый взгляд на Санже, который закрывал сейф. — Вы спрашивали о моих мотивах. Смешанными их можно назвать с большой натяжкой. Мне нечего терять, кроме работы, которой я не дорожу, и очень хочется удовлетворить свое любопытство. Разве этого не достаточно?

Его мои слова, похоже, позабавили.

— Теперь картина прояснилась. Хотя я бы сформулировал по-другому.

— Да?

— Вы увлеклись Люсией. Она вас так интересуется, что вы готовы обманывать своего босса и расследовать дело самостоятельно. Это новое чувство. Адель понимает, о чем я. Правда, дорогая? Почему, как вам кажется, мы пригласили Люсию для поездок в Мюнхен и Санкт-Мориц? Она как раз та девушка, которая нам нужна. Их трудно найти, а она — одна из лучших. И дело не только во внешности. И не в том, что она очень умна. Мужчины от нее совершенно теряют голову. Даже опытные донжуаны. Я видел своими глазами. Взять хотя бы Арбиля. Он вел себя как мальчишка.

— С немолодыми мужчинами такое случается, — произнес я многозначительно.

— Ах, вот в чем дело, — хмыкнул Санже. В отличие от меня он не смутился.

Я повернулся к его жене:

— Мадам, вы сказали, что она испугалась. Как по-вашему, она похожа на невротичку, которая боится вымышленной угрозы?

— Разумеется, нет.

— Но может она притвориться испуганной?

— Зачем ей притворяться со мной? — Она посмотрела на мужа. — Я пойду собирать вещи.

— Хорошо, дорогая.

Он протянул мне руку:

— Было очень неприятно с вами познакомиться, Маас. Надеюсь, мы больше не увидимся. Ничего личного, вы понимаете.

— Понимаю.

Его рукопожатие было кратким и вялым.

Он уже кричал жене, чтобы она не забыла его белье, и я удалился.

Мой счет был готов. Перед уходом я зарезервировал номера для Сая и Боба Парсонса и оставил записку Саю.

Привет, Сай!

Извини, но я по-прежнему не хочу об этом писать. Я заключил сделку, чтобы получить запись, и должен придерживаться договоренностей. Очевидно, подобное предательство означает конец моей карьеры в «Уорлд репортер». Я при первой же возможности верну прокатную машину и вышлю тебе по почте подробный отчет о моих командировочных расходах — счета за гостиницу и т. п. Журнал может не оплачивать их целиком, но мы обсудим это позднее, когда все утрясется и ты вернешься в Париж. А пока я ухожу в неоплачиваемый отпуск, о котором ты мне говорил.

Кстати, как мне поступать, если во время моего отпуска у меня появятся дополнительные материалы по делу Арбиля? Я должен буду отдать их тебе или могу распоряжаться ими по собственному усмотрению? Я не помню, что написано в контракте, поэтому буду действовать по обстоятельствам.

С наилучшими пожеланиями,
П.М.

P.S. Пленку с записью интервью я вложил в твою папку. Чтобы ты не терял понапрасну время, сразу скажу, что вилла, где живет Санже, называется «Суризетт». Тебе ее каждый покажет. Однако его самого сейчас там нет, и я не знаю, когда он вернется.

Глава IV

I

Гостиница, где я решил поселиться, была расположена рядом с вокзалом, и консьерж привык, что постояльцы приезжают среди ночи. Я назвался Пьером Матисом. Мне удалось проспать четыре часа без всяких таблеток.

Как выяснилось, у конторы, у которой я арендовал машину в Марселе, имелся филиал в Ницце, и первое, что я сделал сразу, как позавтракал, — вернул им «симку». У меня была квитанция о выплате залога, и этой суммы хватило, чтобы почти полностью покрыть плату за дополнительный пробег. Потом я зашел в магазин, где купил диктофон, и вернул его хозяину со скидкой. Соседний магазин фототоваров купил у меня «Роллефлекс» по нормальной цене. Теперь можно было подумать о том, чтобы взять напрокат машину подешевле. В конце концов я ее нашел. Мне предложили древний маленький «рено». Клерк лишь мельком взглянул на мои права. Я представился как Пьер Матис, он так и записал в анкете, даже не удосужившись заглянуть в мой паспорт.

Я поехал в магистратуру.

Судя по номеру телефона, дом, в котором жила Люсия, был расположен к западу от Ниццы, скорее всего в Кань-сюр-Мер. Однако Адель Санже говорила, что Люсия может переехать, и мне хотелось быть готовым к этому заранее. Агент в Сете упоминал лишь Канны, Мужен и Рокебрюн, но дом, в котором я брал у нее интервью, был около Больё. Отсюда я заключил, что у Санже могут быть и другие дома на побережье.

В Монпелье у меня уже был опыт работы в архивах регистрации сделок с недвижимым имуществом, и я сумел найти нужные мне документы, не задавая лишних вопросов. Нельзя сказать, что работа в архиве кипела, но

до обеда люди постоянно приходили. Среди посетителей было несколько женщин. Здороваясь, старший архивист называл их по именам, и я решил, что это преимущественно клерки из адвокатских и землемерных контор и кредитных отделов банков.

Но был один мужчина, которому, как мне в Монпелье, приходилось объяснять, как найти нужные сведения. Он говорил по-французски с сильным иностранным акцентом, с трудом подбирая слова, и это также выделяло его из общего ряда. Занятый своими делами, я сначала не обратил на него внимания и только краем уха услышал, что он, похоже, ругается с архивистом. Лишь позже я понял, в чем причина происходящего.

Томы с архивными записями выдавали по одному. Если том был у кого-то на руках, его требовалось вернуть на место, сделать соответствующую запись и только потом выдавать снова. Полагаю, такая система существовала для того, чтобы облегчить служителям архива проверку квитанций. У мужчины был список томов, которые он хотел посмотреть, и ему приходилось очень долго ждать, ну или по крайней мере ему так казалось. Возможно, архивист сумел бы доходчивей объяснить причины задержки, если бы иностранец не вывел его из себя. Плохое знание французского еще больше затрудняло дело. Невольно прислушавшись, я вдруг понял, что происходит. Список томов у мужчины в точности совпадал с моим собственным. Задержка объяснялась тем, что я начал раньше его.

Длинная стойка, за которой работали посетители архива, имела наклонную поверхность, чтобы можно было просматривать объемистые тома, не перегибая корешки. Тонкие перегородки разделяли стойку на несколько кабинок, так что ты не мог видеть тех, кто работает по соседству. Однако в другом конце комнаты, у входа, стоял стол клерка, где оплачивали сбор и выдавали квитанции.

Закончив с областью Ла Тюрби (никакой недвижимости, зарегистрированной на имя Санже, там не обнаружилось), я запросил том по Эзу, подошел к столу и оплатил следующую квитанцию. Оттуда я мог видеть кабинку, где был тот мужчина.

Он стоял ко мне спиной. Я видел только высокую сухопарую фигуру и седой пух, покрывающий лысину. Он носил очки и был одет в темно-серый костюм явно не французского производства. Я затруднился приписать ему какую-то конкретную национальность.

Было уже около полудня, а значит, муниципалитет скоро закрывался на обед. На другом конце стойки архивисту удалось добиться понимания с трудным клиентом, и в комнате наступила тишина. Я гадал, кто этот мужчина. Будь он местным, я бы решил, что Сай срочно послал его на розыски, а так оставалось только предположить, что это еще один

иностранный журналист, который каким-то образом обнаружил тот же путь, которым воспользовался я.

Когда служащий вернулся с томом по Эзу, я заметил его вопросительный взгляд через мое плечо. Я обернулся. Мужчина стоял рядом со мной.

Он улыбнулся, обнажив ряд длинных желтых зубов на морщинистом землистом лице. Из-за стекол очков на меня смотрели карие глаза, под которыми свисали складками большие мешки. Его улыбку, очевидно, задуманную как дружескую, очень портили зубы — они придавали ей хищный вид.

Он произнес на очень странном французском:

— Прошу прощения, месье, мне сказали, что наши изыскания следуют одним и тем же или параллельными курсами. Наши конечные цели, несомненно, различны, но пока наши пути не разошлись, мы можем прибегнуть к взаимовыгодному сотрудничеству.

Закончив речь, он снова продемонстрировал зубы и вопросительно поднял брови.

Он застал меня врасплох, и я выглядел глупо, но пока я не сообразил, что ответить, мне это было только на руку. Я тупо уставился на него. Клерк, стоявший рядом со стойкой, тоже на него вытаращился.

В конце концов я пожал плечами:

— Как хотите...

Тонкие губы сошлись.

— Отлично, у нас есть основа для соглашения. Можем продолжить переговоры за бокалом вина, если не возражаете.

Я решил, что даже полезно будет узнать, кто он и что ему надо, и, кивнув, сказал:

— Согласен.

— Моя фамилия Скурлети.

— Матис, — представился я.

Он поклонился.

— Тогда идемте, месье Матис?

— Хорошо.

Я собрал свои записи и положил их во внутренний карман.

Чтобы выйти из муниципалитета, надо было миновать несколько дверей, и Скурлети оказался одним из тех чрезвычайно вежливых или опасующихся нападения со спины людей, которые никогда не проходят вперед своего спутника, даже если им это гораздо удобнее. Наш выход на улицу напоминал дурацкий «нет-только-после-вас» менуэт, отчего у меня сложилось впечатление, будто меня выводят из здания под охраной.

Муниципалитет Ниццы расположен лишь в нескольких ярдах от площади Массена, и мы зашли в ближайшее кафе на углу.

— Полагаю, следует обменяться верительными грамотами?

— Да, наверное.

Он достал большой бумажник крокодиловой кожи и протянул мне визитку с рельефным тиснением. На ней было написано:

Господин Костас Политис-Скурлети
Полномочный агент
Член международной ассоциации детективов
Информационное агентство «Трансмонд»
Почтовый ящик 1065, Муски-роад, Каир, ОАР

— Вы, наверное, слышали о «Трансмонде», — сказал он.

— Боюсь, что нет.

Господин Скурлети, похоже, удивился.

— Это одно из самых больших и уважаемых международных сыскных агентств.

Появился официант с аперитивами, и, прежде чем ответить, я подождал, пока он удалится.

— К сожалению, у меня нет визитки, но моя работа тоже секретна. Я провожу кредитное исследование для финансовой организации. Мне бы не хотелось ее называть. О таких вещах, как вы понимаете, лучше не распространяться.

— Понимаю. У нас тоже есть отдел, который занимается подобными делами — на международном уровне, конечно. Но моя собственная работа по большей части связана с переговорами. Я говорю о секретных переговорах, в которых сторонам по разным причинам удобнее действовать через партнеров.

— Понимаю.

— Добавлю, — продолжал он, — что в настоящий момент я стремлюсь установить некий контакт, и мне представляется, что лицо, чью кредитоспособность вы проверяете, и лица, с которыми я намерен установить контакт, с определенной долей вероятности могут быть связаны между собой.

В его улыбке появился некий оттенок выжидания, как будто он только что рассказал анекдот и ожидает, что я начну смеяться.

Я постарался изобразить скептицизм:

— Вам не кажется, что вероятность этого не слишком велика?

— Этого человека зовут Филип Санже, и он владеет множеством домов на побережье. Я угадал? Да, я сам вижу, что не ошибся. Ну что же вы! Вы мне рассказали про ваши цели. Между нами нет конфликта интересов. А поскольку мы в каком-то смысле коллеги, можем мы быть друг с другом откровенны? Я без особого труда получу нужную мне информацию, но на это уйдет время, а в данном случае оно очень важно для клиентов. Чтобы сэкономить время, я готов заплатить.

— За домашний адрес месье Санже?

— У месье Санже нет одного домашнего адреса. У него их много. Они нужны мне все и сразу.

— Вы говорите, что у нас с вами нет конфликта интересов? Как я могу быть в этом уверен? Кто ваши клиенты и что им нужно?

Он протестующе поднял руки:

— Ну нет, этого я вам сказать не могу. Некая группа бизнесменов срочно хочет вступить в переговоры. Но брать в долг или, наоборот, ссуживать деньги они не собираются, поверьте.

Скурлети заявил, что хочет установить контакт с «лицами», во множественном числе, однако упомянул только одно имя — Санже. Если бы он знал или подозревал, что Санже — это Патрик Чейз, его история выглядела бы очень правдоподобно. Я полагаю, на свете немало людей, которые хотели бы срочно уладить кое-какие деловые вопросы с Филипом Санже, он же Патрик Чейз, и готовы нанять для этого частных детективов. Вполне вероятно, что предметом таких переговоров должно стать возвращение денег, а вовсе не выдача кредита. Но знает ли Скурлети о Чейзе? Или он имеет в виду кого-то другого? Адель Санже? Люсию Бернарди? Сказал ли Скурлети правду о своем задании, или мы оба лгали?

Я тянул время.

— Сколько?

— Тысяча франков новыми, — быстро ответил он.

— У меня на это ушла куча времени, и работа еще не закончена.

— Я дам вам тысячу за неполный список и еще пятьсот за остальное.

Я сделал вид, будто обдумываю его предложение. Он снова достал бумажник и начал отсчитывать сотенные бумажки. Я протестующе замахал руками:

— Погодите, погодите, у меня нет с собой списка. Да и в любом случае...

— У вас есть список, который вы составили сегодня утром. Это для начала.

— Сегодня утром я ничего не нашел. День выдался неудачный. В любом случае я должен все тщательно обдумать.

— Две тысячи франков.

Я поколебался, затем покачал головой:

— Я дам вам знать позднее.

— Когда? Время дорого. Давайте сегодня поработаем в муниципалитете вместе.

— К сожалению, на вечер у меня другие планы. Я могу снова встретиться с вами сегодня здесь в четыре часа.

— Со списком?

Допив стакан, я твердо поставил его на стол, как будто пришел к какому-то решению, и посмотрел ему прямо в глаза.

— Две тысячи пятьсот, — произнес я с вызовом.
Он улыбнулся. Такой разговор был ему понятен.

II

Вернувшись в гостиницу, я сразу набрал номер, который дала мне Адель Санже.

Телефон звонил примерно минуту, прежде чем Люсия взяла трубку. Она молчала, пока я сам не заговорил.

— Это Маас.

— Я слушаю.

— Мне обязательно нужно с вами увидеться.

— Вы со мной уже виделись.

— Нам надо поговорить.

— О чем?

— Я предупреждал: если я нашел вас, другие тоже найдут. Мне кажется, это как раз сейчас и происходит.

— Еще одна газета?

— Вряд ли. Скорее всего он представляет группу людей.

— Откуда вы знаете?

— Объясню при встрече.

— Вы сказали «группу», — промолвила она задумчиво. — Откуда они?

— Понятия не имею. Но их представитель — грек, и он приехал из Каира.

Последовало долгое молчание. Настолько долгое, что хотя я и знал, что она не повесила трубку, все же спросил:

— Вы все еще там?

— Я думала. — Она быстро продолжила: — Хорошо, я встречу с вами. На тех же условиях, что и раньше. Сегодня в десять.

— Нет, нам нужно увидеться в ближайшие три часа. Чем скорее, тем лучше. Я встречаюсь с этим человеком в четыре. Ради вашей безопасности я должен знать, что мне ему говорить. Давайте я к вам приеду.

— Невозможно.

— Ничего невозможного в этом нет. Я знаю, где вы, но не знаю, в каком доме. Скажите мне номер дома, и я пойму, куда ехать.

— За вами могут следить.

— Я об этом позабочусь. Так какой номер?

— Восемь.

— Хорошо. У меня теперь другая машина — серый «рено». Из окна вашего дома видно улицу?

— Сразу за домом — нет, только вниз по склону холма.

- Хорошо, я припаркуюсь ниже по дороге.
- Лучше всего рядом с номером пять.
- Понял. Ждите меня. Буду у вас примерно через час. Все понятно?
- Понятно, но...

Я повесил трубку, пока она не передумала, и достал список домов Санже — результат моих сегодняшних изысканий.

В списке было четыре дома, и только один под номером восемь. Кань-сюр-Мер образовался в результате слияния трех различных деревень: Верхнего Каня, сохранившегося со времен Средневековья, Нижнего Каня, где преобладает застройка восемнадцатого века, и Каньского Креста — скопления современных одноэтажных бунгало и многоквартирных домов, растянувшегося вдоль побережья по обеим сторонам дороги, ведущей в Ниццу. Описания домов в книгах регистрации недвижимости не отражали этих стилевых различий, но, судя по тому, что я знал о вкусах Санже, дома должны были располагаться в старой части Канн.

Теперь надо было подумать о возможности слежки. Мистера Скурлети я оставил в кафе. Конечно, Сай и Боб Парсонс будут стараться меня найти, и я не склонен был недооценивать их настойчивость и изобретательность, но прошло еще очень мало времени. Однако поскольку я обещал принять меры предосторожности, пришлось за этим проследить.

Я зашел на вокзал, купил готовый обед, потом сел в машину и выехал на автостраду. Каньский Крест проехал без остановки. Перед поворотом на Антиб есть совершенно прямой участок примерно с километр длиной, и там я свернул на одиноко стоящую заправку и попросил механика поменять свечи. Пока он этим занимался, я ел свой обед и смотрел на дорогу, проверяя, не остановится ли какая-нибудь из едущих в Ниццу машин у обочины. Они проносились без остановки. Если бы за мной была слежка, водитель второй машины должен был бы проехать вперед и остановиться чуть поодаль, чтобы дожидаться меня. Я доел обед, расплатился за новые свечи и вернулся той же дорогой. В Нижнем Кане я был без пары минут два.

Улицу Карпоньяр удалось найти без труда. Это был круто взбиравшийся в гору тупик, выходящий на дорогу к Высокому Каню. Восемь домов скрывались за высокими заборами или железными решетками, загороженными высокими кустами. Должно быть, подобные виды греют душу семейству Санже — любителям уединения.

Я припарковался рядом с домом под номером пять и двинулся вверх по узкой мощеной улице. За кустами вдоль ограды номера восемь росли большие мимозы. Через кроны деревьев виднелись черепичная крыша и окно на втором этаже. В двустворчатые ворота вполне могла въехать машина. К решетке ворот были прикреплены листы железа, закрывавшие вид во двор. Рядом с воротами висел шнур от звонка: я потянул и

обнаружил, что он не работает. Тогда я взялся за ручку ворот — они оказались не заперты, и я вошел внутрь.

Под полотняным навесом, натянутым на металлический каркас, стоял черный «ситроен». Дорожка справа от меня вела к входной двери. Отштукатуренный кирпичный дом, по-видимому, был построен в середине девятнадцатого века для местного доктора или адвоката. Вероятно, Санже потребовалось установить в нем современную сантехнику, поменять трубы и немного подкрасить. Снаружи дом выглядел уютным.

Я захлопнул калитку и пошел по тропинке между деревьями. Как только я двинулся к дому, входная дверь открылась. Едва я зашел, Люсия захлопнула дверь за моей спиной.

— На улице вас кто-нибудь видел?

— По-моему, нет. А какое это имеет значение? Ведь соседи знают, что в доме живут.

— Они думают, что я швейцарская немка, перенесшая пластическую операцию в результате автокатастрофы. Теперь прихожу в себя и ни с кем не желаю общаться. Появление мужчины в доме может их заинтересовать.

— А как же прислуга? — спросил я.

— У женщины, которая ходит убираться, катаракта — она почти ничего не видит. Продукты покупает она же. Я обещала оплатить ей операцию, когда доктор скажет, что пора.

— Очень благородно с вашей стороны.

Люсия пожала плечами:

— Это Адель предложила. Она считает, что в таком случае ей будет легче поверить в мою историю. А теперь объясните мне, что случилось.

Комната, в которую меня привела Люсия, оказалась совсем не такой, как я ожидал, судя по виду дома. Наверное, первоначально тут была терраса. Теперь ее огораживали толстые стены со сводчатыми окнами-амбразурами, а в углу появился массивный кирпичный камин. В одной из стен была устроена ниша, в которой стояла статуя Мадонны с младенцем почти что в натуральную величину. На другой стене было выложенное испанской керамической плиткой большое яркое панно с изображением мученичества святого Себастьяна. Распятие, также из плитки, украшало стену напротив камина. Мебель была нейтрально-современной, и огонь весело пылал в камине, но общее впечатление оставалось гнетущим и странным, словно вы ненароком забрели в чью-то домовую часовню.

Люсия, одетая в широкие брюки лимонно-зеленого цвета и замшевый пиджак, очевидно, привыкла к странному виду комнаты и поэтому нетерпеливо кривила губы, когда я с изумлением озибался вокруг.

— Да, да, все это очень необычно. Адель не успела ничего поменять. Но давайте сразу к делу. Мне надо знать, что произошло.

Я рассказал ей о Скурлети.

Она внимательно слушала, затем попросила меня подробно описать его внешность.

Я описал.

— У вас сохранилась его визитка?

— Вот.

Люсия внимательно изучила ее с обеих сторон.

— Его интересовал только Патрик?

— Филип Санже, вы хотите сказать? Да.

— Он не упоминал никаких других имен?

— Нет, но я тоже не упоминал, когда пытался отыскать вас. В случайное совпадение я не верю. А вы?

— Я тоже. — Она снова осмотрела карту. — Подозреваю, что это итальянцы.

— Какие итальянцы?

Она проигнорировала мой вопрос, и к ней вдруг снова вернулась подозрительность.

— А что вы делали в муниципалитете?

— Искал нужный мне адрес. И другие адреса Санже тоже.

— Зачем?

— Адель Санже сообщила, что вы можете переехать. Я хотел, чтобы у меня была возможность быстро отыскать вас, если понадобится.

— Я обещала поставить вас в известность, — сказала она как будто оправдываясь, — и кроме того я уже дала вам интервью.

— Да, вы дали мне интервью, но вы ведь не рассчитываете, что я всерьез вам поверю?

Люсия ненадолго задумалась, а потом заметила:

— Это не слишком-то вежливо.

— Да, я понимаю, у вас есть веские причины не говорить всю правду.

Она снова улыбнулась. С улыбкой на лице она была совершенно очаровательна.

— Да. И особенно вам.

— Почему мне особенно?

В ее глазах появилось насмешливое выражение, насмешливое и оценивающее, потом она засмеялась.

— Знаете, поверил даже Патрик.

— Во что?

— В историю о том, что ради обещания, данного Адели, вы послали свою газету ко всем чертям.

— Я не посылал их ко всем чертям, а только ушел от них.

— Не вижу разницы. Вы сделали красивый жест. — Люсия закатила глаза в сторону Мадонны и прижала руку к груди. — Журналист, который держит слово.

— Вы не верите в подобные жесты, я понял.

Я старался сдерживать свое раздражение.

— Конечно же, нет.

Улыбка стала презрительной.

— Ну и напрасно. Зачем мне это выдумывать?

Она сделала вид, что восприняла вопрос серьезно.

— Ну что ж, дайте подумать. Адель мне вас описала. Сказала, что вы симпатичный блондин, очень умный и очень серьезный, только немного грустный, потому что вам выпали тяжкие испытания. Она не сказала, что вы идиот.

— Очень мило с ее стороны.

— И более того — сентиментальный идиот.

— Однако не стоит исключать такую возможность.

Люсия продолжила, как будто не заметила моей реплики:

— Он искренний и порядочный, говорила Адель. Когда Патрик предложил вам огромную сумму, чтобы вы замяли всю историю, вы отказались. Тогда вы не хотели предавать свою газету.

— Это другое дело.

— Конечно. Это было днем. Вы предаете только по ночам. — Улыбка исчезла, и взгляд стал жестким. — Вам нужна была история, и вы хотели получить ее любой ценой. Вы даже сказали Патрику, к какому сроку она вам нужна — к пятнице, к одиннадцати часам по нью-йоркскому времени. Сегодня пятница. Значит у вас в запасе еще двенадцать часов?

Я, как дурак, только и мог сказать:

— Мне это не приходило в голову.

— Я не идиотка, месье.

— Я ни в коем случае не считал вас глупой. Просто не признавал, что, следуя разуму и логике, вы должны будете мне не доверять. Значит, по-вашему, я притворился, будто помогаю Санже, для того, чтобы втереться к вам в доверие и выведать у вас подробности для журнала. Так?

— А как еще это можно понять?

— Филип Санже задал мне те же вопросы, хотя сформулировал их немного по-другому.

— И что вы ему ответили?

— Мне не пришлось отвечать. Он сам на них ответил.

Люсия все еще смотрела на меня сердито, но ей стало интересно. Она пожала плечами:

— И что же?

— Можно, я сяду?

Она махнула рукой в сторону кресла, но сама осталась стоять: ей лучше думалось стоя, я заметил это еще во время первого интервью.

— Так что? — повторила она.

— Он не подумал, что это блеф, — сказал я, — ему было интересно, что заставило меня так поступить. «Что с вами? — спросил он. — Это ваше

прежнее саморазрушение или какая-то новая злость?» Знаете, почему он упомянул саморазрушение?

— Нет.

— Говоря о «тяжелых испытаниях», Адель имела в виду, в частности, что однажды я наглотался снотворных таблеток, чтобы свести счеты с жизнью.

Теперь я завладел ее вниманием. Люсия подошла ближе и посмотрела на меня сверху вниз.

— Вы хотели, чтобы вас спасли, или так получилось случайно?

Такой вопрос много говорил о ней самой. Большинство людей просто хотят узнать причины. Что сделало жизнь столь невыносимой?.. Некоторые — те, кто читал умные книги, — спрашивают про ненависть к себе. Лишь немногие знают о крайней степени отчаяния по собственному опыту. Они не задают наивных вопросов; они задают только один, самый существенный: «Вы на самом деле пытались?»

— Просто я оказался в больнице на час раньше, чем следовало.

— Вы не повторяли попыток?

— Нет. Однако Санже счел, что я выбрал другие средства саморазрушения. Знаете, это может войти в привычку. Полагают, что никто не станет намеренно себе вредить. Но это неправда. Многие именно этого и добиваются.

— Психология! — Люсия зажала себе нос, словно почувствовала дурной запах. — Что за «новая злость»?

— Санже считает, что это из-за вас.

— Вы злитесь на меня? С какой стати?

— Нет, не на вас, а из-за вас. Рыцарь готов очертя голову броситься на ненавистного дракона, чтобы выручить из беды прекрасную даму.

— Какое ребячество!

— Так считает Санже, а не я. Он решил, что я попал под воздействие ваших чар.

Похоже, Люсию это позабавило.

— Да, Патрик всегда так думает. Романтик!.. — Она снова перешла на деловой тон: — Значит, он выдумал сказку и сам же в нее поверил. А я — нет.

— Хорошо, дам вам другое объяснение. Я не взял у него денег, потому что не мог выполнить условия договора. Вот и все. А причина, по которой я, как вы выражаетесь, «послал журнал ко всем чертям», заключается в том, что я хочу разорвать контракт. Мне нужно, чтобы меня уволили. Поэтому я совершил нечто непростительное с профессиональной точки зрения. Я бросил работу в самый неподходящий момент и самым неподходящим образом. Мое присутствие здесь не имеет никакого отношения к «Уорлд репортер» или какому-либо другому изданию. Я здесь, потому что меня заинтересовала ваша история, а также, если

говорить начистоту, потому что мне в данный момент нечего делать. Я пока не могу вернуться в Париж. Когда интервью выйдет из печати в понедельник, вероятно, что полиция заинтересуется и мной. Так что пока мне лучше постоять в сторонке.

Она подумала, прежде чем ответить.

— А почему вы хотите расторгнуть контракт?

— Естественно, потому что мне предложили другую работу. Почему же еще?

Последняя ложь убедила ее. Люсия улыбнулась насмешливо, но скорее одобрительно.

— Вы просто хитрый сукин сын? — рассмеялась она.

Я улыбнулся в ответ:

— Вот именно. Но у меня к вам один вопрос. Если вы действительно считали, что я блефую и стараюсь выведать у вас что-то еще, зачем вы позволили Адель Санже дать мне ваш номер телефона?

Это ее позабавило.

— Я все ждала, когда же вы спросите.

— Тогда, наверное, вы уже подготовили ответ.

— Разумеется.

Она села. Теперь быстро соображать уже не требовалось.

— Я хотела поддерживать с вами связь после того, как интервью будет напечатано. А после отъезда Адели это уже нельзя было сделать через нее. Поэтому я разрешила ей дать вам мой номер.

— И взяли у нее мой. Потому что действительно собирались переезжать или на случай, если я не позвоню?

— Я вам уже сказала.

— Пару минут назад вы обвиняли меня в том, что я пытался обманом вытянуть у вас признания. Я так понимаю, что сейчас вы сами хотите сделать какие-то заявления?

— Возможно.

Люсия посмотрела мне прямо в глаза и заговорила медленно, очевидно, обдумывая каждое слово:

— Я рассчитывала, что после публикации интервью мне понадобится помощь, поскольку появятся люди, которые захотят со мной побеседовать.

— Другие репортеры, вы имеете в виду?

— Да, репортеры и, — она взяла визитку Скурлети, — такие, как он.

— Понимаю.

— Этот появился слишком рано. Что вы намерены ему сказать?

— А что бы вы хотели, чтобы я ему сказал?

— Он предлагает серьезные деньги. — Она чуть улыбнулась. — Вы можете продать ему список, только выкиньте несколько адресов — этот дом и, наверное, тот, что в Больё.

— Это, конечно, его задержит. А что я должен сделать дальше?

— Можете пообещать ему, что передадите другие адреса во вторник.

— После того как выйдет журнал с интервью, так?

— Тогда можно будет точно сказать, кто ему нужен: Патрик или я. Вам, я думаю, это тоже интересно, — добавила она с очаровательной улыбкой.

Я поднялся на ноги.

— Думаю, мне пора идти.

— Не хотите чего-нибудь выпить?

— Нет, спасибо. Нужно возвращаться в Ниццу.

Моя собеседница тоже встала. Теперь ее улыбка была немного напряженной. Мне были понятны ее опасения: она слишком ясно дала понять, что собирается меня использовать. И не слишком ясно — что на компенсацию рассчитывать не приходится.

Люсия положила ладонь мне на плечо и спросила встревоженно:

— Вы ведь будете осторожны?

— Насчет Скурлети?

— Насчет вас самого. — Она посмотрела мне прямо в глаза. — Не забываете, теперь мы оба в розыске.

— Думаю, да.

Я сознательно отвечал уклончиво. Люсия попробовала еще раз:

— Вы должны принимать меры предосторожности.

— Боюсь, что в модном парике я буду слишком бросаться в глаза.

— Я серьезно.

— Я тоже.

У дверей она сделала последнюю попытку:

— Звоните, если захотите, только лучше днем или вечером.

Домработница приходит по утрам.

— Я запомню.

— Мне здесь очень одиноко. Теперь, когда Адель уехала, будет еще хуже. Заходите завтра, если получится.

— С удовольствием. — Я улыбнулся в ответ. — Я смогу вам рассказать, что вытянул из Скурлети, а вы мне — об итальянцах, на которых он, возможно, работает. Как вам такой вариант?

Люсия рассмеялась. Конечно, ее это устроило. Ей не о чем было волноваться, она добилась от меня всего, чего хотела.

III

Вернувшись в гостиницу в Ницце, я первым делом приготовил список домов, которыми владел Санже.

На это у меня ушло не так уж много времени. Я решил выкинуть виллу «Суризетт», а также два дома, которые упомянула Люсия. Сай наверняка

послал кого-нибудь — например, внештатника из Марселя, — чтобы наблюдать за домом Санже. Если Скурлети начнет шлаться поблизости, они скорее всего объединят усилия и поделятся добытыми сведениями. Сай, конечно же, сразу догадается, кто такой «Пьер Матис». С другой стороны, если я оставляю в списке остальные дома, расположенные в Мужене, Скурлети узнает о «Суризетт» сразу, как только начнет расспрашивать там о Санже. Но могу ли я их опустить? Ведь он уже провел кое-какие изыскания и, вероятно, знает про дома в Мужене. На самом деле я обнаружил их в то самое утро, когда он спорил с архивистом. С тех пор у него была куча времени — он мог добраться до них самостоятельно. Если я хочу, чтобы он доверял моему списку, придется идти на риск.

Немного подумав, я поставил звездочку напротив «Суризетт» — чтобы не отдавать все на волю случая.

Когда я вошел в кафе, Скурлети был уже там. Я опоздал на десять минут. Он кивнул мне и безучастно смотрел, как я подзываю официанта и заказываю выпивку. Когда официант отошел, грек наклонился ко мне:

— Вы принесли список?

— Да.

Он вытащил из кармана конверт и подтолкнул его вдоль стола.

— Тут тысяча пятьсот франков.

— Мы договаривались на две тысячи пятьсот.

— За весь список, когда он будет закончен, и только в том случае, если он будет закончен быстро.

— Его нельзя закончить раньше вечера понедельника.

— Почему не завтра?

— По субботам и воскресеньям архив закрыт. Разве вы не видели объявления?

Скурлети, похоже, огорчился.

— Ладно, в понедельник. А теперь ваш список, пожалуйста.

Я заглянул в конверт, а потом передал ему список. В нем было пятнадцать адресов, включая те, что в Сете. Дойдя до них, он нахмурился и посмотрел на меня:

— Сет?

— В департаменте Эро, с другой стороны от Марселя. Вы бы долго их разыскивали, — добавил я самодовольно.

— А как насчет других прибрежных департаментов? Буш-дю-Рон? Вар?

— Я их проверил. Ничего.

Было видно, что ему не хочется тратить время на поездку в Сет. Проверка всех домов, которые были в списке, отняла бы у него больше трех дней. Я решил, что пора ему помочь.

— Видите, — сказал я, — против этого дома, виллы «Суризетт» в Мужене, стоит звездочка? Это его собственный дом.

— Они все его собственные.

— Я имел в виду, что он живет на этой вилле, когда бывает во Франции.

— В самом деле?

Улыбка обнажила зубы.

— Сейчас его там нет. В доме живет прислуга, которая сказала, что хозяин в отъезде. Когда они вернутся, она не знает.

— Они?

— Месье и мадам Санже.

— А-а! — Снова показались зубы. — А существует мадам Санже?

— Разумеется. Он женат.

— Вы видели мадам Санже?

— Нет, но тот факт, что он состоит в браке, отражен в кредитном досье.

Скурлети задумчиво барабанил пальцами по столу, глядя в список.

— Откуда вы узнали, что Санже в отъезде? Вы пытались с ним связаться?

— С ним? Зачем? — Я хмыкнул. — Меня интересовала горничная. Слуги обычно знают больше, чем написано в досье. Не пьяница ли тот человек, которого вы проверяете, не игрок ли он? Нет ли у него любовницы? Слугам все известно.

Глаза Скурлети сузились.

— И что же вам удалось узнать?

Я замялся.

— О нем? Ничего особенного. Часто уезжает по делам. Заботится о здоровье. Не очень любит принимать гостей — приглашает только соседей, супружеские пары. Играет в бридж. Серьезный господин. С другой стороны...

Я неуверенно умолк и пожал плечами.

— С другой стороны? — Он поощрительно улыбнулся.

— Да так, сплетни. Вам неинтересно.

— Интересно, месье Матис. Я, как губка, впитываю все.

Теперь его зубы были полностью открыты.

— Ну, хорошо... Мне рассказали про его жену. Вы ведь знаете, что это она занимается арендой домов, а не муж?

— Нет, не знал. Очень любопытно. И что еще?

— Похоже, в одном из этих домов живет кое-кто, о ком ее муж не догадывается.

Скурлети был явно разочарован и пренебрежительно хмыкнул:

— Ну естественно. Когда муж все время в отъезде, у жены непременно кто-то появляется — мускулистый молодой человек с пляжа, жиголо из большого отеля...

Я покачал головой и искоса глянул на него. Надеюсь, убедительно.

— Нет, тут совсем другое дело. Это не молодой человек. Служанка слышала, как они разговаривали по телефону. Это другая женщина!

Скурлети вдруг замер. Это был трудный момент. Он не отрывал от меня глаз. Я постарался сменить выжидательную усмешку на смущенное выражение лица, какое бывает у человека после неудачной шутки.

Наконец он кивнул:

— И что?

— Как говорится, за что купил... — Я отхлебнул из бокала.

Он по-прежнему внимательно смотрел на меня.

— А как служанка узнала, что это женщина? Почему она думает, что это не мужчина?

— Она слышала имя — Люсиль, Люси...

— Может, Люсия? — мягко спросил он.

— Может, и так. Не важно. Имя женское.

Последовало неловкое молчание.

— А муж, Санже, не знает?

— Да кто ж ему расскажет?

Я глупо засмеялся и замахал руками, показывая официанту, чтобы он принес еще выпивки. Хотя я и забрасывал наживку осторожно, я надеялся получить осторожную, пусть даже многообещающую поклевку. Я не ждал, что Скурлети так сразу на нее набросится. Мне стало не по себе.

К счастью, грек перестал на меня таращиться. На лице его появилось странное, застывшее выражение, он неподвижно смотрел куда-то в пространство. Официант хотел забрать его пустой бокал, но Скурлети держал и не отпускал. Наконец он выпустил из рук бокал и снова посмотрел на список адресов.

— Где вы живете, месье Матис? — вдруг спросил он.

— Здесь, в Ницце. — Я назвал свою гостиницу.

— Это ваш дом?

— Э-э, нет. Я живу в Лионе, но там бываю только по выходным. Часто приходится ездить по работе.

— Понимаю. Вы женаты?

— Да. Двое детей, мальчик и девочка.

— Жаль.

— Как так?

Снова показались зубы, на сей раз вместе с деснами.

— Надеюсь убедить вас пожертвовать несколькими часами, принадлежащими дому и семье, — благожелательно произнес он. — Разумеется, за деньги.

Я соорудил вытянутую физиономию.

— Ну, не знаю, жена ждет, что я приеду сегодня вечером.

— Вы поедете на машине?

— Нет, я предпочитаю «Голубой поезд». [53] На нем быстрее и при желании можно вздремнуть.

— «Голубой поезд» ведь останавливается в Марселе?

— Да, а что?

— А Сет находится рядом с Марселем?

— Не совсем. Почти в двухстах километрах за ним.

— Все равно при желании вы можете там быть сегодня вечером.

— Думаю, да.

— И, проведя несколько часов в Сете, вы можете к завтрашнему утру вернуться домой.

— Ну, наверное, — отвечал я с сомнением.

— За пятьсот франков?

— Чего вы от меня хотите? Чтобы я выяснил, не остановился ли Санже в одном из этих домов?

— Не совсем. Меня действительно интересует Санже, как я вам сказал. Но я хочу знать, кто живет в каждом доме. Количество человек, мужчины или женщины, возраст, имена.

— Это займет больше, чем пару часов.

— С вашим-то опытом? Конечно же, нет. Хозяева кафе и владельцы автомастерских всегда все знают.

Он говорил прямо как Сай. Я по-прежнему делал вид, будто мне не хочется.

— Потребуется дополнительные расходы. Гостиница, еда, такси, билеты на поезд.

— Сотня франков на расходы. Вы успеете на завтрашний вечерний «Голубой поезд» из Марселя. Оттуда позвоните мне в гостиницу. Я буду ждать. Вам все понятно?

Я сдался.

— Ладно, уговорили. — Я взглянул на часы. — Мне нужно позвонить жене. Ей это не понравится. Она решит, что я завел тут подружку.

— Расскажите ей про пятьсот франков.

— Если я скажу ей про пятьсот франков, она захочет купить на них новых нарядов.

На этой уютной, домашней ноте наши переговоры закончились. Скурлети записал название гостиницы и номер телефона на обратной стороне своей визитки и отдал ее мне.

Я поднялся, чтобы идти, однако он положил руку мне на локоть.

— Еще одно...

— Да?

На мгновение он встретился со мной глазами.

53...Роскошный экспресс, курсировавший между Кале и Французской Ривьерой с 1922 по 2007 год. За цвет вагонов получил название «Голубой поезд».

— Я уже объяснил, дело очень срочное и важное. Поэтому вам надо подойти к нему со всей ответственностью. Никай халтуры и приписок!

— Разумеется! — Я постарался принять оскорбленный вид.

— И пожалуйста, будьте осмотрительнее. Люди, которые живут в этих домах, не должны знать, что вы наводите о них справки.

— Люди, чью кредитоспособность мы проверяем, обычно ни о чем не догадываются, — произнес я с обидой в голосе.

— Хорошо, хорошо. Я не хотел вас оскорбить. Завтра вечером жду вашего звонка.

— Договорились.

Я вернулся в отель, раздумывая, стоит ли позвонить Люсии и сказать ей, что случилось, но в конце концов решил, что не стоит. Это укрепит мои позиции. Если она хочет, чтобы я рассказал ей про Скурлети, пусть подумает, что предложить взамен.

С другой стороны, мне надо было уехать из гостиницы на сорок восемь часов. Хотя Скурлети, похоже, поверил мне на слово, он совсем не дурак. Обдумает случившееся — и запросто решит, что все это слишком хорошо, чтобы быть правдой. И начнет проверку. Он просил меня быть поаккуратнее; пожалуй, к его предупреждению стоит прислушаться.

Я нашел следующую гостиницу в мишленовском путеводителе и позвонил Люсии.

Она сразу узнала мой голос.

— Вы с ним виделись?

— Да.

— Ну и?..

— Завтра расскажу. Звоню сказать, что съезжаю из гостиницы.

— Почему?

— Все расскажу завтра.

— Что-то случилось?

— Нет, просто предосторожность. У вас есть следующий номер?

— Да. А он?..

— Мне надо идти. Завтра увидимся.

Я собрал вещи и спустился вниз, к стойке. Оплачивая счет, я объяснил, что уезжаю на выходные к семье, в Лион, и вернусь в воскресенье вечером. Я сказал, чтобы они так говорили всякому, кто будет мной интересоваться, и спросил, смогу ли я получить тот же самый номер по возвращении. С этим проблем не предвиделось. Я вышел из гостиницы, поставил машину на ближайшую крытую автостоянку и отнес чемоданы на вокзал. До поезда оставалось около часа. Я сдал багаж в камеру хранения, купил обратный билет до Канн и пошел ужинать.

Я увидел Скурлети, когда забирал чемоданы. Он стоял около газетного киоска и смотрел на перрон, от которого отходил «Голубой поезд». Он даже не прятался и озирался вокруг, словно встречал друга.

Наверное, я должен был обрадоваться, что предвидел такую возможность и принял необходимые меры предосторожности; вместо этого у меня засосало под ложечкой, и я стал прикидывать, не упустил ли чего-нибудь важного. Например, в кармане лежит чертов билет до Канн. А если Скурлети заметит? А если он спросит у меня номер моего домашнего телефона в Лионе? Что тогда делать? Дать ему мой старый номер и надеяться на лучшее или просто повернуться и убежать? Внезапно я почувствовал, что совсем не подхожу для этой роли, и у меня ослабели колени. За секунду до того, как он меня увидел, я чуть было не совершил фатальную ошибку: не попросил носильщика отнести мой багаж в вагон, вместо того чтобы отнести самому, как должен был поступить мой персонаж.

Скурлети сразу же подошел ко мне.

— Уже боялся, что вы опоздаете на поезд. Он вот-вот отходит.

— Я знаю.

— Я хотел вам еще кое-что сказать, но в гостинице ответили, что вы уже уехали.

Проверка и перепроверка.

— Я обедал. В поезде дерут такие цены...

— Понимаю. На случай, если меня не будет в гостинице, когда вы завтра позвоните из Марселя, я договорился с оператором в гостинице, очень милой дамой, что она примет у вас сообщение, если вы будете диктовать медленно.

— Да, конечно.

Ноющее чувство под ложечкой потихоньку отпустило. Если Скурлети не смог выдумать ничего поумнее, чтобы объяснить свое присутствие на вокзале, то, похоже, я его переоценил.

— Желаю хорошо провести время, — сказал он.

Поезд уже подходил.

— Спасибо, постараюсь.

— Хорошо быть молодым. Завтра жду звонка.

— Вечером.

Я быстрым шагом двинулся по перрону, специально глядя на вагоны, на которых было написано «Для пассажиров в Марсель».

Скурлети не стал ждать отправления. По крайней мере на перроне, но из опасения, что он может ждать снаружи, я решил действовать согласно первоначальному плану. Я сошел в Каннах и вернулся в Ниццу на пригородном поезде.

Отель стоял рядом с портом, и в нем, судя по всему, останавливались пассажиры с корсиканских пароходов. Ночной консьерж оказался педантом с тонкими губами и подозрительным взглядом. Он заставил меня предъявить документы, и поэтому в полицейскую анкету пришлось вписать собственное имя. Мне очень не хотелось этого делать, но выбора

не было. Если бы я теперь решил не останавливаться здесь и ушел, консьерж вполне бы мог позвонить в полицию и донести о случившемся.

Было половина одиннадцатого — половина пятого в Нью-Йорке. У Сая и Боба Парсонса оставалось шесть с половиной часов до последнего срока. Интересно, что они сейчас делают. Один из них, скорее всего Боб Парсонс, будет пытаться меня найти и рыскать в поисках моих следов. Внештатник из Марселя будет им помогать. К этому времени Сай наверняка установил постоянный контакт с парижским бюро. Интересно, в Нью-Йорке уже знают о моем предательстве, или, надеясь, что все еще обойдется, он сказал лишь, что не может со мной связаться? Скорее всего он сказал им правду. В конце концов, задание поручил мне мистер Каст, а не Сай, и его не за что винить. «Если вы поручаете такое важное дело не прожженному профессионалу, а любителю, да еще с психопатическими наклонностями, — скажет он им, — ждите сюрпризов». В любом случае у них есть самая главная, самая важная часть истории, а также запись, подтверждающая ее подлинность. Возникнут некоторые осложнения, если не удастся найти меня до того, как журнал выйдет из печати, но проблемы следует решать по мере поступления. У них на руках сенсация, и чем больше шума она произведет, тем лучше.

Только не для меня.

Иногда газета или журнал может отказаться выдавать источник информации, сославшись на привилегии прессы, но тут не такой случай. В этот раз «Уорлд репортер» будет с готовностью сотрудничать с властями и другими новостными медиа. Мало того что придется доказывать подлинность истории — а предположение, что это фальшивка, обязательно возникнет, — они еще должны будут объяснить, почему не могут предъявить человека, который взял интервью у Люсии Бернарди, чтобы его опросила полиция.

Интересно, как Сай станет выкручиваться. Вряд ли он заявит, что я — психически неуравновешенный тип. Это дискредитирует и историю, и сам журнал. Скорее всего он выберет мужественную откровенность человека, которому нечего скрывать, и честно скажет, что сам ничего не знает, что он должен был встретиться со мной в аэропорту Ниццы, а я не явился. Он, конечно, не будет говорить о моем письме. Скажет, что я срочно уехал из Мужена, и он, естественно, предположил, что в истории появились новые подробности и я, видимо, продолжаю расследование в другом месте. Теперь он не на шутку обеспокоен и будет рад любой помощи в розысках. В моем досье в офисе лежала фотография, которую использовали для пресс-карт. Ее разошлют повсюду. Сходство просто замечательное. Куча людей в Ницце опознает меня с первого взгляда.

Европейское издание «Уорлд репортер» печатается во Франкфурте и распространяется большими партиями по воздуху. Вполне возможно, что новостные агентства узнают об этом материале еще до выхода журнала

вечером в воскресенье, когда тираж передадут авиаиниям. В таком случае французские утренние газеты смогут пересказать голые факты в своих утренних изданиях, а в вечерних выпусках появится уже более подробная информация. В понедельник после полудня я буду в новостях.

Как сказала Люсия, мы теперь оба на нелегальном положении. До понедельника мне надо найти убежище не хуже, чем у нее.

В голову приходил лишь один вариант.

Глава V

I

Было уже почти десять утра, когда я пил вторую чашку кофе.

Я собирался провести все утро у себя в номере, а потом зайти за машиной и по дороге купить шляпу. Скурлети, я не сомневался, будет осматривать все дома из списка, и, поскольку я дал ему два адреса в Каннах, нельзя было исключать возможность, что мы там случайно столкнемся, когда я поеду встречаться с Люсией. Если он случайно увидит меня за рулем проезжающей машины, то в шляпе вряд ли опознает. Темные очки тоже следует надеть, но только если облака рассеются и выглянет солнце.

Последний раз я носил головной убор, когда учился в школе в Англии. Телефон зазвонил в тот самый момент, когда я раздумывал, какую шляпу купить: фетровую или соломенную, дешевую или дорогую, темную или светлую.

От резкого звука я чуть не подпрыгнул. Единственным человеком, который знал, что я здесь, была Люсия, но я не ждал ее звонка. Более того, она не знала, что я остановился здесь под своим именем. Она бы попросила Пьера Матиса и потом поняла...

Я снял трубку:

— Алло.

— Месье Маас? — Это был телефонист гостиницы. — Вас спрашивают...

Он замолчал, а потом произнес извиняющимся тоном:

— Прошу прощения, человек повесил трубку.

— Какой человек?

— Он не представился.

— Мужчина или женщина?

— Мужчина, месье.

— А какой голос? Француз?

— Да. Вероятно, марселец.

— Он просил соединить со мной?

— Он спросил, не проживаете ли вы в нашей гостинице. Я не знал и посмотрел в список. Ваше имя там было. Я сказал, что позвоню вам в номер, но он не стал ждать. Если он перезвонит...

— Да, конечно, спасибо.

Очевидно, внештатнику из Марсея поручили обзванивать все гостиницы. Найдя, что хотел, он сразу же положил трубку, чтобы не спугнуть меня.

Мне нужно было выметаться из гостиницы, и как можно скорее. Если они по-прежнему в Мужене, времени достаточно. Если они уже перебрались в Ниццу, дела мои плохи.

Я не побрился и даже не почистил зубы. Быстро натянув вчерашнюю одежду, я забросил остальные вещи в чемодан и спустился вниз. Это заняло не больше пяти-шести минут. Еще пять я ждал счета и расплачивался.

О том, чтобы поймать такси рядом с гостиницей, нечего было и мечтать. Я торопливо двинулся вдоль набережной Папачино, чувствуя себя совершенно незащищенным. Неподалеку был пришвартован паром, на его корме крупными буквами было написано: ATTENTION AUX HELICES.^[54] В моем положении — самое подходящее предписание.

Дойдя до улицы с односторонним движением, я сразу же на нее свернул. Теперь я удалялся от гавани, и они не могли ехать мне навстречу на машине. На площади Гарибальди я взял такси и приехал в мою прежнюю гостиницу, рядом с вокзалом.

К счастью, у них были свободные номера. Я пробормотал что-то насчет изменившихся планов. Через минуту меня уже зарегистрировали как Пьера Матиса.

Приняв ванну и переодевшись, я спустился и спросил, где ближайший магазин мужской одежды. Это был дешевый универсальный магазин, и выбор шляп там оказался невелик. Размеры тоже были не все. Я взял первую, какую предложили, из грубого серого фетра с широкими полями и черной лентой. Продавец сказал, что в ней чувствуется стиль и что больше у них таких не осталось — это последняя. Он явно был рад сбыть ее с рук. Шляпа придавала мне вид жалкий и подлый, но я притворился довольным. Продавец едва скрывал свое презрение к моей глупости.

Из магазина я пошел на стоянку, забрал машину и, надвинув шляпу на самые брови, отправился в Антиб — надо было как-то убить время перед тем, как ехать к Люсии, и я предпочел убивать его подальше от Ниццы. Кроме того, мне хотелось спокойно подумать, не оглядываясь все время через плечо. Бутылка вина и хороший обед упростили дело. Люсии нужна информация, и у меня кое-что для нее есть. Люсия намерена меня использовать, и я не имею ничего против. Но сначала надо поговорить

начистоту. К тому времени у меня уже возникло подозрение, что она притворялась, когда говорила, будто не хочет давать мне интервью. Ей удалось обмануть Адель Санже. Я вовсе не хотел, чтобы она и меня обвела вокруг пальца. Мне требовалась правда.

После обеда я двинулся в объезд через Сен-Поль-де-Ванс и въехал в Канны по другой дороге. Выбрав такой маршрут, я мог добраться до улицы Карпоньяр, не заезжая в центр города. Я припарковался у дома номер пять, как раньше, прошел к номеру восемь.

Входная дверь была открыта — Люсия меня ждала. Она бросила взгляд на шляпу, которую я снял.

— Ну у вас и вид! Зачем вы это надели? Когда вы вышли из машины, я вас сразу не узнала.

— Так и задумано.

— Чтобы я вас не узнала?

— Чтобы другие не узнали.

— Почему? Что случилось?

— Довольно много всякого.

Она ждала, что я продолжу. Не дождавшись, чуть пожала плечами и двинулась на террасу. Я пошел следом.

— По телефону вы говорили загадками, — сказала она. — Так что вы узнали от Скурлети? Что ему нужно?

— Ему нужны вы.

— Он сам вам сказал?

Я не ответил, а молча сел и закурил.

Люсия нетерпеливо смотрела на меня.

— Так что?

— Я все вам расскажу... только откровенность за откровенность. Таков был уговор. Помните?

— Ну, много всего было сказано.

— Вчера вы как бы случайно упомянули «итальянцев». Мне кажется, вы сделали это сознательно. Вы хотели заронить в мою голову мысль.

Она, похоже, забавлялась.

— Какую мысль?

— Что вы не так испуганы и беспомощны, как представляется Адель Санже. Вы не жертва обстоятельств, а держите ситуацию под контролем.

— А зачем мне это надо?

— Чтобы эффектнее подать новость.

— Не понимаю. — Ей, похоже, стало не смешно. — Какую новость?

— Интервью, которое вы мне дали, — это тщательно выверенное объявление о продаже.

— Это вы так думаете.

— Но ведь это правда? У вас есть что-то, что вы хотите продать. Чемодан, полный документов? Но для начала вам надо намекнуть

возможным покупателям, что они продаются. В то же время вам нужно быть осторожной, чтобы не сболтнуть лишнего, иначе они попытаются забрать его, не заплатив, как те двое в Швейцарии. Поэтому вы ждали, пока на вас выйдет кто-нибудь из прессы, чтобы сообщить о начале торгов. Этим человеком оказался я. В понедельник новость будет в «Уорлд репортер». Во вторник покупатели съедутся в Ниццу. Теперь вам требуется посредник, который установит контакт с покупателями. Я думаю, что им тоже окажусь я.

Люсия внимательно посмотрела на меня, затем откинулась на спинку кресла и рассмеялась. Я ждал. Наконец она встала и, все еще хихикая, подошла к шкафу с бутылками.

— Ну, на этот раз вы просто обязаны выпить. Вас называть Пьер или Пит?

— Пьер меня устроит. И да, я выпью. Только если вы перестанете ходить вокруг да около и перейдете к делу. Если нет — я уезжаю, и для переговоров с месье Скурлети вам придется искать кого-нибудь еще.

Она вытянула руки, раскрыв глаза от удивления.

— Конечно, я собираюсь говорить серьезно. Я просто боялась, что если я сразу выложу вам все как есть, вы не согласитесь... вернетесь к своему редактору или, чего доброго, пойдете в полицию.

— Ладно, — сказал я кисло, — теперь можете говорить свободно. Что бы вы делали, если бы я не появился?

Люсия передала мне бутылку бренди и стакан.

— Не знаю. Я начинала нервничать. Думала, как устроить все по-другому, без помощи газеты, но это было бы слишком опасно. Вы же понимаете, нужно действовать очень осмотрительно. Если бы вы не приехали, я бы, наверное, позвонила в агентство «Пари матч» в Ницце.

Она помолчала.

— Я не подумала об американском журнале. Глупо с моей стороны.

— Вы могли обратиться к Санже.

— К Патрику? — Люсия состроила гримасу. — Ну нет! Я слишком хорошо его знаю. Он все сделает по-своему. Затеет сложные маневры. А в результате я получу на чай, а он купит парочку новых домов.

Она присела и отхлебнула портвейна.

— Интересно насчет Скурлети. Он, как и вы, пытался выйти на меня через Патрика. О чем вы с ним разговаривали?

— Я вам все расскажу, только сначала хотел бы послушать вас.

Она колебалась.

— Вы еще не сказали, что мне поможет.

— Вы еще не сказали, о какой помощи идет речь.

— Вы сами догадались.

— После того как вы мне прозрачно намекнули — да, догадался. Но теперь я должен рисковать, устраивая для вас это дело. Я хочу знать больше.

Люсия закусил губу.

— Я не говорила, что вам придется рисковать.

— Если бы все было так просто, вам бы не понадобился посредник. Вы бы прекрасно справились сами.

— Эти люди не пойдут на сделку с женщиной. С ними должен разговаривать мужчина.

— С полковником Арбилем они уже поговорили.

— Вы не понимаете. — Она чуть покраснела.

— Нет, не понимаю. Поэтому вы должны объяснить мне, что происходит, чтобы я решил, помогать вам или нет.

— Как мне убедиться, что вы говорите серьезно, а не просто стремитесь удовлетворить свое любопытство?

— Боюсь, что никак. Можете позвонить в «Пари матч», если думаете, что с ними будет легче договориться.

Люсия холодно посмотрела на меня, затем пожала плечами.

— Вот и хорошо, — произнес я. — Так что было в чемодане?

— Я же вам сказала. Записи Ахмеда.

— Записи чего?

— Подпольной деятельности Комитета.

— Вы мне сказали, что взяли чемодан потому, что этого хотел бы полковник Арбиль. А как бы он отнесся к вашему решению продать записи?

Я думал, она снова начнет врать, однако когда Люсия снова заговорила, я понял: она не пыталась найти оправдание, а думала над тем, как объяснить, что их связывало.

— Относительно наших с Ахмедом отношений... — начала она осторожно. — Мне он очень нравился. Всякая женщина проникнется симпатией к умному, обаятельному и богатому человеку, который ее обожает, но при этом не теряет достоинства и здравого смысла и не требует, чтобы она обожала его в ответ. Вы понимаете?

— Санже говорил, что вы были от него без ума.

Она нетерпеливо махнула рукой:

— Разумеется, я так сказала Патрику. Это сэкономило кучу времени. Влюбившись, я становилась эмоционально неустойчивой и, значит, бесполезной для него.

— Понятно.

Похоже, способность Люсии к мгновенным вычислениям произвела на Санже такое впечатление, что он не обратил внимания на ее умение просчитывать ситуацию в целом.

— В общем, — продолжала она, — мне было хорошо с Ахмедом. Он умел красиво ухаживать, был веселым и щедрым. Ни у кого из нас не было иллюзий. Мы оба знали: рано или поздно он вернется на родину, чтобы занять высокий пост в правительстве, возможно, даже самый высокий. И жена — французская католичка — совершенно не вписывалась в такую картину. Даже если бы я сменила религию. Вы же знаете, у курдов с этим очень строго.

— Наверное.

Люсия отбросила волосы со лба и встретила со мной глазами.

— Думаю, вы многое про меня знаете.

Она сказала это просто, без всякой рисовки.

— Я знаю только то, что прочел. Ну, и еще то, что мне рассказал Санже.

— И то, что вы видели своими глазами.

— Да, я кое-что узнал, это правда.

— Наверное, вы уже догадались, что к деньгам я отношусь серьезно.

— Что совершенно естественно, особенно для француженки.

— Я имею в виду не мелочную экономию. Просто я боюсь остаться без денег. Когда я была маленькая, мой отец разорился сразу после войны. Хотя я была ребенком, я хорошо помню, как они с мамой испугались.

— Но ваш отец создал другую компанию.

— Это совсем не одно и то же. Мои родители оба происходили из рабочих семей. Они высоко поднялись — и всегда боялись скатиться вниз. Когда мне пришлось переехать к тете в Ментону, я поняла почему. Она заставила меня учиться работать руками. Сначала работать за гроши, а потом выйти замуж за бакалейщика — вот так, по ее мнению, я должна была прожить свою жизнь. — Люсия замолчала. — Думаете, снобизм?

— Думаю, большинство бакалейщиков живет очень неплохо. Но я понимаю, о чем вы говорите. Наверное, вам было тяжело, когда ваш магазин в Антибе прогорел.

Она кивнула.

— Нет смысла заниматься малым бизнесом, если у тебя нет денег на развитие. Мы с Ахмедом часто об этом говорили. Армейский офицер, он хорошо разбирался в финансовых вопросах. Все его братья заняты бизнесом. — Лицо ее приняло отсутствующее выражение. — Один из них представляет в Ираке большую американскую автомобильную компанию. У него огромные обороты. Он продает легковушки, грузовики, бульдозеры и получает процент с каждой проданной машины.

Люсия выглядела такой одухотворенной, как будто описывала невероятно прекрасное произведение искусства. Потом она перехватила мой взгляд и повела плечами.

— Конечно, это все, в свою очередь, требует больших затрат.

Я улыбнулся, и она настороженно посмотрела на меня. Наверное, не могла понять, не над ней ли я смеюсь.

— По-моему, вы боитесь не бедности; вы боитесь, что не будете богатой.

Она нетерпеливо взмахнула рукой:

— Это одно и то же. Ахмед понимал, чего я хочу. Он сказал, что когда вернется на родину, оставит мне некоторый капитал. По собственной инициативе. Мы вместе планировали, что сделать на эти деньги.

— И много денег?

В ее глазах вновь появилось отсутствующее выражение.

— Примерно полмиллиона франков или около того. Может быть, больше.

Она говорила почти безразличным тоном.

В эту минуту у меня появились дополнительные стимулы.

— И деньги должны были взяться из этого чемодана?

— Да.

— Каким образом?

— Я пытаюсь вам объяснить, но вы все время перебиваете.

— Извините.

Люсия подлила себе еще немного портвейна и сосредоточилась.

— Ахмед никогда не нуждался в деньгах. Между ним и теми, кто остался в Багдаде, существовало соглашение. Кто-то из них по-прежнему был ему другом, кто-то — врагом, но они все хорошо его знали. Даже враги относились к нему с большим уважением. Кроме того, Ахмед был главой разведки. Уезжая на конференцию в Женеве, он знал, что в стране могут наступить перемены, поэтому взял с собой кое-какие досье.

— Эти досье могут сильно повредить его врагам, как я понимаю.

— И друзьям. Это была простая предосторожность. В Ираке друзья легко становятся врагами, а враги — друзьями. Так он мне объяснил. Поэтому его друзья и их компании были под надежной защитой и могли присылать ему деньги. Все можно было устроить.

— И где теперь эти досье?

— У меня. Однако досье не главное. Важно то, что произошло между Ахмедом и Курдским комитетом. Понимаете, Ахмед был патриотом.

— Да, вы говорили.

— Но не дураком.

— Не сомневаюсь.

— Долгое время, пока Ахмед жил в Цюрихе, он работал в Комитете. Он обладал опытом и репутацией, был чиновником высокого ранга и пользовался авторитетом в армейских кругах. В общем, важная птица, вы понимаете.

— Да.

— Поначалу Комитет не очень ему доверял. По его словам, там было несколько человек, которые считали, что его бегство в Швейцарию лишь трюк для отвода глаз, что таким образом багдадское правительство хочет внедрить шпиона в их ряды. Но время шло, и он приобретал влияние, ему стали доверять и посвящать в свои тайны. А потом, примерно год назад, случилось нечто такое, что заставило Ахмеда усомниться в них.

— И что же именно?

— Вы что-нибудь знаете о курдском национальном движении?

— Севрский договор и тому подобное?

— Да, все эти разочарования. Ахмед сказал, что их было слишком много и Комитет устал. Когда люди, бежавшие от несправедливости и притеснений, долго живут вдали от родины, в них происходят перемены. Кто-то теряет веру — на них можно не обращать внимания, — а кто-то, наоборот, изо всех сил стремится к власти и готов ради этого предать свои идеалы. «Давайте будем реалистами, — говорят они. — Сначала надо захватить власть, а потом мы можем скорректировать нашу политику». Такие люди, говорил Ахмед, либо развращены, либо обманывают сами себя. В любом случае они опасны, и их надо остановить.

— Так, значит, он решил их остановить?

— Да. После падения Мехабадской республики в сорок шестом году Комитет последовательно отказывался от поддержки со стороны России. Россия предала их один раз, говорили они, предаст и в другой. Они также понимали, что страны Запада никогда не пойдут на признание курдского государства, если оно будет союзником русских. По крайней мере большинство это понимало. Когда Ахмед стал в Комитете своим человеком, он заметил, что несколько его членов, которые на словах соглашались с такой политикой, между собой смеялись над этими принципами. Сначала он счел это нормальным проявлением обиды и разочарования. Потом у него возникли смутные подозрения, и он притворился, будто разделяет их взгляды. Наконец к нему подошел один из этих людей и предложил собраться втайне от руководителей Комитета. Встреча прошла у нас на вилле. К концу вечера Ахмед уже знал, что Комитет предан и его используют лишь как прикрытие для сговора с русскими.

— Что за сговор?

— Одновременные вооруженные восстания в курдских районах Турции, Сирии и Ирака. Группы повстанцев пройдут военную подготовку и получат современное оружие. Специальные террористические подразделения будут обеспечивать секретность и дисциплину. Там было еще много всего. Операция получила кодовое название «Даг» — по-турецки «горец». Курдов еще называют «горными турками». Ахмед говорил, что «Даг» — хорошо продуманный долгосрочный план и что при

его разработке учтены как сильные, так и слабые стороны курдов. По словам Ахмеда, у этого плана хорошие шансы на победу.

— И что же он сделал?

— Естественно, примкнул к заговорщикам.

— Естественно? Мне казалось, он их не одобрял.

— Конечно. Но как еще он мог послужить общему делу? В следующие два месяца он посещал секретные встречи «Дага», слушал, что там говорили, и выяснял все, что мог: имена, явки, схемы подчинения, источники финансирования, связь...

— Это и были те собрания на вилле, о которых вы упоминали раньше?

— Да, но были и другие в Лозанне и Базеле. Еще до того, как Ахмеда предупредили, что он попал под подозрение. Тогда он перестал ходить на собрания. Это было бы слишком опасно.

— Но заговорщики могли догадаться, что он предупрежден.

— Не сразу. Он сказал им, что его вызывали на допрос в швейцарскую полицию и что за ним может быть установлено наблюдение. В таком случае ему было бы разумно держаться подальше от них, а им — от него. Рано или поздно они бы обо всем догадались и попытались его убить. Однако Ахмед считал, что у них ничего не выйдет.

— Вы действительно не знаете, кто его предупредил?

— Нет. Предупреждение пришло из Багдада. Кто-то там проболтался. Они совсем утратили бдительность.

Я уже запутался.

— Они?

— Его старые друзья в багдадском правительстве. Естественно, к тому времени он уже успел с ними связаться и сообщил кое-какие сведения насчет «Дага» и о своих намерениях.

Люсия улыбнулась со знанием дела.

Мне показалось, я начал понимать.

— Вы хотите сказать, он решил воспользоваться «Дагом», чтобы купить себе триумфальное возвращение?

— Купить возвращение? — Похоже, предложение ее оскорбило. — Разумеется, нет. Он собирался продать.

— Но ведь наверняка...

— Какой смысл передавать информацию Багдаду за просто так? — воскликнула Люсия. — Получив такие сведения бесплатно, там заподозрят неладное. Они знали, что в Швейцарии Ахмеду живется совсем неплохо и он не торопится возвращаться. Они тут же спросят себя: «В чем дело? Почему этот курд оказывает нам услуги? В какую игру он пытается играть?» Но если им придется выложить кругленькую сумму, они будут смотреть на это по-другому. Его мотивы будут понятны.

— И они согласились заплатить?

— Да. Обо всем уже было договорено. Из Багдада должен был приехать человек, чтобы ознакомиться с образцами разведданных, подготовленными Ахмедом, и обсудить цену. Ахмед поставил только одно условие: он хотел, чтобы этот человек был одним из тех, кому он доверяет. Они собирались послать его бывшего сослуживца бригадного генерала Фариси. Он должен был приехать на следующий день после того, как Ахмеда убили. Мне предстояло выступить посредником.

Я подлил себе еще бренди и спросил:

— Так генерал Фариси и есть тот покупатель, которого вы ждете?

Она кивнула:

— Один из. Когда он прочтет обо мне в вашем журнале, то поймет, что я хочу выйти с ним на контакт.

— А на кого работает Скурлети?

— Думаю, на итальянский консорциум. Я почти уверена.

Люсия прикурила сигарету.

— Багдад предупрежден об операции «Даг». Ахмед согласился продать им все отчеты и остальные документы, которые у него были. Он вел себя как ответственный человек и патриот.

Она замолчала, чтобы это запомнилось.

— С другой стороны... — подсказал я.

— С другой стороны, багдадские власти — не единственные, кому интересны эти документы.

— Продать два раза.

— Ничего страшного. Ахмед узнал, что новая итальянская нефтяная компания очень заинтересована в возможности изменить политический режим в Мосуле и Киркуке. Это может привести к пересмотру половины существующих концессий на добычу нефти и выдаче новых с семьюдесятью пятью процентами заемного капитала. Одна итальянская компания уже заключила подобные сделки в Иране. Теперь и другие нефтяные страны хотят того же. Американским и британским нефтяным компаниям нужна стабильность в Ираке, но если там начнутся перемены, итальянский консорциум может стать первым. Поэтому они тоже хотят знать про «Даг»: каковы шансы и кто те новые лидеры, с которыми им придется вести дело.

— Судя по тому, что Скурлети уже здесь, полковник Арбиль известил консорциум о возможной сделке.

— Да, они в курсе.

— Так, значит, на рынке два покупателя. А кто те люди, которые убили вашего друга? Если они умеют читать, я полагаю, они тоже примчатся сюда.

Люсия насупилась:

— Конечно. «Даг» явно скомпрометирован, но они еще могут попытаться спасти себя и свою организацию. Для этого им надо

уничтожить документы. Поэтому мне надо действовать с оглядкой. Сначала я думала выйти на контакт с генералом Фариси через иракское посольство в Париже, однако я знаю, Ахмед счел бы такой план слишком рискованным. Багдад много раз его обманывал, может обмануть снова. Вы понимаете? Мне страшно, но надо стараться действовать осмотрительно.

— Да, я понял.

И я действительно понял. Она, конечно, боится, однако головы не теряет. Теперь она ищет способ вывести свой капитал из вложений в полковника Арбиля. Прежде я был ею очарован. В тот момент я еще не полюбил ее, но уже начал испытывать к ней уважение.

— Нам обоим надо быть осторожными, — добавила она. — Если, конечно, вы согласитесь мне помочь.

— Ладно. Хотя должен вас предупредить, что я невротик и трус.

Она засмеялась:

— Вы послали своего босса ко всем чертям.

— Я очень храбр на бумаге.

— А вы забавный. — Она посмотрела на меня оценивающе. — Кажется, вы мне нравитесь.

— Вы еще измените свое мнение. Мы не обсудили мой гонорар.

— Ах, это... — Люсия на минуту задумалась, потом, похоже, приняла отчаянное решение. — Вы же сами видите, от вас требуется только поговорить с покупателями по телефону. Думаю, пять процентов будет справедливой платой.

— Вряд ли.

— Двадцать пять тысяч новых франков! — сказала она обиженно. — Целое состояние!

— За несколько телефонных разговоров — возможно. Но не за то, что придется делать мне. Надо будет предоставить образцы документов, значит, потребуются две встречи. Затем — передать оставшиеся бумаги и получить взамен наличные. Еще две встречи. Всего четыре. У Комитета будет четыре возможности меня убить.

Она отмахнулась:

— Не преувеличивайте. Я же говорила, что надо соблюдать осторожность. Если вы будете осторожны, как им станет известно о встречах?

— На их месте я бы знал, что делать.

— Что?

— Ждать, пока приедут покупатели, и затем проследить, с кем они выйдут на контакт.

— А как они узнают покупателей?

— Ну, Скурлети, может, они и не узнают, но про бригадного генерала Фариси им наверняка известно. Думаю, договариваясь о встречах, надо

быть не только осторожными, но также умными и хитрыми. И даже в этом случае опасность для обеих сторон очень велика. Я не виню вас, что вы отвели мне роль посредника, — заключил я дружеским тоном, — но, боюсь, вам придется оплатить мои услуги как полагается.

Люсия отхлебнула портвейна.

— И сколько, по-вашему, вам полагается?

— Тридцать тысяч долларов.

Она потрясенно уставилась на меня:

— Тридцать тысяч... сто пятьдесят тысяч франков!

— Да, что-то около того. Если вам нужна моя помощь, она будет стоить ровно столько.

Люсия быстро поднялась на ноги.

— Вы просто сумасшедший.

— Я был бы сумасшедшим, если согласился бы на меньшее. Возможно, я все равно сумасшедший, но за такую сумму я готов рисковать. Все или ничего.

— Я заплачу вам пятьдесят тысяч франков.

— Звоните в «Пари матч».

— Семьдесят пять тысяч.

— Сто пятьдесят тысяч, или я отказываюсь.

— Мерзавец!

Она продолжала выкрикивать оскорбления. Я терпеливо ждал. Когда она начала выдыхаться, я заговорил снова:

— Люсия, мне нужно сто пятьдесят тысяч. Мне нет смысла рисковать жизнью за меньшую сумму. Но обещаю вам, я постараюсь вытянуть из них все возможное. Вы по-прежнему получите свои полмиллиона чистыми. Если нам повезет и мы сумеем столкнуть иракцев с турками, то, может быть, и больше.

— Вы хуже Патрика.

— По вашим словам, он бы оставил вам лишь чаевые.

— Все вы одинаковы.

— Ерунда.

Она устало уронила руки и снова села.

— Вы шантажист.

— Санже тоже так говорил. Тем не менее я ему помог.

— Для чего журналисту капитал?

— Для того же, для чего и вам, — хочу начать с чистого листа. Необходимую сумму высчитал для меня Санже.

Люсия глубоко вздохнула:

— Ну хорошо.

— Вы согласны? Сто пятьдесят тысяч?

— Да, да, согласна. Расскажите мне про Скурлети.

Я рассказал.

Она хотела знать все подробности. Ее позабавило, как Скурлети проводил меня до поезда. На нее произвела впечатление его готовность платить за услуги.

— Ему дали карт-бланш, — одобчительно прокомментировала Люсия.

— В том, что касается расходов, возможно, — кивнул я. — Но сколько вы планируете из него вытянуть?

— Я запрошу двести тысяч франков и рассчитываю, что получу по меньшей мере половину. Надо будет сказать ему, что есть и другие заинтересованные стороны.

— Он не удовлетворится копиями. Вы не сможете продать документы два раза.

— Это не копии. Они написаны рукой Ахмеда.

— А как мы свяжемся с бригадным генералом Фариси? Мы ведь даже не уверены, что в Ниццу пошлют именно его.

— Пошлют его, точно. И Ахмед говорил, что он не дурак. Я уверена, он догадается, как нам помочь.

— Как?

— В Цюрихе я должна была с ним встретиться в отеле «Швейцерхоф». Здесь нет такого отеля, зато есть несколько со швейцарскими названиями: «Гельвеция», «Суисс», «Франк-Цюрих» и другие. Думаю, он остановится в одном из них. Вам надо только позвонить туда и узнать. Это просто.

— Да, несложно.

Я рассказал ей о моих сегодняшних приключениях.

Она пришла в восторг.

— Видите! Мы легко его найдем.

— Найти меня им будет еще проще. К понедельнику мои фотографии появятся во всех газетах. Мне надо убраться из гостиницы до завтрашнего вечера.

— Куда вы пойдете?

— Я надеялся услышать предложения от вас.

Люсия на минуту задумалась.

— Здесь есть свободная комната, — сказала она наконец, — но по утрам приходит уборщица. Она удивится, что сразу после пластической операции я завела любовника.

— А как насчет того дома в Больё, куда вы привезли меня для интервью? У вас есть от него ключ?

— Да. Только будьте очень осторожны. Дом считается пустым, а в соседних домах живут люди.

— А еда там есть?

— Адель оставила пару банок супа на случай, если мне придется срочно переехать. Вы можете купить еды сегодня, пока магазины еще открыты. Нет постельного белья, но я одолжу вам пару простыней. И дам ключ от гаража, чтобы вы загнали туда машину.

— Не надо. Я должен избавиться от машины до понедельника. Если мой портрет напечатают в газетах, в прокатной фирме меня могут вспомнить. Они начнут беспокоиться о своей машине и сообщат в полицию. Боюсь, вам придется меня отвезти.

— Когда стемнеет.

— Чем позже, тем лучше. Я не горю желанием сам готовить еду. — Я встал. — Думаю, пора звонить Скурлети.

— Ах да. Телефон вон там.

Она слушала по параллельному аппарату в спальне, пока я звонил.

— Месье Скурлети? Это Матис из Марсея.

— Вы были в Сете?

— Да, все эти дома пусты.

— Все? Вы уверены?

— Абсолютно. Там никого не может быть.

— Почему?

— Их сейчас перестраивают.

— Все три?

— Все три. Они сейчас нежилые.

Последовала пауза.

— Очень хорошо, — сказал он наконец. — Увидимся в понедельник в муниципалитете.

— Я могу задержаться, но если вас там не застану, приду к вам в отель. До встречи.

Я повесил трубку.

Люсия вернулась из спальни. На ее лице играла улыбка.

— Какой акцент!.. Думаю, он говорит и читает по-арабски. За это его и выбрали. — Она посмотрела на часы. — Поспешите, а то магазины закроются и вы не успеете купить продукты.

Когда мы шли через дом к двери, я сказал:

— Мы так и не обсудили еще одну важную вещь. Что будет после?

— После?

— Предположим, Скурлети согласится заплатить, и бригадный генерал Фариси приедет и тоже согласится заплатить, и нам каким-то чудом повезет остаться в живых...

Она резко оборвала меня:

— Не надо так шутить.

— Я вовсе не шучу. Ну хорошо, пусть нам не грозит никакая опасность. Допустим, все прошло по плану, мы получили деньги — что дальше? Вы и потом будете прятаться?

— До тех пор, пока люди «Дага» не узнают, что документы уже в Багдаде, а они узнают довольно быстро. После этого они потеряют ко мне интерес.

— В отличие от полиции.

Люсия махнула рукой:

— Потом я позволю полиции себя найти. Скажу им то, что сказала вам для журнала. У меня будет адвокат, который отдаст им оставшиеся бумаги. Глупая истеричная женщина... Они ничего не смогут мне предъявить.

— Зато они много чего предъявят мне, — напомнил я. — Отказ сообщить сведения о лице, разыскиваемом полицией, можно толковать как преступление.

— Да. — Люсия на минуту задумалась, потом ее лицо посветлело. — Ну конечно! Вы отведете меня в полицию. Вы будете тем человеком, который убедит меня сдаться. И вы отдадите им бумаги Ахмеда.

— Но при этом ни словом не обмолвлюсь о продаже документов «Дага».

— Разумеется. Им это может не понравиться.

— Вы понимаете, что без этих документов у полиции нет шансов разыскать людей, которые пытали и убили вашего друга?

Она пожала плечами:

— У них и с документами нет шансов. И Ахмед бы не обиделся. Даже если их посадят, его уже не вернуть. Ему было действительно важно, чтобы документы попали тем, кому предназначались. И чтобы я получила деньги.

— Ясно.

Ей показалось, что она заметила саркастическую нотку. Губы ее сжались.

— Я долго оплакивала Ахмеда, — сказала Люсия тихо, — но теперь это в прошлом, и я не буду притворяться, особенно перед вами. Поскольку мы с вами оба заинтересованы в успехе, обойдемся без лицемерия и притворства. Я сказала, что вы мне нравитесь, только не надевайте высокий воротник.

Она хотела сказать, не становитесь самодовольным ханжой.

Я улыбнулся.

— Прошу прощения. Больше не повторится.

— Отлично. Во сколько вас ждать завтра?

— Примерно в это время. Я перенесу чемоданы и запасы еды в вашу машину. Потом поеду и сдам «рено» в прокатную контору. А когда стемнеет, вы заберете меня из Ниццы.

Она согласилась.

Я надел шляпу и вышел. Мне не надо было беспокоиться, что я случайно столкнусь в Каннах со Скурлети, поэтому я поехал в Ниццу по прямой. На улице Гамбетта есть большой продуктовый магазин. Я купил яиц, несколько банок сардин в масле, консервированных овощей и фруктов, несколько палок колбасы, выбирая наименее скоропортящиеся, и пару бутылок вина. Пришлось сделать два захода, чтобы сложить все в

машину. Оттуда я поехал на стоянку рядом с вокзалом и оставил машину там. В воздухе висела морось, и я отправился в гостиницу, чтобы взять пальто.

По дороге я размышлял, что надо бы запастись книгами и купить маленький радиоприемник на случай, если придется проторчать в одиночестве в доме в Больё несколько дней. Входя во вращающуюся дверь гостиницы, я как раз мысленно добавлял к своему списку покупок на следующий час несколько пачек сигарет.

Я увидел Боба Парсонса прежде, чем он меня. Боб стоял у столика дежурного и показывал ему мою фотографию. На звук открывающейся двери дежурный автоматически поднял глаза. В первую секунду он не узнал меня из-за шляпы, но лишь в первую секунду. У него вырвалось восклицание, и Боб обернулся. Я поспешно вышел обратно. Боб Парсонс закричал мне вслед:

— Пит! Пит, болван! Подожди минутку!

Раздался скрежет тормозов и визг шин, когда я бросился на другую сторону улицы перед движущейся машиной. Водитель чертыхнулся. Я слышал, как Боб Парсонс выкрикивает мое имя. Я не оглядывался. Я бежал.

II

К счастью, морось превратилась в мелкий дождь. Если на улице сухо, бегущий привлекает внимание и может заинтересовать полицию; под дождем бегущий человек с поднятым воротником не требует объяснений. Я бежал, пока хватило сил.

В конце улицы Россини есть большое кафе. Я зашел туда, позвонил Люсии и рассказал, что случилось. К счастью, я записал ее телефон на удостоверении для прессы, которое носил в нагрудном кармане.

Она не задавала глупых вопросов и не тратила времени на причитания.

— Где вы сейчас?

Я продиктовал ей адрес кафе и подождал, пока она его запишет. Потом сказал:

— Машина с едой на парковке рядом с отелем. Я не хочу идти туда пешком. Думаю, лучше подождать до темноты, а потом вы заберете меня отсюда и отвезете на парковку. Как только я смогу избавиться от прокатной машины, можно будет переезжать в Больё.

— А как быть с одеждой?

— У меня есть еще несколько часов, чтобы купить самое необходимое.

— Отлично. Но я не могу зайти в кафе. Там слишком светло. Вам придется смотреть, не подъехала ли моя машина.

— «Ситроен»? Ладно. Примерно через час?

— Договорились.

Для начала я зашел в аптеку и обзавелся всем необходимым: бритвой, зубной щеткой и тому подобным. Хотел купить и снотворное, но без рецепта мне его не продали. Тогда я отправился в тот универсальный магазин, где покупал шляпу. Перед самым закрытием я успел взять несколько пар носков, белье, три нейлоновых сорочки, прорезиненный плащ и пластмассовый чемоданчик. На обратной дороге добавил к своей коллекции чудовищный радиоприемник с часами. Времени искать книжный магазин уже не было. Сигареты я купил в кафе, пока ждал Люсию.

К тому времени дождь уже хлестал вовсю, через стеклянные ширмы, закрывавшие террасу кафе, ничего не было видно. Я вышел и встал в дверном проеме офисного здания по соседству. Люсия опоздала на пару минут. Я бросил чемодан на заднее сиденье и сел рядом с ней.

— Где стоянка? Может, лучше оставить машину там? Я знаю продуктовый магазин, который торгует допоздна.

— Нет, я хочу вернуть машину владельцу. Она взята на имя Матис, и Боб Парсонс знает, что это я. Если машина будет считаться в угоне, возникнут проблемы с полицией. Я бы оттянул этот момент, насколько возможно.

— Да, разумно.

Я объяснил ей, как проехать на стоянку. Люсия высадила меня у входа. Я вывез «рено»; она последовала за мной. Немного не доезжая до прокатной конторы, я остановился и перегрузил картонные коробки с продуктами в «ситроен». Люсия ждала, пока я вернул машину и получил назад залог. Через несколько минут мы уже неслись по Муайен-Корниш на восток.

Разговор не клеился. Я спросил ее, подключен ли в Больё телефон, и она ответила, что да. Очевидно, Адель Санже всегда оставляла свои дома готовыми для вселения, считая, что так практичней. Люсия захватила с собой постельное белье и полотенца, а также немного хлеба. Как только она открыла дверь, я стал переносить вещи. Из-за дождя, темноты и ступеней дело двигалось не быстро. К тому времени как все было закончено, Люсия успела разжечь камин.

Я не смог скрыть своего удивления. Она подняла брови.

— Вы думали, я брошу вас в этом беспорядке и сразу уеду в Канны?

Именно этого я и ждал.

— Я боялся, что кто-то заметит машину возле дома.

— Да кто ее увидит в темноте?.. Теперь давайте посмотрим, где вы будете спать. Адель говорила, что наверху есть большая спальня. Окна с этой стороны соседям не видны, поэтому с задернутыми шторами можно

спокойно включать свет. Но лучше бы, конечно, сначала убедиться, что там есть шторы. Эх, надо было взять фонарик.

Я достал спички, и мы поднялись наверх. Я стоял в дверном проеме, прикрывая зажженную спичку рукой, пока Люсия задергивала занавески. Затем она включила свет, и мы увидели большую двуспальную кровать, обитую желтым в белую полосу кретоном. Узкая дверь с полукруглым проемом вела в ванную. Люсия оценивающе огляделась. В углу стоял сосновый платяной шкаф. Она подошла к нему и принялась доставать одеяла и подушки.

— Неплохо, — прокомментировала Люсия. — Адель сдает жилье дорого, но оно стоит своих денег.

— Я полагаю, жильцы не появятся?

— Еще месяц по крайней мере. Некоторые из ее домов заняты круглый год, но большинство только в сезон, с мая по сентябрь. Вам тут будет удобно?

— Вполне.

— Вообще-то здесь прохладно, но можно принести снизу электрический обогреватель, чтобы просушить одеяла. А мы пока чего-нибудь выпьем. Полагаю, не откажетесь? Постель застелим позже.

Я никак не ожидал увидеть Люсию такой домашней. Весь ее облик, манера двигаться неуловимо изменились. За пять минут она разобралась с незнакомыми кухонными приборами и почувствовала себя как дома. Немного поохав над моими продуктовыми закупками — я забыл купить масло, поэтому омлет исключался, — она лихо соорудила какое-то вкусное блюдо из яиц, томатной пасты и мелко порезанных ломтиков чесночной колбасы. У нас был хлеб и к нему бутылка красного вина на низеньком журнальном столике у камина.

Я думал, Люсия захочет обсудить планы на ближайшую неделю, но я ошибся. Планировать предоставлялось мне, а ее роль сводилась к снабжению, тактической поддержке и поддержанию моего морального духа. Кое-какие подробности моей личной жизни она выведала у Адели Санже, а теперь хотела узнать про моих друзей: чем занимаются, сколько им лет, состоят ли в браке, где живут, сколько зарабатывают, что говорят и что думают. Когда я упомянул имя своей хорошей знакомой, которая писала для модных журналов, Люсия явно наострила уши, и ее вопросы стали продуманными. «Это с ней он спит?» — явно размышляла она. А потом спросила почти напрямик.

— На следующей неделе вас, возможно, объявят в розыск. А как же ваши друзья? Они будут о вас волноваться?

— Думаю, да. Но тут уж ничего не поделаешь.

— А как же самые близкие?

— Вы имеете в виду мою любовницу?

— Вы мне о ней не рассказывали.

— Потому что ее не существует.

— Неужели у вас никого нет? — Недоверие в голосе Люсии должно было мне польстить, если бы я не раздумывал, как поскорее перевести разговор на другую тему.

— Прямо сейчас — нет.

— По собственному желанию?

— Отчасти.

Ее брови недоверчиво поднялись.

— А, понимаю, вы из тех, кому трудно угодить. — Люсия улыбнулась. — Расскажите мне про последнюю. Какой она была?

Я отхлебнул вина.

— Я уже почти забыл. Доктор в больнице сказал, что через какое-то время я совсем забуду.

Ее улыбка погасла.

— Что случилось? Она умерла?

— Насколько мне известно, нет. В той больнице пациентом был я.

— И вы не хотите говорить о ней?

— И даже думать, когда у меня это получается.

Последовала пауза.

— Понимаю. С ней связаны плохие времена.

— Да.

К счастью, Люсия не стала развивать эту тему. Допив свой бокал, она принялась убирать со стола. Я хотел было ей помочь, но она меня остановила:

— Не надо, мне быстрее самой. Допивайте свое вино. Я пока сварю кофе.

Через минуту или около того я услышал, как она поднялась вверх, чтобы постелить постель. Я остался на месте. За день я ужасно устал, и разговор о Мадлен привел меня в подавленное состояние.

В такие минуты с моим лицом что-то происходит. Люсия заметила это сразу, как только вошла в комнату с кофе. Когда я взял у нее поднос, она подошла к буфету и достала бутылку бренди, которую я открыл для нее в день интервью.

— Вам удастся здесь выспаться? Для меня самой чужой дом совсем не то же самое, что номер в отеле. Даже в этом доме есть что-то глубоко личное.

— Полагаю, бренди поможет.

Люсия села и разлила кофе по чашкам.

— Когда Адель пустила меня пожить, — начала она, — у меня было, как вы легко себе представляете, что-то вроде нервного срыва. Адель попросила у своего врача успокоительное; у меня еще осталось несколько таблеток. Конечно, это не совсем снотворное. Но если хотите, завтра принесу.

— А что за успокоительное?

— Люминал, по-моему.

— Спасибо. Мне бы пригодилось.

— Глупо с моей стороны, что я не догадалась положить их в сумочку.

Я улыбнулся:

— Вы просто не привыкли иметь дело с психами.

Люсия сердито вспыхнула.

— Если вы говорите с улыбкой, значит, либо сами в это не верите, либо вы не прочь унижаться. В любом случае это вас не украшает.

— Я просто констатировал факт. А насмешило меня другое: вы пытаетесь вести себя так, словно забыть люминал столь же естественно, как забыть купить масло.

Она обдумала мои слова, затем пожала плечами.

— Сначала вы говорите, что вы трус, потом говорите, что вы психопат. Вы помните только плохое и говорите о себе только плохо. Почему? Потому что вы глупы? Нет, на глупца вы не похожи. Вероятно, вы думаете, что если человек чего-то боится, это делает его трусом, а если все время помнит о своих бедах — психом. — Люсия подняла голову и взглянула мне прямо в глаза. — Не ждите, что я буду играть в ваши игры. На мой взгляд, вы нормальный мужчина. Возможно, вы несчастны, но это ваше дело. Я не хочу притворяться. Я не хочу вести себя с вами, как будто вы в чем-то ущербны. Я никогда не сочувствовала уродам.

— Так не обращайтесь внимания. В конце концов, — добавил я рассудительно, — у нас ведь чисто деловые отношения.

— Вот именно. — Люсия поднялась на ноги. — Думаю, мне пора. Вам принести что-нибудь, кроме того, о чем мы говорили?

— Если мне что-нибудь понадобится, я позвоню.

Она натянула парик, надела пальто и ушла, не сказав ни слова.

Наша взаимная неприязнь была почти полной.

Глава VI

I

Некий человек, назовем его X, приезжает в гостиницу и снимает номер. Второй человек, назовем его Y, находится в том же городе, в доме на окраине. X хочет встретиться с Y, и Y хочет встретиться с X. Однако они должны сделать это так, чтобы не привлекать к X и Y (в особенности к Y) враждебного внимания третьей стороны, Z.

Вопрос: опишите, (1) при каких условиях может состояться данная встреча и (2) как могут быть созданы эти условия. Описание должно быть четким и подробным. При необходимости проиллюстрируйте свое

решение диаграммами, графиками, схематическими картами и т. д. Найденное решение не должно основываться на удаче.

Большую часть воскресенья я провел, размышляя над этой проблемой. Ответы на первый вопрос были достаточно очевидны. Если предположить, что члены Комитета знают бригадного генерала Фариси и установят за ним пристальное наблюдение, то от слежки надо избавиться прежде, чем встреча состоится. У Фариси не должно быть возможности вывести их на меня. Более того, в связи с некоторыми особенностями взаимоотношений между мной, полицией и прессой встречи должны проходить ночью и в таком месте, до которого Фариси мог бы добраться незаметным и неузнанным. В идеале мы оба, Фариси и я, должны на час или где-то около того превратиться в невидимок.

На второй вопрос у меня не было удовлетворительных ответов в принципе. Я видел фильмы, в которых герои уходили от преследователей, прыгнув с движущегося поезда или, наоборот, вскочив в него на ходу, или пройдя через огромные здания с множеством выходов, но я должен был учитывать, что Комитет поручит найти и уничтожить документы людям опытным и целеустремленным. Любая непродуманная и очевидная попытка уйти от преследователей даст им понять, что сделка уже намечена и мы ушли в оборону. Мне предстояло разработать надежный и простой план встречи, который можно будет просто и сжато объяснить Фариси по телефону и который не потребует от него ничего такого, что могло бы вызвать подозрения.

К концу дня я пришел к заключению, что без риска задача практически невыполнима. Довольно просто придумать способ, который позволил бы Фариси избавиться от наружного наблюдения, когда он выйдет из отеля. Он мог зайти на прием к врачу или в туалет в кафе, а мог нанести визит в ближайший бордель и еще много куда. Проблема заключалась в том, как мне встретиться с ним, оставаясь при этом незамеченным.

Я позвонил Люсии. Она говорила со мной официально-вежливым тоном.

— Как спалось?

— Спасибо, неплохо.

— В доме тепло? Забыла вам сказать, что дрова лежат в чулане под лестницей.

— Спасибо, я нашел. Я вот по какому поводу звоню. Нет ли у вас хорошей карты? Или путеводителя?

— Адель оставила путеводитель в машине. А зачем?

— Я потом объясню. Но это важно.

— Очень хорошо, приеду, как только смогу.

Она привезла коробку с продуктами, включая, среди прочего, жаркое из курицы, которое приготовила сама, и две бутылки белого бургундского.

Поставив кастрюльку с курицей в духовку, Люсия попросила меня открыть бутылку вина.

— Вчера мы слишком много выпили. Я наговорила лишнего.

— Вы сказали, что думаете.

— Этого, как правило, делать не следует.

— Вы принесли карту?

Карта была у нее в кармане пальто — буклет, сложенный в несколько раз, с путеводителем по окрестностям Ниццы и списком улиц, напечатанным такими мелкими буквами, что разобрать их без лупы было совершенно невозможно. Я расстелил карту на полу и мрачно ее осмотрел.

— Зачем она вам?

Я объяснил суть стоящих передо мной проблем.

Ее, по-видимому, обрадовало, что я занялся делом. Она села на пол рядом со мной и внимательно слушала.

— С другой стороны, — сказала Люсия, когда я закончил, — относительно Скурлети мы можем не волноваться. Он уже здесь. Мы успеем закончить дела с ним до того, как люди из Комитета начнут создавать нам трудности.

— Я думал, вы хотите дать ему понять, что у него есть конкуренты — тогда он согласится заплатить дороже. Мы не в силах сколько-нибудь заметно ускорить события, не ослабляя нашей позиции. Я могу позвонить ему завтра и сообщить хорошую новость. Даже договориться с ним о первой встрече завтра вечером. Однако сделку не провернуть раньше вечера вторника. Ему придется связаться с людьми, которые его наняли, получить наличные... Я ведь правильно понимаю, что мы хотим наличные?

— Да, конечно. Французские или швейцарские франки или доллары. Мне все равно. Но обязательно наличные.

— Возможно, мне удастся так договориться с ним на первом свидании, что второе пройдет в полной безопасности. Если, к примеру, он сразу уедет из Ниццы, люди из Комитета его не достанут. С бригадным генералом Фариси этот номер не пройдет; его будут ждать в аэропорту.

— Вряд ли они успеют.

— Ох, не надейтесь. Если Фариси полетит из Ирака, то у них будет преимущество в двадцать четыре часа.

— Из иракского посольстве в Анкаре он успеет раньше. В прошлый раз он приезжал оттуда.

— В любом случае рисковать нельзя, — сказал я. — «Уорлд репортер» можно купить в Женеве в понедельник вечером. Завтра к вечеру люди Комитета будут уже в Ницце. Нам надо придумать безопасный план встречи с Фариси. Нужно отыскать где-то в Ницце здание, куда он зайдет, не вызывая подозрений, и где нет возможности для слежки, и чтобы я мог бы зайти туда так, чтобы меня никто не видел.

Люсия молчала, раздумывая. Через минуту или две она поднялась и пошла на кухню, проверить жаркое, а вернувшись, сказала:

— Профилактическая клиника.

— Клиника?..

— Там лечился мой отец. Когда у него болела печень, врач назначал ему промывание кишечника. Его это забавляло.

— Забавляло промывание?

Она рассмеялась:

— Нет, устройство клиники. Там проводили различные процедуры для мужчин определенного возраста, страдающих от заболеваний предстательной железы. Мужчине не очень-то приятно признаваться в подобных вещах, а уж тем более встретиться там с кем-нибудь из знакомых. Поэтому все было устроено очень скрытно. Входили через аптеку и поднимались в клинику по лестнице. Выходили по другой лестнице, которая вела во двор многоквартирного дома за углом.

— Как давно это было?

— Около девяти лет тому назад.

— Клиника все еще существует?

— Сейчас выясню.

Люсия взяла телефонный справочник и нашла название.

— Вот. — Люсия посмотрела год издания. — По крайней мере два года назад клиника существовала. Позвоню туда завтра утром.

— Вы сказали, что сзади есть двор. Он закрыт, или туда можно заехать на машине?

— Заехать можно. Через подворотню.

— А во сколько клиника закрывается, не помните?

— Аптека работает до половины девятого. Наверное, клиника тоже.

Я немного подумал.

— Да, хороший вариант для первой встречи. Я припаркую машину во внутреннем дворе, он пройдет через аптеку, выйдет к машине, а затем вернется тем же путем. Если, конечно, там ничего не изменилось.

— Мы можем съездить туда сегодня вечером и посмотреть. Клиника закрыта, но скорее всего все будет понятно.

— Да, так и сделаем. — Я снова задумался. — Одно мне не нравится: едва приехав в Ниццу, генерал первым делом идет в клинику, где делают промывание кишечника и лечат пожилых мужчин от болезней простаты. Не подозрительно ли?

— Подозрительно, если он зайдет в аптеку? Там продают не только лекарства, но еще мыло, зубную пасту и все такое. И как долго он там пробудет? Десять минут самое большее.

— Пожалуй, вы правы. Однако для второй встречи надо придумать что-то другое.

Люсия внезапно нахмурилась:

— Я кое-что вспомнила.

— Что?

— Ахмед упомянул, что бригадный генерал Фариси не говорит по-французски. Знает буквально пару фраз, не больше.

— А по-английски?

— Конечно. Это второй язык в Ираке.

— Ну, я говорю по-английски.

— Я имею в виду, когда он войдет в клинику, ему придется записаться на прием или вроде того.

— Я могу ему сказать, что говорить.

— Или обеспечить переводчика.

— Лучше бы они приходили по одному. Особенно на второе свидание. Чтобы у них не было соблазна забрать документы, а деньги оставить себе.

— У вас есть оружие?

— Нет.

— В моей машине есть револьвер. Мне его дала Адель. Можете взять.

Во Франции принято возить с собой в машине заряженный револьвер. Мне этот обычай всегда казался дурацким, но сейчас был не самый подходящий момент, чтобы его обсуждать.

— Хорошо. В любом случае разумнее, если они будут приходить на встречи по одному. Это не только трусость, — добавил я со значением, — но еще жадность и здравый смысл.

Люсия хихикнула; ее не смущали разговоры о трусости, если приправить их долей шутки. Она подлила мне еще вина: мы вновь стали друзьями.

— Одно мы не обсудили — собственно документы.

— Да, давайте я вам расскажу. Никаких трудностей не предвижу. Ахмед сам выбрал страницы, которые собирался показать покупателям. Показать только один раз, и никаких записей. Те сведения, которые они запомнят, не имеют большого значения.

— Сколько там страниц?

— Шесть. Я принесу их завтра утром.

— А остальные документы? Я так понимаю, они по-прежнему в чемодане?

Ее лицо посуровело.

Я ухмыльнулся:

— Тяжело, да? Если все пойдет по плану, скоро наступит тот ужасный момент, когда вы должны будете довериться мне во всем, включая деньги и документы.

Немного покраснев, Люсия встала.

— Думаю, сегодня стоит поесть нормально, за обеденным столом, — сказала она и направилась на кухню.

Проходя мимо дивана, она взяла лежавшую там сумочку, достала маленький пузырек и демонстративно поставила его на журнальный столик.

— Люминал.

II

Клиника располагалась довольно далеко от основных туристских мест, в квартале, где все улицы названы в честь композиторов: Гуно, Верди, Берлиоз, Глазунов. Аптека, как Люсия и говорила, была довольно большой. В витринах красовалось множество рекламных плакатов и цветов из жатой бумаги, так что с улицы почти нельзя было разглядеть, что творится внутри.

Люсия повернула за угол и остановилась. Я вылез из машины и прошел через арку во двор. Из комнаты консьержки доносился звук работающего на полную громкость телевизора. Меня никто не видел.

Во дворе под знаком «частная парковка» стояли две машины и оставалось место еще для двух. Мне не пришлось долго искать заднюю дверь клиники, я сразу увидел ее в углу слева. Рядом к стене была прибита табличка с названием и сообщением, что вход только для медицинского персонала.

Я вернулся к машине и сел рядом с Люсией.

— Похоже, клиника работает. Беспокоит только, что здесь нет никаких гостиниц, где бы он мог остановиться. Зачем ему идти так далеко, если рядом с отелем много других аптек? Что может привести его в этот квартал?

Люсия на минуту задумалась.

— Может, он захочет пойти в кино?

— А тут есть поблизости?

— Я вам покажу.

Снова проехав мимо аптеки, она свернула в ближайшую улицу — авеню Респиги. На углу был кинотеатр «Люкс».

Я записал адрес.

— Хорошо бы он пришел в аптеку с рецептом от врача, — сказала Люсия, пока мы ехали обратно в Больё. — Если за ним действительно будут следить.

— И как это сделать?

— Иракский джентльмен приезжает с Ближнего Востока. Из-за разницы во времени его мучает бессонница. Он спрашивает в отеле, к какому врачу ему обратиться, чтобы получить рецепт на снотворное. Если слежка будет вестись тщательно, они об этом узнают. Он получает рецепт. Все нормально. Затем решает пойти в кино, чтобы скоротать

время до обеда. Выйдя из кино, вспоминает про рецепт. Идет в ближайшую аптеку и ждет. В это время у них много народу. Ему придется подождать минут двадцать. Никто не станет задавать вопросов, почему он так долго задержался и что он там делает. Как вам?

— По-моему, вы гораздо лучше планируете такие вещи, чем я.

Она заподозрила иронию и рассердилась:

— К чему эти колкости? Я говорю серьезно.

— Я тоже. На мой взгляд, мысль отличная. Первая встреча важнее, потому что там определится цена. Чем спокойнее будет обстановка, тем лучше.

Последовало короткое молчание. Затем Люсия сказала:

— Я все время думаю про завтрашний день.

— Я тоже.

— Про журналы, газеты и радио?

— Да. А как вы получаете прессу?

— Женщина, которая приходит убираться, приносит «Нис-Матэн» и парижские издания.

— А вечерних газет у вас не бывает?

— Нет, она уходит в середине дня. Придется слушать радио и ждать вечернюю прессу. Я заеду на вокзал по дороге сюда, там свет не особенно яркий. В любом случае риск неизбежен. — Люсия бросила взгляд на приборную панель. — И еще кое-что надо сделать сегодня.

— Что именно?

— Заправить машину. Адель оставила мне две канистры на экстренный случай, но лучше их не трогать. Сегодня вы можете спокойно заехать на автосервис. Тут неподалеку, на улице Арсон.

Люсия остановила машину у перекрестка улиц Бонапарте и Арсон, вышла и двинулась к круговой развязке у подножия горы. Пока она пешком поднималась вверх к Корнишу, я заехал в автосервис, залил полный бак, снова подобрал ее через пять минут и отвез к дому.

Когда я вылез из машины, Люсия протянула мне какую-то старую тряпку, которую достала из кармашка на дверце.

— Лучше пусть будет у вас, — сказала она.

— Что это?

— Револьвер.

Я взял промасленную ткань, в которую было завернуто оружие, и захлопнул дверцу машины.

Люсия улыбнулась:

— Спокойных снов, Пьер.

— Вы позвоните мне, если что-нибудь будет в «Нис-Матэн»?

— Конечно. Сразу, как только останусь одна.

Я смотрел, как она выехала на дорогу, подождал, пока звук мотора стихнет вдали, и пошел по дорожке к пустому дому.

Огонь почти догорел. Я подложил еще полено и поворошил оставшиеся угли, пока камин не разгорелся снова. Тогда я развернул револьвер. Он был полностью заряжен.

В Голландии я служил в армии. Как выпускник университета, большую часть срока я провел в образовательном центре, где преподавал иностранный язык. Во время базового курса подготовки я научился разбирать и чистить винтовку «Армалайт АР-10» и даже стрелять из нее, но на этом мои познания в области огнестрельного оружия заканчивались. Я всегда считал, что пистолеты и револьверы — оружие офицеров, полицейских и преступников.

Я осторожно осмотрел револьвер, ища предохранитель, но ничего не нашел. Через какое-то время я все-таки нашел защелку, освобождающую барабан, и вынул патроны. Это позволило мне, не прострелив себе ногу и не повредив мебель, сделать важное открытие: когда нажимаешь на курок, барабан поворачивается, а молоточек поднимается и падает.

Огонь снова ярко разгорелся, но мне все равно было холодно. Я перестал играть с револьвером и отложил его, разряженный, в ящик комода. В голове крутились мысли о завтрашнем дне.

Люминал лежал там, где его оставила Люсия, на журнальном столике. В бутылочке было шесть таблеток по пятнадцать миллиграмм. Я принял три и лег спать.

III

Я проснулся вскоре после рассвета. Из окна спальни мне было видно косу Сент-Оспис на мысе Кап-Ферра. С юга дул сильный бриз, и на темной поверхности моря бегали белые барашки. На небе не было никакой утренней дымки — оно сияло голубизной. Вдалеке по короткой петле дороги, идущей вдоль берега, двигался продуктовый фургон. Я почти различал буквы на его борту.

У меня возникло странное чувство тревоги. Казалось, в такой день ничего не спрячешь. Думаю, если бы небо было обложено тучами, я бы тоже счел это дурным знаком. В любом случае день не сулил ничего хорошего.

Я спустился вниз, сварил кофе и включил радио. По «Радио Монако» шла реклама минеральной воды: «Вода, которая делает пфф!.. пфф!.. пфф!..» Я попытался найти станцию, которая передавала бы новости, но безуспешно. Пришлось переключить обратно на «Радио Монако», которое было слышно лучше всего.

Я поджарил остатки вчерашнего хлеба и съел их с кофе. Потом принял ванну и оделся.

В девять часов передали новости. Ожидается, что на открытии международной конференции по тарифам французский делегат выступит против избрания постоянного председателя. Бельгийский авиалайнер с шестьюдесятью четырьмя пассажирами и членами экипажа на борту не прибыл в назначенное время в аэропорт Браззавиля. Сегодня утром успешно осуществлен запуск очередного спутника связи с мыса Кеннеди. Второе кровавое убийство за эту неделю произошло в Марселе, в квартале Сен-Жорж. Страховая комиссия, расследующая причины автокатастроф, назвала федеральную трассу номер семь одной из самых опасных автомобильных дорог Европы. В Лионе начнется процесс по делу супружеской пары, обвиняемой в растрате средств из трастового фонда своей дочери.

Потом диктор произнес: «Неожиданное продолжение получило таинственное дело Арбиля. Слушатели помнят, что в связи с этим делом полиция разыскивает для допроса жительницу Ниццы, мадемуазель Люсию Бернард. До сих пор стражам порядка не удавалось напасть на след прекрасной любовницы полковника. Однако сегодня утром американское новостное агентство заявило, что американский журналист сумел отыскать мадемуазель Бернард в одном из пригородов Ниццы и взять у нее интервью, в котором она рассказывает о событиях той ночи, когда произошло убийство. Других сведений к этому часу не поступило, но представитель Центрального комиссариата полиции сообщил, что им известно о сообщении прессы и что в скором времени последует официальное заявление. В наших дневных выпусках мы надеемся сообщить вам о дальнейшем развитии событий».

Далее он перешел к новостям спорта.

Все было примерно так, как я и ожидал, за исключением сообщения новостного агентства. Я и забыл, что в Нью-Йорке есть киоски, где можно купить «Уорлд репортер» в воскресенье вечером. Упоминание полиции мне не понравилось. «Американский» журналист, преуспевший там, где французская полиция потерпела неудачу, не вызовет у Центрального комиссариата симпатий. В дальнейшем события будут развиваться только к худшему. Интересно, где сейчас Сай Логан и как скоро полиция и французская пресса начнут задавать ему вопросы. Если он уже вернулся в Париж, то сейчас как раз на них отвечает.

Я снова попытался найти новостную радиостанцию и снова безуспешно. Оставалось только ждать. Я просмотрел книги на полках в гостиной. Типичный ассортимент для съемного дома на юге Франции: отдельные тома старой энциклопедии, мемуары колониальной жизни, совершенно неудобоваримые французские и итальянские романы, религиозные книги для детей, четырнадцатитомное собрание сочинений Виктора Гюго в роскошном кожаном переплете и забавная маленькая

книжечка для родителей, призванная помочь им в выборе имени для ребенка: «Un nom pour le B». [55] Я нашел имя «Люсия».

Оказалось, что это либо женский род от латинского *lucius* — свет, — либо уменьшительное от Лукреции. Последнее имя, как без обиняков сообщало руководство, теперь почти вышло из употребления в связи с «неблагоприятными историческими ассоциациями». См. также Люси.

Чтобы хоть как-то убить время, я принялся считать невылупившихся цыплят: планировать возрождение «Этоса». Причиной провала стало мое слишком самонадеянное решение выходить раз в две недели. При таких больших производственных расходах, как сейчас, нельзя выпускать журнал почти совсем без денег. С другой стороны, ежемесячное издание гораздо жизнеспособнее с финансовой точки зрения. Понадобится в три раза меньше сотрудников. Новый формат позволит получать вполне приличный доход от рекламы. И на сей раз я позабочусь, чтобы распространение было эффективным и прибыльным.

Через десять минут подобных мечтаний я осознал, что дальше развивать эти мысли не стоит — возвращение к реальности будет слишком мучительным. Я снова включил радио. Передавали легкую музыку попеременно с рекламой.

Когда наконец наступил полдень, я понял, что напрасно ждал его с таким нетерпением.

Диктор начал с новостей о международной конференции по тарифам в Женеве, а затем продолжил:

«Сенсационное развитие получило дело Арбиля. В девятичасовом выпуске новостей мы уже сообщали, что Люсия Бернарди — красавица, которую уже несколько месяцев разыскивает французская и швейцарская полиция по делу об убийстве в Цюрихе иракского полковника Арбиля, — обнаружилась в окрестностях Ниццы, где она дала интервью журналисту, работающему на американское издание. Интервью опубликовано в сегодняшнем выпуске журнала „Уорлд репортер“. В нем мадемуазель Бернарди подробно описывает события той ночи и рассказывает, как ей удалось избежать участи своего любовника. Она также утверждает, что у нее остались принадлежавшие ему секретные бумаги, за которыми охотились преступники в ночь убийства.

Ранее высказывалось предположение, что это интервью — не более чем плод фантазии, детективный роман, выдуманный кем-то, кто представился Люсией Бернарди, чтобы получить известность и деньги. Однако источники в Цюрихе опровергают такую возможность. По заявлению главы уголовной полиции Цюриха комиссара Мюльдера, интервью свидетельствует о знании деталей и фактов, не упоминавшихся

ранее в прессе; нет сомнений в том, что корреспондент беседовал с самой Люсией Бернарди.

Как и ожидалось, местная полиция сразу выразила желание получить дополнительные сведения об интервью и о мадемуазель Бернарди — пропавшей свидетельнице, объявленной в розыск. Очевидно, для этого следовало обратиться к журналисту, бравшему интервью.

Но тут возникли непредвиденные обстоятельства. В парижском бюро „Уорлд репортер“ заявили, что не располагают информацией о том, где сейчас находится их сотрудник. В прошлый четверг вечером он передал им интервью по телефону из Ниццы и сообщил, что собирается взять отпуск на несколько дней. Все попытки связаться с ним не дали результата.

По сведениям полиции, этот журналист — Пит Маас, гражданин Нидерландов, проживающий во Франции. Он может также представляться Пьером Матисом. Ему тридцать четыре года. Рост — метр восемьдесят один сантиметр, худощавого телосложения, волосы и кожа светлые, глаза серо-голубые, лоб высокий. Лично знающие его отмечают, что ему присуща определенная элегантность. Полиция просит отозваться всех, кому известно его местонахождение. Предполагается, что месье Маас по-прежнему находится в окрестностях Ниццы».

Сообщение заканчивалось на игривой ноте:

«Американский коллега месье Мааса, недавно прибывший в Ниццу, характеризует его как „чудика“ — человека эксцентричного и непредсказуемого. Если учесть неотразимое обаяние мадемуазель Бернарди, то многим может показаться, что в неожиданном решении месье Мааса взять отпуск нет ничего удивительного. Теперь, в лучших традициях Голливуда, история приобретает элемент комедии. Мы надеемся сообщить вам о дальнейшем развитии событий в шестичасовом выпуске новостей.

Сегодня утром в Лионе...»

Я выключил радио. Почти одновременно зазвонил телефон. Это была Люсия. Ее буквально распирало от смеха.

— Слышали «Радио Монако»?

— Да.

— И вам не смешно?

— Не могу сказать, что умираю от хохота. Было что-нибудь в «Нис-Матэн»?

— Ничего. Но обязательно будет в вечерних газетах и по телевизору, возможно, с вашей фотографией.

— Не сомневаюсь.

— Понимаю. Вам не нравится привлекать к себе внимание общественности.

— Не нравится.

— Теперь можете понять, каково было мне.

— Не совсем. На моем фото я не в бикини.

— Но вам присуща определенная элегантность. Они так сказали.

— По той фотографии, что у них есть, этого не видно. — Я решительно сменил тему. — А какие-нибудь другие местные радиостанции передают новости?

— Погодите, я возьму газету.

Я записал время и частоты, которые продиктовала Люсия. Мы договорились, что она позвонит мне снова после пятичасового выпуска новостей из Ниццы.

Я вернулся к радио.

К двум часам полиция выпустила более полное описание меня самого и повторила описание Люсии, опубликованное после убийства Арбиля. В комментарии подчеркивали, что Люсия разыскивается лишь для снятия показаний. Они не сказали, чего полиция хочет от меня, но среди прочего намекнули, что иностранец, проживающий во Франции, особенно иностранец, получивший журналистскую аккредитацию, имеет особые обязательства перед французскими правоохранительными органами, и с его стороны неправильно и неразумно этими обязательствами пренебрегать.

К трем часам на одной из станций появилась информация о моей карьере, включая историю с «Этосом». Однако они по ошибке сочли, что журнал был посвящен этологии — науке, изучающей поведение животных.

К четырем часам «Уорлд репортер» счел нужным сделать заявление, в котором подчеркивалось, что журнал в меру своих сил сотрудничает с властями, что мое исчезновение ни в коей мере не является спланированной попыткой затруднить работу других средств массовой информации, что о местонахождении Люсии Бернарди редакции неизвестно ничего, кроме того, что уже опубликовано, и что полная запись интервью добровольно передана полиции.

Очевидно, Сай уже побывал в полицейском участке, где его обо всем подробно расспросили. Интересно, как он объяснил, почему меня послали на розыски Люсии, и сказал ли полиции о Санже-Чейзе. Нью-Йорк, наверное, дал ему на этот счет четкие указания. В нынешних обстоятельствах они с Кастом скорее всего решат, что говорить всю правду слишком опасно. Я по крайней мере на это надеялся. Все станет понятно, когда я увижу, в каком виде история подается в журнале.

К пяти часам новостные агентства раскопали, что я — «военный сирота». Наверняка скоро доберутся до психбольницы и лечения электрошоком.

Позвонила Люсия. На сей раз она держалась гораздо сдержаннее.

— Про вас рассказывают ужасные вещи.

— В этом нет ни слова неправды.

— Все равно...

— Им надо что-то говорить, это их работа. — Я помолчал. — Когда вас ждать сегодня вечером?

— Не слишком рано. Мне надо сначала заехать на вокзал. Примерно к восьми.

— Думаю, пора позвонить Скурлети. Чем раньше я договорюсь с ним о встрече, тем она будет безопасней.

— Хорошо.

— Если вы привезете образцы документов, я могу договориться сегодня на девять часов.

— Хорошо, а где вы с ним встретитесь?

— Думаю, там, где мы в первый раз встретились с вами.

— Да, это недалеко, — промолвила Люсия. Я представил себе выражение нерешительности на ее лице. Настал момент, когда ей нужно было передать мне право принимать решения. — И что вы ему скажете?

— Это зависит от того, что скажет он.

— Вы дадите мне знать, о чем вы с ним договорились?

— Конечно. Я могу позвонить ему прямо сейчас.

— Удачи нам обоим, Пьер. — Ее голос дрожал. Она не стала дожидаться ответа.

Я выкурил сигарету, тщательно обдумывая, чего не следует говорить в разговоре со Скурлети. Затем снял трубку и набрал номер его гостиницы.

Он ответил сразу же, как только оператор соединил с его комнатой.

— Да?

— Я обещал позвонить вам сегодня, месье.

— Ах да. — Мне было явно слышно облегчение. — Я ждал вашего звонка. Правильно я понимаю, что вы говорите по-английски?

— Да.

— Тогда для удобства давайте сменим язык. — По-английски он говорил с таким же чудовищным акцентом, как по-французски, но строй фраз стал гораздо грамотнее.

— Как вам угодно.

— Меня очень заинтересовало интервью в сегодняшнем номере журнала.

— Не удивлен.

— Жалко, что мы не обсудили все в пятницу. Это сэкономило бы нам время, вдобавок и остальное было бы легче и безопаснее.

— Я рад, что вы отдаете себе отчет об опасности.

— Конечно. Я так понимаю, вы не стали утруждать себя поездкой в Сет?

— Я там уже был.

— Понимаю. Значит, задержка была тактической. Леди интересуют лишь самые высокие ставки.

— Совершенно верно.

— И сколько я должен заплатить, чтобы вы меня ей представили?

— Вы с ней не увидите. Я уполномочен вести переговоры от ее лица.

— С правом принимать решения, я надеюсь?

— Да.

— И у вас есть тому доказательства?

— Разумеется.

— И что вы предлагаете?

— Для начала вам следует предпринять незамедлительные шаги, чтобы избежать опасности, которую вы упоминали.

— А-а. — В голосе Скурлети послышалось удовлетворение. — Похоже, мы мыслим в одном направлении.

— Я предлагаю вам немедленно уехать из Ниццы куда-нибудь в Вильфранш или Сен-Жан.

— Вам, наверное, будет приятно услышать, что я предвидел такое предложение. Я уже собрал вещи и ждал только вашего звонка. Думаю, стоит уехать чуть дальше. Например, в Антиб.

— В какую гостиницу?

— Я забронировал номер на имя Костас в мотеле «Кот д'Азур». Но я полагаю, мы можем договориться о встрече еще до того, как я туда перееду.

— У вас есть машина?

— Да. «Форд-таунус».

— На Муайен-Корнише, недалеко от Вильфранша, есть кафе, которое называется «Реле-Флёри». Сегодня, в девять часов вечера, будете там один, я к вам подойду.

— С бумагами, удостоверяющими ваши полномочия?

— С бумагами. И еще один момент, мистер Скурлети. — Я замолчал.

— Да.

— Нам имеет смысл встречаться лишь в случае, если вы настроены по-деловому.

— Естественно.

— И если мы говорим на одном языке.

В первый момент метафора его озадачила. Он начал переспрашивать, потом сообразил.

— А-а, вы намекаете на финансовый аспект.

— Именно. Цена будет в районе двухсот тысяч новых франков.

Он помолчал немного, прежде чем ответить.

— Пока я не посмотрел, что именно выставляется на продажу, обсуждать вопрос цены бессмысленно. Но скажу сразу, что у меня нет полномочий вести переговоры о такой большой сумме.

— Тогда вам стоит получить такие полномочия. Если нужно, встречу отложим. Теперь, когда мы восстановили связь, особой необходимости в срочных переговорах нет. Позвонить вам завтра?

— Я бы предпочел, чтобы наша договоренность на сегодня оставалась в силе. С вами можно как-нибудь связаться?

— Боюсь, что никак. Нам имеет смысл встречаться сегодня, только если вы будете точно знать, хотят ли те, кого вы представляете, покупать. Тогда, если необходимо, можно обсудить цену. Поскольку вы прибыли первый, у вас есть преимущество. Если вы не хотите им пользоваться, дело ваше. Одно могу сказать точно. Цена не снизится, а, напротив, может значительно возрасти.

Он фыркнул.

— Возрастет также опасность — опасность для вас, я имею в виду.

— Поэтому мы и даем вам такую возможность. Мы оба, леди и я, осознаем, что опасность существует, и все же, чтобы получить нашу цену, готовы пойти на риск. Не сомневайтесь, мистер Скурлети.

Последовала пауза.

— Очень хорошо, — сказал он наконец. — Давайте встретимся сегодня. Однако при таких обстоятельствах я вынужден просить вас о переносе встречи. Увидимся позже. Я должен посоветоваться с моими заказчиками, а для этого требуются телефонные переговоры.

— Насколько позже?

— Мне хватит получаса.

— Хорошо. В девять тридцать.

Повесив трубку, я подошел к бару и плеснул себе бренди, а потом позвонил Люсии и вкратце пересказал наш разговор.

Реакция была характерной.

— Скурлети не возражал, когда вы назвали цену?

— Пока нет, но обязательно возразит.

— Он не удивился?

— Нет. Только сказал, что готов встретиться.

— Наверное, мы запросили слишком мало.

— Или слишком много. Позже узнаем.

— Я приеду сразу, как только смогу.

Я тянул бренди и слушал очередную программу новостей. По большей части повторялось сказанное ранее, но за новостями последовал комментарий. Похоже, обозреватель считал, что его задача — ставить под сомнение только что прозвучавшие новости. Раскритиковав «поверхностные и бестолковые отчеты» о французском демарше на Женевской конференции, он перешел к последним событиям в деле Арбиля. «В Швейцарии подвергают пыткам, а затем убивают курдского беженца, а во Франции молодая женщина, чудом спасшаяся из дома, вся сжалась в ужасе, ожидая, когда до нее доберутся убийцы. Здесь, в Ницце,

ответственный и уважаемый журналист решился опубликовать ее историю — и сразу же исчезает». Голос обозревателя сочился презрением. «Что же делает наша доблестная полиция? Они заявляют, что у них есть к нему вопросы. А что делают наши коллеги из прессы? Отпускают шуточки. На наш взгляд, это совсем не смешно. Месье Маас нашел мадемуазель Бернарди после того, как полиция потерпела неудачу. Месье Маас оказался проницательнее своих высокомерных коллег. Мы искренне надеемся, что его и женщину, которую он, вне всякого сомнения, защищает, найдут и препроводят в безопасное место до того, как их замучают и убьют. Возможно, полицейские все же отставят на время в сторону уязвленное самолюбие и начнут исполнять свой долг — если, конечно, они его еще помнят».

У обозревателя было доброе сердце, но я почувствовал себя неловко сразу по нескольким причинам.

Немного взволнованная Люсия пришла после восьми. У нее не сразу получилось купить «Уорлд репортер». На вокзале все было распродано. В освещенный магазин она заходить не решилась, но в конце концов сумела найти один экземпляр в киоске на улице Виктуар.

Люсия отдала его мне, а сама занялась обедом.

Сай Logan, или кто-то в Нью-Йорке, или оба сразу, довольно ловко вышли из положения. После краткого пересказа событий месячной давности в Цюрихе и описания безуспешных поисков Люсии шло следующее:

«На прошлой неделе сотрудник нашего парижского бюро, выполнявший редакционное задание на юге Франции, позвонил нам и сообщил, что случайно напал на след, ведущий к Люсии Бернарди. Интересует ли это журнал?

В редакции „Уорлд репортер“, естественно, заподозрили мистификацию, однако поручили ему выяснить подробности. В четверг вечером в доме неподалеку от Ниццы он записал интервью с женщиной, которая называла себя Люсией Бернарди, но отказывалась фотографироваться и возражала против присутствия при разговоре независимого свидетеля. Вот запись этого интервью».

Затем шел отредактированный текст нашей беседы, ужатый профессионалами так, чтобы он занимал две колонки, и, конечно же, фотография Люсии в бикини. Подпись под фотографией гласила:

«Люсия Бернарди — она или не она?»

Материал заканчивался на шутливой ноте:

«Если таинственная незнакомка из Ниццы действительно Люсия Бернарди, швейцарская полиция получила дополнительный материал для расследования, если нет — Франция, возможно, получила новую звезду детективного жанра».

Другими словами, «Уорлд репортер» в данных обстоятельствах ухитрился пройти по лезвию ножа.

«Нис-Суар» приводила обширные цитаты из интервью, особо обращая внимание на те фрагменты, которые, по словам цюрихской полиции, свидетельствовали о знании неизвестных публике подробностей. В газете, как и ожидалось, поместили мою фотографию — под заголовком: «Теперь ищите мужчину».

Я не стал читать, что обо мне написали.

Люсия вернулась с кухни и налила себе вина.

— Вы уже читали? — спросил я.

Она кивнула.

— Мне не терпелось узнать, что там написали про документы.

— Думаю, вполне достаточно для наших целей.

— Да, Фариси все поймет.

— Комитет тоже.

— Да, и Комитет.

Я подошел к ящику, куда положил револьвер, и достал его.

— Лучше пойти на встречу вооруженным.

— Наверное. Но вы говорили, Скурлети уехал из Ниццы. Комитет не сразу до него доберется.

— Я о самом Скурлети. Допустим, он решит, что так дешевле получить то, что ему надо. Я буду один. Ему ничто не мешает заранее нанять шайку бандитов. Есть множество симпатичных тихих местечек, куда меня можно отвезти для разговора по душам. Я быстро соглашусь с их аргументами.

Теперь Люсия посмотрела на меня с любопытством:

— По-вашему, этого стоит ожидать?

— Нет, если рассуждать с точки зрения здравого смысла. Скурлети предпочитает другие методы. Он бизнесмен, переговорщик.

— Тогда зачем...

— Может, я ошибаюсь. Может, у него свои представления о здравом смысле.

Я попытался засунуть револьвер в карман. Он глупо торчал наружу.

Люсия рассмеялась. Я тоже, хотя мне было не смешно. Она достала из кармана пальто большой конверт, сложенный вдвое, и протянула мне:

— Это его убедит.

В конверте лежали две папки для бумаг стандартного размера. На обеих папках, сверху, были три строчки по-арабски, на вид совершенно одинаковые.

В папки были вложены листки бумаги, очень мелко и аккуратно исписанные зелеными чернилами по-арабски. Единственное, что я мог прочесть, — какие-то цифры, проставленные карандашом в углу. Я спросил, что они означают.

— Номера страниц и разделов, из которых они изъяты, — объяснила Люсия.

— Вам известно, что тут написано?

— Нет, но Скурлети поймет, и ему это должно понравиться. Здесь два экземпляра, как я уже говорила.

— Понятно.

Я отложил одну папку в ящик, а вторую засунул обратно в конверт.

Люсия потягивала вино и смотрела на меня.

Хотя я и отложил револьвер, но ни на минуту не забывал о нем. Перед тем как завернуть в тряпочку, его хорошо почистили, и смазка пахла чем-то едким и острым вроде дезинфицирующего раствора. На моей правой руке тоже остался этот запах. Я засунул револьвер в боковой карман плаща. Конверт положил в другой карман. Затем пошел в ванную помыть руки.

Когда я вернулся, Люсия помешивала на кухне суп в кастрюле.

Она сказала:

— Рассказывая о войне, отец говорил, что у некоторых людей на нервной почве пререзается жуткий аппетит, а другие, наоборот, почти не хотят есть. Видимо, я отношусь ко второму типу. Я буду только суп. А вы?

— Я тоже.

Она многозначительно посмотрела на меня:

— Он еще говорил, что всегда может заранее определить, не сбежит ли человек при первой же опасности. Такие люди вообще не могут есть.

IV

Я уехал в девять. До «Реле-Флёри» было близко, но я хотел поспеть задолго до назначенного времени на случай, если Скурлети приедет раньше.

Люсия объяснила мне, где оставить машину: за заправкой есть место, которое не видно с парковки «Реле». Луна была в первой четверти, но отбрасывала глубокие тени, и мне не казалось, что я стою у всех на виду. Зато я испытывал острое чувство одиночества. Из ресторана доносились голоса и периодические взрывы хохота. Правда, кто-то надсадно кашлял, однако в целом обстановка была уютной и дружеской. Сидя в автомобиле,

я жалел, что не могу зайти внутрь и попросить бойкую официантку, которая обслуживала меня пятью вечерами ранее, принести чашечку кофе.

Сейчас, в начале недели, в «Реле» было больше народу, чем в прошлый раз. На парковке стояли три огромных трейлера. На боку одного из них крупными буквами было написано «Рона», а на двух других, сделанных из нержавеющей стали или алюминия, никаких надписей не было. Я стал думать, что там у них внутри. Вполне возможно, каждый из них — «троянский конь» с людьми, которые выбегут из задних дверей, как только я появлюсь на парковке.

В девять двадцать из «Реле» вышли четверо мужчин, прощаясь через плечо с приятелями. Они забрались в кабины двух грузовиков. Дизели запыхтели, засвистели пневматические тормоза, и «троянские кони» унеслись прочь.

Через четыре минуты подъехала цистерна с бензином «Эссо». Я немного встревожился. Если он начнет сливать горючее, на заправке зажгут прожекторы, и мне придется в спешном порядке уезжать. Я так напряженно смотрел за тем, как водитель выбирается из кабины, потягивается, зеваает и скрывается за дверью «Реле», что не заметил, как приехал «таунус». Его фары потухли.

Я выждал пару минут, прислушиваясь, не едет ли по дороге другая машина, затем вышел из «ситроена», тихо прикрыл дверь и двинулся через заправочную станцию к «таунусу». Мне показалось, что я шел очень долго. Вдобавок руку приходилось прижимать к бедру, чтобы пистолет не бил меня по ноге.

Я подошел к «таунусу» сзади: хотел убедиться, что за рулем действительно Скурлети и что в машине рядом с ним никого нет. Он услышал мои шаги и обернулся. Я открыл заднюю дверцу и сел позади него.

Он одарил меня своей полной зубов улыбкой и сказал:

— Добрый вечер.

— Добрый вечер, мистер Скурлети.

— Рад снова вас видеть.

— Взаимно. Давайте сразу перейдем к делу?

— Прямо здесь?

— Нет. Здесь мы только обсудим, как будем действовать дальше. Вы ведь не возражаете, если я оговорю процедуру?

— Думаю, это не лишено здравого смысла.

— Ни в коем случае. Для начала я должен сказать вам, что вооружен.

— Для разговора с партнером по бизнесу? — Он повернулся на переднем сиденье, чтобы видеть мое лицо. Свет от вывески «Реле» придавал ему несколько кривобокий вид.

— А вы сами взяли с собой оружие, господин Скурлети?

— Разумеется, нет. — Похоже, такое предположение показалось ему обидным. — Мне приходится много путешествовать, и при прохождении таможи могут возникнуть сложности с оружием. В любом случае мы в «Трансмонде» сотрудничаем только с серьезными деловыми интересами. Мы стремимся избегать насилия.

— Очень приятно это слышать. Я предлагаю вам проехать метров пятьсот по направлению к Ницце. Там мы сможем остановиться, и вы ознакомитесь с документами, о которых мы говорили. Затем обсудим нашу сделку. Согласны?

— Согласен.

Он вел машину старательно, но неумело, и я порадовался, что ехать недалеко. Для встречи я выбрал небольшую ложбинку на склоне горы, куда бригады дорожных рабочих сбрасывали снятый асфальт и щебенку. Скурлети одобрительно осмотрелся, а затем выключил свет.

— Если проезжающие полицейские поинтересуются, зачем мы тут остановились, всегда можно сказать, что пришлось срочно ответить на зов природы. Вы сумеете спрятаться вон за той грудой камней, да?

— Буду иметь в виду, — ответил я, — но надеюсь, мы простоим здесь недолго. На этом этапе я дам вам прочитать несколько документов.

— Я подготовился.

Он достал из бардачка массивный фонарь и маленькую лупу из кармана.

— Я дам вам их прочитать на определенных условиях, — сказал я.

— Каких? — Его губы плотно сомкнулись над зубами.

— Только один раз, не делая никаких записей.

Скурлети немного подумал.

— Это не совсем приемлемо. Мне надо внимательно осмотреть хотя бы один документ.

— Зачем?

— Правильно я понимаю, что эти документы написаны полковником Арбилем собственноручно?

— Да.

— Хорошо. Моих доверителей интересуют только оригиналы. Поэтому я должен убедиться, что это не подделка. — Он протестующе поднял руку. — Это не значит, что я вам не доверяю, господин Маас. Вы представляетесь мне весьма разумным человеком. Но в конце концов, вы всего лишь посредник. Мы оба должны защищать интересы своих доверителей, так?

— Логично.

— У меня здесь, — он похлопал себя по груди, — образец почерка полковника Арбиля. Мне необходимо, и я на этом настаиваю, сравнить образец с этим документом.

Я притворился, будто обдумываю, а потом кивнул:

— Разумно.

Он просиял:

— Видите! Наши переговоры продвигаются.

— Потому что я иду на уступки. Дальше так продолжаться не будет.

Его зубы по-прежнему блестели.

— Вы очень интересный молодой человек, господин Маас. Очень интересный. Приятно с вами работать.

— Очень любезно с вашей стороны. Но надеюсь, мы понимаем друг друга. Я разрешаю вам сравнить документ с образцом, который у вас есть. Затем один раз прочитать. Не делая пометок. Сразу же, как только прочтете, вы мне его возвращаете.

— Согласен.

Я дал ему конверт и стал смотреть, как он работает. Скурлети достал из бумажника крокодиловой кожи образец, положил его на сиденье рядом с собой и включил фонарик.

По-видимому, у него хранилось письмо, написанное на бланке гостиницы, хотя я не мог различить название. Зеленые чернила были те же самые. Он достал папку из конверта, взглянул на надпись на обложке, затем аккуратно раскрыл ее и положил образец рядом с первой страницей. Фонарь, который Скурлети пристроил на кромку переднего сиденья, когда он наклонился, скатился вниз.

— Давайте, я подержу вам свет, — предложил я.

— Премного благодарен.

Он передал мне фонарь, и я направил луч на документ, опершись рукой на спинку пассажирского сиденья. Скурлети вооружился лупой и приступил к работе. С минуту или две в машине царила мертвая тишина. Первая страница, похоже, его удовлетворила. Просмотрев остальные, он заговорил:

— Замечательно. Просто замечательно. Должен вам сказать, мистер Маас, что подделать почерк на арабском гораздо труднее, чем на европейских языках. Как учил нас Ханс Шнайкерт,^[56] старый графологический метод сравнения не очень надежен, но с арабским шрифтом в нем совершенно нет необходимости. Здесь каждый символ как персональная роспись. Я рад сообщить вам, что бумаги, несомненно, написаны рукой полковника Арбия.

— Ну, если на этот счет вы удовлетворены, тогда, наверное, пора переходить к следующей стадии.

Я отвел фонарь, чтобы подчеркнуть смысл сказанного.

— Да, конечно.

56...Немецкий юрист и криминалист, преподававший в 1920-х годах в Берлинском университете.

Он положил образец и лупу обратно в карман, собрал бумаги и углубился в чтение.

Я решил не давать ему больше двух минут на страницу, но Скурлети и не пытался тянуть время. За пять минут он прочел все до конца, сложил бумаги в папку и закрыл ее.

Еще примерно минуту он молчал, раздумывая.

Наконец я сказал:

— Ну так что же, господин Скурлети?

Он обернулся ко мне:

— Вы знаете содержимое этих бумаг, господин Маас?

— Нет. Я, конечно, знаю, что это страницы, взятые наугад из различных отчетов, написанных полковником Арбилем. Я также знаю в общих чертах, о чем идет речь. Однако это все. Я не читаю по-арабски.

— Документы переводились?

— Насколько мне известно, нет.

— А фотографировались?

— Думаю, нет. Как вы и сами знаете, отчеты писались полковником Арбилем для передачи иракскому правительству. Они не попали по назначению. Со дня смерти полковника Арбия они были в руках мисс Бернарди. Ей приходилось прятаться. Уверяю вас, у нее не было возможности сфотографировать документы.

— Филип Санже мог их сфотографировать.

— Филип Санже не знает об их существовании.

— Она ему не сказала? — Похоже, Скурлети не мог в это поверить.

Я ухмыльнулся:

— В таком случае вы бы разговаривали сейчас с ним, а не со мной. Мисс Бернарди опасалась, что услуги Санже окажутся слишком дороги. Она его знает и не доверяет ему.

— А, понимаю. — Скурлети ущипнул себя за бровь. — Что ж, господин Маас, думаю, имеет смысл продолжить наши переговоры.

— Да?

Он вернул папку в конверт и передал его мне:

— Возвращаю вам документы, как договаривались.

— Спасибо.

— Многие люди стараются приуменьшить ценность того, что хотят приобрести. Мы в «Трансмонде» не прибегаем к таким старомодным методам. Эти документы — разумеется, в полном объеме — представляют для моих доверителей существенный интерес, и они готовы заплатить за них значительную сумму. Остается только выяснить, какова ваша цена.

— Я сказал вам по телефону.

— Да, сказали, однако мои доверители считают, что упомянутая вами сумма слишком велика.

— Ну, тогда, боюсь...

Его рука протестующе поднялась вверх.

— Прошу вас, погодите. Давайте обсудим. Во-первых, вопрос о других заинтересованных сторонах, которых вы упоминали. Очевидно, первым пунктом тут стоит иракское правительство.

— Очевидно.

— Оно не заплатит и половины от того, что вы запрашиваете.

— Думаю, вы ошибаетесь. Я почти уверен, что оно заплатит даже больше. Если бы это зависело только от меня, я бы подождал. Но мисс Бернарди — другое дело. Она устала от неопределенности. Она бы хотела получить деньги и выйти из игры как можно скорее. Однако она не настолько устала, чтобы согласиться на любые условия. Если вы не заплатите и если не заплатят иракцы, возможно, документы заинтересуют турок.

Скурлети хмыкнул, и я понял, что совершил ошибку.

— Вот тут, господин Маас, вы ошибаетесь, — сказал он. — Турки не станут предлагать более высокую цену. Зачем им это? Нефть в Ираке. Проблемы тоже в Ираке. Турки получают от иракцев всю нужную им информацию даром. Если бы вы упомянули Комитет, я бы сказал «может быть». Курдские сепаратисты могут быть покупателями, если у них есть деньги или они убедят своих русских друзей им одолжить. Но я полагаю, у вас хватит здравого смысла, чтобы в вашем шатком положении не вступать с ними в переговоры. Вам нельзя действовать открыто; следовательно, вы уязвимы. Они пообещают заплатить, но в результате вы получите не деньги, а удар ножом в живот. У нас же все цивилизованно, мы люди порядочные.

— Бригадный генерал Фариси, представитель иракского правительства, тоже человек порядочный.

При упоминании этого имени улыбка исчезла с лица Скурлети.

— Понятно. Вы хорошо информированы. Но он пока не приехал.

— Приедет.

— Вы с ним еще не связывались?

— Пока нет.

Скурлети снова ущипнул бровь.

— Я не вижу причин, которые мешали бы нам продолжить переговоры, господин Маас, — сказал он наконец.

— Я тоже. Если, конечно, вы готовы предложить мне что-то конкретное.

— Вы сказали, в районе двухсот тысяч, мистер Маас. Что значит «в районе»? Эта сумма может быть уменьшена в ходе переговоров?

И тут вдруг у меня возникла уверенность. Я покачал головой:

— Нет, я имел в виду именно эту конкретную сумму. Если вы собираетесь платить во французских франках, то цена будет такая. Если вы предпочитаете твердую валюту — скажем, американские доллары или

швейцарские франки, — я готов принять эквивалент ста семидесяти пяти тысяч франков. Деньги должны быть выплачены наличными, и сделка завершена до завтрашнего вечера.

Скурлети вздохнул и воздел руки к небу.

— У меня нет полномочий принимать такие решения. И такое количество долларов или швейцарских франков невозможно раздобыть до завтра. Придется улаживать множество формальностей. Я должен посоветоваться с доверителями.

— Вы можете посоветоваться с ними сегодня?

— Да.

— Вы доберетесь до Антиба примерно в десять сорок пять. Если я позвоню вам в одиннадцать тридцать, вы уже будете знать ответ?

— Надеюсь.

Он завел мотор и включил фары.

— Одну минуту. — Я открыл дверцу. — Моя машина осталась рядом с кафе. Я дойду пешком, здесь недалеко.

Он промолчал, и я выбрался наружу.

Проводив его взглядом, я повернулся и двинулся в обратную сторону.

V

Люсия ждала меня в темном внутреннем дворике — видимо, вышла на шум подъехавшей машины.

— Пьер?

— Да.

— Ну как?

— Нормально.

Внезапно она подняла руки, и мы на мгновение обнялись. Затем вошли в дом. Люсия не спрашивала ни о деньгах, ни о чем-либо еще. Вместо этого она налила мне бренди и стояла, глядя на меня.

Я сделал большой глоток, потом избавился от шляпы, плаща, револьвера и конверта. Затем подошел к огню. Наверное, она сходила с ума от нетерпения, но, видимо, у меня в голове что-то заклинило, и я никак не мог придумать, с чего начать.

Наконец я сказал:

— Мы узнаем через час.

— Купят они или нет?

— Сколько они заплатят. Двести тысяч французских франков или эквивалент ста семидесяти пяти тысяч в американских долларах или швейцарских франках. Или так, или так. Доставят к завтрашнему вечеру.

Она пристально посмотрела на меня, а потом вдруг резко села. Я снова наполнил свой бокал и налил ей тоже. Затем начал рассказывать, как все прошло.

— Должно быть, они... — Люсия не закончила предложения.

Я сделал это за нее:

— Должно быть, они очень заинтересованы в документах. Даже для нефтяного консорциума это большие деньги. Есть еще одна деталь. Скурлети настаивал, чтобы не было других копий или фотографий. Я заверил его, что ничего такого нет.

— Он тебе поверил?

— Полагаю, да. Поскольку насчет фотографий я говорил правду, думаю, это прозвучало убедительно. Даже если у него нет полной уверенности, проверить он никак не сможет.

Тут я ошибался.

Телефонный номер мотеля «Кот д'Азур» нашелся в телефонном справочнике. Я позвонил ровно в одиннадцать тридцать. Ночной консьерж сказал, что месье Костас сейчас разговаривает по телефону. Я подождал пять минут и позвонил снова. На сей раз меня с ним соединили.

— Месье Костас?

— Я слушаю. — Он узнал мой голос. — Решено выплатить деньги во французских франках. По-другому не получится.

— То есть двести тысяч.

— Да. Каковы ваши пожелания относительно завтрашней встречи?

— Я дам вам знать завтра. Вас устроит, если я позвоню вам в шесть часов?

— Вечера?

— Да.

— Удобно. Есть еще один важный вопрос.

Он замолчал.

— Ну?

— Мне поручено вам передать, что представители Комитета сегодня вечером вылетели из Женевы. Они направляются в Ниццу.

— Я понял. Спасибо.

— Это всего лишь жест доброй воли. Мои доверители заинтересованы в том, чтобы мы — вы и я — предприняли все необходимые меры предосторожности. Могу я предложить вам один совет?

— Я слушаю.

— Условия нашей прошлой встречи были просты, и они хорошо сработали. Они сработают снова. Вы можете их изменить, если хотите, но не думайте, что вам надо опасаться подвоха с моей стороны. Мы серьезные люди, а не бандиты. Вы понимаете?

— Конечно. Благодарю вас. Я позвоню завтра в шесть.

Мы говорили по-английски, и Люсия почти ничего не понимала. И все равно она прижималась головой к трубке, пытаясь вникнуть в смысл.

— Так что? Заплатят? — спросила она, задыхаясь, когда я повесил трубку.

— Да. Двести тысяч.

Она обхватила меня руками за шею и поцеловала.

Я поцеловал ее в ответ.

Потом она спросила:

— Что еще он говорил?

— Насчет нашей завтрашней встречи. Я должен позвонить ему завтра в шесть.

Больше она ни о чем не спрашивала. Мы вдруг потеряли интерес к Скурлети и даже, как мне кажется, к двумстам тысячам франков. У наших тел появилась более насущная потребность.

Через час или около того, в большой двуспальной кровати, я почувствовал, что Люсия уходит от меня. Открыв глаза, я увидел, что она одевается.

Я хотел встать, но она меня остановила:

— Не надо, ты не одет, замерзнешь. Не волнуйся за меня. Я позвоню сразу, как только уйдет домработница.

Несмотря на ее протесты, я накинул на плечи одеяло и спустился вниз. Мне очень не хотелось отпускать ее в Канны одну, но тут я ничего не мог поделать.

Ее, похоже, это растрогало. Она прижала ладони к моим щекам и улыбнулась:

— Ты уже достаточно доказал за эту ночь, милый.

Глава VII

I

За завтраком я слушал новости по «Радио Монако». По словам диктора, вчера меня видели в Сен-Рафаэле за рулем «симки этуаль» в компании молодой женщины, соответствующей описанию Люсии Бернарди.

После завтрака я стал обдумывать детали встречи, которая должна была состояться сегодня.

Скурлети убеждал меня, что ему можно доверять. Я тоже так думал, но только в известных пределах. Меня не привлекала перспектива идти пешком к оставленному у «Реле» «ситроену» с двумястами тысячами франков в кармане. С другой стороны, если я останусь в машине и предложу пройтись ему, он наверняка запомнит номер. Даже если

принять во внимание, что к тому моменту все наши дела будут закончены и Скурлети утратит интерес ко мне и Люсии, мне не хотелось, чтобы он знал о нас больше, чем нужно. Мало ли что.

И тут меня осенило. Он сказал, что наши прежние договоренности «были просты и сработали хорошо». Можно сделать их еще проще и в то же время обеспечить мне дополнительную страховку. Можно закрыть на время номера «ситроена», когда машина будет не на дороге.

Я взял ключи, которые оставила мне Люсия, спустился в гараж и отпер замок. Внутри валялся всякий хлам: сломанный зонтик, старая автомобильная камера, банки с высохшей краской. Я искал какую-нибудь смазку, желательно темную и липкую. Ее можно была размазать по номеру, а потом довольно легко стереть.

Смазки не было. Зато я нашел парочку старых туристических номеров. Срок их действия истек почти год назад, но для моих целей они вполне годились. Даже если Скурлети заметит, что они уже недействительны, ему это ничего не даст.

Еще там нашелся моток проволоки вроде той, что используют для подвязывания растений. Я взял номера и проволоку и вернулся в дом.

Люсия позвонила в пятнадцать минут первого.

— Как тебе спалось?

— Нормально.

— Без люминала?

— Да. А тебе?

Она хмыкнула.

— Я до сих пор в постели. Хочешь послушать, что пишут в газетах?

— Что-нибудь интересное?

— Там говорят, что ты «таинственный».

— Значит, у них нет ничего нового. Насчет сегодняшнего вечера. Какого примерно объема сверток ты собираешься привезти?

— Там еще пятьдесят страниц, таких же, как те, что у тебя. Надо только вложить образец на место, и все будет полностью. Я привезу и вторую копию.

— Хорошо. Думаю, сегодня вечером можно начинать обзванивать гостиницы. Наш второй покупатель уже должен был приехать.

— Я посмотрела в телефонном справочнике. Там очень много гостиниц со швейцарскими номерами. Я вчера составила список. Разделим его между собой для экономии времени.

Она дала мне список, в котором было восемнадцать названий и телефонов, в том числе несколько пансионатов. Я решил оставить пансионаты напоследок. Бригадный генерал Фариси скорее выберет гостиницу из тех, что перечислены в популярных путеводителях, таких, например, как «Мишлен» или «Юроп Туринг», и даже если выбор определяется названием, стандарты комфорта скорее всего останутся прежними.

Маловероятно, что за отелем «Швейцерхоф» в Цюрихе последует пансион «Эдельвейс» в Ницце.

Люсия согласилась, что для начала надо сосредоточиться на гостиницах.

В три часа дня мы сверили результаты. Никто ничего не нашел. Люсия уже не была так уверена в своей идее насчет швейцарского названия.

— Пока еще рано что-то утверждать наверняка, — сказал я. — Он ведь не бронировал номер заранее. Он только что въехал. Надо набраться терпения и продолжать звонить.

— Все равно я могла ошибиться. Возможно, у него другая логика. Надо подумать.

Она была так уверена, что Фариси откликнется на публикацию интервью, что я автоматически принял ее точку зрения. Теперь у меня появились сомнения. Да, Скурлети тоже ожидал прибытия генерала Фариси. Но что, если они оба ошибались и иракское правительство решило разобраться с этой проблемой по-другому, на более высоком уровне, через дипломатические каналы во французском правительстве или, скажем, попросило Каир поговорить с русскими?

Я продолжал звонить, хотя в глубине души уже мало верил в успех затеи и раздумывал, когда лучше поделиться своими соображениями с Люсией: наверное, завтра, когда она получит деньги от Скурлети и сможет смотреть на вещи философски.

Через сорок минут Люсия позвонила снова.

— Он здесь, — сказала она, задыхаясь от волнения.

У меня хватило ума не спрашивать, кого она имеет в виду, и изменить вопрос на «Где?».

— Я тебе все расскажу. Я постаралась поставить себя на его место. «Швейцерхоф» означает замок или большой дом. Поэтому я стала искать отели, которые могут вызывать те же ассоциации. Я нашла отель «Виндзор». Ведь в Англии есть замок «Виндзор»? Тогда я позвонила в отель «Виндзор».

— Он там?

— Нет. Я очень расстроилась и снова стала думать.

— И? Я изнемогаю от нетерпения.

Она засмеялась:

— Мне пришло в голову, что он может мыслить буквально. Полное название отеля в Цюрихе — «Гранд-отель Швейцерхоф». Какие гранд-отели есть у нас здесь?

— «Рюль»? «Негреско»?

— Нет, про них говорят просто: отель «Рюль», отель «Негреско». В Ницце только один гранд-отель — «Гранд-отель де ла Пэ». Забавно. Похоже, ему очень важно слово «гранд». Он там.

— Ты с ним беседовала?

- Конечно, нет. Я повесила трубку сразу, как только меня соединили.
- Позвонишь мне, когда поговоришь с ним?
- Сразу же. Ты просто умница.
- Согласна.

В голосе, ответившем на мой звонок в номере Фариси, слышалась одновременно подозрительность и злость. По-французски он говорил с сильным акцентом и взвизгивающей интонацией.

- Месье Фариси сейчас занят. Кто ему звонит?

— Давайте обойдемся без имен. Я полагаю, месье Фариси прибыл в Ниццу, чтобы обсудить с подругой своего бывшего коллеги одно важное деловое предложение. Я говорю от ее имени.

- Я передам ему ваше сообщение.
- Я бы предпочел поговорить с ним самим.
- Это невозможно.
- А когда будет возможно? Я позвоню еще раз.
- Месье Фариси не говорит по-французски.
- Я говорю по-английски не хуже, чем он.
- Одну минуту.

Последовало глухое молчание: мой собеседник прикрыл телефонную трубку рукой. Затем снова раздался тот же голос:

— Вы хотите договориться о встрече между этой дамой и месье Фариси?

- Нет, не хочу. Я представляю интересы этой дамы.
- Одну минуту.

Снова последовало неслышное обсуждение, и голос сказал:

- Не могли бы вы прийти в отель сегодня вечером?

Я начал терять терпение.

- Нет, не могу.
- Почему? Если вы представляете лицо, имеющее отношение...

Я не дал ему договорить.

- Как давно вы приехали в Ниццу?

- А почему вы хотите это узнать?

— Возьмите утреннюю местную газету, хотя бы за сегодняшний день. Прочтите ее внимательно и все поймете. Я позвоню генералу Фариси через полчаса.

- Кто говорит?

Я повесил трубку и позвонил Люсии. Мой рассказ, похоже, ее не удивил.

— Если уж присылают переводчика, могли бы выбрать кого-нибудь поумнее, — пожаловался я.

— Военные, — сказала она безнадежно, — только и знают что кричать и топтать ногами.

Когда я перезвонил, крика и топота стало поменьше.

— Значит, вы говорите по-английски? — переспросил переводчик.

— Да.

— Одну минуту.

Полковник Фариси не источал доброжелательства, однако говорил спокойно и по делу. Мне пришлось снова объяснять, что ему придется общаться с Люсией не напрямую, а через мое посредничество, но когда он это осознал, дело пошло на лад. Похоже, он испытал облегчение.

— Хорошо. Давайте обсудим практическую часть. Я так понимаю, вы не хотите привлекать внимание полиции. Тогда проще всего, чтобы я пришел к вам. Скажите, где вы, и я выеду немедленно.

— Боюсь, что все не так просто, генерал. Если вы прибыли в Ниццу сегодня, а я думаю, что это так, то почти наверняка за вами уже установлено наблюдение.

— Полицией? Но зачем?

— Нет, не полицией. Комитетом, людьми, заинтересованными в успехе операции «Даг».

— Верится с трудом. Как они меня найдут?

— Я нашел вас легко. Думаю, им было даже легче. Вероятно, они ждали вас в аэропорту. В любом случае мы должны действовать, исходя из этого.

— Они не могли успеть так быстро, — в его тоне слышалось презрение.

— Неужели? У меня есть достоверная информация, что три члена Комитета вчера вечером вылетели из Женевы в Ниццу. У них было достаточно времени. Они все про вас знают. В Цюрихе они добрались до вашего друга раньше, чем вы. Здесь они попробуют сделать то же самое.

— Вы сказали, они вылетели вчера. Откуда у вас эта информация?

Он хоть не дурак.

— Я получил ее от представителя итальянского нефтяного консорциума, который, как и вы, заинтересован в материалах, касающихся операции «Даг». Он также прибыл вчера.

Фариси выругался. Ну по крайней мере мне так показалось. Хотя, возможно, он просто воззвал к Аллаху.

По-английски он сказал:

— Вы, конечно же, отвергли его предложение?

— Напротив, мы обсудили условия возможного соглашения. Речь шла о значительной сумме.

— Эти документы принадлежат правительству моей страны, — резко заявил Фариси. — Я приехал, чтобы их забрать. В случае необходимости я обращусь к французским властям.

— В таком случае, генерал, вы их не увидите. Завтра документы уже будут в Италии.

Фариси сердито фыркнул.

— Более того, — продолжил я, — они не принадлежат иракскому правительству. Они принадлежали вашему другу в Швейцарии. Ваше правительство собиралось купить их у него. Теперь они перешли в другие руки. Ваше правительство по-прежнему может их купить. Согласитесь, генерал, ведь в этом и заключается цель вашего приезда — купить. Не так ли?

Он глубоко вздохнул.

— Я уполномочен заплатить компенсацию лицу, которое вы представляете. За трудности и неудобства, которые ему пришлось испытать, чтобы не позволить врагам государства завладеть ценными документами.

— Совершенно верно. Но я должен вам напомнить, что трудности и неудобства были очень значительными. Кроме того, этому лицу угрожала, и до сих пор угрожает, большая опасность. Очевидно, что компенсация должна быть значительной.

Последовало молчание, а затем Фариси спросил:

— Насколько значительной?

— Итальянцы для начала предложили двести пятьдесят тысяч.

— Итальянских лир?

— Новых французских франков.

Он пошептался с переводчиком, чтобы выяснить, сколько это будет в иракских динарах. Оказалось, что почти восемнадцать тысяч.

Когда они закончили подсчеты, раздались насмешливые возгласы. Я быстро продолжил:

— Разумеется, это только начальное предложение; думаю, они с радостью заплатят вдвое больше.

— Глупости! Для итальянцев это не представляет такой ценности.

— У меня сложилось другое впечатление. Однако на сегодня у меня намечена встреча с их представителем.

— Сегодня?

— С каждым часом опасность увеличивается. В конце концов, мы будем вынуждены обратиться в полицию. Нам так и так придется идти в полицию, но леди хотела бы сначала избавиться от документов, получив за них столько, сколько сможет. В противном случае документы будут просто конфискованы властями. Полагаю, французские нефтяники тоже ими интересуются.

— Повторяю, я готов встретиться с вами сегодня вечером. — Он начинал волноваться.

— Генерал, я не хочу, чтобы меня убили, и вы, я думаю, тоже не хотите умереть. Поэтому нашу встречу надо тщательно спланировать. И все равно опасность останется. Если у вас нет серьезных намерений, я бы не хотел рисковать понапрасну. Зачем?

— Я же сказал, что готов заплатить.

— Итальянцы готовы заплатить больше.

— Я заплачу двадцать пять тысяч динаров. Погодите минуту. — Он пересчитал для меня. — Это около трехсот пятидесяти тысяч франков по четырнадцать франков за динар.

— Итальянцы все равно заплатят больше. Однако, генерал, я могу предложить вам компромиссный вариант.

— Компромиссный вариант? — Он произнес это так, словно я предложил ему хинина.

— Должен честно сказать: леди хотела бы передать документы вам.

— А!

— Из сентиментальных соображений, как вы понимаете. Поскольку ваш общий друг был патриотом, и поскольку ей бы хотелось отомстить за его смерть. Я ее понимаю.

— Есть другие компенсации, не только денежные.

Похоже, он готов был развивать эту тему. Пора было вернуть его на землю.

— Поэтому, — продолжил я, — мы отложим решение на несколько часов. После того как я сегодня встречусь с итальянским представителем, я вам позвоню, чтобы рассказать о результате наших переговоров. Если вы решите вмешаться, мы можем договориться встретиться завтра.

— Под «вмешаться» вы понимаете?..

— Увеличить ваше предложение, разумеется.

— Ясно. — Он лихорадочно соображал. Ему важно было не потерять со мной связи. — Хорошо, я готов увеличить предложение до тридцати тысяч динаров.

— Это очень соблазнительно, генерал, и все же я думаю, что не следует сразу отказывать итальянцам. Я должен послушать, что они скажут.

— Хорошо, если вы не будете принимать окончательных решений до нашей встречи. Это очень важно.

— Я позвоню вам сегодня вечером.

— Во сколько?

— В восемь часов или чуть позже.

— Как зовут этого итальянского агента?

— По-моему, я не должен вам этого говорить, генерал.

— Хорошо. — Он снова успокоился. — Буду ждать вашего звонка.

— Договорились.

II

Я передал наш разговор Люсии.

— А тридцать тысяч динаров это сколько?

— Один динар равен четырнадцати новым франкам. Получается...

— Четыреста двадцать тысяч.

— Верно. — Я и забыл, что она считает в уме.

— Согласна, — сказала она.

— Уверен, он может заплатить и больше. И даже если бы я согласился, мы не договорились бы о встрече сегодня. Уже слишком поздно для врача и клиники. Ты звонила туда?

— Да, они работают до половины девятого.

— Тогда нам легче будет договориться на завтра. Я обещал позвонить ему в восемь. Ты можешь приехать раньше?

— Конечно.

— Ты не рада?

— Я боюсь. Все слишком близко.

— Что близко? Встреча?

— Нет. Успех.

— Если бы это сказал я, ты обвинила бы меня в пораженческих настроениях.

Она засмеялась.

III

Я глотнул коньяку, а потом пропылесосил пол в гостиной. В шесть часов я позвонил в мотель «Кот д'Азур». Скурлети ответил почти сразу.

— Я решил последовать вашему совету. Условия те же, что и накануне.

— Прекрасно. И то же время?

— Да, время то же. Девять тридцать.

— У меня все готово. Тогда до вечера.

Кроме продуктов и чемодана, в котором лежали два экземпляра документов, Люсия привезла две бутылки шампанского.

Шампанское еще не остыло, но мы все равно откупорили бутылку.

Я позвонил Фариси.

На этот раз он снял трубку сам.

— Как я и предполагал, генерал, итальянцы не хотят отказываться от сделки. Они предлагают четыреста пятьдесят тысяч. Это тридцать две тысячи динаров.

— Хорошо. Мы заплатим тридцать пять.

— Одну минуту. — Я повернулся к Люсии. — Он предлагает тридцать пять тысяч динаров.

На долю секунды ее лицо оставалось неподвижным. Потом она сказала:

— Это четыреста девяносто тысяч франков.

— Мы соглашаемся?

— Да.

Я повернулся к телефону.

— Нас это устраивает, генерал.

— Но есть условия, — сказал он вежливо.

— Да?

— Вы не должны сообщать о нашем предложении итальянцам и использовать его для дальнейшего повышения цены. На этом торговля прекращается, иначе я буду вынужден считать, что вы не заслуживаете доверия, и сообщить французскому правительству через министерство иностранных дел в Париже о случившемся. Такие распоряжения я получил от своего командования.

— Я вас понял, генерал. Вы сделали предложение. Леди, которую я представляю, его приняла. Мы больше не будем иметь дело ни с итальянцами, ни с кем-либо другим.

— Прекрасно. Я также должен вам заявить, что прежде, чем осуществлять какие-либо выплаты и снимать деньги с банковского счета, я должен убедиться, что документы подлинные.

— С этим сложностей не будет. Вы знаете почерк полковника Арбиля?

— Да.

— Я могу показать вам несколько страниц, чтобы вы сами убедились.

— Когда?

— Завтра вечером.

— Где и как? Думаю, имеет смысл вам сообщить, что после нашего утреннего разговора я предпринял некие шаги, дабы убедиться в справедливости вашего предположения относительно наблюдения. Ваши опасения подтвердились.

Его напыщенность оказалась заразна.

— Предлагаемый мной план был составлен с учетом этого обстоятельства, генерал.

— Очень хорошо.

Я рассказал, что надо делать. Врач, кинотеатр и аптека не вызвали у него никаких возражений, но когда дело дошло до клиники, он начал задавать вопросы.

— Промывание желудка? Что это такое?

— Медицинская процедура, генерал. Довольно обычная. Что-то вроде клизмы.

Он не знал этого слова. Мне пришлось объяснить. Когда бригадный генерал понял, то возмутился.

— Почему я должен подвергаться подобным процедурам?

— Вы не должны подвергаться процедуре, генерал, — постарался успокоить его я. — Вы должны только записаться. Ваш переводчик объяснит, что надо сказать.

— Он может сам это сказать.

— Нет. Боюсь, наша встреча должна проходить с глазу на глаз.

— Майор Давали мой официальный помощник.

— И тем не менее. Ему придется подождать в аптеке. Сделает вид, будто разглядывает товары, пока вы ждете лекарство. С улицы это не вызовет подозрения.

— А вы будете во дворе?

— Да, в восемь часов.

— Хорошо.

Генерал задумался.

— Допустим, я буду удовлетворен результатами нашей завтрашней встречи, — сказал он, — как мы осуществим сделку? Я не могу идти в эту клинику второй раз.

— Конечно, нет. Надеюсь, мы придумаем что-нибудь еще.

— Мне осталось сказать вам только одно, — добавил он сурово. — Я отлично стреляю из пистолета. Имейте в виду.

— Меня это радует, генерал. Если мы попадем в переделку, я предоставляю отстреливаться вам. Спокойной ночи.

Я передал Люсии его последние слова.

Она пожала плечами:

— Военный.

— Интересно, как он выглядит. Судя по голосу, высокий и тощий, похож на язвенника.

— Ахмед сказал, что он маленький и полный. Да какая разница!

Она налила шампанского, отпила немного и вздохнула.

— Нервничаешь? — спросил я.

Люсия кивнула.

— Наверное потому, что мне больше нечего делать.

— Можешь пока подумать, на что потратишь деньги.

— Это я и так знаю.

— Ну и на что?

Она легонько поцеловала меня в макушку.

— Буду покупать дома. А ты что думал?

IV

Я приехал в «Реле» в четверть десятого и припарковался на том же месте, что и раньше, у заправочной станции. Было облачно и довольно тепло. Я вполне мог бы обойтись без плаща и шляпы, но решил, что лучше их не снимать. Однако револьвер я оставил на полу в машине — он сковывал движения.

Потребовалось меньше пяти минут на то, чтобы прикрутить туристические номера поверх обычных. Покончив с этим, я сел в машину

и закурил. К своему удивлению, я не чувствовал никакого особого волнения. Наверное, волнение Люсии каким-то образом приглушило мое собственное. Или я просто уже привык к обстановке конспирации и секретности. Или стал воспринимать Скурлети как идеального партнера, заслуживающего полного доверия. Поразмыслив, я решил, что последнее объяснение наиболее правдоподобно.

Он прибыл точно в назначенное время, как и накануне, и остановился в том же самом месте. Сегодня он стоял рядом с итальянским мебельным фургоном из Женевы. Как только Скурлети выключил фары, я подошел к его машине сзади, как раньше.

Точно так же голова повернулась в мою сторону, и так же блеснули зубы, точно так же в очках отразился свет вывески «Реле». Никто не скрючился на заднем сиденье, чтобы наброситься на меня, как только я открою дверцу.

Мы поздоровались.

— Наши планы на сегодня немного изменились, мистер Скурлети, — сказал я. — Моя машина здесь недалеко, за заправочной станцией. Не могли бы вы пройти туда?

— Конечно.

Он без колебания взял портфель, лежавший рядом с ним на переднем сиденье, и выбрался из машины.

Мы вернулись к «ситроену». Скурлети даже не взглянул на номер: торопился сесть в машину первым и открыть мне дверцу со стороны водителя.

— Нет, нет, спасибо.

Я отодвинул его на пассажирское сиденье рядом с водителем.

Когда я сел сзади, Скурлети повернулся ко мне:

— А-а, понимаю. Мы останемся здесь.

Мне показалось, он был разочарован.

— Вам кажется, это небезопасно?

— Нет, нет, вполне безопасно, я не сомневаюсь. Я просто подумал, что если между нами возникло взаимное доверие, вы можете отвезти меня в дом, где вы живете. — Блеснули зубы. — До Больё ведь совсем не далеко, а Канны по дороге на Антиб. И кроме того, я бы очень хотел познакомиться с мисс Бернади.

— Полагаю, здесь нам будет достаточно удобно.

Наверное, Скурлети почувствовал мое замешательство. Он негромко рассмеялся:

— Мистер Маас, неужели вы думаете, что в понедельник я тратил время попусту? Как только я понял, кто вы такой, я, естественно, еще раз заглянул в список адресов, которые вы так предусмотрительно мне продали, и понял, что он не полон. Поэтому я вернулся в муниципальный архив и внес те пункты, которые вы пропустили.

— Ясно.

— Я был немного обижен в то время, конечно. И ездить по всем этим домам в субботу и воскресенье было весьма утомительно.

— Мне очень жаль.

— Я не виню вас, — поспешно сказал он. — Вовсе нет. Я очень высоко ценю ваши умственные способности. Я бы на вашем месте поступил точно так же. А теперь давайте перейдем к делу.

Он открыл портфель, достал пухлый конверт и протянул его мне:

— Тут сто тысяч франков, мистер Маас.

— Сто?

— У меня есть еще один конверт такого же размера. Пока вы пересчитываете содержание этого, я буду проверять пакет, который, как вижу, вы приготовили. Мне кажется, это справедливое условие.

— Хорошо.

Он передал мне конверт, я ему — документы. Из портфеля были извлечены фонарь и увеличительное стекло, и Скурлети погрузился в работу.

Считать деньги оказалось несложно. Они были в пачках по десять пятисотенных бумажек, старых и новых, скрепленных за угол, как это принято во французских банках. Всего двадцать пачек.

Я положил конверт во внутренний карман и ждал, пока он изучит документы. У него на это ушло довольно много времени. Закончив, он выключил фонарик и задумчиво посмотрел на меня.

— Вы удовлетворены, мистер Скурлети?

— Документами? Да, вполне.

— Тогда...

— Но меня немного волнует одна вещь, — продолжал он медленно. — Или, скажем так, она волнует моих доверителей. Я сообщил им, что считаю вас человеком, заслуживающим доверия, и что, по вашим словам, донесение полковника Арбиля существует в единственном экземпляре.

— Да.

Я был рад, что в темноте, он не видел моего лица.

Скурлети прочистил горло.

— Теперь я должен сообщить вам нечто конфиденциальное. Я знаю, что могу положиться на ваше благоразумие. Почему? Потому что вы не сможете написать об этом в своей будущей статье, не упомянув о нашей сделке. — Он побарабанил пальцами по документам, показались зубы. — А я думаю, что упоминать о ней вы не захотите.

— Не захочу.

— Тогда я должен вам сказать, что когда мои доверители изучат эти документы, они могут, я повторяю «могут», решить, что в их интересах не препятствовать осуществлению операции «Даг». Более того, я даже могу вам сказать, что по результатам моего отчета о нашей вчерашней встрече

мне было поручено вступить в контакт с членами Комитета здесь, в Ницце, и дать им определенные гарантии.

Мне стало не по себе, но я ухитрился почти с безразличием произнести:

— В самом деле?

— Поэтому вы должны понимать, — продолжал он негромко, — что моим доверителям очень важно получить оригинал донесения, а также исключить любую возможность того, что список или фотокопия будут переданы бригадному генералу Фариси или другому представителю иракского правительства.

— Это я понимаю. Но как я уже говорил вам...

— Да-да, мистер Маас. Как вы мне сказали и как я передал, все в полном порядке. Но хоть мои доверители и готовы допустить, что вы вполне искренни, они не до конца уверены. Есть еще мисс Бернарди. Допустим, она вам не полностью доверяет.

— Думаю, это не так.

— Естественно, что вы так думаете. — Он широко ухмылялся, как человек, умудренный жизненным опытом. — Но с женщинами никогда нельзя ни в чем быть уверенным. Мистер Маас... — он постукивал по спинке сиденья, — теперь будут иметь значение только дела.

— Что вы хотите этим сказать?

Улыбку сменила гримаса.

— Если это оригинал и единственная копия донесения, — сказал он, — тогда сразу же, как только мы завершим сделку, у вас и мисс Бернарди не останется никаких дел, которые требовали бы от вас скрытности и секретности. Я прав?

— Думаю, да.

— И что тогда?

— Мы намерены пойти в полицию.

— И что вы там скажете?

— Примерно так: я убедил мисс Бернарди, что ее страхи безосновательны и что принадлежавшие полковнику документы надо передать полиции.

— Что за документы?

— Досье, которые полковник Арбиль вывез из Багдада до того, как попросить политического убежища в Швейцарии. Я так понимаю, что это сведения о высокопоставленных правительственных чиновниках Ирака, и если они будут опубликованы, то многие люди из иракского руководства окажутся сильно скомпрометированы. У полковника Арбиля оставались родственники в Ираке. Он захватил эти досье, чтобы застраховать их от репрессий.

— Да, понятно. — Скурлети на минуту задумался.

Я тоже думал. Мне надо было подготовиться к тому, что последует дальше.

— Это вполне убедительно, — произнес он медленно. — Когда вы пойдете в полицию?

— Завтра утром, я думаю.

— Почему не сегодня?

— Мисс Бернарди хочет сначала положить деньги в банк.

Он снова задумался.

— Да, думаю, будет трудно объяснить полиции происхождение денег. Это разумно. Но теперь, — его голос посерьезнел, — я должен сообщить вам о кое-каких неприятных вещах.

— Каких?

— Во-первых, бригадный генерал Фариси прибыл в Ниццу и находится под пристальным наблюдением агентов Комитета. Любой его контакт будет замечен. Я должен также сказать, что если вы и мисс Бернарди не обратитесь завтра в полицию, как, по вашим словам, собираетесь сделать, вы также привлечете внимание Комитета. Если вы зайдете так далеко, что попытаетесь установить контакт с генералом Фариси, это будет расценено как признак вероломства и враждебности по отношению к Комитету. Последствия для вас будут самыми неприятными.

Я сделал все, что мог.

— Мистер Скурлети, когда вы передадите мне второй конверт, о котором вы говорили, у нас не будет причин искать контактов с генералом Фариси или кем-либо из его окружения.

— Рад это слышать. — Он достал из портфеля второй конверт. — Мне было очень приятно познакомиться с таким умным и симпатичным молодым человеком как вы, мистер Маас. Думаю, у вас впереди большое будущее. Меня очень огорчала мысль, что вам предстоит иметь дело с людьми из Комитета. — Он передал мне конверт и постарался встретиться со мной глазами. — Поскольку в таком случае вам рассчитывать не на что.

Я сделал вид, будто пересчитываю банкноты.

— В моей профессии, — продолжал Скурлети задумчиво, — приходится встречаться с такими личностями, на которых лучше смотреть через решетку тюрьмы или сумасшедшего дома. Раньше таких называли «злодеями». Теперь предпочитают говорить «психопаты». На мой взгляд, это одно и то же. От таких людей у меня мурашки бегут по коже. Но можете мне поверить, редко мне случилось испытывать такие неприятные чувства, как при общении с курдским Комитетом и людьми, которые на него работают. Это просто звери: умные, жестокие и отвратительные. — Он замолчал. — Все в порядке?

Последний вопрос относился к деньгам. Он заметил, что я перестал их считать. На самом деле я изо всех сил старался сдержать позыв к рвоте.

— Да, все точно, — ответил я.

Он закрыл портфель.

— Тогда я пойду. — Он протянул мне руку. — Еще раз, мистер Маас, очень приятно.

Я ухитрился пожать его пальцы.

Он вылез из машины и пошел прочь.

Глава VIII

I

Я рассовал деньги по карманам и подождал, пока он отъедет. Потом закурил.

Через какое-то время руки перестали дрожать и ко мне вернулась способность думать. Размышляя, я вышел из машины, открутил туристические номера — жалкая предосторожность — и оставил их за пустой бензиновой бочкой. Потом медленно двинулся по дороге в сторону дома в Больё.

Прямо перед съездом к дому я увидел машину, припаркованную у ворот небольшой виллы. Фары не горели, но водитель сидел за рулем — я видел огонек сигареты. Возможно, он ждал кого-то с виллы, но я был абсолютно уверен, что это не так. Я проехал вниз по дороге еще метров пятьсот. Дорога здесь резко забирала вправо. Я остановился рядом с каменной подпорной стеной и вышел из машины.

Забравшись на крышу «ситроена», я видел за стеной круто поднимающуюся крышу дома, где ждала Люсия, и огни соседних строений. Между ними был треугольник очень крутого склона, на котором когда-то были террасы виноградников. Я видел их из окна спальни. С одной стороны стояла маленькая бетонная будка с металлической дверью, на которой было написано «Опасно для жизни!» — по-видимому, что-то, связанное с электричеством. Насколько я помнил, она располагалась прямо под внутренним двориком. Ее можно использовать как ориентир, когда самого дома будет не видно.

Стену я преодолел легко, в каменной кладке были оставлены отверстия для стока воды, куда можно поставить ногу, а с другой стороны до земли оставалось чуть меньше метра. Но взбираться вверх по склону оказалось труднее, чем я думал. Дожди промыли на склоне большие канавы, старые террасы поросли кустарником, камни летели из-под ног. Я не решался включить фонарик, а света от молодой луны было мало. Пришлось продвигаться зигзагами, сначала бредя вдоль одной террасы, а потом взбираясь на следующую. Два раза я падал. К тому моменту, когда я добрался до кирпичной стены, проходившей по границе земельного участка, силы у меня почти закончились. К счастью, стена была

невысокой: ее построили с таким расчетом, чтобы не закрывать вид из внутреннего дворика. Сверху на ней стояли цветы в горшках. Я убрал три и перелез через стену.

Люсия услышала шаги, погасила свет и открыла дверь прежде, чем я подошел.

— В чем дело? Я не слышала машины.

— Она внизу, на дороге.

Когда мы вошли в дом и снова включили свет, Люсия увидела, в каком состоянии моя одежда. К тому же я задыхался, словно от кого-то бежал.

Она смотрела на меня, не говоря ни слова.

— Все в порядке, — произнес я. — Деньги у меня. — Я достал два конверта. — Держи. Просто я взбирался в гору.

— Но зачем? Что случилось?

— Сейчас расскажу. Только отдышусь.

Люсия заглянула в конверты.

— У тебя пытались отнять деньги?

Я покачал головой и сел. Вторая бутылка шампанского стояла на журнальном столике. Рядом ожидали два бокала. Я открыл бутылку и наполнил их. Люсия села рядом со мной. Но как только я стал рассказывать, поднялась и стала ходить по комнате.

— За домом следят? — спросила она, когда я закончил рассказ. — Ты уверен?

— Абсолютно. Не сомневаюсь, что за твоим домом в Каннах тоже следят. Это вполне разумно, с их точки зрения. С этого момента и пока мы не обратимся в полицию, они будут следить за каждым нашим шагом.

Она остановилась и повернулась ко мне.

— И что ты намерен делать?

Я снова наполнил бокалы.

— Я вижу три возможности. Мы можем пойти в полицию завтра утром, как я обещал Скурлети. Деньги можно отнести в банк, как я тоже ему сказал, но я бы этого не советовал. Почти наверняка нас там узнают, и у нас будут неприятности другого рода. Думаю, если мы пойдем прямо в полицию, деньги надо спрятать здесь или в Каннах. И надо будет решить, что делать со вторым экземпляром донесения: передать полиции или тоже спрятать, а потом попытаться продать Фариси.

— Потом он не купит, — отрезала Люсия. — Решит, что мы продали итальянцам по более высокой цене, и уедет отсюда.

— Мы всегда можем с ним связаться.

— Тогда он решит, что нам не удалось продать итальянцам, и тоже не захочет платить. Хуже того, он попросит иракское представительство в Париже пожаловаться на набережную д'Орсэ, что мы нелегально завладели собственностью иракского подданного. Он бы давно так

поступил, если бы не боялся, что мы продадим документы кому-нибудь еще.

— Очень хорошо. Тогда возникает вторая возможность. Мы на время прячем деньги в безопасное место, идем в полицию и отсылаем Фариси вторую копию документов по почте в качестве подарка.

Последовало молчание. Я не смотрел на нее, но чувствовал, что Люсия внимательно меня изучает.

— Это то, чего бы тебе хотелось, мой друг? — сказала она наконец.

Я поднял глаза. Люсия стояла, вызываяще уперев руки в бока. Еще немного, и она влепит мне пощечину.

— Ну, тут все зависит от обстоятельств.

— Каких?

Я собрался с духом: следовало решаться на дальнейшие действия, но мне было страшно. В каком-то смысле это было похоже на самоубийство. Я глотал таблетки и запивал их водой и бренди совершенно автоматически, как будто руки и горло приводили в исполнение приговор, действуя независимо от тела, которому они принадлежали.

— От того, — ответил я, — сколько я получу из денег Скурлети. Мне нужно сто пятьдесят тысяч. Если тебя это устраивает, мы можем рано лечь спать, а утром встать с жаворонками, чтобы пойти в полицию.

Она так виртуозно выругалась, что я улыбнулся.

— Хорошо, рассмотрим третий вариант. Он сводится к следующему. Надо каким-то образом избавиться от всех этих людей — Скурлети, нанятых им агентов, членов Комитета — и прийти завтра в клинику на встречу с Фариси. Тогда — если мы к тому времени будем еще живы — нам останется только не умереть до того момента, когда мы сможем получить деньги. Что ты об этом думаешь?

Ее кулаки немного разжались, но она все еще не была уверена во мне.

— Я хочу знать, что думаешь ты.

— Если тебя интересует, пугает ли меня такая перспектива, то я отвечу: да, пугает. Если ты спрашиваешь, что, на мой взгляд, мы должны сделать, то я тебе уже сказал.

Люсия нахмурилась:

— Не понимаю.

— Я оставил машину на дороге и карабкался в гору практически на четвереньках. Не ради забавы, а лишь для того, чтобы человек, который следит за нашим домом, не узнал, что я вернулся, и не узнал, что мы ушли, если, конечно, мы не захотим поставить его в известность.

— А... — Она подошла и села рядом со мной. — Не надо так шутить, милый.

— А я и не шучу. Будь мы чуточку поумнее, плюнули бы на Фариси и довольствовались бы тем, что уже есть. Увы, мы, похоже, слишком глупые и жадные.

Люсия улыбнулась и потрепала меня по колену:

— Пусть глупые и жадные, зато хитрые и обаятельные.

— Обаяние тут не поможет. Нам надо исчезнуть по крайней мере на сутки.

— Тогда будем хитрыми.

— Давай попробуем. Исходим из того, что дом в Каннах тоже находится под наблюдением. И все равно нам надо сегодня туда возвратиться.

— Зачем? Я могу остаться здесь. Послезавтра домработница...

— Ты забыла. Как только они поймут, что мы их обманули и не намерены завтра идти в полицию, нас начнут искать и, если найдут, убьют. Необходимо спрятаться. А как насчет документов, которые мы собирались отдать полиции? Где они?

Люсия стукнула себя ладонью по лбу.

— Я идиотка!

— Они в том доме?

Она кивнула:

— В кладовке под террасой. Чемодан остался там.

— Надо достать их оттуда сегодня, а иначе мы вообще их не достанем. Можно попасть в дом так, чтобы с улицы было незаметно?

Люсия на минуту задумалась.

— За домом есть тропинка, рядом со старым каменным резервуаром для воды. Адель говорила, что его построили римляне. Там протекает ручей. Хозяин фермы, который владеет оливковой рощей, держит коз. Сейчас вода в ручье засолилась, но она стекает в резервуар и козы ее пьют.

— Из рощи мы сумеем пробраться в дом?

— Там изгородь, чтобы козы не заходили, но в ней есть калитка. Адель платит человеку, который доит коз, чтобы он поливал растения.

— А как попасть в оливковую рощу?

— Не знаю, но где-то должен быть вход. Мы его найдем.

— Сначала надо подумать, куда мы денемся после того.

— Есть квартира в Рокебрюне.

— Что за квартира?

— Адель дала мне ключи от трех мест, — объяснила Люсия, — от дома в Каннах, от этого дома и от квартиры в Рокебрюне. Летом она их сдает, а до мая там никого нет. Ключи от этого дома и квартиры в Рокебрюне она дала на случай, если мне понадобится срочно уехать и потому что сейчас в них никто не убирается.

— Сколько у Санже домов?

— Около двадцати, наверное.

— И сколько из них заняты в это время года?

— Три или четыре.

— Можешь не сомневаться, Скурлети знает про квартиру в Рокебрюне. Он легко нас найдет.

— Ему потребовалось два дня на то, чтобы проверить список, который ты ему дал.

— Теперь у него есть помощники.

Какое-то время мы сидели в мрачном молчании. Потом внезапно Люсия вскочила.

— Я знаю место, где они не будут нас искать! Дом Патрика в Мужене.

— Там живет горничная.

— Ее можно на несколько дней отправить погостить к сестре в Канны. Адель даст ей отпуск.

— А ты знаешь, где сейчас Санже?

— Конечно. На побережье, в Италии, около Сан-Ремо. Я могу им позвонить.

— Вряд ли они сейчас захотят нам помогать.

— Почему нет? Мы скоро идем в полицию. Патрик попадет в очень неловкое положение, если мы расскажем всю правду о том, как они с Аделью помогали мне раньше. Позвонить им прямо сейчас?

Я задумался. Вряд ли Сай по-прежнему стережет «Суризетт», и Скурлети почти наверняка вычеркнул виллу из своего списка, поскольку там живут другие люди. Если мы убедим Санже отослать горничную — а про нее известно, что она привыкла «располагать собой» в их отсутствие, — все может сработать.

Я кивнул:

— Хорошо. Стоит попробовать.

Люсии пришлось узнавать номер у оператора. Это была гостиница.

— У них там небольшой заводик, — объяснила она мне, пока ждала ответа, — по разливу безалкогольных напитков. Местные их хорошо знают. Сейчас там устанавливают новое оборудование, и вполне логично, что они приехали проследить.

Когда на звонок ответили, она попросила «синьору Чейз».

— Адель? Это Люсия... да, в порядке... ты читала газеты?.. Да, но возникли трудности... это всего на пару дней, и потом... нет-нет, не больше... нам надо куда-то переехать... ты понимаешь?.. если бы Мари могла поехать навестить сестру... нет-нет, Адель, дорогая, послушай... так будет лучше для всех, пойми... никаких скандалов, никакой огласки... Адель, послушай... да-да, конечно... он поймет.

Она улыбнулась мне:

— Адель советуется с Патриком.

Через полминуты я услышал в трубке голос Санже.

Люсия сказала:

— Привет, Патрик! Спасибо, хорошо. Да, он здесь. Одну секунду.

Она передала мне телефон.

— Он хочет поговорить с тобой.

Санже не стал тратить время на расспросы о моем здоровье, а сразу перешел к делу.

— То, о чем она просит, важно?

— Очень.

— Так, значит, вы еще не заключили сделку?

— Какую сделку?

— Да ладно, — ответил он раздраженно, — я в силах сложить два и два. Если я в прошлый раз свалял дурака, это не значит, что я и дальше буду так себя вести. Я все время думал, почему ты отказался от тридцати тысяч баксов. Мне просто в голову не пришло, что у тебя был вариант получше.

— Тогда не было.

— А сейчас есть?

— В какой-то степени да.

— И насколько больше?

— Вдвое.

Он присвистнул.

— И тебе надо сорок восемь часов, чтобы обстригать дельце? Так?

— Так.

— А что я с этого буду иметь?

— Неприкосновенность.

— Этого мало. Я хочу чего-нибудь посущественней.

— Подождите минуту.

Люсия безуспешно старалась проследить за ходом разговора.

— Чего он хочет? — спросила она.

— Он почуял запах денег и хочет свою долю.

— Ха! — Она всплеснула руками от возмущения. — Ты видишь, что он за человек?

— Он думает, что речь о шестидесяти тысячах долларов. Что мне ему сказать? Десять процентов?

— Шесть тысяч долларов.

— В данных обстоятельствах оно того стоит. В конце концов, ты все равно получаешь полмиллиона чистыми, даже немного больше. Нам надо где-то укрыться, Люсия.

— Это шантаж.

Она беспомощно пожала плечами.

— Неприкосновенность плюс десять процентов, — сказал я в трубку.

Санже хмыкнул:

— Вот это больше похоже на правду. Когда вы планируете заключить сделку?

— Послезавтра.

— Я скажу Мари, чтобы она оставила ключи в цветочном горшке, рядом с входной дверью. Она уедет завтра утром, на восьмичасовом автобусе. Сразу после этого — дом в вашем распоряжении.

— А нельзя ли раньше? К восьми часам будет совсем светло.

— Все так серьезно? Ладно. Я скажу Мари оставить дверь гаража открытой. Просто заезжайте и оставайтесь там, пока она не уедет. Вы можете ей доверять. Она сделает вид, будто вас не заметила. Но лучше бы она не видела вас в лицо — так будет безопасней. Договорились?

— Договорились.

— До встречи.

II

Мы положили деньги и вторую копию документов в мой чемодан вместе с моими вещами. Затем застелили постель и прибрались в доме, чтобы скрыть наиболее очевидные следы моего присутствия. Хотя Люсию очень расстроил поступок Санже, она по-прежнему не хотела подводить его жену. Чтобы не компрометировать Адель, наши объяснения в полиции не должны были противоречить истории, которую они соорудили вдвоем, когда Адель согласилась ее спрятать. Пока мы убিরались, Люсия мне ее пересказала.

Считалось, что Люсия в глаза не видела Адель Санже. Дом в Каннах она сняла еще до смерти полковника Арбиля, написав владелице письмо от имени некой мадам Берг. Они с Арбилем планировали провести здесь лето. Арендная плата была внесена авансом.

Адель Санже, если ее спросят, должна была сказать, что мадам Берг неожиданно приехала на три дня раньше. Позвонив ей по телефону, она рассказала печальную историю о пластической операции и попросила сдвинуть сроки аренды немного вперед. Мадам Санже не видела причин ей отказать. Дом все равно в это время года стоял пустой, а деньги были уже заплачены. Домработнице приказали пустить несчастную мадам Берг в дом. Мадам Санже с ней так и не увиделась.

— Это все прекрасно, — возразил я, — но как мы объясним, почему домработница не видела меня, когда я перебрался к тебе? Я знаю, что у нее плохое зрение, но даже в таком случае...

— Она приходила только по утрам. На это время ты запирался в кладовке.

— Полиция не поверит.

— Да какая разница? Никто уже ничего не докажет. Мы готовы?

Было уже за полночь.

Выключив весь свет, мы тихо вышли из дома. Люсия была одета в широкие брюки, и ей не составило труда перелезть через стену,

огораживающую участок. Я поставил цветы на место, и мы двинулись вниз по склону.

Я шел впереди, но поскольку у меня в руках был чемодан, я не мог помочь Люсии. На полпути вниз она поскользнулась и упала в канаву, с нее слетел парик. Нам пришлось его искать. Потом я подвернул лодыжку. Не сильно, но это еще больше осложнило дальнейший спуск. Когда мы добрались до заградительной стенки внизу, нам пришлось отдохнуть, прежде чем выбираться на дорогу. Оказалось, что отверстия для слива, которые я использовал как ступени, когда забирался наверх, отсюда не видно. Пришлось посветить фонариком. К счастью, за то время, что мы спускались вниз, не проехало ни одной машины, однако нам пришлось изрядно понервничать.

Я запер чемодан в багажнике машины, сел на водительское сиденье, включил фары, но не стал заводить мотор.

Люсия посмотрела на меня:

— В чем дело?

— Думаю, в какую сторону ехать.

Это было правдой только отчасти.

На самом деле я размышлял, не испугал ли меня разговор со Скурлети настолько, что мне повсюду стали мерещиться люди Комитета. Несомненно, тут сыграла свою роль физическая усталость от карабканья по склону и отнюдь не воображаемая боль в лодыжке, но мне внезапно захотелось убедиться, что человек, который сидел в машине на вершине горы, все еще там. Если его там нет, значит, я вел себя как шут гороховый, да еще и Люсию втравил в этот цирк.

— Через Больё, — сказала она, — мимо Пон-Сен-Жан.

— Через Корниш будет быстрее.

— А как же агент, который следит за домом?

— Если мы просто проедем мимо, он не обратит на нас внимания. А нам, возможно, стоит разглядеть его получше.

Она состроила мне смешную рожицу.

— Хочешь убедиться, что все эти акробатические фокусы были не зря? Отпираться было бессмысленно.

— Хочу.

— Ладно.

Я завел мотор, развернулся, на максимальной скорости вылетел из-за поворота и двинулся в гору.

До съезда к дому оставалось около пятидесяти метров, мне уже было видно потрескавшуюся каменную стену, отмечающую его начало, когда у стоявшей рядом с дорогой машины зажглись фары.

Свет на мгновение ослепил меня. Я почувствовал, что Люсия инстинктивно прикрыла глаза рукой. Выбравшись из полосы света, мы почти сразу оказались на крутом повороте на вершине горы. Я не снимал

ноги с педали газа. Проезжая мимо машины, я заметил, что теперь их стало двое. Второй сидел на мотоцикле с недоеденным бутербродом в руке. В зеркало заднего вида я видел, что он отбросил бутерброд в сторону и нажал ногой на стартер.

На бешеной скорости мы вылетели из-за поворота прямо на перекресток, расположенный сразу под Корнишем.

Люсия крикнула:

— Налево!

Я повернул налево. Дорога сразу же стала хуже, мы снова мчались вниз. Я резко затормозил, чтобы удержать машину на склоне. Последовала серия крутых поворотов, которые я проехал на опасной скорости, и мы оказались на окраине Вильфранша, прямо над портом.

Люсия смотрела назад.

— Наверное, они ушли вверх, на Корниш, — сказала она. — Думаю, они не заметили, что мы повернули. Остановимся, чтобы убедиться?

— Не стоит, — ответил я.

Я страшно злился на себя. Из-за моего малодушия мы оказались в опасности. Мы не только продемонстрировали, что знаем про слежку, но и что хотим от нее скрыться. Скурлети и его временным союзникам из Комитета не придется ждать до полудня, чтобы убедиться в нашем «вероломстве и враждебности». Я дал им знать заранее.

Люсия сказала:

— Ну, теперь мы знаем наверняка.

— К несчастью, они тоже. Мне бы следовало быть умнее.

— Не вини себя, милый. Они ведь все равно не видели, как ты вернулся. И значит, скоро начали бы тебя искать. Так что никакой разницы.

— Разница будет, если они нас найдут.

— Ну, надо постараться, чтобы не нашли.

Мы решили въехать в Канны со стороны Ванса и оставить машину подальше от улицы Карпоньяр. В Ницце Люсия показывала мне дорогу. Улицы были почти пусты, и мы доехали быстро. На выезде из Канн я сразу замедлил скорость, и Люсия стала искать дорогу, ведущую к ее дому.

Мы нашли ее почти без труда. Она шла к небольшой ферме и двум-трем коттеджам, а дальше тянулась по левой стороне долины, становясь все менее наезженной. Впереди был виден огород — ромбовидная полоса ровной земли, а за ним, выше по склону, — оливковая роща. Мы ехали вдоль заборов с ровными рядами стеклянных колокольчиков, а затем показались теплицы. За ними можно было разглядеть двухэтажный дом с пристройками.

Я остановился рядом с теплицами. Дорога явно вела к дому. Звук мотора разбудит собак, и они поднимут лай. Люсия решила, что мы и так

слишком близко. Я как можно тише сдал задом мимо забора, к границе участка. Затем развернул машину и остановился под платаном.

Вокруг было очень тихо, но в оливковой роще царило особое молчание. Толстые изогнутые ветви старых деревьев стояли, не шевелясь, и только листья слегка трепетали под порывами ветра. Когда мы поднимались, неподалеку мелькнул черный силуэт козы, а потом звякнула цепь. Вдали смутно виднелся каменный резервуар, и был слышен звук текущей воды. Через пару минут мы вышли на тропинку.

Она привела нас к воротам сада. Отсюда мы уже видели дом. Люсия тихо сняла защелку. Пружина была тугая, а несмазанные петли громко скрипнули, когда мы открывали калитку.

Во дворе росли высокие кусты, и за ними мне не было видно ничего, кроме мощенной кирпичом дорожки с низкими ступенями. Люсия показывала дорогу. Ближе к дому кусты редели и дорожка утыкалась в площадку с большим деревянным столом под навесом от солнца. Должно быть, в теплую погоду постояльцы обедали на свежем воздухе.

Поднявшись на три ступеньки вверх, мы подошли к проходу под террасой. Дверь в кладовку была справа.

Люсия порылась у себя в сумочке.

— Одну секунду, — сказала она. — Сейчас достану ключ.

— Тебе посветить?

Я взял с собой фонарик.

— Нет, я уже нашла.

Нам очень повезло. Мы разговаривали вполголоса. Конечно, мы предполагали, что за домом наблюдают с улицы, но до забора было довольно далеко. Думаю, на нас повлияла темнота, и поэтому мы шептались.

Я включил фонарик только тогда, когда она открыла дверь, и направил луч внутрь. Мы вошли.

Большая часть помещения была завалена садовой мебелью и инвентарем. На широкой полке лежали подушки от садовых стульев. Я не видел никакого чемодана.

— За подушками, — сказала Люсия.

Она взяла у меня фонарик и указала лучом в угол полки. Я стал убирать подушки. Через секунду я заметил чемодан. Это была реликвия, сохранившаяся от того времени, когда люди путешествовали на поездах, а не на самолетах. Сделанный из металла, с рядами заклепок и уголками из толстой кожи, он стоял у самой стены, под стропилами. Мне пришлось встать на стул, чтобы до него дотянуться.

В это мгновение пол на террасе над нашей головой скрипнул. Люсия затаила дыхание и выключила фонарь. Мы оба замерли. Пол скрипнул снова. Над нами кто-то ходил. Затем послышался шум голосов, явно мужских, слов было не разобрать.

Люсия снова включила фонарь и беззвучно произнесла одно слово: «Быстрее!»

Я достал чемодан и слез со стула. Люсия не выключала фонарь, пока мы не подошли к двери.

Мы снова оказались в проходе, и Люсия повернулась, чтобы закрыть дверь, но голоса слышались с другой стороны дома. Я схватил ее за руку и потащил вниз по ступенькам, к площадке. Луч света осветил дорожку впереди нас, и я толкнул Люсию в тень кустов.

Свет снова блеснул и стал ярче — человек с фонарем вышел в проход. Он сказал что-то своему напарнику и двинулся вперед. Когда он заметил открытую дверь кладовки, у него вырвалось восклицание.

Теперь я мог их разглядеть получше. У того, что с фонариком, на голове был мотоциклетный шлем. Второй был в шляпе, похожей на мою, и в руке держал пистолет. Человек в шлеме присел на корточки, а затем бросился в кладовку.

Мы не стали дожидаться развития событий. Я крепко схватил Люсию за руку: мы помчались вниз по дорожке и спрятались за густыми кустами.

Теперь нас было не видно, но мы все еще слышали, как эти двое переговариваются. Я не понимал слов; наверное, они обсуждали ситуацию. Затем их голоса затихли.

Я держал Люсию за руку: она вся дрожала. Подхватив чемодан, я двинулся вниз, к калитке. В этот раз мы открыли и закрыли ее очень тихо.

Все время, пока мы шли к машине, Люсия молчала.

— Это те, — произнесла она наконец, когда я ставил чемодан в багажник, — кто убил Ахмеда.

— Ты уверена?

— Абсолютно. Ошибки быть не может. Ты понял, о чем они говорили?

— Нет. Но мне кажется, я узнал язык. Это чешский.

Через полчаса я заехал в гараж дома Санже в Мужене. Фонарь перед входной дверью горел, но ни в одном из окон света не было. Оставалось еще пять часов до того времени, когда Мари уедет к сестре в Канны.

Гараж был устроен в переоборудованном каменном амбаре, частично расширенном и приспособленном под винный погреб. Штопора не было, но я нашел бутылку виски с отвинчивающейся пробкой.

Какое-то время мы сидели в машине и пили виски. Потом Люсия опустила голову мне на плечо и уснула.

III

Большую часть следующего дня мы проспали на широкой кровати в гостевой спальне дома Санже. Мари оставила нам записку с объяснениями, какую комнату занять и где взять еду.

Когда мы наконец собрались поехать, день уже клонился к вечеру. Убрав со стола, Люсия вдруг начала смотреть на часы и нервничать. Фариси правильно понял, что ему нужно делать? Я уверен? Уже пять часов. Интересно, он уже был у врача и получил рецепт? Скоро он должен идти в кино. Он знает, что должен говорить, когда зайдет в клинику?

Волнение Люсии объяснялось тем, что план встречи в значительной степени принадлежал ей. Она чувствовала за него ответственность. И после наших вчерашних приключений опасность вновь стала для нее зримой и осязаемой, как тогда в Цюрихе.

Я, как мог, старался ее успокоить, напустив на себя расслабленный и уверенный вид, но сделать это было нелегко. Я пытался не думать о встрече с Фариси, а тревога Люсии была заражительна.

Перед отъездом я немного выпил, но немного, самую капельку.

Мы решили, что имеет смысл подъехать к клинике на пятнадцать минут пораньше. Тогда люди, следящие за Фариси, не смогут меня заметить, и в то же время я пробуду во дворе не слишком долго и у меня будет меньше шансов быть опознанным случайным прохожим.

Я приехал ровно без четверти восемь.

Когда я осматривал двор в воскресенье, там стояло всего две машины, теперь их было три и еще мотороллер. Я ухитрился втиснуть «ситроен» на свободное место, но задачка оказалась непростой, и я весь взмок, пока с ней управился. Я закурил и постарался успокоиться. На встрече с бригадным генералом Фариси мне хотелось бы выглядеть спокойным и невозмутимым.

Без пяти восемь случилось непредвиденное. Во двор въехала машина и остановилась прямо перед моей, светя фарами мне в лицо.

Из нее вылез крупный краснолицый мужчина в кепке и галстук-бабочке и двинулся ко мне, размахивая руками.

— Что вы здесь делаете? — заорал он. — Это мое место.

Я включил фары, чтобы ему было труднее рассмотреть меня, и сказал, что уже уезжаю.

Но это не возымело никакого действия, он продолжал разоряться.

— Третий раз за неделю, — ревел он. — Это уже слишком! Это частная стоянка! — Он указал на знак. — Вы что, читать не умеете?

Я завел мотор и снова прокричал, что уезжаю.

— Я должен поставить в известность консьержа!

Он двинулся в сторону офиса. Его машина закрывала мне выезд. Я не мог ничего придумать, кроме как перегородить ему путь своим «ситроеном». Одновременно я наклонился к стеклу и прорычал:

— Я врач, меня сюда срочно вызвали к пациенту, а теперь мне надо вернуться в больницу.

Он колебался.

— Так что? — не сдавался я. — Так и будете загораживать проход или отодвинете машину, чтобы мы могли разъехаться?

Сердитый мужчина смотрел мне прямо в лицо. Оставалось только надеяться, что он не читает газет или у него плохое зрение.

Внезапно он воздел руки к небу, негодуяще фыркнул и снова залез в свою машину. Когда он сдал задом на улицу, я выехал за ним. Его фары снова осветили мое лицо. Я рванул вниз по улице, при первой же возможности повернул направо и только потом остановился. Убедившись, что он не узнал меня в последний момент и не бросился следом, я нашел свободное место на парковке магазина, который уже закрылся, и пошел обратно к клинике. Торопиться не имело смысла, я не хотел появляться во дворе раньше, чем скандалист закончит парковать машину. В любом случае ноги отказывались идти быстро — разве что в противоположном направлении.

Было ровно восемь.

Когда я вошел во двор, у меня кружилась голова и сводило живот. Я двинулся напрямик к двери клиники. Там никого не было, поэтому я ждал, размышляя, удастся ли мне сойти за сотрудника и как быть с генералом Фариси, если он придет. Вести его обратно в машину или лучше проделать все необходимые действия во дворе с помощью фонарика.

Неожиданно дверь открылась (от этого звука сердце у меня подпрыгнуло), из нее вышел высокий изможденный мужчина. Извинившись, он протиснулся мимо меня и поспешил прочь быстрой подпрыгивающей походкой.

Он напугал меня, зато подсказал мне мысль. Когда дверь открылась, я увидел внутри хорошо освещенную лестницу с небольшим холлом внизу. Если генерал согласится разговаривать шепотом, то мы вполне можем провести наше совещание там. По крайней мере в холле он без труда сможет прочесть образец. Вряд ли уходящие пациенты станут проявлять любопытство или захотят задержаться: тут это не принято. Я немного приоткрыл дверь, чтобы еще раз осмотреть холл, и услышал, как кто-то спускается по ступенькам. Я открыл дверь пошире и взглянул наверх.

Люсия говорила, что он невысокий и полный, а человек, спускавшийся по ступенькам, был скорее коренастым, но я сразу понял, что это генерал Фариси. Он выглядел неуверенно и скованно, как это часто бывает с военными, непривычными к гражданской одежде. На нем был хороший костюм — сшитый, вероятно, в Риме, — однако он застегнулся на все пуговицы и выбрал излишне яркий галстук. У генерала была смуглая гладкая кожа, коротко постриженные волосы, высокомерный нос и маленькие черные усы, подернутые сединой. Темные глаза смотрели настороженно.

Увидев меня, он остановился.

— Генерал Фариси? — спросил я.

Он двинулся вниз.

— Мистер Маас?

— Да. Генерал, у нас возникли осложнения. Во дворе нет места для моей машины.

Темные глаза оценивающе осмотрели меня с ног до головы.

— Так что вы предлагаете? Должен сказать, что за мной идут почти по пятам.

— Вы не возражаете, если мы останемся здесь?

Он задумался на минуту и внимательно огляделся:

— Тут нам могут помешать.

— Если мы будем говорить вполголоса, тут будет безопаснее всего.

— Хорошо.

Я протянул ему папку с бумагами.

Он достал очки и принялся изучать документы. Две минуты прошли в полной тишине.

Затем мы услышали голоса. Еще один пациент выходил из клиники. С верхней площадки донеслось тяжелое дыхание, и начался медленный спуск.

Генерал вопросительно взглянул на меня.

— Наверное, нам стоит ненадолго выйти, — сказал я.

Он кивнул и захлопнул папку. Мы вышли во двор.

Через несколько мгновений дверь отворилась и оттуда показался приземистый широкоплечий мужчина: он пыхтел и болезненно горбился, опираясь на обтянутую кожей трость. За ним тянулся тяжелый запах мочи.

Мы с генералом Фариси вернулись в холл.

Больше нам никто не мешал. Закончив читать, генерал кивнул:

— Пока меня все устраивает. Когда я смогу получить документ целиком?

— Завтра, генерал.

— И где?

— Я позвоню вам сегодня вечером.

— А нельзя ли сказать сейчас?

— Потом.

— Нам надо действовать очень осторожно. — Его темные глаза снова оглядели меня оценивающе. В самом деле, заслуживал ли я доверия?

— Не сомневайтесь, — сказал я твердо. — Деньги будут во французских франках?

— Да. Я так понимаю, что, получив деньги, вы и эта женщина уедете из страны?

— Нет, мы сдадимся полиции.

— Изложив им свою версию?

— Совершенно верно. Разумеется, в этой версии не будет упоминания о нашей сделке. Мы передадим им личные бумаги полковника Арбия.

— Что за бумаги?

— Насколько я понимаю, незаконченная рукопись его книги по истории курдского народа.

Фариси, по-видимому, это устроило.

— Мне пора, — сказал он. — Я буду в отеле ждать вашего звонка.

Кивнув, он повернулся и пошел вверх по лестнице.

Я подождал, пока он не скрылся из виду, и вышел во двор. Все выглядело как раньше. Я двинулся под арку, чувствуя огромное облегчение. Потом остановился.

Прямо перед воротами стоял мужчина в мотоциклетном шлеме. Я увидел его, когда он откатывал свой мотоцикл назад, чтобы поставить на стоянку. Потом он зашел в арку и, оглядываясь по сторонам, направился во двор. Очевидно, они надолго потеряли генерала из виду и поэтому послали своего человека проверить черный ход.

Я стоял в тени. У меня мелькнула мысль пройти между припаркованными машинами, а потом выскочить наружу, но я быстро понял, что это бессмысленно. Даже если я окажусь на улице раньше, чем он, мне все равно надо добраться до машины, а у него пистолет, да еще мотоцикл в придачу. Единственное, что я мог сделать, — вернуться в клинику, пока он не зашел во двор и не заметил луч света из открывшейся двери.

Зайдя в холл, я сразу же осмотрел замок. Это оказался обычный цилиндрический замок с рычажком, который не позволял ему автоматически защелкиваться, когда дверь закрывалась. Там была еще и задвижка, но я подумал, что не стоит с ней возиться, и просто освободил рычажок. Теперь пациенты по-прежнему могли свободно выходить, но если человек в мотоциклетном шлеме решит открыть дверь с той стороны, ему это не удастся.

Впрочем, это давало мне лишь краткосрочное преимущество. Я не мог оставаться здесь долго. Было уже двадцать минут девятого, скоро уйдут последние пациенты, а за ними и персонал клиники начнет расходиться по домам. Стоять тут совершенно бессмысленно. Если меня заметят, обязательно начнут задавать вопросы и в конце концов неизбежно опознают. Надо уходить.

У меня не было другого пути, кроме как наверх.

С верхней площадки лестницы я попал в узкий короткий проход, ведущий в коридор. Пока я раздумывал, в какую сторону идти, по коридору пошел мужчина в белом халате — врач или медбрат.

Остановливаясь было нельзя: я, сжав зубы, уверенно вышел в коридор и повернул налево.

Моя догадка оказалась верной: этот путь вел к выходу в аптеку. Рядом со стойкой регистратуры я заметил две комнаты для ожидания, разделенные стеклянными перегородками, и дверь — явно входную. Увы,

за стойкой сидела высокая угловатая женщина в белом халате. Она энергично разбрызгивала вокруг себя какую-то дезинфицирующую жидкость из ручного пульверизатора.

Пол в коридоре был покрыт резиновыми ковриками, и она не замечала меня, пока я с ней не поравнялся. Я прошел через облако водяной пыли, пробормотав что-то вроде «доброй ночи», и направился к двери.

Уже взявшись за ручку, я услышал:

— Месье, эта дверь закрыта! Вам нужно...

Я не стал дожидаться конца фразы. Дверь действительно была закрыта, но ключ оставался в замке, и я отпер ее за одну секунду. Не успела она за мной захлопнуться, как я уже пересек лестничную площадку и сбежал вниз. К счастью, на следующей двери, ведущей в аптеку, не было замка, а только доводчик.

Через небольшой стеклянный кружок с названием клиники можно было рассмотреть часть зала и входную дверь.

Три минуты, прошедшие с тех пор, как я убрался со двора, не показались мне часами, но я решил, что уже прошло десять-пятнадцать минут. Мне думалось, что генерал Фариси давно ушел и его преследователи уехали вместе с ним. Я проскользнул в аптеку, двинулся к выходу и был в десяти футах от двери, когда увидел, что генерал еще здесь.

Он стоял у прилавка, где делают лекарства по рецептам, и по-прежнему ждал, пока ему изготовят снотворное, которое он якобы собирался купить. Рядом с ним стоял мертвенно-бледный мужчина с отвислой верхней губой и недоуменными, как у потерявшей след гончей, глазами — вне всякого сомнения, майор Давали, переводчик.

Меня охватил ужас, но в следующую секунду я отвернулся от двери и отошел в противоположный конец магазина. Там я углубился в изучение ближайшего прилавка, который должен был скрыть меня от наблюдения с улицы.

Это оказался прилавок с туалетной бумагой по сниженным ценам. Я не мог бесконечно на него пялиться, не вызывая подозрений, поэтому украдкой изучал другие возможности. Рядом располагался прилавок с духами, но там стояла продавщица. Я сместился к витрине под названием «ГИГИЕНА», где были выложены пластиковые мыльницы, подставки для зубных щеток, резиновые уточки и шапочки для душа. Женщина рядом со мной разглядывала мыльницы, и я старался притвориться ее скучающим мужем. Когда она наконец сделала выбор, я развернулся в противоположную сторону и уставился в витрину с бандажами и эластичными чулками «от расширения вен».

Отсюда я мог видеть Фариси. Он наконец получил свои порошки и теперь с помощью майора Давали расплачивался за них.

Лампы горели очень ярко: в их свете все казалось белым и сияющим, даже пол. У меня по лицу струился пот. В любую минуту кто-нибудь мог посмотреть мне в лицо, отвернуться, а потом повернуться снова и начать указывать на меня соседу. Но пока Фариси не ушел, путь на улицу был отрезан. Вернуться в клинику я тоже не мог, дверь наверняка уже снова закрыли.

Фариси забрал свое снотворное и в сопровождении Давали двинулся к двери. Даже теперь он не торопился. Он давал представление для слезки. Остановившись перед прилавком с витаминами, генерал обменялся парой реплик с майором Давали. Потом его внимание привлек прилавок, где было выложено мыло. Наконец он вышел, нарочито прижимая к груди коробочку с порошками.

Но я все равно не мог уйти. Мне надо было дождаться, пока они уедут. Сместившись в сторону спринцовок, я мог видеть, что творится на улице. Они стояли на краю тротуара, и Давали яростно махал руками, очевидно, подзывая такси. Сердце у меня упало. В такое время найти свободное такси в Ницце почти невозможно. И все же каким-то чудом им это удалось. Когда они отъехали, я начал медленно смещаться в сторону двери, считая про себя: я хотел дать им по меньшей мере минуту, чтобы они успели убраться.

На улице я низко опустил голову и сразу повернул направо, подальше от переулка и двора. Сначала я шел медленно, затем постепенно ускорил шаг. На улице было много народу, и трудно было понять, идут за мной следом или нет. Да к тому же по-прежнему существовал риск быть узнанным: от фонарей на улице было светло, как днем. Оставалось надеяться на лучшее. Десять минут спустя я добрался до машины.

Мне хотелось посидеть и собраться с мыслями, но я не стал искушать судьбу. Вместо этого я вытер вспотевшие трясущиеся руки носовым платком и поехал обратно в Мужен.

В окнах виллы «Суризетт» горели огни, и, заехав в гараж, я понял почему. На месте для второй машины стояла «лянча гран туризмо».

Встретить героя с войны вместе с Люсией вышел Филип Санже.

IV

Люсия бегом бросилась ко мне. Санже следовал за ней неторопливым шагом.

— Как все прошло? — спросила она, задыхаясь.

— Нормально. Не совсем по плану, но нормально. Главное, благополучно кончилось. А что он здесь делает?

Санже был достаточно близко, чтобы услышать вопрос.

— Ну, поскольку я теперь в доле в вашем совместном предприятии, я решил на всякий случай приехать. А вдруг вам понадобится помощь.

— Бойтся за свои денежки, — угрюмо сказала Люсия.

Санже хмыкнул.

— Успокойтесь, дети, успокойтесь. Имейте уважение к моим седидам. — Он посмотрел на меня. — Полагаю, вы не откажетесь от выпивки.

— Не откажусь.

— Тогда пройдем в дом.

Люсия бросила на меня предостерегающий взгляд.

Санже внимательно смотрел, как я снимаю шляпу и пальто, и произнес «ай-ай-ай», когда увидел пистолет. Я передал Люсии папку с образцами документов.

— Это и есть ваша собственность?

— Скорее, ее входные ворота.

Он прошел через гостиную, заметив на ходу:

— Дайте подумать, вам ведь виски со льдом и содовой?

— Да, буду очень признателен.

Санже подошел к столику с напитками в алькове.

— Люсия как раз рассказывала мне о нашем предприятии.

— Не все, — ответила она с нажимом, имея в виду, что не говорила Санже о Скурлети и о том, сколько должен заплатить Фариси.

— Естественно, не все. В конце концов, я только младший партнер. Но то, что я услышал, меня очень заинтересовало. — Минуту спустя Санже вернулся на свое место и передал мне виски. — Похоже, вы тут проявили чудеса героизма.

— Пьер держался великолепно, — с вызовом сказала Люсия, словно Санже пытался меня критиковать.

— Нисколько не сомневаюсь. — Он сел. — Так что произошло сегодня?

Я отпил половину стакана и посмотрел на Люсию.

Она пожала плечами.

— Говори, это уже не важно.

Казалось, Санже не задевает ее враждебность; сам он держался с добродушной снисходительностью.

Я рассказал им, что было в клинике.

Когда я закончил, Люсия выглядела встревоженной.

— Это слишком опасно.

— Ну, может быть, и слишком. — После глотка виски мне стало гораздо легче. — На завтра надо придумать что-нибудь получше. Я обещал позвонить ему вечером. Но об одном мы можем не беспокоиться.

— О чем?

— О самом генерале, — сказал я. — Он ведет себя очень хладнокровно. Фариси не из тех, кто легко теряет голову. И он в точности

исполняет приказы. Теперь нам надо только решить, что ему приказывать. Я думал об этом по пути сюда. Можно ли заказать личный самолет из аэропорта Ниццы?

— Наверное. А зачем?

Я встал.

— Вот какая идея... Завтра утром он идет в туристическое агентство и бронирует билеты на самолет в Париж, улетающий во второй половине дня. Те, кто за ним следит, сразу об этом узнают. Потом он возвращается в гостиницу, звонит в аэропорт и договаривается о чартерном самолете в Канны примерно в то же время, о чем слежке станет известно лишь в самый последний момент. В Каннах он берет такси и где-нибудь недалеко отсюда встречается со мной. Скажем, на поле для гольфа. Ну, как вам?

Люсия на миг задумалась.

— Отлично.

— Единственно, мы должны сначала выяснить насчет чартерного самолета. И надо тщательно выбрать место встречи. Чтобы у таксиста не возникло подозрений.

Санже, который до этого молча за нами наблюдал, вдруг разразился хохотом. Люсия сердито на него посмотрела.

— Может, расскажете, что тут смешного? — спросил я.

— Вы, — едва смог выговорить он.

Поставив стакан на место, Санже вытер лицо платком.

— Прошу прощения, действительно очень смешно...

— Вы про план?

— Нет, нет. План остроумный. Я смеялся над вами. — Он снова захохотал.

— Да? — Я начинал злиться.

— Прошу прощения... Вы бы себя послушали. Сначала приключения в клинике, потом план... — Санже восхищенно покачал головой и улыбнулся мне. — Знаете ли вы, мой друг, как сильно вы изменились за последние несколько дней?

— У меня голова была занята другим, — сказал я нетерпеливо. — Да и сейчас тоже.

— Сравните, — изумленным тоном продолжил он, — печального молодого человека с испуганными глазами, молодого человека, всего неделю назад извиняющегося за сам факт своего существования... сравните его с хитрым заговорщиком, за которым охотится полиция и наемные убийцы и который строит планы продажи секретных сведений иностранным державам.

Он снова расхохотался, не в силах сдержать смеха.

Тут рассмеялась и Люсия. На фоне всеобщего веселья только я сохранял кислую мину.

— В последнюю неделю были совсем другие обстоятельства, — напомнил я.

Санже энергично затряс головой.

— Нет, нет, — сказал он, наконец отсмеявшись. — Это не ответ. Мне кажется, я знаю, что вам по вкусу. «Новая злость», — сказал я. Какая глупость! Ваша злость стара, как горы. Просто все эти годы она сидела в вас глубоко запечатанная, как в человеке, который стал полицейским вместо того, чтобы стать мошенником. Или это сублимация? Не важно. Суть в том, что кража вам по душе. Терапия! — Санже снова захихикал. — Знаете, что сразу следовало сделать врачам? Послать вас грабить банки!

К моему глубокому удивлению, идея меня позабавила. Но Люсия вернула нас на землю. Она посмотрела на часы:

— Уже поздно. Давай узнаем про самолет.

Я сказал:

— По-моему, чартерные рейсы летают двадцать четыре часа в сутки. Я позвоню в аэропорт Ниццы и проверю. Я даже могу забронировать самолет для Фариси. Тогда ему останется только оплатить. И заказать билет на парижский рейс, конечно.

— Наливай себе еще, — сказала Люсия. — Я позвоню в аэропорт.

Она уже двинулась к телефону, когда Санже замахал руками:

— Подождите минуту, дети мои, подождите одну минуту!

— Пьер должен скоро звонить Фариси.

— Знаю, знаю. Позвонит ему через минуту. А сначала давайте подумаем. — Он взял мой стакан и отправился за новой порцией. — Давайте все тщательно обдумаем.

Люсия пожала плечами:

— Что тут обдумывать?

— Я сказал, что план Пьера — можно, я буду называть вас Пьером? — остроумный. Но он совсем не безупречный. Более того, он очень опасный. Позвольте, я объясню вам почему.

Мы подождали, пока Санже вернется на место.

— Во-первых, на мой взгляд, вы недооцениваете противников. Из вашего рассказа очевидно, что тут орудует не просто кучка людей с ограниченными ресурсами. За ними стоят могущественные силы. Пьеру сегодня повезло. Но мы не можем полагаться на удачу. Мы не можем себе позволить любительства. Давайте подробно рассмотрим план. Пьер считает, что, поднявшись в воздух, Фариси становится для них недостижимым. Вовсе не обязательно. Даже для такого короткого перелета, как от Ниццы до Канн, выписывается полетное задание. Пункт назначения Фариси будет известен с самого начала. Откуда вы знаете, что у ваших противников нет агента на побережье, которому они могли бы позвонить?

Я сразу вспомнил про Скурлети в Антибе.

— Вы говорите, у них есть агенты на мотоциклах, — продолжил Санже. — Если добавить к чистому времени полета между Ниццей и Каннами еще взлет и посадку, мотоциклист будет здесь едва ли не раньше. Выбрать другой аэропорт, подальше? Динь? Экс-ан-Прованс? Пьеру придется ехать за сотни километров, возможно, при свете дня, чтобы успеть на свидание, и каждый километр повышает риск быть узнанным.

Он замолчал. Люсия нахмурилась.

— А теперь еще один момент. На месте генерала Фариси я бы на этот план не согласился. Одно дело — Пьер: он отдает документы и получает взамен деньги. Другое дело — Фариси, которому нужно доставить эти документы своему правительству. Куда он с ними пойдет? Обратно на самолет? Он не доберется живым.

— Да, ему не стоит и пытаться, — кивнул я. — Впрочем, полагаю, генерал способен сам о себе позаботиться.

— Возможно. И вряд ли он сочтет незнакомое поле для гольфа хорошим местом для передачи бумаг. Да и как его винить? В любом случае в этом нет никакой необходимости.

— В чем?

Он сгорбился, руки у него подрагивали.

— Во всех этих сложностях.

— У вас есть план проще?

— Конечно. — Санже выглядел немного удивленным. — Я думал, вы уже догадались.

— Пока что нет.

— Вопрос лишь в том, — он вопросительно посмотрел на Люсию, — сочтете ли вы его приемлемым.

Ее глаза сузились.

— Хорошо, расскажи нам, в чем состоит твой план, Патрик.

Санже сосредоточился, крутя в руках какие-то мелочи.

— Пьер ужасно рисковал. Ты, моя дорогая Люсия, тоже. Когда-нибудь ваше везение кончится. С другой стороны, у вас появился партнер, который пока не испытывал свою удачу.

Он замолчал. Люсия сжала губы.

Санже одарил ее дружеской улыбкой.

— Люсия никогда не доверяла друзьям, хотя они доказали свою верность на деле.

Она повернулась к нему вся красная от гнева.

— Я сказала, что не выдам Адель, и я ее не выдам!

— И меня тоже, я надеюсь.

Санже посмотрел на меня, как бы ища поддержки. Ох уж эти женщины!

— Так что вы задумали? — спросил я просто.

— Ладно, к делу. — Он уселся поудобнее. — Люсия объяснила мне, что вы намерены сдать полиции. Думаю, вам надо пойти туда завтра прямо с утра.

Люсия и я одновременно стали возражать. Он поднял руки — сама оскорбленная невинность.

— Дети, погодите! Не надо так кричать! Вы хотите послушать или нет? Мы замолчали.

Чуть подождав, Санже негромко продолжил:

— В тот момент, когда вы придете в полицию, случится сразу несколько вещей. Во-первых, агенты Комитета лишатся почвы под ногами. Они будут задавать себе вопрос о причинах такого поступка и не находить ответа. Если вы отдали документы французской полиции, очень скоро они окажутся на руках у полиции Ирака, с ужасными последствиями для заговорщиков, планирующих операцию «Даг», и всех, кто с ними связан. Вместо того чтобы нападать, им придется обороняться. Если одновременно с этим генерал Фариси возьмет билет на первый же рейс в Анкару, Халеб или Багдад, их опасения подтвердятся. Они решат, что ему приказали возвращаться домой. Конечно, наблюдать за ним не перестанут, но будут это делать с гораздо меньшим рвением. Вы согласны?

— Дальше.

— Вас допрашивает полиция. Генерал Фариси возвращается домой. Похоже, все закончено. Кто обратит внимание, что некий месье Санже снял номер в одном отеле с генералом Фариси? Кто заметит, что генерал Фариси на пути к лифту немного задержался, чтобы перемолвиться с месье Санже? Никто. — Он вытянул руки. — Сделка состоялась.

Я посмотрел на Люсию. Она встретила со мной глазами и устало вздохнула.

— Это не лишено смысла, милый.

— Да, но есть одно «но». Фариси должен сходить в банк, чтобы получить деньги. Наверняка их это насторожит.

Санже ухмыльнулся:

— Готов поспорить, что Фариси уже побывал сегодня в банке и договорился, чтобы деньги доставили ему завтра курьером. Я бы так и поступил на его месте. Это очевидная мера предосторожности. Конечно, ни в чем нельзя быть уверенным на сто процентов. Некая доля риска сохраняется. Отсюда последний вопрос.

— О вашей доле?

— Совершенно верно.

Люсия даже не вздыхала. Она сдалась.

— Что вы предлагаете?

— Треть?

Люсия простонала. Я тоже простонал, молча, но сочувственно. Теперь придется назвать ему сумму, о которой я договорился с Фариси. Я попробовал поторговаться:

— Пятнадцать процентов.

— Мы ведь уже договорились на десять процентов, — запротестовал Санже. — Не думаете же вы...

— Пятнадцать процентов от четырехсот девяноста тысяч франков, — сказал я. — Столько должен заплатить Фариси.

Мне доставило удовольствие посмотреть, как в первый момент у него отвалилась челюсть. Затем Санже опомнился.

— Ничего себе! — только и смог сказать он.

— Семьдесят три тысячи пятьсот франков! — подсчитала Люсия. — Семьдесят три тысячи лишь за то, чтобы снять номер в отеле!

— И еще за идею и определенный риск!

— Риск? После всего того, что сделал Пьер?

— Тогда я беру назад свое предложение, — жизнерадостно сказал Санже. — Пусть Пьер сам снимает номер в гостинице.

— Скотина!

— Так мы договорились?

Она посмотрела на меня.

— Договорились, — кивнул я.

Через пять минут, когда мы обсудили детали, я позвонил Фариси и сообщил ему условия обмена. Он горячо их одобрил. Похоже, посещение клиники оставило у него столь же неприятное впечатление, как и у меня. Возник только один вопрос.

— Когда этот человек позвонит, как я буду знать, что это он? Вы должны дать ему пароль.

— Да, согласен. Пароль будет «Этос».

Мне пришлось произнести слово по буквам, но шутка того стоила. Однако веселился один лишь Санже.

V

Десять минут спустя, после дальнейших обсуждений, я позвонил Саю Логану в его парижскую квартиру.

К телефону подошла жена. Очевидно, они уже легли спать. Я слышал, как она сказала:

— Это сукин сын Маас.

Сай ответил не сразу; очевидно, включал магнитофон.

— Привет, Пит, — произнес он как ни в чем не бывало, — давно не виделись.

Похоже, решил оставить упреки и обвинения на потом.

— Кажется, неплохая получилась статья, — начал я. — Надеюсь, ты справился с последствиями без особых трудностей.

— Нельзя сказать, что меня это порадовало. Откуда ты звонишь?

— С юга. Я подумал, что, возможно, вы захотите напечатать продолжение истории.

— Возможно.

— Не слышу энтузиазма. Я могу связаться с «Пари матч».

Сай подскочил как ужаленный.

— Не советую, Пит. Если, конечно, не хочешь отвечать в суде. У тебя с нами действующий контракт, забыл? Тебе по-прежнему платят зарплату и будут платить, пока не истечет контракт. Распоряжение из Нью-Йорка.

Я рассмеялся.

— Понимаю. Будет некрасиво, если вы сейчас меня вышвырнете.

— Это наше дело. Но пока ты все еще работаешь на нас. Так о каком продолжении речь?

— Боб Парсонс все еще здесь?

— Да. А в чем дело?

— Я убедил мисс Бернарди сдаться полиции и передать ей все бумаги полковника Арбиля, какие у нее есть.

— Послушай, мерзавец, если ты опять выкинешь...

— Я не собираюсь ничего выкидывать. Если Боб Парсонс, только Боб Парсонс и никто другой, будет ждать меня с машиной в том месте, которое я укажу, он сможет отвезти нас в полицейский комиссариат Ниццы и получить всю историю из первых рук.

— Ты серьезно?

— Совершенно. Я все это время над этим работал. Она не разрешала связываться ни с тобой, ни с полицией.

— А сейчас она согласилась сотрудничать?

— Да, я ее убедил. Естественно, она волнуется.

— Ты сказал, Боб Парсонс. А как насчет фотографа?

— Хорошо, пусть еще фотограф. Но больше никого.

— Больше никого и не надо. Где ты хочешь, чтобы тебя встретили?

— В Кань-сюр-Мер. Лучше дай мне поговорить об этом с Бобом, чтобы не было утечки информации. Где он остановился?

— В Негреско. Я его сейчас предупрежу. Можешь ему перезвонить?

— Хорошо. Если мне не удастся с ним связаться, пусть ждет в северной части площади в Нижнем Кане. Записал? И вот еще что. Хорошо бы он захватил с собой адвоката. Я все объясню, но мало ли что полицейским в голову взбредет. Мисс Бернарди тоже может понадобиться защита. Она по-прежнему очень напугана, никак не оправится от пережитого ужаса. Ну, это, в общем, понятно.

Я старался говорить взволнованно.

На Сая это подействовало.

— Не беспокойся, Пит. Мы пригоним тебе морскую пехоту и целый взвод адвокатов. Главное, не подведи.

— Я же не подвел тебя с интервью?

— Да, Пит, только не выкини чего-нибудь, как в тот раз, хорошо?

— Пусть Боб ждет меня завтра утром. Спокойной ночи.

На сей раз оба слушателя были довольны.

— Они пришлют адвокатов? — недоверчиво спросила Люсия. — Чтобы те проследили за всем в полиции?

— Обещали прислать. Я не хочу провести завтрашнюю ночь в тюрьме. Кроме того, у нас на завтра намечена встреча с нашим другом — мы должны забрать у него деньги.

Санже просиял и многозначительно посмотрел на Люсию:

— Нет, ты видишь? Что я говорил! Он прирожденный аферист. Вы просто созданы друг для друга.

Глава IX

I

На следующее утро Санже высадил нас вместе с чемоданом Арбиля примерно в километре от условленного места в Нижнем Кане. И сразу занервничал, когда мы намекнули, что неплохо было бы подъехать поближе.

— Я должен сегодня быть в Ницце по вашему делу, — отрезал он. — Если друзья Пьера решили улучшить отношения с полицией, заранее сообщив им о ваших намерениях, это существенно осложнит ситуацию.

Пришлось выйти из машины и пройти оставшееся расстояние пешком. Навстречу попало несколько прохожих, но никто не обратил на нас никакого внимания. Подумаешь, мужчина и женщина с тяжелым чемоданом!.. Люсия надела парик, а я — шляпу. Хотя мы были довольно далеко от дома на улице Карпоньяр и тех, кто за ним следил, все равно не стоило без надобности рисковать.

Боб Парсонс стоял возле своей машины в условленном месте и озирался по сторонам, фотограф рядом с ним держал аппарат на изготовку. Как ни странно, они не замечали нас до тех пор, пока мы не подошли на расстояние нескольких метров.

Фотограф распознал нас первым и сразу же приступил к делу. Я представил Боба Люсии. Она ухитрилась одновременно выглядеть жалкой, безучастной и слегка не в своем уме и отказалась снять парик для фотографа, заявляя, что ей по-прежнему грозит опасность. Это я настоял, чтобы она пошла в полицию, сказала Люсия; возможно, зря она меня послушалась. Боб Парсонс явно начал нервничать; когда я

вполголоса предложил ему отозвать фотографа и сесть в машину, он сразу же согласился.

Боб Парсонс мне всегда нравился. Он был родом из Сан-Франциско, лет примерно сорока, с длинным худым лицом и безобидным юмором. К тому же отличный репортер. По пути в Ниццу Боб ухитрился вытащить из нас заготовленную для полиции историю и, более того, указать нам на несколько дыр, которых мы не заметили. Вдвоем с Люсией мы сумели залатать их, хоть нам и пришлось поволноваться; как выяснилось позднее, возможность провести генеральную репетицию оказалась просто бесценной.

С согласия Люсии Боб остановился почти перед самым комиссариатом и послал фотографа вперед, чтобы тот снимал наше прибытие. Она также скинула парик и шарф и положила их в сумочку. Я снял шляпу.

В комиссариате нам устроили сущий ад.

Сай, как и обещал, пригласил трех адвокатов, чтобы представлять наши интересы, но почти сразу стало ясно, что от полиции так дешево не отделаться. Адвокатам заявили, что, поскольку мы как ответственные граждане явились добровольно и против нас не выдвинуто (пока) никаких обвинений, наши интересы не нуждаются в защите. Поскольку мы не находимся под арестом (пока), нам не нужны законные представители. Если они, адвокаты, считают, что их клиенты виновны в каких-либо преступлениях, то пусть скажут.

Адвокаты решили на время умерить свою прыть. Мы оказались предоставлены сами себе.

Люсия была великолепна и так убедительна, что я даже забеспокоился. Один впечатлительный помощник комиссара настолько проникся сочувствием, что решил вызвать врача, чтобы тот вколол успокоительное. Ей пришлось спешно ослабить воздействие на публику. Вместо врача на консультацию пригласили какую-то угрюмую матрону из женской тюрьмы. Она прописала чашку горячего шоколада.

Вскоре после этого нас разделили. Мне пришлось снова повторять свою историю. Почему я сразу не обратился в полицию? Я не мог злоупотребить доверием мадемуазель Бернарди. Но если я считал, что ее страхи не имеют под собой никакого основания, я должен был поставить в известность полицию? Вначале у меня не было никакой возможности понять, что ее страхи беспочвенны. Читал ли я документы, которые хранятся в чемодане? Нет. Почему? Я не читаю по-арабски. Мадемуазель Бернарди говорила мне, что содержится в этих документах? Нет. На чем, по-моему, основаны ее страхи? На том, что говорил ей про эти документы полковник Арбиль, и том факте, что его убили люди, их искавшие.

Это тянулось бесконечно. Мои часы остановились, и я потерял чувство времени. В какой-то момент мне принесли поесть. Потом допрос возобновился.

Я жил в доме в Каннах, верно? Как же так получилось, что домработница не заметила следов моего присутствия? Ничего удивительного, у нее очень плохое зрение. Где я спал? В кладовке. Где именно? На подушках от садовой мебели. Как я побрился сегодня утром? Мадемуазель Бернарди одолжила мне бритву. Может быть, я делил с леди еще и постель? Задайте этот вопрос самой леди. Буду ли я возражать, если меня подвергнут личному обыску? Пожалуйста, обыскивайте.

И так далее и тому подобное.

Очевидно, уже далеко за полдень меня перевели в какую-то комнату для ожидания. Через пару минут появился Боб Парсонс, а с ним один из адвокатов — важного вида невысокий круглолицый мужчина.

Боб выглядел усталым.

— Что ж, Пит, — сказал он, — пока тебе расслабляться рано, но вроде бы ты вне подозрений. Мэтр Казье говорит, тебя не станут задерживать.

— А что с Люсией?

— Несколько часов назад прилетели копы из Цюриха, сейчас с ней беседуют. Она может сказать им что-нибудь, чего не было в интервью?

— Нет, ничего.

— Тогда ее тоже скоро отпустят. Хотя возникла одна проблема.

— Какая?

— Коллеги-журналисты. На улице вас караулит около пятидесяти человек.

— О Боже!

— Я поговорил с Саем, а он, в свою очередь, — с Нью-Йорком. Для нас еще слишком рано. Текст мы им отошлем по телетайпу примерно через час. А фотографии, сделанные сегодня утром, уже улетели в Париж. Парочку тех, что получше, мы оставим для себя, а остальное отдадим агентствам.

— Так как быть с теми, кто ждет снаружи?

— Ну, пусть снимут тебя с девушкой, а что касается заявлений, полицейские ясно дали понять, что первыми говорить будут они, да и то после того, как разведслужбы изучат бумаги Арбиля. Так что вам предписано помалкивать.

— Уже кое-что. Когда мы отсюда выберемся?

— Думаю, что сразу, как только отпустят Люсию.

В разговор вмешался мэтр Казье:

— Есть одна небольшая трудность, месье Маас. Полиция высказала пожелание, чтобы вы и мадемуазель Бернарди оставались в Ницце и ежедневно приходили в комиссариат. Это просьба разведывательного управления. Возможно, когда документы Арбиля будут переведены, вам захотят задать еще вопросы.

— Понятно. Ну, хорошо.

— Тут возникает другая трудность, Пит. — Боб Парсонс смутился. — По крайней мере мне это представляется трудностью. Не знаю, как тебе. Видишь ли, я забрал твои чемоданы из гостиницы, которая рядом с вокзалом. По словам мэтра Казье, Люсия намерена вернуться в свой дом в Каннах — арендная плата все равно уплачена вперед. Полиция не против. Похоже, Люсия считает, что ты поедешь с ней. Вроде как у вас была договоренность.

— Она говорит, — твердо и даже требовательно сказал мэтр Казье, — что поскольку вы убедили ее сдаться полиции, она рассчитывает, что вы останетесь с ней и будете защищать ее от назойливых журналистов. Что она согласилась лишь после того, как вы дали ей такое обещание.

Мне стоило большого труда сохранить невозмутимое выражение лица.

— Возможно, я что-то такое обещал...

— Поскольку полиция требует, чтобы вы из страны не выезжали, я не вижу оснований для нарушения данного обещания.

У него был очень строгий вид: очевидно, Люсия произвела сильное впечатление.

Я по-прежнему изображал нерешительность:

— Ну...

— Позвольте напомнить, — продолжил мэтр Казье сурово, — в прессе уже высказывались различные предположения о ваших взаимоотношениях с леди. Если вы в такую минуту оставите ее, это произведет на публику очень плохое впечатление. Она француженка. А вы представляете американское издание.

— Вероломный американец, — саркастически пробормотал Боб Парсонс. — Сначала воспользовался ее историей, а потом бросил бедную девушку на растерзание волкам.

Он посмотрел мне прямо в глаза. Притворяться не было смысла, он явно догадался, что мы с Люсией любовники.

Я повернулся к мэтру Казье:

— Хорошо, если она просит, я так и сделаю. У меня, правда, нет машины. Если мы должны каждый день докладывать полиции, без машины будет трудно.

— Можешь взять мою, — быстро сказал Боб. — Твои чемоданы уже в багажнике. Я сегодня возвращаюсь в Рим. Уладим вопрос с прокатом перед моим отъездом завтра утром.

С его лица не сходила широкая ухмылка. Он явно был доволен. Я тоже, но по другой причине. Если бы не мэтр Казье, я бы улыбался во весь рот.

II

В семь вечера, измотанные до предела, мы наконец покинули комиссариат и вырвались из лап фотографов. Самые неугомонные следовали за нами на машинах и на мотоциклах. На улице Карпоньяр нас уже ждала еще одна группа фотографов. Снова защелкали затворы. Однако минут через двадцать толпа поредела, и мы смогли заехать во двор.

В девять я выехал со двора и закрыл за собой ворота. На улице дежурили лишь два фотографа и одинокий репортер. Мадемуазель Бернарди очень устала, сказал я им, и легла спать. С ней осталась сиделка, которую мы пригласили заранее. Никто не поинтересовался, какие у меня планы на вечер. Теперь я стал для них лишним конкурентом.

Я спустился с холма на шоссе в Ванс, а затем повернул в переулок, который вел на ферму.

Люсия ждала меня у входа в оливковую рощу, где мы останавливались двумя днями ранее. На ней снова были парик и платок. Я надел шляпу. Люсия захватила бутылку шампанского, чтобы отпраздновать удачное завершение сделки. Окольными дорогами мы весело доехали до виллы «Суризетт».

Санже встречал нас с радостным дружелюбием врача, который посмотрел рентгеновские снимки и сделал вывод, что болезнь не так опасна, как представлялось вначале.

— Полагаю, у вас был непростой день, дети мои. Я слышал по радио.

Он отправился к столику с напитками.

Люсия многозначительно посмотрела на меня.

— Да, день выдался тяжелый, — сказал я. — Но если наши новости вы уже знаете, то, может, расскажете свои? Вам удалось встретиться с Фариси?

— Разумеется.

Он вернулся с бренди для Люсии.

— Ну и?

— Встреча была короткой, однако очень интересной. Незаурядный человек. Очень.

Мы ждали, пока Санже нальет мне виски, а себе кампари с содовой.

— И?

Он скорбно покачал головой:

— Дети, мы ошиблись в расчетах.

— Вы получили деньги? — не выдержала Люсия.

— Получил, но не все.

Санже тяжело вздохнул.

— Сколько?

— Как я уже говорил, мы неправильно подсчитали. — Он отхлебнул из своего стакана. — Вам надо было подождать с походом в полицию. И получилось так, что его помощник... Как его зовут?

— Давали.

— Да, Давали. Он слышал новости по радио. Там говорили, что вы передали полиции секретные документы. Фариси внезапно решил, что вы его обманули. В результате он отказался от сделки. Мне было очень трудно его переубедить.

Я вскочил на ноги.

— Бред! Он знал, что мы намерены передать бумаги Арбиля полиции. Я ему говорил. Это незаконченная история курдского народа.

Санже пожал плечами.

— По радио сказали «секретные документы, которые были переданы в Главное разведывательное управление». Естественно, он решил, что я отдал ему не все. Мне было очень трудно его переубедить.

Люсия тоже вскочила на ноги. Глаза ее блестели.

— Сколько, Патрик? — Она почти кричала. — Сколько?

Санже вздохнул.

— Половина, — ответил он кротко.

— Ложь!

— Половина. Двести сорок пять тысяч франков. Я вам сейчас покажу. Он двинулся к сейфу.

Люсия сорвала с головы парик и швырнула им в Санже, но не попала.

— Дети мои, успокойтесь.

— Грязная скотина!

— Не надо нервничать.

— Мерзавец!

— Пьер, скажите ей, чтобы она перестала кричать.

— Я сам сейчас закричу, — сказал я. — А еще позвоню генералу Фариси и поинтересуюсь, какую сумму он вам передал.

— Генерал улетел пятичасовым рейсом. — Санже укоризненно улыбнулся. — Перестаньте, дети мои. Двести сорок пять тысяч франков, за вычетом моих семидесяти трех тысяч, дает вам почти сорок тысяч долларов. Неплохая цена за стопку пожелтевшей бумаги, на которой...

Еще десять минут оглушительных споров ушло на то, чтобы снизить его комиссию с семидесяти трех до сорока трех тысяч. Все это время он не терял самообладания и благожелательной снисходительности. Ничего удивительного, поскольку почти наверняка вторая половина денег была у него где-то припрятана.

Он мог себе позволить говорить откровенно:

— Дорогая, ты ведешь себя глупо. Ради тебя я бы не стал сюда возвращаться. Если бы не Пьер и все те гадости, которые он может написать про меня в своем журнале, я бы, наверное, давно уже был в

Италии. А поскольку Пьер тоже в деле, он вынужден будет молчать. Так что мы друзья.

Санже не спросил о размере моей доли — думаю, его это не очень интересовало, но, передавая Люсии двести двадцать две тысячи и глядя, как она мрачно заталкивает их себе в сумку, он высказал соображения о моей дальнейшей судьбе:

— Знаете, идея Пьера про журнал — совсем неплоха. В качестве инвестиции, я имею в виду. Впоследствии она может приносить неплохой доход. Я бы тоже принял участие. Только тут возникает одна проблема. Это надо оформить как общество с ограниченной ответственностью, иначе риск неоправданно велик. Но по французским законам держателем основного пакета может быть только гражданин Франции. А значит, Пьеру надо найти кого-то, кому бы он мог доверять.

Люсия на минуту задумалась, потом пожала плечами.

— Это его дело. — Она многозначительно посмотрела на меня. — Пьер, не забудь забрать из спальни наши вещи.

— Да, конечно.

Санже, улыбаясь, подошел ко мне.

— Я возьму револьвер, если не возражаете. Он принадлежит Адели. И ключи от ее машины тоже.

— Конечно. Можете меня не провожать. Я помню дорогу.

В какой-то момент я испугался, что он все равно пойдет за мной, но нас спасла Люсия. Она опрокинула бокал с бренди.

— Прошу прощения, — услышал я ее расстроенный голос, когда поднимался по лестнице, — я ужасно перенервничала. Еще бы! Считаешь человека своим другом, а выясняется, что он думает только о своих интересах. У меня до сих пор дрожат руки!

Два конверта, набитые полученными от Скурлети деньгами, я нашел там, где мы их спрятали: под ковром в спальне. Я положил их в карманы, забрал чемодан и спустился вниз.

Санже был, по обыкновению, весел и добродушен, когда провожал нас к машине.

— До свидания, дети мои, до свидания. Я передам Адели от вас привет, — сказал он нам на прощание.

III

Только когда мы выехали из Мужена, Люсия упомянула о деньгах Скурлети.

— Все в порядке, милый?

— Да. — Я похлопал себя по карману.

Снова последовало молчание. Затем она спросила:

— А главным акционером действительно может быть только гражданин Франции?

— Не знаю, но мы можем выяснить.

Я достал из карманов один за другим два конверта и передал их Люсии.

Она поцеловала меня в щеку.

— Четыреста тысяч...

— Четыреста две тысячи, — поправил я ее.

— Надо рассчитаться с домработницей. Я обещала оплатить ей операцию на глазах.

— Да, правда.

Люсия улыбнулась и положила руку мне на колено.

— Я никогда не забываю своих обещаний, милый, — сказала она, а потом добавила задумчиво: — Мэтр Казье был очень внимателен сегодня. Пожалуй, имеет смысл обратиться к нему за советом.